М. Я. Мирзабеков

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М. Я. Мирзабеков

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)

Махачкала 2010

ББК 63.3 (2Р-6Д)
М 63

Рекомендовано к изданию ученым советом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор *Г.Ш. Каймаразов*

Рецензенты:

Б.Б. Булатов, доктор исторических наук, профессор
Г.А. Искендеров, доктор исторических наук, профессор
В.Д. Юнаева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)

Монография посвящена освещению модернизационных процессов в культуре народов Дагестана в 90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в. Делается попытка всестороннего объективного анализа проникновения новых составляющих, соотношению традиционного и нового в культуре многонационального региона в условиях проникновения капиталистических отношений и в первые два десятилетия советской власти.

Книга рассчитана на специалистов-историков и широкий круг читателей.

ISBN 978-5-944341-57-0

instituteofhistory.ru

© Мирзабеков М.Я., 2010

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Светлой памяти моих родителей,
Яхьи Мирзабековича
и Кизай Абдулхаликовны,
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Современный период развития Российского государства характеризуется глубокими сущностными преобразованиями и изменениями в экономике, общественно-политической и духовной жизни всех народов страны. В условиях осуществления либеральных рыночных реформ, демократизации и провозглашения курса на строительство правового, социально ориентированного государства огромное значение придается разворачиванию модернизационных процессов, которые имеют глубокие исторические корни в российском обществе.

Приступая к анализу модернизационных процессов в культуре народов Дагестана, необходимо определить исходные позиции к понятию «модернизация». Думается, что наиболее оптимальным, выражающим сущностные черты теории модернизации, является следующее ее определение: «Теория модернизации – это концепция общественно-экономического и политического развития, которая объясняет процесс перехода от стабильного «традиционного» к современному индустриальному обществу, которое беспрерывно изменяется. Понятие модернизации охватывает исследование кардинальных общественных изменений в различных измерениях: исторического процесса (внутри него) – историческая раннекапиталистическая модернизация в странах западной цивилизации; модернизация в условиях бюрократического государственно-монополистического капитализма и современные изменения в странах, которые отстают от передовых, общества как системы (синхронный анализ экономической, социально-политической и культурной модернизации); модернизация человеческой личности. Различают два вида модернизации: первичную, где зарождалась индустриализация; вторичную – в странах, которые

только начинают интегрироваться к уже существующей системе модернизированных стран»[1].

Наиболее рельефно модернизационные процессы в России наблюдались в пореформенный период, когда после отмены крепостного права открылись благоприятные условия для ускорения темпов новых капиталистических отношений. Страна сделала огромный скачок в своем индустриальном развитии. На рубеже XIX –XX вв. в России сложился своеобразный историко-художественный период, который его современники назвали «серебряным веком» русской культуры, впитавший художественные традиции, эстетические и моральные идеалы «золотого века» предшествующего времени[2]. Назревали условия для перевода страны на новые рельсы развития.

Наиболее выпукло модернизационные процессы во второй половине XIX – начале XX вв. проявились на нерусских окраинах Российской империи, где традиционные общественные отношения, культура и уклад жизни народов, в том числе мусульманских которые подверглись радикальным изменениям под влиянием развивающегося вширь российского капитализма. Все более настоятельной становилась задача осуществления преобразований, открывающих простор новым отношениям. Царизм вынужден был учитывать это, реализовывал ограниченные реформы, прежде всего в интересах имущих слоев.

В октябре 1917 г. в стране произошла смена общественно-политического строя. Новые политические силы, пришедшие к власти, приступили к осуществлению кардинальных преобразований во всех сферах жизни многонационального государства. Модернизационные процессы в стране в новых условиях осуществлялись на иной экономической основе и принципах развития социально-культурной жизни. Этот период характеризовался усилением административного нажима и запретительными, репрессивными мерами, насаждением в обществе атмосферы страха и подавления личности. Тем не менее, социально-классовая база преобразований расширилась. Послеоктябрьский период, несмотря на трагические страницы и события, просчеты и ошибки, характеризовался существенным ускорением экономического и социально-культурного развития народов страны, в том числе и нерусских районов.

[1] Новейший философский словарь. Ростов н/Д., 2005. С. 396.

[2] *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России с древнейших времен до наших дней: Учебник. М., 1999. С. 339.

В прошлом Дагестан – одна из национальных окраин Российской империи, народы которого на протяжении многих веков создали уникальную самобытную культуру. В многонациональном горном крае, как и других окраинах империи, в условиях развития российского капитализма вширь возникает и получает развитие промышленность. Новые отношения проникают, все более усиливаются и в дагестанском селе. Потребности общественного развития обуславливали зарождение нового и в духовной жизни дагестанских народов. Царская администрация, вынужденная считаться с новыми запросами и потребностями, стремилась ограничить их масштабы. Политика официальной власти в этом контексте была непоследовательной, робкой, носящей ярко выраженный классовый характер. Хотя в модернизационных процессах в этот период административный ресурс и запретительные меры имели место, они не определяли ход развития событий, процессов и преобразований.

Ситуация в многонациональном регионе с установлением советской власти существенно изменилась. Новым правящим политическим силам Дагестана в первые годы советской власти, учитывая специфику региона и высокую религиозность его населения, приходилось скрывать свои цели и лавировать. Однако по мере утверждения новых властных структур они все более открыто выступали против традиционных духовных ценностей дагестанских народов, их традиций и обычаев, стремились определить иное направление их духовного развития, привнести в регион принципиально отличную культуру. Ввиду противодействия и прямого отказа подавляющего большинства местного дагестанского населения следовать в русле этой политики властные структуры республики стали широко использовать административный нажим, запретительные меры и прямые репрессии к носителям традиционных исламских духовных ценностей. Иными словами, модернизационные процессы в культуре дагестанских народов, преследуя иные классовые цели, носили во многом принудительный характер, особенно в 20-е годы XX в. Тем не менее, они были знаменованы нарастающим проникновением новых знаний и духовных ценностей в широкие массы коренного населения республики, повышением их образовательного и культурного уровня. Однако

этот процесс сопровождался нигилистическим отношением к традиционным духовным ценностям дагестанских народов, невосполнимыми потерями в этой области.

Перед обществоведами стоит исключительной научно-теоретической и практической значимости задача глубокого и объективного анализа и обобщения опыта развития модернизационных процессов в культуре дагестанских народов. Это поможет властным структурам лучше понять своеобразие и особенности духовного развития дагестанских народов на современном этапе развития, определенить стратегию модернизационных процессов в культуре национальных регионов страны.

В монографии с привлечением широкого спектра архивных, статистических данных, материалов периодических изданий, сборников документов и других источников, автор делает попытку воссоздать целостную картину модернизационных процессов, происходивших в многонациональном Дагестане, в конце XIX в. – 30-е годы XX в. Для освещения данной научно-исследовательской темы мы обозначили следующие задачи:

– рассмотреть традиционную культуру дагестанских народов конца XIX – начала XX вв.;

– проследить развитие экономики и его влияние на модернизационные процессы в культуре Дагестана в 90-е годы XIX – 1917 г.;

– оценить экономические и политические условия модернизации социально-культурной жизни народов Дагестана в 20–30-е годы XX в.;

– показать разработку национально-культурной политики Советского государства и деятельность органов власти республики по ее реализации в 20-е годы;

– проанализировать усиление новых составляющих в материальной культуре и быте дагестанцев в первое десятилетие советской власти;

– охарактеризовать нарастание новых составляющих в образовательной системе народов региона в 30-е годы;

– вскрыть дальнейшее усиление нового в духовном облике дагестанцев во втором десятилетии советской власти;

– выделить традиционное и новое в быту жителей города и села республики в 30-е годы.

Хронологические рамки исследования охватывают 90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в. Эти временные рамки вместили период проникновения и развития новых капиталистических отношений в горном крае, смены общественно-политического строя, становления и утверждения новых социалистических общественных отношений в стране и республике. Они позволяют в динамике проследить и дать сравнительно-сопоставительный анализ модернизационных процессов в культуре дагестанских народов в различных общественно-политических и социально-экономических системах, соотношение традиционного и нового в их культуре на рассматриваемом в исследовании историческом этапе.

В дагестанской историографии вопросы культуры и культурного развития конца XIX – первых десятилетий XXв. являются одним из наиболее активно и плодотворно разрабатываемых научно-исследовательских тем. Изданы ряд обобщающих монографических исследований, посвященные общим проблемам культуры и культурного развития дагестанских народов за большой временной отрезок[1]. Немало серьезных научных разработок, анализирующих те или иные аспекты этой большой темы[2].

В этих работах с привлечением богатого фактического материала воссоздана объективная научная картина развития культуры и повышения культурного уровня населения республики, в том числе и в обозначенный нами хронологический период. Раскрывая общие зако-

---

[1] *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959; *Каймаразов Г.Ш.* Культурное строительство в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала, 1960; *Его же.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971; *Мирзабеков М.Я.* Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998; *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города в XX в. Махачкала, 2007.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе (По материалам Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР). М., 1988; *Его же.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989; *Его же.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007; Его же. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). Махачкала, 2008; *Исмаилов А.Р.* Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала, 1970; *Магидов Х.Г.* Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. Махачкала, 1998; *Зульпукарова Э. М-Г.* Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции. Конец XIX – середина XX века. Махачкала, 2003 и др.

номерности и региональные особенности духовного прогресса народов региона, авторы приводят немало фактов и конкретных примеров новых составляющих в их культуре.

Значительное внимание роли передовых представителей демократической русской интеллигенции в приобщении дагестанских народов к современным знаниям, культуре уделено в исследованиях А.С. Гаджиева, В.Г. Гаджиева, М.М. Гасанова, А.И. Свистуновой и других историков[1].

В дагестанской исторической литературе немало обобщающих монографических исследований, в комплексе анализирующих социально-экономическое, общественно-политическое, духовное развитие многонационального региона на тех или иных этапах или за весь XX век[2]. В них нашли отражение вопросы помощи России и русской интеллигенции в развитии экономики, решении социально-культурных проблем Дагестана в истекшем столетии.

Однако следует отметить, что при всей важности и значимости проделанной исследовательской работы по интересующей нас проблеме культура дагестанских народов в контексте модернизационных процессов специально еще не рассматривалась. Автору представляется, что монографическое исследование модернизационных процессов в культуре народов Дагестана явится полезным вкладом в отечественную историографию, позволит лучше понять потери и приобретения дагестанцев в культуре в один из самых важных и значимых периодов их истории.

Для воссоздания целостной и объективной картины истории модернизационных процессов в культуре народов Дагестана автором

---

[1] *Гаджиев А.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала. 1964; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965; *Гасанов М.М.* Дагестан в составе России (вторая половина XIX в.). Махачкала, 1999; *Свистунова А.И.* Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX в.). Махачкала. 1973 и др.

[2] *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х кн. Махачкала, 2006. Кн. 1., Махачкала, 2007. Кн.2; *Даниялов Г.-А.Д.* Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала, 1960; *Булатов Б.Б.* Дагестан на рубеже XIX–XX вв. Махачкала, 1996; *Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане 1920–1980 гг. М., 1982; *Гусейнов М.Ш.* Россия и индустриальное развитие Дагестана конец XIX – 30-е годы XX в. Махачкала, 2004 и др.

привлечен широкий спектр разнохарактерных источников. Среди них особое место занимают материалы различных фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД).

Для освещения сюжетов темы, относящихся к концу XIX – началу XX в. нами привлечены материалы ряда дореволюционных фондов ЦГА РД. Среди них особый интерес представляют фонды 2 – (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области), 21 – (Дагестанский статистический комитет).

В материалах этих фондов автора интересовали данные о состоянии экономики Дагестанской области, создании и развертывании новых светских учебных заведений, уровне материального благосостояния населения. В этих фондах имеются и сведения об отношении царской администрации области к традиционным мусульманским конфессиональным школам и т.д.

Исключительным богатством по интересующей нас теме отличаются материалы фондов ЦГА РД послеоктябрьского периода.

Ценный материал о руководстве партийных организаций культурным строительством, радикальных преобразованиях в экономике и культуре многонационального региона сосредоточен в фонде 1 – (Дагестанский обком КПСС). Здесь представлены материалы областных партийных конференций, пленумов, бюро обкома партии, отчеты горкомов и райкомов, первичных партийных организаций, отчеты, докладные записки и справки министерств, ведомств и других организаций в обком партии.

В фонде р-37 (Центральный исполнительный комитет ДАССР) особого внимания заслуживают материалы Вседагестанских съездов Советов. В них представлены обобщенные итоговые данные об экономическом и социально-культурном развитии республики за тот или иной отрезок времени. В фонде хранятся решения ЦИК и съездов Советов республики о развитии сети советских образовательных учреждений, об ограничении деятельности традиционных конфессиональных учебных заведений, мусульманского духовенства и др.

В фонде р-168 (Совет Народных Комиссаров ДАССР) имеются богатые документы и материалы, отражающие практически все аспекты модернизационных процессов в культуре народов республики. Они позволяют проследить потери и нарастание новых составляющих в их культуре.

В фонде р-22 (Комитет Республики Дагестан по статистике) сконцентрированы статистические отчеты о сети общеобразовательной и специальной школы, контингенте обучающихся в них, сети и деятельности учреждений культуры. Материалы фонда позволяют судить об охвате образовательными учреждениями детей, обслуживании учреждениями культуры местного населения.

Для освещения деятельности властных структур по развитию общеобразовательной и специальной школы, созданию новой многонациональной интеллигенции Дагестана особый интерес представляют материалы фонда р-34 (Народный Комиссариат просвещения ДАССР). В нем хранятся решения органов власти по различным вопросам образования, справки о сети и материальной базе, охвате новыми учебными заведениями детей, молодежи. Особый интерес для исследования нашей темы имеют статистические данные о половом и национальном составе учащихся общеобразовательных школ, высших и средних специальных учебных заведений, сведения о дагестанской молодежи, обучающейся в вузах и техникумах за пределами республики.

Значительный интерес для изучения данной темы представляют материалы фонда р-178 (Представительство Дагестанской АССР при ВЦИК). В нем представлена переписка республиканского руководства с центральными наркоматами и ведомствами, содержатся сведения о материально-финансовой помощи Центра Дагестану, о специалистах, направляемых в республику по путевкам различных наркоматов и ведомстви.

Материалы указанных и ряда других фондов ЦГА РД нашли отражение в предлагаемом вниманию читателя исследовании. Автором монографического исследования использованы материалы ряда документальных публикаций[1].

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1958; Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1960; Образование Дагестанской АССР (1920–1921 гг.): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1962; История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.): Документы и материалы. Грозный, 1973; Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927–1940 гг. В 2-х Ч: Сб. документов. Махачкала, 1976; Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг. Сб. документов. Махачкала, 1980. Т.1; Репрессии 30-х годов в Дагестане (Документы и материалы). Махачкала, 1997; Наука и высшая школа в Дагестане 1918 – июнь 1941 гг. Документы и материалы. Махачкала, 2003. Т.1; Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 2006. Т. 1; Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 2007; Власть и мусульманская религия в Дагестане 1917–1991: Документы и материалы. Махачкала, 2007. Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. В 2-х Ч. Махачкала, 2006. Ч. 1, Махачкала, 2007. Ч. 2 и др.

Особый интерес для нас представляют материалы документальных публикаций: «Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.». Сб. документов. Т. 1. и «Власть и мусульманская религия в Дагестане 1917–1991. Документы и материалы». Сотрудниками ЦГА РД и отдела историографии и источниковедения и историографии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН была проделана большая поисковая работа по выявлению, систематизации, археографической обработке документов и материалов при подготовке этих сборников. В сборники вошли сотни документов и материалов по интересующей нас теме, большинство которых опубликовано впервые.

В сборник документов «Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.» включены решения партийных, советских органов, отчеты, справки, докладные записки и другие материалы, в которых раскрывается многогранная деятельность властных структур, общественных организаций по созданию и развитию образовательных учреждений, учреждений культуры, укреплению их материальной базы, привнесению новых составляющих в культуру дагестанских народов.

Для изучаемой нами темы особый интерес представляют два раздела: «Религиозная политика органов государственной власти и управления в Дагестане в первые годы советской власти (20-е годы XX в.)» и «Взаимоотношения органов власти и управления Дагестана с мусульманским духовенством (30 гг. – июнь 1941 г)» сборника документов и материалов «Власть и мусульманская религия в Дагестане 1917–1991». В них в основном представлена ранее засекреченная информация о религиозной обстановке в республике в первые два десятилетия советской власти, деятельность властных структур многонационального региона в отношении религиозных объединений и му-

сульманского духовенства, ограничения, притеснения и репрессии, которым подвергались представители мусульманского духовенства.

При всей важности и значимости материалов документальных сборников они не могут во всей полноте понять и оценить трудности и нерешенные вопросы модернизационных процессов в культуре Дагестана в 20–30-е гг. Они не могут заменить непосредственную работу исследователя над материалами архивных фондов по проблеме.

В монографии использованы материалы Всероссийской переписей населения 1897 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г., данные различных статистических сборников[1]. Они позволяют в динамике показать развитие сети учреждений социально-культурной сферы-народного образования и культуры.

Материалы дореволюционной и первой советской переписи населения содержат данные об уровне грамотности населения Дагестана в целом и в разрезе город-село. Особенностью Всероссийской переписи населения 1897 г. от всех последующих советских переписей является учет грамотных на арабском языке, что особенно важно для анализа модернизационных процессов в культуре народов Дагестана.

В работе использованы материалы, публиковавшиеся в газетах «Кавказ», «Красный Дагестан» (март 1922 – март 1932 гг), «Дагестанская правда» (1932–1940 гг.), журналах «Вопросы истории КПСС», «Звезда», «Плановое хозяйство Дагестана», «Революция и национальности» и др.

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Дагестанская область. СПб., 1905; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т.5; Статистический сборник 1925–26 гг. Махачкала, 1926; На путях к всеобщему обучению. Махачкала, 1927; 10 лет автономии ДАССР. Махачкала, 1931; Статистико-экономический справочник по ДАССР. Ростов н/Д, 1933; Советский Дагестан за 45 лет. Стат. сборник. Махачкала, 1965; Дагестан за 50 лет: Стат. сборник. Махачкала, 1967; Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. Махачкала, 1972 и др.

Глава I

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАН В 90-Е ГОДЫ XIX В. – 1917 г.

§ 1. Социально-экономические отношения и экономика народов Дагестана

Разнообразие природно-географических условий Дагестана наложило отпечаток на хозяйственную специализацию отдельных его зон. Основным занятием населения равнинной части приморской полосы и значительной части предгорной зоны было земледелие. Кроме зерновых культур, здесь на орошаемых площадях возделывались плодовые и овощные культуры, виноград, марена, шафран, хлопок и шелковица.

Иное положение было характерно для горной части Дагестана. Чрезвычайно изрезанный рельеф местности, острое малоземелье и примитивная техника земледелия ограничивали развитие полеводства. В высокогорной зоне многие зерновые культуры из-за суровых климатических условий вовсе не произрастали. Плодовые насаждения встречались лишь в долинах рек предгорной и горной зон.

Основным занятием населения многих районов этой части Дагестана было животноводство. Но из-за недостаточности кормовой базы для круглогодового содержания скота и оно не имело условий для широкого развития.[1]

Присоединение Дагестана к России по Гюлистанскому мирному договору 1813 г., хотя и являлась международно-правовым актом, до второй половины XIX в. не оказывало сколько-нибудь существенного влияния на ход внутридагестанских отношений и социально-экономические процессы в горном крае.

Ситуация начала быстро меняться после окончания Кавказской войны и усмирения народов Восточного Кавказа. Царизм перешел к активной политике утверждения своей власти в этой части империи. Особый орган управления кавказскими горцами был учрежден 19

[1] *Нахшунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 21, 23.

июня 1860 г. при главном штабе кавказской армии под названием Канцелярия по управлению кавказскими горцами.

В Дагестане действовало специальное положение, утвержденное в 1860 г., под названием «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». В Дагестанскую область вошёл бывший Прикаспийский край, без Кубинского уезда, и весь горный Дагестан. Область была разбита на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Средний Дагестан, Южный Дагестан и Верхний Дагестан.

По общим законам империи с некоторыми исключениями управлялись жители Дербентского градоначальства и г. Петровска[1].

С учетом новых акцентов в кавказской политике царизма дагестанские феодальные правители были лишены политической власти. Это сопровождалось освобождением рабов дагестанских правителей и снятием повинностей и податей с зависимого населения в их пользу. Так, на Кумыкской плоскости, входившей в Терскую область, в 60-х годах XIX в. было освобождено 944 рабов обоего пола.[2] В этот же период шамхал Тарковский освободил от повинностей и податей 2688 дворов узденей, 51 двор евреев и 45 дворов чагар. В ханстве Мехтулинском зависимые крестьяне в количестве 1532 дворов были освобождены ханом и чанками ханского дома.[3] Аналогичные процессы происходили и в других бывших политических образованиях Дагестана.

Осуществляя эти меры, царское правительство не собиралось экономически ущемить бывших дагестанских правителей и членов их семей. Им были увеличены размеры пожизненных пенсий и закреплены за ними значительные земельные площади. К примеру, шамхалу Тарковскому была установлена пожизненная пенсия в размере 7 тыс. руб. в год, хану мехтулинскому – 5 тыс. руб. и было выдано единовременное пособие в размере 10 тыс. руб. Аналогичные выплаты аварскому хану соответственно равнялись 5 тыс. и 30 тыс. руб.[4]

---

[1] *Хашаев Х.- М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М.. 1961. С.65–66.

[2] *Гаврилов П.*Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис.1869. Вып. 2. С. 48.

[3] *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895. С. 42.

[4] Там же. С. 31–44.

Крестьянская реформа 1867 г. коснулась чагар и узденей и не сказалась на положении основной массы зависимых крестьян-раятов.

В начале XX в. феодально-зависимые отношения существовали в 98 селениях Дагестана. В них насчитывалось свыше 13 тыс. дымов или 70 тыс. душ обоего пола», т.е. примерно десятая часть всего сельского населения области. Особенно много зависимого населения приходилось на три равнинных земледельческих округа: Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский и входивший в состав Терской области Хасавюртовский округ.[1]

Аграрная политика царского правительства в Дагестане носила ярко выраженный классовый характер. Царизм всецело стоял на стороне имущественных интересов феодального сословия. Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков в 1907 г. во «Всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем» отмечал, что необходимо «всех отдельных землевладельцев признать за собственниками земель из фактического владения. Нет возможности допустить, чтобы в настоящее время, покорив себе и присоединив к своим владениям известную территорию...победитель пренебрег поземельными правами жителей, основанными на письменных законных актах...Заставлять ныне беков Дагестана и землевладельцев... доказывать право собственности на их земли, когда вперед известно, что они не в состоянии это сделать, было не достойным русского правительства».[2]

В 60-е годы XIX в. царизм объявил себя монопольным владельцем всех крестьянских земель в Дагестане. Исходя из этого, царская администрация широко практиковала конфискацию земель сельских населенных пунктов и их передачу на правах частной собственности местным феодалам и чиновникам разного ранга за усердную службу. Достаточно отметить, что в одном только Кайтаго-Табасаранском округе накануне Октябрьской революции такого рода владельцам принадлежало более 30% всей частновладельческой земли.[3]

Развитие российского капитализма вширь все более охватывало окраины империи, оказывало свое влияние на аграрные отношения в

---

[1] *Османов Г.Г.* Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965. С. 26.

[2] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем ген.-адъютанта И.И. Воронцова-Дашкова. Тифлис, 1907. С. 57.

[3] ЦГА РД. Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 79-93.

таких сельскохозяйственных регионах как Кавказ. Особенно заметно стало проявляться это влияние в последней четверти XIX – начале XX вв. В.И. Ленин отмечал: «Русский капитализм втягивал…Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик».[1]

Проникновение капиталистических отношений в аграрное производство усиливало противоречие между новыми и феодальными отношениями в деревне, в частности на окраинах империи, где на значительных территориях последние преобладали. Как подчеркивал В.И. Ленин, «чисто капиталистические отношения продавлены еще у нас в громадных размерах отношениями крепостническими. Борьба массы населения, в первую голову массы крестьян вообще, с этими именно отношениями вот в чем своеобразие русского аграрного вопроса».[2]

В 90-е годы волна крестьянских выступлений охватила большинство дагестанских селений с зависимым крестьянством. Летом 1895 г. райяты селений Рукель, Марага, Кемах, Зидиан, Бильгады отказались от отбывания повинностей бекам. Крестьяне этих селений не только сами «бунтовали», но и призывали к этому жителей соседних селений. К 1898 г. 23 селения Северного Табасарана отказались отбывать повинности своим бекам. «Земля принадлежит нам, – заявили они, – и платить беку подать мы не будем».[3]

Исключительного накала крестьянские выступления в Дагестанской области достигли в годы первой русской революции (1905–1907). Как сообщала газета «Казбек» в номере от 9 апреля 1905 г.: «Крестьяне сел. Атлы-буюн самовольно распахивают землю, отошедшую по судебному приговору к сел. Тарки; старания помощника начальника округа уладить недоразумение оставались безуспешными.1 апреля была вызвана сотня Дагестанского полка, после чего атлыбуюнцы вернулись в свое селение. Участвовали в беспорядках 168 мужчин и женщин атлыбуюнцев, вооруженных кинжалами, револьверами, ружьями и копьями, а также 2000 мужчин и женщин таркинцев, вооруженных ружьями».[1] 4 октября 1906 г. общество сел. Шамхал-Янги-Юрт отказалось от исполнения всех бекских повинностей, ссылаясь на отказ от этих повинностей и в других селениях.[2]

Нарастание социальных противоречий обусловило издание 7 июля 1913 г. Закона «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкалевладельцам». В результате этой реформы в Дагестане 70 тыс. крестьян 95 селений были освобождены от податей и повинностей в пользу беков.[3] Решив вопрос о личном освобождении зависимых крестьян, закон не затронул проблему наделения их землей.

Несмотря на половинчатость этого акта царизма, он способствовал усилению проникновения капиталистических отношений в аграрное производство Дагестанской области.

Развитие товарно-денежных отношений вело к всё большему превращению земли в объект купли-продажи. В новых условиях довольно значительная часть крупных земельных собственников земли, не сумев перевести хозяйство на рыночные рельсы развития, вынуждена была распрощаться со своими имениями. Наибольшей активностью эти процессы характеризовались в равнинных районах Дагестанской власти и Засулакской Кумыкии, где в первую очередь в агарное производство проникали и получили развитие новые капиталистические отношения. По свидетельству Н.П. Тульчинского землевладельцы в Кумыкской плоскости ещё в 1900г. распродали 109138 десятин или 58,6% из полученных в 1865 г. в собственность 186311 дес. земли и удержали в своих руках только 77173 дес.[4]

Этот процесс способствовал разрушению феодального землевладения и формированию бессословной капиталистической собственности на землю в Засулакской Кумыкии. По далеко не полным данным в

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 307.

[3] *Далгат Э.М.* Крестьянское движение в Дагестане в период развития капиталистических отношений.//Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане: Сб. статей. Махачкала. 1984. С. 111.

[1] Революционное движение в Дагестане (1905–1907 гг.): Сб. документов и материалов. Махачкала, 1956. С. 103.

[2] Там же. С. 187.

[3] История Дагестана в 4-х т. М., 1968. Т. 1. С. 271.

[4] *Тульчинский Н.П.* Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. Терский сборник. Владикавказ. 1903. Вып. 6. С. 88.

1915 г. в Засулакской Кумыкии было 70 % бессословного землевладения.[1]

Усиление новых отношений и тенденций повышали спрос на землю, стремление ввести в хозяйственный оборот новые, ранее не освоенные массивы. В Дагестане количество земли, обрабатываемой под разные пахотные угодья, увеличилось за 1907–1913 гг. более чем на 80 тыс. дес.[2]

Говоря о проникновении новых капиталистических отношений в сельское хозяйство горного края, не следует их переоценивать. Капиталистические отношения получили развитие преимущественно в равнинной части Дагестанской области. Особую ценность для определения характера землевладения в начале XXв. имеют данные за 1905г. о распределении 380 тыс. дес. земли между различными сословиями владельцев.

Таблица 1

Распределение земли между различными сословиями

Сословия владельцев	Число владений	Количество земли, дес.	% к итогу	Количество земли в среднем на одного владельца, дес.
Дворяне	534	273051	71,8	511,5
Крестьяне	380	87875	23,1	225,9
Купцы и мещане	75	19396	5,1	258,6
Итого	998	3800322	100,0	381,0

Как видно из таблицы в начале века главными собственниками земли оставались дворяне. Они сосредоточили в своих руках свыше двух третей всей частновладельческой земли. Из 273 тыс. дес. дворянской земли 127151 дес. находились в пользовании раят, остальные 145900 дес. – в личном распоряжении самих владельцев. Эти данные свидетельствуют о «власти земли», о господстве средневекового землевладения.[3]

---

[1] *Мелешко А.Г.* Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX – начале XX вв. Рукопись канд. дис. М., 1957. С. 107.

[2] История Дагестана в 4-х т. М.,1968. Т. 2. С. 265.

[3] *Османов Г.Г.* Указ. соч. С. 41–43.

Основная масса дагестанского крестьянства, не имея земли вообще, или имея его в мизерных размерах и, будучи вынуждена его арендовывать у крупных собственников, продолжала влачить полуголодное существование. В Дагестане беки и казна сосредоточили в 1913 г. в своих руках 32 % общего количества земли, а крестьяне, составлявшие более 95 % населения, имели 68 % земли. На каждого богатого землевладельца в среднем приходилось74 дес., а на крестьянина – 0,3 дес. удобной земли.[1]

Значительная дифференциация наблюдалась и во владении скотом. Данные статистики, основанные на материалах подворной переписи 1886г. и сельскохозяйственной переписи 1917 г., показывают, что в Дагестане 11–12% крестьянских хозяйств не имели крупного рогатого скота, 60–65 % не имели овец, а 2, 9% крестьянских хозяйств содержали более 100 и выше овец.[2]

Острая нехватка пахотной земли и скота у значительной части дагестанского крестьянства, вызывала массовый отход в поисках средств существования обедневших горцев, особенно из предгорных и горных районов области. Часть отходников нанималась на сезонные сельскохозяйственные работы в равнинном Дагестане, трудилась на промыслах и предприятиях Северного Кавказа и Закавказья. Немалое их число в поисках работы оказывалось в центральных районах страны. В 1899 г. на заработки ушло 59 тыс. дагестанцев, а в 1913 г. число отходников превысило 95 тыс. человек.[3]

Отходничество оказывало громадное влияние на все стороны жизни дагестанского села. Как подчеркивал В.И. Ленин «Перекачевывание» рабочих не только дает «чисто экономические» выгоды самим рабочим, но и вообще должно быть признано явлением прогрессивным…».[4] Разрушая патриархальную замкнутость сельского уклада жизни, отходничество способствовало расширению кругозора и повышению культурного уровня горцев, приобщению их к новым формам труда.

---

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 271–272.

[2] История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.–1917 г.). М., 1988. С. 395.

[3] Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 77; Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 20.

[4] *Ленин В.И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 244.

В конце XIX – начале XX вв. хозяйство дагестанца все более ориентировалось на рынок. С учетом запросов и потребностей российского потребителя менялась структура и направление аграрного производства. М. Алиханов – Аварский, например, обратил внимание на изменения в садоводстве. Он в обширном очерке, опубликованном в газете «Кавказ» в 1895 г. писал: «В Ходжал-Махи в последнее время замечаются значительные улучшения в здешних садах; многие из них уже снабжены лучшими породами плодоносных деревьев, их разрыхляют, удабривают и своевременно поливают. Некоторые хозяева уже начали выписывать из России семена и саженцы и целые дни проводят в своих садах и огородах, занимаясь прививкой или рассадой. В народе, словом, пробудилось сознание, что правильный уход за садами необходим, что этим путем можно улучшить садоводство. Это самое главное. Затем дело здесь пойдет быстрыми шагами, потому что в этом – интерес каждого. Садоводство - главный источник существования и обогащения хаджал-махинцев и результаты последних улучшений налицо.

В прежние годы аул выручал за фрукты не более 5–6 тыс. руб. В прошлом же году один только хозяин продал на 1200 руб., а весь аул, вероятно, не менее, как тысяч на 15!».[1]

В 1896 г. в Аварском округе собрали 41843 пуда фруктов. Из этого количества было продано 17999 пудов. Фрукты продавались в Темир-Хан-Шуре и в Хунзахе приезжим скупщикам.[2] Крупнейшим садоводческим центром Дагестанской области на рубеже XIX–XX вв. являлся Дербент. Как отмечалось в обзоре Дагестанской области за 1892 г. «Фруктовые и виноградные сады разводятся во всех трех городах области, но из них г. Дербент представляет наилучшие почвенные и климатические условия для процветания этой отрасли хозяйства. С падением мареноводства почти вся деятельность городского населения Дербента обратилась к садоводству и, в особенности к культуре виноградных лоз, и в настоящее время на садоводстве зиждется все экономическое благосостояние города». В 1886 г. в Дербенте было 1152 садовладельца, а площадь их виноградников составляла 113 дес., а в 1895 г. площадь виноградников возросла до 1251 дес., количество садовладельцев сократилось до 960.[1]

[1] *Алиханов М.* В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала. 2005. С. 76.

[2] *Рамазанов Х. Х.* Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861–1900 гг.). Махачкала. 1972. С. 60.

Усиление внимания к садоводству, виноградарству объяснялось катастрофическим падением значения мареноводства в области, быстрорастущими потребностями крупных промышленных центров в свежих и сущенных фруктах из южных регионов страны, в том числе и Дагестана. Постепенно садовые участки концентрировались в руках крупных владельцев.

На первых порах владельцами виноградников были преимущественно русские, армяне и евреи. После проведения через Дагестан железной дороги резко увеличилась товарность виноградарства, выросла его доходность и разведением виноградников стали заниматься и коренное местное мусульманское население. В 1896 г. Г.Х. Юзбашев писал: «Среди мусульман ...пионером в деле развития виноградарства с целью выделки вина или даже продажи на вино безусловно нужно считать Касумбека Гайдарова, который как живым примером, так и постоянными советами и готовностью давать бесплатно черенки винных сортов из своего сада, способствовал развитию виноградарства с промышленной целью среди мусульман города Дербента»[2].

Выросло число специалистов сельского хозяйства. К 1913 г. в Дагестане было 30 ветеринаров, полеводов, гидротехников и других специалистов сельского хозяйства с высшим и средним специальным образованием. В 1912 г. была утверждена штатная должность областного агронома. Его аппарат уже в следующем году обследовал состояние сельского хозяйства в 120 населенных пунктах[3].

Агрономы читали лекции, проводили беседы, устраивали показательные мероприятия с целью убедить крестьян в необходимости использования агрономических знаний для развития сельского хозяйства. Кроме того, они создавали в разных районах края опытно-показательные поля. Так, в Темир-Хан-Шуринском округе было заложено опытно-показательное поле под кукурузу, свеклу и пшеницу.

[1] История Дагестана в 4-х Т. Т. 2. С. 173

[2] Вестник виноделия. 1897. №3. С. 79.

[3] *Нахшунов И.Р.* Указ. соч. С. 73.

В Кайтаго-Табасаранском округе близ Маджалиса районе было заложено 5 участков с посевами пшеницы, ячменя и кукурузы[1].

Важную роль в распространении новых усовершенствованных орудий труда, передовых технологий возделывания сельскохозяйственных культур в области играли русские переселенцы. Под их влиянием дагестанцы начали использовать железные плуги, сеялки, молотилки и другие усовершенствованные орудия труда, которые начали завозиться в Дагестан из центральных регионов России. Новые орудия труда первоначально начали распространяться в низменных районах. В последующем они все активнее проникали в зажиточные хозяйства и на других территориях Дагестана. Как отмечалось в обзоре Дагестанской области за 1904 г. «В последние 3 года жители равнинной части Кюринского округа обратились к более усовершенствованным плугам, выписывая их из Дербента и Ростова; стремление это настолько увеличилось, что один из торговцев, житель сел. Касумкента, открыл в этом селении небольшой склад железных плугов разных размеров»[2].

Первый опыт улучшения породности крупного рогатого скота был предпринят жителями селения Казикумух в 1908 г. Они купили на Харьковской селекционной ферме за 360 руб. два чистокровных швицких быка. Доставка их из Харькова в Казикумух обошлось в 500 руб. Весной того же года с быками были случены свыше 50 коров. Первые шаги породного улучшения скота натолкнулись на косность и фанатичность части казикумухцев. Об этом сообщалось в отчете о ветеринарно-санитарном состоянии Дагестанской области, где говорилось: «Нельзя обойти молчанием один курьезный случай, чуть не стоивший жизни швицким быкам: лето 1908 г. в Казикумухе выдалось сухое, за отсутствием дождей вся растительность горела; в это время одному старцу приснилось, что в бездождии виноваты русские быки, и, недолго думая, общество решило зарезать быков в пользу бедных, только энергичное вмешательство администрации спасло быков, к тому же в это время и дождь пошёл».

[1] *Мансуров М.Х.* Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX – начало XX вв.). Махачкала. 1994. С. 101.

[2] Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура. 1905. С. 15.

В 1908 г. наместник Кавказа выделил 3 тыс. руб. для приобретения 8 швицких быков для Дагестана. Эти робкие полумеры не могли серьезно повлиять на качественное улучшение породности крупного рогатого скота[1].

Позитивно на состояние животноводства Дагестанской области сказалось создание ветеринарной службы. На южной границе области с 1899 г. была установлена ветеринарно-карантинная линия, необходимость которой вызвала чума, свирепствовавшая в Закавказье. Лечебные пункты были открыты в 12 населенных пунктах Дагестана. В 1903 г. здесь была создана ветеринарная инспекция[2].

Во второй половине XIX в. в Дагестане получает распространение тонкорунное овцеводство. Инициаторами их разведения явились русские переселенцы. Так, ещё в 1861 г. русский предприниматель пригнал из Ставрополья в Тарковское шамхальство 7 тыс. мериносов, из которых уцелело лишь 550 голов, остальные погибли из-за 800-километрового перегона, зимнего холода и отсутствия соответствующего помещения[3]. Наибольшее распространение тонкорунное овцеводство получило в Темир-Хан-Шуринском, Хасавюртовском округах и Кизлярском уезде. К примеру, в 1902 г. в Темир-Хан-Шуринском округе насчитывалось 1163 тонкорунных овец[4].

Несмотря на эти позитивные изменения, овцеводство в рассматриваемый период оставалось одной из наиболее отстающих отраслей хозяйственной деятельности горцев. Очень часто овцеводство зависело от случайности и капризов природы. Если выпавший снег лежал в течение одной или двух недель, или были гололедица и метель, а ещё хуже – сильные морозы, погибали десятки и сотни тысяч овец.

Отгонная система животноводства имела отрицательные черты: падёж, потеря упитанности скота при перегоне, перенос заразных заболеваний и т.д.

Трудовые традиции по эксплуатации пастбищ в зависимости от богатства или скудости травостоя, в уходе скотом, приемах обработки

[1] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 47.

[2] Обзор Дагестанской области за 1913г. С. 13.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Освоение производственного опыта России в Дагестане.//Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1978. С. 65.

[4] ЦГА РД. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9. Л. 156–167.

животноводческих продуктов и их хранения были весьма консервативны. В силу этого новшества в отрасли проникали медленно.

Несмотря на эти и другие трудности в развитии скотоводства, в конце XIX – начале XX в. с учетом роста запросов и потребностей российского рынка усиливался вывоз животноводческой продукции Дагестанской области в другие регионы страны. В 1899 г. из Дагестанской области было вывезено 282 пуда свежего мяса, 1199 пудов кишок, 51 пуд свинины, 11150 невыделенных кож крупного рогатого скота, 25129 невыделанных овечьих и козлиных кож[1].

В этот период росли и ежегодные объемы продажи скота и животноводческой продукции реализуемой и внутри области. В 1896-1899 гг. средняя ежегодная сумма проданной скотоводческой продукции на внутренних рынках Дагестана равнялась 30,4 тыс. руб. Эта сумма в следующее трехлетие составила 585,3 тыс. руб.[2].

Развитие российского капитализма вширь привело к появлению и развитию капиталистической промышленности в Дагестане. Сильный толчок промышленному развитию, обеспечению доступа его продукции на российский и мировой рынки дало завершение строительства Петровской линии Владикавказской железной дороги.

В 1871 г. в Дагестанской области имелись 1 краповая фабрика, 14 винокуренных заводов, 7 известковых, 6 нефтяных, 2 кирпичных, 1 водочный, 1 пивной заводы [3].

В пореформенный период царизм стимулировал разработку природных богатств Дагестана, использовавшихся для развития экономики центральных регионов страны. В области зарождается нефтяная промышленность. До середины 70-х годов царская казна и местные владельцы отдавали нефтяные колодцы на откуп разным лицам. Это вело к хищнической их эксплуатации и не способствовало развитию нефтедобычи. Как подчеркивал Д.И. Менделеев в 1867 г. «Препятствие нефтяному делу в сущности лежит в эксплуатации нефтяных источников. Нефтяные источники Кавказа отдаются откупщикам. Откупщикам нефти нет никакого расчета, имея краткосрочный откуп,

[1] Обзор Дагестанской области за 1899г. С. 76.
[2] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 180.
[3] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 37.

заводить большое и хлопотное дело , затрачивать капиталы на разведку, пробные бурения»[1].

В 90-е годы XIX в. в развитии нефтедобычи в Дагестане начинается новый этап, связанный с проникновением русского и иностранного капитала. Русские и иностранные предприниматели перешли от примитивного собирания к механизированному бурению. Первое глубинное бурение в Дагестане началось в 1893 г. вблизи сел. Берикей, Джемикент, Башлы в Кайтаго-Табасаранском округе. Положительные результаты, полученные в 1893 г. в Берикее, вызвали живой интерес к дагестанским месторождениям нефти. Здесь в 1894 г. возникли нефтяные промыслы Козлековского, Максимова, Бенкендорфа, Шибаева и Балабекова «К Каспийско-Черноморское Товарищество». К дагестанским нефтяным богатствам потянулись такие компании, как «Товарищество бр. Нобель», «Англо-русское нефтяное общество», «Челекено-дагестанская нефтяная компания» и др. Благодаря этим компаниям в 1900 г. в Дагестане действовало 9 буровых скважин, из них две в Берикее, три около Каякента, две около Петровска и одна на участке Чирюрт[2].

В конце XIX в. в г. Петровске было построено 49 резервуаров для хранения нефти емкостью по 150-200 тыс. пудов. Эти емкости были нужны заводу по переработке нефти, построенному здесь же в начале 70-х годов купцом 2-й гильдии И.А. Карачезовым при участии тифлисца А.Х. Караджева[3].

С начала 90-х годов XIXв. на нефтяных промыслах стали применяться паровые машины и другие усовершенствованные нефтедобывающие механизмы, что дало возможность увеличить добычу нефти. Так, если среднегодовая добыча нефти в 1871–1880 гг. составляла 109 т, то в 1901–1910 гг. она достигла 8066 т[4].

В последующие годы из-за хищнической эксплуатации нефтяных скважин добыча нефти в Дагестанской области резко снизилась. Падению интереса к разведке новых месторождений и добыче нефти в

[1] *Менделеев Д.И.* Нефтяная промышленность в Пенсильвании и на Кавказе. М., 1849. Т. 10. С. 63.
[2] *Булатов Б.Б.* Дагестан на рубеже XIX-XX вв. Махачкала, 1996. С. 69; Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан XIX – начало XX в. Махачкала, 1998. С. 49.
[3] ЦГА РД. Ф-р. 178. Оп. 3. Д. 12. Л. 15.
[4] *Булатов Б.Б.* Указ. соч. С. 69.

Дагестане способствовало и начало эксплуатации перспективных месторождений нефти на Апшеронском полуострове в Азербайджане.

Говоря об интересе царского правительства к разработке природных богатств Дагестана, следует отметить, что когда затрагивались интересы крупных местных земельных собственников, оно и его администрация в крае становились всецело на их защиту. В этой связи интерес представляет послание генерала Фрезе военному губернатору Дагестанской области в 1898г. В нем отмечалось, что «нельзя признать возможным разрешить утверждение договоров обществ селений Хошмензиль Кюринского округа и Берикей Кайтаго-Табасаранского округа об отдаче состоящих в пользовании обществ земель в арендное содержание частным лицам для добывания нефти и других минералов, так как общества этих селений не владеют своими землями на праве собственности»[1].

Во второй половине XIX в. в Дагестане зародилась легкая промышленность. Одним из первых предприятий легкой промышленности Дагестана стала краповая фабрика в Дербенте. Инициатива строительства указанной фабрики исходила от управления сельского хозяйства и промышленности на Кавказе. Цель была поставлена четко и коротко: удешевить красители из марены и вывозить их в готовом виде в Россию. Фабрика приступила к производству в 1864 г. Мареноводство в Дагестане имело хорошую перспективу. Пионером его развития явился фабрикант из г. Александрова Владимирской губернии Баранов И.Ф. Он первым стал вкладывать капитал в дагестанское мареноводство. За Барановым последовали коммерсанты из Москвы, Ивано-Вонесенска, Ярославля и Твери. Местные мареноводы щедро авансировались, у них закупались урожаи на несколько лет вперёд. Мареноводский бум охватил практически весь равнинный Дагестан.

Дагестанская марена полностью вытеснила с российского рынка иностранные красители. Однако победное шествие марены по России было неожиданно прервано. Химиками был получен искусственный краситель из каменного угля. Этот новый краситель привел к острейшему кризису мареноводства и мареноторговли. Специалист по экономике Кавказа Кривенко В.С. писал: «Химия победила. Смертный

[1] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 226. Л. 7.

час мареноводства пробил ...Цена пуда марены упала с 8–15 руб. до 30 копеек»[1]. В 1877 г. краповая фабрика была закрыта.

На рубеже XIX – XX вв. в г. Петровске построили крупнейшую на Кавказе хлопчатобумажную фабрику. Она принадлежала акционерному обществу «Каспийская мануфактура», которое имело свой устав и трехмиллионный уставной капитал. Главными акционерами были статский советник И.О. Петрококин и С.И. Решетников. Устав в обществе был утвержден царем 19 мая 1898 г. Первую продукцию фабрика выпустила в ноябре 1899 г.

Сырье для работы фабрики доставлялся из других районов Кавказа, Средней Азии и Ирана. Предприятие неуклонно расширяла свою производственную деятельность. В 1901г. была выработана продукция на 602 тыс. руб., а в 1903 г. – на 818312 руб. В 1903 г. на фабрике было переработано 44247 пудов хлопка[2].

Владельцы фабрики неоднократно пытались наладить выращивание хлопка в Дагестане, которые оказались безуспешными.

Важной отраслью обрабатывающей промышленности пореформенного Дагестана являлось виноделие. Крупнейшим центром виноделия стал Кизляр. С 1872 по 1882 гг. среднегодовое производство вина в Кизлярском округе составило около 2 млн. ведер. С 70-х годов важным центром виноделия становится Дербент.

В виноделии наблюдался определенный прогресс. Более совершенные методы применяли русские, у которых заимствовали опыт местные виноделы. В 1862 г. отставной лекарь Лобачевский построил в Дербенте винный погреб стоимостью 6 тыс. руб., считавшийся единственным в Дагестанской области «по капитальности и рациональности», в котором хранилось хорошо очищенное вино. Статский советник Качергин имел в Дербенте свои виноградные плантации, «производил выделку вина на правильных европейских началах», построил хорошие подвалы и погреба, его вино «пользовалось известностью на Кавказе и в России». Виноградарь Асвацатуров имел огневой «завод», каменный погреб для вина, Шахиджанов изготовил вино с помощью усовершенствованных прессов. Вина из Дагестана выво-

[1] *Гасанов М.* Дагестана в составе России (вторая половина XIX в.). Махачкала. 1999. С. 164–165.

[2] ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 27. Л. 30; Д. 28. Л. 53.

зились в Нижний Новгород, Самару, Воронеж, Харьков, Одессу и другие города России.

Производство вина в крае неуклонно росло. В 1894 г. в Дагестанской области винокуренных предприятий насчитывалось 18 с объемом производства на общую сумму в 62337 руб. В 1899 г. стоимость производимого вина увеличился до 200107 руб. [1].

Важнейшей отраслью промышленности Дагестан на рубеже XIX – XX вв. стала рыбная, которая была ориентирована на российский и внешний рынки. С начала 90-х годов XIX в. до 1915 г. в области было выловлено около 35 млн. пудов рыбы. Дербент и Петровск стали крупными центрами рыбной промышленности и торговли рыбной продукцией. Потребность в обработке рыбы на месте привела к созданию в Дагестане, наряду с крупными, нескольких десятков мелких перерабатывающих предприятий рыбной промышленности[2].

Русский капитал широко вторгся в добычу и переработку рыбы. Почти все рыбные промыслы на всей акватории дагестанского побережья Каспия оказались у рыбопромышленников из Астрахани, Поволжья и т.д.

Крупнейшим рыбопромышленником стал К.П. Воробьев, который организовал лов сельди закидными неводами и её промышленную переработку. Он построил в Петровске холодильник стоимостью 185 тыс. руб., рассчитанный на 187 тыс. пудов рыбы, где работали 250 рабочих (в том числе 150 женщины), бондарный завод, на котором трудились 70 рабочих[3].

В целом к началу XX в. в Дагестане были построены и функционировали предприятия рыбной, винодельческой, консервной, текстильной, металлообрабатывающей, нефтяной и некоторых других отраслей промышленности. В 1913 г. в области насчитывалось 72 промышленных предприятий с производительностью в денежном выражении 2417041 руб. и на этих предприятиях было занято 1151 рабочий[1]. При этом следует отметить, что подавляющую часть квалифицированных рабочих в отраслях индустрии и на транспорте края составляли приезжие кадры, прежде всего русские. Собственно дагестанцев в числе постоянных рабочих было немного и они в подавляющей массе были заняты неквалифицированным трудом.

Наиболее крупным промышленным центром Дагестанской области в конце XIX – начале XX вв. являлся Петровск. Численность его населения с 3565 человек в 1870 г. возросло до 20329 человек в 1914 г., т.е. в 5,7 раза.[2] По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в трех городах Дагестанской области – Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Петровске проживало 44607 человек[3].

В первые два десятилетия XXв., несмотря на империалистическую и последующие революционные потрясения, интервенцию и гражданскую войну, рост численности населения дагестанских городов продолжался. По данным на 1 января 1921г. в городах Дагестана в ее нынешних границах проживало 65,0 тыс. человек[4].

В исследуемый период количество дагестанцев, проживающих в городах, постепенно увеличивалось. По подсчетам М.М. Магомедханова и М.-Р.А. Ибрагимова с 1897 по 1917 гг. число дагестанцев в городах области увеличилось с 3,2 до 8,3 тыс. человек[5]. В 1897 г. удельный вес дагестанцев среди городского населения составлял 9,6%, а в 1917 г. – 11,8% [6]. Таким образом, несмотря на увеличение числа дагестанцев-горожан, их удельный вес среди городского населения области был невелик. Сказывалась сохранявщаяся ориентация основной массы дагестанцев к занятию традиционным сельскохозяйственным производством и сельскому укладу жизни.

---

[1] *Рамазанов Х.Х.* Освоение производственного опыта России в Дагестане// Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. С. 57–58.

[2] *Булатов Б.Б.* Указ. соч. С. 67.

[3] *Надирадзе А.А.* Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. Махачкала. 1969. С. 145.

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 273.

[2] Махачкала 1844–1998 гг. Сб. документов. Махачкала, 1999. С. 39

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. СПб., 1905. С. 12–13.

[4] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. Махачкала. 1977. С. 44.

[5] *Магомедханов М.М., Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования современного этнического состава городского населения Дагестана//Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане: Сб. статей. Махачкала. 1984. С. 120.

[6] Там же.

Развитие российского капитализма вширь сопровождалось увеличением производства фабрично-заводских изделий в области и ростом их поставок из промышленно развитых регионов страны на дагестанский рынок. Это сопровождалось падением роли и значения кустарно-ремесленных производств дагестанских народов.

Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. ещё довольно значительная часть населения Дагестанской области была занята в кустарно-ремесленных производствах. Количество их в области в конце XIX в. колебалось от 10 до 16 тыс. человек[1].

Кустарно-ремесленные производства в анализируемый период занимали второе вслед за сельским хозяйством место в хозяйственной деятельности горцев. Кустари ткали ковры и сукно, изготовляли бурки, ювелирные и гончарные изделия и т.д.

Изделия многих мастеров-кустарей отличались оригинальностью и высокой художественностью. Как отмечал известный специалист А.С. Башкиров «В художественных мотивах производства и в технических навыках кубачинцев сказывается богатая историческая традиция, передаваемая из поколения в поколение. Среди кубачинцев имеются мастера, обладающие удивительной техникой, виртуозностью и изобретательностью»[2].

Художественные изделия дагестанских ювелиров, златокузнецов, оружейников, чеканщиков, ковровщиц пользовались широкой известностью далеко за пределами Дагестана. Они получали высокую оценку на выставках и ярмарках в Париже, Лондоне, Вашингтоне и других городах. Мировой известностью пользовался Ибрагим-оглы из Кубачи, который с 1898 по 1900 г. получил 5 медалей на выставках Петербурга, Парижа, Тегерана и Константинополя. Прославились изделиями высокого качества мастера Чемандур из Гамсутля, Махмуд из Кахиба. В 1895 г. Кубачинские ювелиры Абдул-Ибрагим-оглы и Магомед-Гасан-оглы изготовили два блюда, украшенные эмалью и инкрустированные золотом по слоновой кости. Одно блюдо было выставлено на Парижской выставке 1900 г., а другое – преподнесено царю, за что мастера получили 1000 руб. и двое золотых часов.

---

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 185.

[2] *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. М., 1931. С. 12.

По данным за 1915 г. кустарями и кустарно-промысловыми артелями Дагестанской области было произведено продукции на общую сумму 6392,5 тыс. руб.[1].

Большое значение для экономического и социально-культурного развития горного края имело дорожное строительство, улучшение состояния транспортных артерий, соединяющих различные районы и населенные пункты. Улучшение транспортной инфраструктуры отвечало и интересам торгово-промышленных округов Российского государства, стремящихся использовать окраины, в том числе и Дагестан, как источник дешевого сырья и рынок сбыта товаров.

Во второй половине XIX в. дорожный отдел при губернаторе Дагестана при активном участии населения начал строить дороги, призванные усилить экономические связи между отдельными частями края и метрополией. В горный Дагестан, в частности в Аварию, были проведены следующие дороги: Петровск – Темир-Хан-Шура – Леваши – Хаджал-Махи – Салтынский мост – Гуниб протяженностью 144 версты; из Гуниба через Георгиевский мост в Карадах, затем вдоль Аварского Койсу до сел. Сабуэ в Грузии – более 200 верст; Карадах через Хунзах и Ботлих и до г. Грозного, от Темир-Хан-Шуры до Хунзаха через Аркасские горы, Араканы, Красный мост, Чалда, Гоцатль.

К началу XX в. в Дагестанской области имелось 795 км грунтовых и шоссейных дорог[2].

Несмотря на позитивные изменения в развитии дорожной сети, ее состояние оставалось неудовлетворительным в Дагестанской области, отставало от растущих потребностей экономики и социально-культурной сферы многонационального края.

Огромное влияние на экономический и культурный прогресс народов Дагестана оказало строительство железной дороги и морского порта.

В апреле 1885 г. император России утвердил решение Комитета инженеров начать строительство Владикавказско-Петровской железной дороги протяженностью в 250 верст. Строительство вела компания «Общество Владикавказской железной дороги», которая определила необходимую сумму для постройки железной дороги в 12 млн.

---

[1] *Нахшунов И.Р.* Указ. соч. С. 84.

[2] Плановое хозяйство Дагестана. 1928. № 3–4. С. 49.

руб.[1] Работы по строительству железнодорожной линии до Петровска завершились в конце 1893 г., а в середине 1899г. она была соединена с Баку.[2]

В пределах Дагестанской области на железнодорожной линии было сооружено 10 станций: Чир-юрт, Темиргое, Петровск-Кавказский, Порт-Петровск, Манас, Мамед-Кала, Дербент, Белиджи, Каякент, 14 разъездов, несколько десятков мостов, возведено 53 здания[3].

В 1859 г. началось строительство торгового порта в г. Петровске. Строительство велось по проекту военного инженера Фольгенгагена, а с 1861 по 1870 гг. строительством порта руководил инженер И.А.Васильев. Для строительства портовых сооружений из Англии были выписаны необходимые оборудование и механизмы. Для механизации погрузочно-разгрузочных работ и транспортировки каменных блоков весом в 12515 тонн из карьера на Анджи-Арка до гавани была проложена специальная железная дорога протяженностью в 4 км. В связи со строительством Петровской гавани появилась механическая мастерская, которая была первым в Дагестане крупным промышленным заведением фабричного типа.[4] 10 ноября 1870г. пушенные выстрелы с горы Анджи-Арка возвестили об открытии морского торгового порта в Петровске.

Таким образом, экономика Дагестана в конце XIX – начале XXвв. представляла собой сложное переплетение традиционных патриархально-феодальных отношений с нараждающимися и развивающимися капиталистическими, расстановки классовых и общественно-политических сил, которые обуславливали своеобразие и тенденции развития социально-культурных процессов и изменений в крае.

§ 2. Традиционная культура дагестанцев

В своем поступательном развитии дагестанские народы, несмотря на зональные различия в хозяйственной деятельности, создали и

[1] *Гасанов М.* Указ. соч. С. 181.

[2] *Вагабов М.М.* Железнодорожный и морской транспорт Дагестана: история становления и развития. Махачкала. 1997. С. 43.

[3] *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 300–301.

[4] *Рамазанов Х.Х.* Из истории строительства порта в Махачкале. //Советский Дагестан. 1972. № 1. С. 72. .

совершенствовали уникальн, самобытную культуру, которая обогащалась, впитывая достижения в духовной сфере других народов, и оказывала в свою очередь влияние на их культуру.

После утверждения ислама в Дагестане в XII–XVI вв. определяющее влияние на развитие культуры, всех сторон жизнедеятельности населения региона начала оказывать арабская культура, которая аккумировала достижения многих покоренных арабами народов и сопредельных территорий. Как подчеркивает академик Г.Г. Гамзатов «Многовековый опыт взаимоотношений с мусульманским миром возымел для истории и культуры дагестанского общества судьбоносный характер и непреходящее значение»[1].

Распространение ислама и арабоязычной культуры сопровождалось созданием и развитием очагов мусульманского образования: мектебов и медресе. Программа обучения в мектебе ограничивалась привитием учащимся навыков механического чтения текста Корана без понимания содержания. Обучались ученики и навыкам письма.

Медресе – школы повышенного типа – имелись в крупных селениях, где несли службу в мечетях известные своей ученостью духовные лица. Число учащихся медресе было незначительно. В большинстве своем это были выходцы из состоятельных семей, так как далеко не все родители могли выдержать расходы, связанные с учебой детей в школе вдали от родного селения и отказаться от их помощи в хозяйстве.

Программы медресе включали изучение арабского языка, его грамматического строя, логики, курса мусульманского права и этики. Преподавались здесь также и география и астрономия - в доступных пределах и русле присущих мусульманской религии и традиционной научной мысли интерпретации природных явлений и характеристики небесных тел.

Окончивший медресе, как правило, мог переводить Коран и более или менее грамотно писать по-арабски. Некоторые выпускники медресе продолжали учебу под руководством известного ученого (алима) и впоследствии сами получали это звание.

[1] *Гамзатов Г.Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 540.

Наряду с названными выше «организованными» формами образования в Дагестане получило распространение домашнее обучение детей чтению Корана. В домашних «коранических школах» значительную часть обучающихся в конце XIX – начале XX вв. составляли девочки. Родители предпочитали обучать их дома под присмотром, чтобы избежать общения с мальчиками. Абсолютное большинство девочек, обучающихся Корану, завершали свое образование приобретением навыков механического чтения текста. Письму девочек, за редким исключением, не обучали[1].

Несмотря на отсутствие статистических данных о количестве конфессиональных учебных заведений в крае до второй половине XIX в., свидетельства очевидцев подтверждают разветвленность сети, наличие их практически в каждом населенном пункте. П.К. Услар отмечал: «если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдутся один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающим учиться можно продолжать свое учение. Можно сказать, что в Дагестанской области нет почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия или муллы не обучалось бы арабскому языку от трех до пятнадцати и более учеников. Едва ли где в мусульманском населении на всем Кавказе до такой степени развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане. Несмотря на трудность изучения этого языка, особенно по методе здешних учителей, стремление к ознакомлению с арабской грамотностью до того сильно развито между туземцами, что они учатся от 8-летнего возраста до достижения 30 и более лет, переходя из одного училища в другое, более известное ученостью преподавателя»[2].

Знакомство с деятельностью мусульманской конфессиональной школы в крае позволяет не согласиться с господствовавшей довольно долго в советской историографии однозначно негативной оценкой её

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Мусульманская система образования в Дагестане// Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 117.

[2] *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 3–4.

роли и значения как рассадника невежества и мракобесия. Конфессиональная школа, несмотря на известные трудности и недостатки в обучении, вплоть до середины XIX в. являлась единственным рассадником грамотности и образования в Дагестане.

Обучение в мектебе начиналось с изучения арабской азбуки, после чего приступали к прохождению соответствующих глав Корана. Каждая глава Корана прочитывалась по нескольку раз до тех пор, пока ученик не начинал совершенно свободно и бегло читать её, причем содержания прочитанного он не понимал[1].

Просветитель второй половины XIX в. Абдула Омаров так описывает занятия в мусульманской школе, в которой он учился: «Мулла вызывал к себе каждого ученика по очереди и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок с переводом, наконец, заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня; если же ученик не выучил вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался. В остальное время дня ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги…»[2].

Конфессиональные учебные заведения существовали за счет пожертвований верующих и оплаты родителей обучающихся, которая вносилась натурой и деньгами. Они, как правило, размещались в доме учителя или в здании мечети. Там же в большинстве проживали и учащиеся из других населенных пунктов.

По данным обзора Дагестанской области в 1892 г. в крае насчитывалось 646 мусульманских примечетских школ с 4306 учащимися.[3] К 1897 г. число примечетских школ в Дагестанской области составило 850 и в них обучалось 5483 учащихся.[4] Однако четко выраженной тенденции роста примечетских школ в Дагестане в анализируемый период не наблюдалась. Они открывались в любое время года в зависимости наличия преподавателя, учащихся и неожиданно в силу разных обстоятельств закрывались.

[1] *Туземец.* Грамотность в горах Дагестана // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 117.

[2] *Омаров А.* Воспоминания муталима//ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 23.

[3] Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 62.

[4] Там же за 1897г. Темир-Хан-Шура, 1898. С. 75.

К сожалению, дореволюционная статистика не позволяет показать соотношение мектеба и медресе в общей численности примечетских школ. Косвенные данные и свидетельства современников показывают, что доля медресе в общем количестве конфессиональных школ была невысокой. Они открывались в больших населенных пунктах, где имелись крупные мечети и наиболее подготовленные алимы. По мнениюМожно профессора Г.Ш. Каймаразова, что соотношение мектебов и медресе в Дагестане было, по-видимому, десять-пятнадцать к одному, т.е. на каждые 10-15 мектебов приходилось одно медресе[1].

Если говорить о половом составе учащихся мусульманских школ, то к концу XIX в. он претерпел некоторые изменения. Несколько возросло число учащихся-девочек. Однако по-прежнему подавляющее большинство учащихся составляли мальчики. В 1899 г. в мусульманских примечетских школах девочек было всего 10,7%. Если в некоторых округах, таких, как Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Самурский, Андийский, девочки составляли в отдельные годы от 10 до 22% общей численности учащихся, то в других – Аварском, Даргинском, Казикумухском – их не было вовсе или обучались единицы.[2]

В 1913 г. в Дагестанской области мусульманских конфессиональных школ было 766 и в них обучалось 6727 человек.[3] Иными словами, в начале XX в. их сеть по сравнению с предшествующими десятилетиями не претерпела сколь-нибудь существенных изменений.

По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. грамотность населения Дагестанской области составила 9,2%, в том числе на русском языке 2,3% и арабском языке – 6,9%.[4] Таким образом, большая часть грамотных дагестанцев приобщилась к грамоте и образованию в мусульманских конфессиональных школах.

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 88.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. С. 122.

[3] Обзор Дагестанской области за 1913 г. С. 60.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. С. 12–13.

Однако почти 90% населения Дагестанской области на рубеже XIX-XX вв. оставались неграмотными. По уровню грамотности населения Дагестан значительно опережал соседние мусульманские регионы Северного Кавказа. К примеру, по данным переписи 1897 г. грамотность населения Кабарды составляла 3,2%, Балкарии – 1,4, Адыгеи – 7, Карачая – 4,6%.[1]

Мусульманская конфессиональная школа являлась действенным орудием воздействия на дагестанцев. Это понимали и признавали представители царской администрации в крае. Так, в отчете военного губернатора Дагестанской области за 1869 г. отмечалось: «Самым сильным оружием, которым мусульманское духовенство поддерживает и распространяет свое влияние на народ, бесспорно, служат мечесткие школы и медресе. В них юношество со свойственным ему увлечением убеждается в том, что истина заключается только в Коране и восходящих от него богословских и юридических науках».[2]

Наиболее одаренные муталимы – учащиеся медресе продолжали свое образование у видных ученых Египта, Турции и других мусульманских стран, посвящали себя изучению богословия, арабской грамматики, логики и других наук, получали широкую известность во всем мусульманском мире. Как отмечал академик И.Ю. Крачковский: «Дагестанцы и за пределами своей родины, куда их забрасывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира».[3]

Истории дагестанской культуры и общественной мысли известны имена целой когорты крупных ученых – арабистов, которые пользовались большим авторитетом не только на Кавказе, но и на всем мусульманском Востоке. К ним относились, в частности, Тайгиб, сын Омара из Харахи (XVI в.), автор ученых рукописей по математике и астрономии, многих толкований и комментариев к арабским учебникам и трактатам по грамматике, логике и диалектике; Мусалав Мухаммед из Кудутля (XVII – начало XVIII вв.), автор научных трактатов по арабской филологии, риторике, логике, философии, юриспруденции, а также по математике и астрономии; Шаабан, сын Исмаила

---

[1] Обзор Дагестанской области за 1899 г. С. 158.

[2] Отчет о состоянии Дагестанской области за 1869 г. Темир-Хан Шура, 1869. С. 71.

[3] *Крачковский И.Ю* Избранные произведения. М.– Л., 1960. Т. 6 С. 610.

из Обода (XVII в.), разносторонний ученый-арабист, основатель арабской школы в Аварии; Дамадан, сын Якуба из Мегеба (XVIII в.), ученый – энциклопедист, один из зачинателей естественных наук в Дагестане, автор трудов по математике, астрономии и медицине, специалист по арабскому, персидскому и тюркскому языкам; Магомед Убринский (XVIII в.), автор ряда работ по праву, философии и филологии; Дауд из Усиша (XVIII в.), создатель учебника по арабской грамматике; Дибир-Кади из Хунзаха (XVIII в.), признанный знаток многих восточных и местных языков, автор большого количества трудов по разным отраслям науки (в их числе толкового словаря персидско-турецко-арабских языков, учебника персидского языка, разговорника азербайджанского, грузинского и персидского языков), первый переводчик на аварский язык «Калилы и Димны». Ему же принадлежит и завершение разработки так называемой «аджамской» письменности для аварского языка. Список этот можно было бы продолжить: Абубекер из Аймаки (XVIII в.), Гасан-Эфенди из Кудали (XVIII в.), Саид-Ибрагим из Гидатля (XVIII в.), Нурмагомед из Хунзаха, Заид из Куркли, Дауд из Карабудахкента, Шайтан-Абдулла и Махди-Магомед из Согратля, Махад из Чоха, Мирза-Али из Ахтов (XVIII – XIX вв.) и т.д.[1]

Рубеж XVIII-XIX вв. в истории культуры народов Дагестана был ознаменован созданием национальной письменности – «аджам» – и концом «единовластия» арабского языка. С появлением первых письменных памятников искусства слова на языках народов Дагестана связано изменение масштаба, содержания и самой формы бытования и развития литературы как общественного явления. Однако зарождение литератур на основе родных языков не означает, что арабский язык отказался от прежних функций и литература на нем перестала развиваться.

Перевод письменности на почву родных языков не означал, что в силу такого размежевания художественные культуры народностей Дагестана перестали быть однотипной общностью: отличаясь друг от друга, главным образом, языком, они остались однородными по сво-

[1] *Гамзатов Г.Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала. 1978. С. 119 – 120.

им идейно – эстетическим и тематико-стилистическим показателем и продолжали функционировать как единая дагестанская литература.[1]

XIX столетие для дагестанской литературы становиться веком бурного развития, она превращается в стройную художественную систему, опирающуюся на традиции и представленную почти всеми поэтическими жанрами. К этому периоду относится зарождение художественной прозы и дифференциация творческих направлений.[2]

XIX в. выдвинул ряд замечательных поэтов и певцов, вышедших из народа, тесно связанных с жизнью народа и запечатлевших в своем творчестве его думы и чаяния: Йирчи Казак (1830–1879), Етим Эмин (1838–1889), Омарла Батырай (1831–1910), Али-Гаджи из Инхо (1846–1891), Тажудин из Батлаича (Чанка) (1860–1909), Гасан Гузунов (1854–1944) и др. Главная тема их произведений – тяжелая беспросветная жизнь бедного труженика в условиях колониального господства царизма и феодально-крепостного гнета. Поэты и певцы осуждали местную феодальную знать, нещадно угнетавшую зависимое население, высмеивали и бичевали проделки непорядочных служителей культа, которые, используя свое положение, обманывали и обирали верующих.

Демократическая направленность творчества поэтов XIX в. делала их произведения близкими и понятными массам. В условиях, когда отсутствовало печатание книг на родном языке, лучшие образцы дагестанской поэзии широко распространялись в народе. Они передавались устно, а зачастую переписывались и в рукописях переходили из рук в руки.

Виднейшим представителем дагестанской литературы XIX в. стал родоначальник кумыкской литературы Йирчи Казак. Начало его литературной деятельности относится к середине века. Это был период обострения социальных противоречий в дагестанском обществе, и, будучи выходцем из народа, Казак не мог не отразить в своих произведениях борьбу обездоленных против феодальной знати. Реалистическое осмысление быта, нравов, чаяний горского крестьянина привело его к резкому осуждению социальной несправедливости. Казак создал образ своего современника, образ мыслителя-бунтаря, гумани-

[1] *Гамзатов Г.* Художественное наследие и современность. Махачкала. 1982. С. 41.
[2] Там же. С. 14.

стический идеал которого – в утверждении таких качеств, как честность и достоинство, бедняцкая солидарность и мужская дружба.

В острой сатире Казака слышны суровая правда жизни, отзвук обозначавшегося «обуржуазивания» кумыкского аула, на фоне которого вырисовывается сущностное противоречие собственнического мира – конфликт между трудом и «хозяевами жизни». «Чужую землю пашем на равнине», – пишет Казак, отражая трагедию безземельных кумыкских крестьян. Наряду с обобщенными оценками действительности («настали новые времена», «времена перевернулись», «все продается в этом мире»), Казаку свойственна и вполне определенная тенденция к концентрации явления и образа. В «Письме к Магомед-Эфенди Османову» поэт жалуется:

Люди низкими стали, душою кривят,
Друг друга продают: сын – отца, брат – брата.
Всюду злоба, доносы, наветы, разврат.
Все пошло к верху дном, Магомед-Эфенди.[1]

Социальная направленность произведений Казака, его выступления в защиту обездоленных вызывали ненависть и злобу у биев-князей. Они добились его ссылки в Сибирь. Трехлетняя ссылка не сломила поэта. По возвращению остро сатирическая направленность произведений Казака еще более усилилась. В 1879 г. поэт был убит шамхальскими наемниками. Однако враги Йирчи Казака просчитались. Его творчество стало широко известно и любимо трудовыми массами.

Другим видным представителем дагестанской литературы XIX в. был лезгинский поэт Етим Эмин. Свободно владея арабским и азербайджанским языками, он создавал свои произведения на родном языке. Эмин стал основоположником лезгинской литературы.[2]

Етим Эмин, начав свой путь в литературе с любовной лирики, в последующем обращается к социальной тематике. В ней он отражает жизнь простых людей, говорит об их тревогах и надеждах. В своих

[1] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала, 1990. С. 61.

[2] *Хайбуллаев С.М.* Классик дагестанкой поэзии// Творческое наследие Етима Эмина. Махачкала, 1990. С. 15.

произведениях Эмин, осуждая классовый гнет, стремился утвердить в людях добрые начала.

Поэт реагировал на общественные явления. В цикле стихов (точнее, поэме), посвященном восстанию 1877 г., наглядно проявляются взгляды Эмина на общество, его видение мира. Хотя в основе этих произведений лежат реальные факты, имеющие место в действительности, поэт приходит к глубоким социальным обобщениям. Стихи эти свидетельствуют об усилении критического начала в реализме Етима Эмина, об определенной аналитичности в подходе поэта к действительности.[1]

С творчеством выдающегося даргинского поэта-демократа Батырая связано зарождение реалистического направления в даргинской литературе XIX в.[2] По определению известного поэта Н. Тихонова Батырай может быть назван отцом даргинской поэзии».[3] Творчество Батырая неразрывно связано с народными фольклорными традициями даргинцев. В его произведениях значительное место занимает любовная лирика. В песнях Батырая воспевается женская красота. Для него женщина – человек, заслуживающий любви и уважения.

В его произведениях рисуется реалистическая картина жизни дагестанского аула, дается образ простого труженика, который противопоставляется деревенским богачам. Батырай всецело на стороне горской бедноты, осуждает алчность и стяжательство богачей. Говорит ли поэт о величии подвигов храбреца, раскрывает ли многообразный и богатый духовный мир своего влюбленного героя, повествует ли о своей печальной жизни, поражает предельная лаконичность его слов, яркость образов, простота изображения и глубина мысли. В его стихах нет ни фальши, ни приукрашивания, ни равнодушия: они полны огня, темперамента. Поэзия Батырая – поэзия больших чувств.[4]

«Бунтарский» дух поэзии Батырая не нравился местной феодальной верхушке. Но простые сельские труженики, которым были по-

[1] *Гашаров Г.Г.* К вопросу о творческом методе поэта Етим Эмина// Творческое наследие Етим Эмина. С. 45.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 98.

[3] *Тихонов Н.* Поэты старого Дагестана//Батырай. Заметки, статьи о творчестве. Махачкала, 1976. С. 9.

[4] *Абакарова Ф.* Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963. С. 17.

нятны и близки его песни, готовы были уплатить огромный штраф (быка) за каждое выступление, но только послушать прославленного певца. Благодаря близости к народной жизни, высокому художественному совершенству, стихи и песни Батырая передавались из поколения в поколение.[1]

Видное место в дагестанской литературе XIX в. занимает Али-Гаджи из Инхо. Получив духовное образование, он на протяжении многих лет был проповедником исламского богословия. Тем не менее, несмотря на религиозную оболочку значительной части общественных и политических идей, в его произведениях преобладает не потусторонняя трактовка смысла жизни. Человек в его поэзии является высшей ценностью. Этим обусловлен протест поэта против социальной несправедливости и антиклерикальные настроения во многих произведениях. Однако, как и многие другие просветители XIX в., Али-Гаджи считал, что устранение социальной несправедливости должно быть достигнуто нравственным совершенствованием личности.

Наряду с любовной лирикой обращает на себя внимание сатирическая направленность многих произведений поэта. Он критикует человеческие пороки, стремится утвердить среди них нравственные начала. «Морем разума» назвал Али-Гаджи свой нравоучительный цикл, представляющий собой развернутый кодекс норм поведения и правил приличия, основная идея которых устремлена к искоренению человеческих пороков. Социальность, выдвинутая еще представителями прогрессивной общественной мысли: честность, чистота души, светлый ум несовместимы с излишествами в материальном бытии. «В оба гляди за теми, у кого богатства полно», – говорил Али-Гаджи, который проповедовал равенство, но не перед богом, как это было принято в соответствии с религиозной точкой зрения средневековья, а перед жизнью. Рваная папаха – это не человеческий порок и нарядная прическа – не признак достоинства его – вот этический принцип Али-Гаджи.[2]

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 99.

[2] *Гамзатов Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. С. 303.

Выходцем из бедной крестьянской семьи был Тажудин из Батлаича (Чанка), который в силу обстоятельств воспитывался в религиозной среде. Он проявлял большой интерес к устному народному творчеству и собирал фольклорные произведения. В зрелый период творчества, который падает на 90-е годы XIX в., значительное место в его поэзии занимает любовная лирика. В его лирических стихотворениях с большой художественной выразительностью обобщается любовь горянки, которая в силу засилья религии и адатов в дагестанском обществе того времени оказалась неразделенной. Чанка стал зачинателем нового жанра в аварской поэзии – элегии.[1]

Традиционно широкой популярностью среди дагестанцев пользовалась религиозная поэзия. Среди художников слова этого направления Алкадари в своем труде «Асари Дагестана» отмечает имена кумыкских поэтов-арабистов Юсупа-кади Аксаевского и Идриса-эфенди Эндириевского, жизнь и творчество которых, в основном, падает на первую половину и середину XIX в. Он говорит о них, как о красноречивых ученых, являвшихся авторами многих сочинений. Они писали религиозно-философские трактаты, сочинения по логике и стихи.

К ряду религиозных поэтов принадлежал и кумык Абдурахман Атлыбуюнский, о творчестве которого можно говорить более определенно, так как до нас дошли некоторые его произведения. Образование он получил в Аварии, будучи учеником известного дагестанского арабиста Саида Араканского. Служил кадием в селении Алходжакенте, а в последние годы жизни вел отшельнический образ жизни, поселившись на краю села в Атлыбуюне.

В жанровом отношении дошедшие до нас стихи Абдурахмана Атлыбуюнского в основном представляют собой «турки». Это - религиозные стихи, требующие значительного поэтического мастерства: в каждой строке должны иметь одну повторяющуюся рифму, а завершающая последняя строка (или реже – последнее слово) должна по-

---

[1] *Магомедов Б.И.* Очерки аварской дореволюционной литературы. Махачкала, 1961. С. 76.

вторяться во всех куплетах, строфы могли состоять трех, четырех или пяти стихов.[1]

Заметное место в духовной литературе занимали составленные учеными Дагестана на основе сведений, содержащихся в произведениях восточной литературы, жизнеописания пророков, их сподвижников и последователей. К их числу относятся изданные в типографиях Дагестана на дагестанских языках такие произведения, как «Нюрлю таварих» (1913) Магомеда сына Казанбия, «Ажаиб ал-умур» (1909) Абусуфьяна, сына Акая, «Пайхамбарлани таварихи» (1913, 1914) Абдулхакима, сына Ибрахима, «Китаб жан Расул» (1916) Нажмуддина, сына Хайдарбека (на кумыкском яз.); «Матали ал-джумхур» (1912) Гази, сына Хасанхусейна (на лакском яз.); «Кисас ал- анбийа» (1908) Умара, сына Аду, «Хулисат ал –ахбар фи-л-манакиб ал-мухтар» (1912) Газимухаммада, сына Мухаммада, сына Мухаммадали (на аварском яз.); «Маждму ас-сийар» (1909) Мухаммада, сына Абдулазиза (на Даргинском яз.) и др.

В 1908 г. в Темир-Хан-Шуре была издана на кумыкском языке книга «Бал бакъча» («Розарий») Шихаммат-кади, сына Байболата, на кумыкском языке книга «Бал бакъча) («Розарий») . Это произведение, посвященное описанию жизни и деятельности пророков и их сподвижников, было переведено с кумыкского на даргинский язык Мухаммадом, сыном Абдулазиза, и сохранилось в рукописи.

В духовной литературе Дагестана важное место занимают книги, посвященные жизни и деятельности пророка Мухаммада – мавлиды. В 1904–1917 гг. Абусуфьян, сын Акая, Магомед, сын Газимагомеда, Магомед, сын Хусейна из Гидатля, Маллахасан, сын Хусейна из Чара, Муртазаали из Ахалчи, Умар-хаджи, сын Зияудина из Миатли и другие издали, и переиздавали на дагестанских языках панегирические произведения на дагестанских языках: «Мавлид», «Мавлид сагир», «Мавлид ал-кабир», «Мавлид ал-акбар», «Мавлид шариф», «Умм ал-мавалад», «Зутдат ал-мавалид», «Янгы мавлид», «Тазкир мавлид ан-наби» и др., посвященные пророку Мухаммеду. Мавлиды и другие произведения духовной литературы, изданные на одном из дагестанских языков, переводились на другие языки и таким образом становились достоянием многонационального населения Дагестана.

[1] Мусаханова Г. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала. 1959. С. 10-11.

Поэты и ученые Дагестана начала XX в. собрали турки на местных языках, написанные в XVIII – XIX вв., и издали их в дагестанских и других типографиях значительными тиражами. Так, в 1903 г. в Симферополе в типографии В.И. Якубовича тиражом 1000 экземпляров был издан сборник турков, составленный Абусуфьяном, сыном Акая, сборник турки под названием «Маджму ал-манзумат ал-аджамина». Он дважды был переиздан в 1907 и 1914 гг. в Темир-Хан-Шуре с дополнениями. 86 песен пять, вошедших в сборник, принадлежит самому Абусуфьяну, 20 – Абдурахману, сыну Магомеда из Какашуры, 6 – некоему Умару. Авторы остальных произведений еще не установлены.

Талантливым поэтом и активных пропагандистов вероучения ислама, канонов шариата и морально-этических норм мусульман, а также мыслителем и философом, внесшим в заметный вклад в дагестанскую духовную литературу, был Абдулла-хаджи, сын Мамата из сел. Урахи (1865–1912). Опираясь на природный поэтический дар и обширые знания, творчески используя богатство духовной культуры дагестанцев и тонкости урахинского диалекта даргинского языка, руководствуясь положениями священного Корана и хадисами пророка Мухаммада, используя произведения ученых Востока, Абдулла-хаджи в своих поэтических произведениях ясно и четко сказал о таких извечно волнующих «детей Адама» («бани Адам») проблемах, как жизнь и смерть, земная и загробная жизнь, рай и ад, судный день (йавле ал-кийама) и т.д. В произведениях Абдулла-хаджи затрагиваются многие вопросы вероучения ислама и шариата, морально-этической и семейно-бытовой жизни мусульман, повествуется об Аллахе, пророке Мухаммаде, о выдающихся представителях духовной культуры Востока и Дагестана.[1]

В целом рассматриваемый период явился временем значительного развития художественной литературы народов Дагестана. В ней, наряду с духовной проблематикой, зародилась новая критическая струя, в которой отразились изменения в социально-экономическом

[1] *Исаев А.А.* Духовная литература на языках народов Дагестана (печатная книга) // Ислам и исламская культура в Дагестане. С. 178–181.

развитии края, усиление дифференциации в дагестанском обществе, протест трудящихся масс против засилья феодалов и нарождающейся буржуазии. В поэзии все более находят отражение социальные мотивы, отстаиваются права обездоленных на лучшую долю.

Несмотря на зарождение и распространение литературной традиции на языках народов Дагестана, устно-поэтическое творчество и фольклор в XIX в. продолжали занимать важное место в духовной культуре этносов горного края. В традиционных жанрах фольклора, бытовавших у народов Дагестана, в это период усиливается тематическое разнообразие, обусловленное развертыванием экспансии царизма в регионе, многолетней Кавказской войной, усилением социального неравенства в дагестанском обществе и нарастанием протеста против феодального гнета и капиталистической эксплуатации.

Важнейшим жанром устно-поэтического творчества дагестанских народов оставалась историческая песня, в которой прославлялись воинская доблесть и отвага, осмеивалась трусость и предательство.

Благоприятные условия для расцвета героических жанров создала тридцатилетняя Кавказская война. В Дагестане возникают произведения устного народного творчества, пронизанные антиколониальными и свободолюбивыми идеалами (песни о взятии Ахульго, о боях за Салты и Чох и т.д.). Кроме песен, посвященных ярким военным событиям, подвигам целых аулов, народ создал песни о героях Кавказкой войны, снискавших признание и любовь народа (песни о Шамиле, Хаджи-Мурате, Бек-Мухаммеде, Гази-Магомеде и др.).[1] В этих произведениях прославляется массовый героизм горцев за свободу и независимость, дается высокая оценка героям и руководителям антиколониальной борьбы Дагестана и Чечни.

Однако следует отметить, что в устно-поэтическом творчестве горцев периода Кавказской войны, звучат разные социальные мотивы и цели. Среди исторических песен встречаются и такие, в которых отразилось мировоззрение феодалов и их приближенных. Таковы песни «Гибель хунзахских князей», «Убиение Хамзата», «Щайх и Аг-

[1] *Юсупова Ч.С.* Дагестанская поэма. Становление и развитие жанра. М., 1989. С. 30–31.

лар», в которых осуждаются действия руководителей восставших горцев.[1]

В исторических песнях народов Дагестана второй половины XIX в. значительное место отводилось событиям, связанным с восстанием горцев в 1877 г. Произведения о восстании 1877 г. близки к лирическим жанрам: в них широко использованы элементы плачей, проклятий, исторических и лирических песен. Так, в лакской песне, записанной А. Каяевым, использованы традиции народного плача:

Наденут ли оружие новые лакские герои,
Если оружие ржавеет без лакских удальцов?
Съедят ли пшеничный хлеб матери?
У скольких матерей в утробе огонь!
У скольких отцов сгорает грудь!

Аналогичная картина наблюдается и в песнях других народов Дагестана.

Комментарии сказителей позволяют отнести к периоду восстания 1877 г. и кумыкский «Йыр о колбасды». Во всех вариантах «Йыра о колбасды» наиболее устойчивой и эмоционально насыщенной является часть, где говорится о покорении эндиреевцев и об отказе в помощи соседей Эндирея.

«Что сделают бедные эндиреевские ребята – нет оружия, нет сторонников», – горько восклицают жители Эндирея. Далее следует едкая, переходящая в злую иронию насмешка над соседями, которые в трудную минуту, изменив договору, не пришли на помощь восставшему Эндирею. Здесь как бы «от противного» утверждается тема дружбы и взаимопомощи. При этом главное не национальная принадлежность, а соседство населенных пунктов с Эндиреем и единство их целей.[2]

Известны и авторы многих ставших народными песен о восстании 1877 г. Так, аварскую песню «Об ушедших в каре» сочинил А. Хазамов, «Захват Цудахара» приписывается М. Сагит-Хаджиеву из Ругуджи и т.д.[3]

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 318.
[2] Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 84–86.
[3] Там же. С. 83.

После поражения восстания 1877г. крупных вооруженных выступлений горцев в Дагестане не было. В крае свирепствовала царская администрация, которая действовала вкупе с местными феодалами. В этот период на первый план в фольклоре народов горного края выступает антифеодальная тема. Так, в период правления последнего казикумухского хана – Аглара у лаков было сложено много преданий о жестокости, коварстве и разгульной жизни Аглара. О зверском отношении хана к женщинам рассказывается в песне «Курклинские девушки», о жестокости по отношению к обездоленным – в произведении «Песня Камы» Другая лакская песня «Давди из Балхара» повествует о коварстве хана, заманившего к себе любимца Балхара Давди и отравившего его. Проклиная хана и его приближенных, народ оплакивает последние минуты страдающего Давди и его смерть. Глухой протест против хана, звучащий в этой песне, обретает ясные очертания в другой лакской песне – «Песня Шагумилава Ильяса».[1]

Выразителями дум и чаяний угнетенных являлись смельчаки, которые открыто выступали против местных угнетателей и царских сатрапов. О них простые горцы складывали песни, в которых прославлялись народные заступники. Такие исторические песни второй половины XIX в. известны у всех народов Дагестана.

Особым эмоциональным накалом и выразительностью отличаются кумыкские исторические йыры второй половины XIX в. «Об Арсланбеке», «Дели Османе» и др. В йыре «Об Арсланбеке» отмечается, что герой служит у феодала и открыто не выступает против своего бия, но в каждом его поступке, слове сквозит вызов хозяину и другим феодалам. Показывается моральное превосходство Арсланбека над богачами и их прислужниками. В йыре «Дели Осман» герой открыто, презирая опасность, выступает против биев. Он пользуется популярностью и поддержкой в народе, является выразителем их интересов и чаяний. Бии Аксая, боясь народного гнева, науськивают на Османа царскую администрацию, которая ссылает героя на каторгу в Сибирь. Содержание йыра «Дели Осман» свидетельствует, что классовый антагонизм в дагестанском обществе во второй половине XIX в. дошел до крайнего обострения.

[1] История Дагестана в 4-х т. т. 2. С. 319.

Один из центральных сюжетов фольклора второй половины XIX в. – тема о положении женщины-горянки. В многочисленных песнях, плачах, пословицах ярко отражалась горькая участь дагестанской женщины, ее экономическое и политическое бесправие и угнетенное положение. «Если я поднимусь на вершину горы, пусть меня унесет ветер, если я опущусь на равнину, пусть меня унесет вода», - пела горянка, оплакивая смерть отца или брата, когда она, бесправная и беспомощная, оставалась одна. В устном творчестве горцев имеются и образы волевых женщин, боровшихся за свои права. Девушка, насильно засватанная своим отцом за княжеского сынка, дает себе клятву быть верной своему возлюбленному. «Если я выйду за княжеского сына, пусть я лишусь своих черных кос», – поет она.[1]

В лирических песнях любовная лирика в известной мере отступает на задний план, вернее получает новые фабульные аспекты в выражении лирических чувств. После 1877 г. и ссылки многих горцев в дальние губернии России появился лирический цикл о неволе в чужбине. В связи с увеличением отходничества входит в поэзию цикл об отходниках, в котором соединены два разнородных мотива: тема разлуки любимых, чаще всего это оставшаяся тоскующая девушка, и тема тоски, трудности жизни, нищеты, жалобы на каторжную жизнь самого отходника.

Продолжают развиваться и прозаические жанры. Широко распространенными оставались прозаические жанры устного народного творчества горцев. Так же, как и раньше, широко распространены сказки о животных, волшебные и бытовые. Проникновение капиталистических отношений в Дагестан, социальное расслоение аула во второй половине XIX в. дают толчок развитию жанра бытовых сказок. Возникают новые бытовые сказки о богатом и бедном, о торговцах, об охотниках, о царских чиновниках. В них народ смеется над глупым богачом, жадным торговцем, осуждает несправедливых царских чиновников, превозносит бедняка, труженика.[2]

Для фольклора народов Дагестана второй половины XIX в. характерна антирелигиозная проблематика, сатирическая струя. В этом плане наиболее характерны пословицы и поговорки: «Не дашь 15

[1] Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. 2. С. 268
[2] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 320–321.

(рублей), и аллах не даст тебе быка», «Аллах Аллахом, а сыт будешь, если в хурджине запасешься едой» (кумыкск.), «За скатертью, чем «бисмилла», хлеб важнее», «От того, что «бисмилла» скажешь, желудок не станет полным», «Не наевшись, и лиса не молится» (табасаранск.); «Ради саваба даже кошка не ловит мышку» (кумыкск., лезгинск.) и др.

Огромной популярностью пользовался анекдот, в котором суровой критике подвергаются отрицательные явления в семейно-бытовой сфере. При этом усиление социальной дифференциации дагестанского общества сопровождалось дальнейшим развитием в нем обличительства к богачам, власть имущим. Показателен аварский анекдот «Богачу не подобает быть мелочным», в котором своеобразно раскрывается жадность богача, кичившегося перед своими односельчанами щедростью, добротой:

«- Я не мелочный человек и терпеть не могу людей, которые считают медяки. Что для меня сто или сто пятьдесят туманов! Я их даже не подыму, если найду на дороге. Вот двести туманов – другое дело! Нет! Нет! Меньше хоть на аббаси и видеть не желаю. Богачу не подобает быть мелочным». Но сельчане проучили хвастливого богача: «На дороге, по которой обычно ходил богач, они положили узелок, в котором было двести туманов без аббаси, а сами спрятались в кустах. Вскоре появился богач, увидел узелок, развернул и стал считать деньги.

– Двести туманов без аббаси, – взволновано воскликнул богач.

– Хотя я обещал брать ровно двести, но узелок, наверное, стоит не меньше аббаси.

Сунул богач деньги за пазуху и хотел было бежать. Но сельчане выскочили на дорогу, отобрали узелок и поколотили хвастуна».[1]

Самым массовым видом искусства народов Дагестана во второй половине XIX в. оставались танцы. Они являлись непременным атрибутом свадеб и других торжеств горцев. Танцевальные состязания нередко устраивались и на досуге. Вот как описывает его М. Алиханов-Аварский: «В ближайшем к нам углу двора, на каких-то бревнах, поместилась пара музыкантов, зурнач и барабанщик, составляющие весь оркестр. Толпа горцев образует перед нами круг, небольшую

[1] Традиционный фольклор народов Дагестана. С. 350, 439.

часть которого составляет группа молодых горянок, долженствующих участвовать в танцах. Две из них красоты поразительной. Внешность остальных довольно обыкновенная, но все разряжены в шелки и пышут здоровьем.

Зурна молчит еще. Пока надрывают свои горла, побагровев от чрезмерного усердия, два певца, два рыжих, точно отлитых из бронзы, араканцы, аккомпанируя на бубне своей песне, да разгуливает по кругу, угощая публику, с огромным кувшином хмельной бузы в одной руке и с не менее внушительным турьим рогом в другой – виночерпий, соединяющий в своей особе ранг шута и распорядителя. Но вот, переходя постоянно в минорный тон, певцы, наконец, смолкли.

– Ну, мои дети побочные, – вступил тогда в свою балаганную роль виночерпий, обращаясь к музыкантам, – теперь выложите все свое искусство, да не посрамите меня, отца вашего, которому вы так же дороги, как злые псы недоброго соседа. Иначе ... да поможет вам Аллах, одному – распухнуть, как барабан, другому – высохнуть, как зурна. Чему вы, каменные головы, обрадовались, как козлята рожкам? – вдруг обратился он к толпе, которая уже разразилась смехом.

– Ах, чтоб тебя прикрыли буркой на носилках![1] – огрызнулся один из музыкантов, не ожидавший, конечно, такого напутствия.

– Чтоб лопнула твоя утроба, как русская бомба, вислоухий – прибавил другой.

– Ваши карканья да обратятся в молитву за мою душу безгрешную с сегодняшнего утра!» – ответил им виночерпий, подходя к ним с улыбкой и поднося бузу. – Нате, вороны, залейте себе горла, чтобы не дохнуть вам до самых ворот ада!

Обменявшись такими пожеланиями в шутливой форме и приложившись еще раз к турьему рогу, музыканты принялись за свое оглушительное дело, а вся толпа дружно захлопала в ладоши. С характерно поднятыми руками, на сцену вылетел тогда молодой горец в полном вооружении, и твердой уверенной поступью в такт зурны, начал обходить круг в ожидании, пока в пару ему выйдет одна из женщин. Но, по обыкновению, у прекрасного пола дело не обошлось без некоторого жеманства: стесняясь выступить первою, женщины выталкивали друг друга, что вызвало новый поток красноречия шута.

[1] Так несут на кладбище мертвых.

– Что с вами, сестры? – заговорил он. – Не стыдитесь замуж выйти, а ломаетесь перед танцами! Выходите проворнее!

Наконец, вышла одна. Поправив головной убор и кокетливо расставив свои руки, прикрытые длинными и широкими рукавами, она понеслась по кругу. Кавалер только и ждал этого. Воспрянув, точно ужаленный, с проворством и легкостью серны, завертелся он около своей дамы, то настигая ее мерной поступью, то обернувшись и выходя ей навстречу, останавливаясь на мгновение выбивая затем такую сложную и невыразимую дробь ногами, что для этого, как сказал некогда Дюма-отец, видевший этот танец в Дагестане, «нужно, чтобы в каждой ноге сидело по тысяче чертей!» Дама носилась в то же время тем особым ходом танцующих горянок, который напоминает плавные круги рулевого лебедя, когда она идет навстречу, и мелкий, быстрый, забавно-суетливый бег дикой курочки, когда, повернув быстро, она ускользает от кавалера. Варьируя эти эволюции, мужчина выкладывает, что называется всю свою ловкость и проворство, а женщина – плавность и грацию, и при помощи их танцующие воспроизводят род борьбы искательства и нахождения с одной стороны, с уклончивым кокетством – с другой.

После первой пары на арену выступила другая; но едва она сделала два-три круга, как вдруг зурна смолкла, и барабанщик продолжал ударять только одной палкой. Игра и танец возобновились только после того, как танцор достал из кармана какую-то монету и опустил ее в отверстие барабана. Это называется данью музыкантам, которые выкидывают обыкновенно подобный пассаж со всеми, с кого можно получить что-нибудь.

Смена танцующих пар продолжалась до полного изнеможения музыкантов, которые, наконец, и смолкли. Пока они отдыхали, пели попеременно то араканские атлеты, то хор женщин. Когда же зурна загремела снова, – начался излюбленные, так называемый, боевой пляс горцев. Этот новый, в высшей степени живой и одушевленный танец, который можно видеть в одном только Дагестане, сразу начинается под тема, напоминающий русскую тревогу на барабане, большими, ускоренными, чуть не сажеными прыжками и переходит затем в отчаянную присядку с кинжалами, что требует необыкновенной силы, проворства и ловкости. В нем участвуют только редкие мужчины, мастера этого дела. Но зато и танцуют так, что, действительно, вызывают невольный восторг не только у горцев, которых просто экзальтирует этот бравурный танец, но и кого угодно!»[1]

Богатой и разнообразной оставалось песенное творчество дагестанских народов. Широко распространенными оставались трудовые, обрядовые, лирические и иные песни, которые исполнялись в музыкальном сопровождении или без него. Высокую оценку развития этого самобытного искусства дагестанских народов давал П.К. Услар. Он отмечал: «Песни представляют совершенно самостоятельное направление горской поэзии. Дагестанские горцы (в отличие от других народностей Кавказа) обладают обильным запасом мелодий, что составляет в высшей степени интересное явление. Не думаю, чтобы нашелся европеец, который мог бы с первого раза освоиться с ними. Но чем далее, тем более свыкаешься с их дикою прелестью. Незамысловатость усвоенного ими стихосложения открывает горцам широкий простор к поэтическим импровизациям, тому же способствует и неимоверное богатство их языка (аварского) грамматическими формами, которые доставляют возможность выразить самые тонкие оттенки мысли. Но сравнительная безыскусственность стиха не может промрачить для нас поэтического одушевления, которым запечатлены горские песни. Уборы придают блеск красоте, но красавица остается красавицей даже в рубище».[2]

Музыкальные инструменты дагестанских народов оставались традиционными, не отличались большим разнообразием. При пении и танцах музыканты играли на зурне, каманче, пандуре, свирели, барабане и бубне.

В музыкальной культуре народов Дагестана рассматриваемого периода наблюдались процессы, характеризующиеся переходом к своеобразному народному профессионализму. Представителями такого народного музыкально-поэтического профессионализма были, в частности, певцы-сказители, ашуги, ирчи, шаиры, для которых музыка являлась основным занятием и в сфере которых существовали оп-

---

[1] *Алиханов М.* В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. С. 232–234, 236.

[2] Там же. С. 243.

ределенные традиции, профессиональная выучка, переходящие из поколения в поколение[1].

Формой профессиональной артистической деятельности являлось искусство дагестанских канатоходцев, выступления которых сопровождались небольшим инструментальным ансамблем шутами-домбаями, которые забавляли публику остроумными скетчами, прибаутками, пародиями, а также смешными акробатическими трюками. Элементами режиссерского творчества отличались массовые народные праздники и особенно такие сложные их формы, как праздничный цикл кубачинцев «Гулала-аку-букон», праздник цветов в селении Ахты, повсеместно распространенный у всех народов Дагестана праздник выхода плуга в поле (праздник первой борозды) и т.д., в которых наблюдались развитые формы театрального действа: определенная сюжетная канва и своеобразный драматический конфликт, диалог и импровизация, актерская игра, перевоплощение и соответствующие грим, маски и реквизит[2].

Непременным атрибутом народных праздников являлись спортивные состязания: конные скачки, бросания камня, бег, кулачные бои и другие. Они вызывали живой, неподдельный интерес горцев.

Важным составляющим традиционной культуры дагестанских народов являлась организация лечения различных заболеваний. Лечение больных, как и в предшествующий период, осуществляли народные лекари. В трудах С.Ш. Гаджиевой, С.С. Агаширинова, А.Г. Булатовой, Б.М. Алимовой, М.А. Агларова, С.А. Лугуева и других этнографов обстоятельно проанализированы вопросы развития народной медицины у дагестанских народов. Как подчеркивают они, несмотря на определенные их различия и нюансы, у дагестанских народов было немало общего, сходного при лечении тех или иных заболеваний. Так, у кумыков, как отмечает С.Ш. Гаджиева, различные травы, а также мед, масло, воск, яичный желток и т.д., применяли при лечении ран. Свежую рану накрывали салом только что зарезанного барана, перевязывали и оставляли до следующего дня. На второй день приготовляли особые тампоны – бальгьам. Чтобы получить

[1] *Якубов М.* Заметки о развитии дагестанской музыки// Искусство Дагестана. Махачкала. 1965. С. 42.

[2] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. М., 1987. С. 51.

бальгьам, в кипятке заваривали пшеничную муку. Из полученной массы, слегка замесив ее, делали калач, затем его сверху смазывали маслом и клали на рану в виде тампона. Время от времени эти тампоны менялись. Наряду с тампонами из пшеничной муки употреблялись тампоны, приготовленные из волокна кендыря с яичным белком. Если рана была на голове, то тампоны делали из ваты, помоченной в масле. Тампоны всавлялись и в застарелые раны с тем, чтобы, как говорили кумыки, «заставить рану работать», т.е. вызвать выход из раны гноя и омертвевших тканей. Когда рана начинала заживать, на нее клали листья подсолнечника и мать-и-мачехи. Врачеватели постоянно следили за тем, чтобы на ране не росло «чирик эт», т.е., так называемое, дикое мясо. Чтобы не допустить роста такой ткани, рану засыпали порошком, приготовленным из особых сухих целебных трав.[1]

Народные лекари Дагестана особого искусства достигли при лечении переломов, вывихов конечностей. Было много лекарей-костоправов, известных далеко за пределами своих населенных пунктов. Так, в середине XIX в. большой известностью пользовался народный лекарь из Табасарана – Уста – Халил, о котором газета «Кавказ» писала, что «некоторые из пациентов его заставляют удивляться искусству и смелости, с которыми делались операции. Уста-Халил – врач ампутаций и никогда не отнимает членов».[2]

Несмотря на наличие таких искусных врачевателей, их было мало, и они не в состоянии были обеспечить помощь и лечение всем нуждающимся в них. В силу этого и веры населения в сверхъестественные силы, многие горцы обращались к священнослужителям и знахарям, которые только усугубляли положение больного.

Развитие материальной культуры народов Дагестана в этот период происходило под знаком воздействия и реализации общих закономерностей двоякого рода. С одной стороны, продолжались и развивались культурные традиции, обусловленные социально-экономическими процессами, произошедшими после постоянных нападений кочевников, и периодическими крупными нашествиями XV-XVIвв.: новое географическое разделение (перераспределение) труда, ускоре-

[1] *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 331.

[2] *Рамазанов Х.Х. Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала. 1964. С. 273.

ние роста производительных сил, интенсификация зонально специализировавшихся отраслей хозяйства (земледелие, скотоводство, домашние промыслы-ремесла), растущий обмен (в том числе и культурный) между населением разных зон и этнических общностей, рост населения и его миграций (с гор на равнину), распространение более производительных орудий труда (отвальный передковый плуг, коса и т.д.). С другой стороны – нарастающее воздействие экономических и политических факторов (присоединение к России, война, умиротворение и устранение внутренних конфликтов, междоусобиц) и влияние культуры России и русских.[1]

В специальных монографических разработках, посвященных историко-этнографическому исследованию отдельных дагестанских народов, обстоятельно рассмотрены вопросы их материальной культуры второй половины XIX – начала XX вв. Мы же, учитывая характер нашего исследования, хотим акцентировать внимание читателя на традиционных компонентах и инновациях, их соотношении в важных аспектах в этой сфере жизнедеятельности дагестанских этносов: жилище, одежде, семейном быте и т.д.

В Дагестане выделялись три основных типа жилища: равнинный, предгорный и горный.

Для равниного были характерны глиняные постройки (турлук и саман), горизонтальная планировка (один этаж), скатная глиняная кровля (двускатная).

Для горного – каменные постройки, вертикальная планировка (два-четыре этажа), плоская земляная крыша.

Предгорное жилище характеризовалась переходными чертами: материал – турлук и саман (на севере данной зоны) и камень (центр и юг предгорья) планировка горизонтальная (саман, но чаще турлук) и вертикальная (не больше двух этажей), кровля плоская, но встречалась и скатная, особенно в хозяйственных постройках.

В пределах этих зональных типов выделялись и боле частные формы, обусловленные как спецификой местных природно-хозяйственных особенностей, так и своеобразием культурного и этнического развития. Так, в горно-долинных селениях преобладал ве-

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней в 2-х т. Махачкала. 2005. т. 2 С. 605–606.

рандный тип жилища, в горных – лоджийный, более закрытый тип, нередко с внутренним двориком, а в высокогорье можно было встретить и многоэтажные дома, с тенденцией заключить все жилые и хозяйственные постройки и помещения в рамки единой каменной коробки. Как правило, это было в селениях, жители которых содержали много крупного рогатого скота и заготавливали много кормов на зиму (например союзы обществ Тлейсерух, Джурмут, Капуча, Сирха, Икрек и др.).[1]

В жилище рассматриваемого периода преобладала двухчастная и трехчастная планировка: средняя комната – сени – хозяйственная, другая – повседневного обихода (семейная), третья – парадная, нередко ошибочно именуемая кунацкой (которая была только у кумыков).[2]

Внутреннее убранство, как и размер дома горца, по мере усиления социальной дифференциации в дагестанском обществе стал значительно разниться с учетом общественного положения и материального благосостояния семьи. Обстоятельное описание внутреннего убранства дома зажиточного горца аула Орода в 1867 г. осуществил Н.В. Воронов. Он отмечает: «Вообще средне-дагестанская богатая сакля делится на два отделения – для гостей и для хозяев, на половину кунацкую и половину семейную. Кунацкая располагается большей частью во втором этаже, состоит из двух или трех комнат и терраски, которая в то же время служит крышею для половины хозяйской или для хлева, буйволятника. Лестницы и пороги такого – же устройства, как и дагестанские горы: тут легко сломать себе, с непривычки, ноги и шею; двери деревянные, половинчатые, на деревянных же створах и без всяких запоров; входя через них в комнату, необходимо сгибаться и в то же время высоко заносить ногу, чтобы не споткнуться о порог. Свет, вместе с ветром и холодом в ненастное время, проникает в комнату через маленькие четырехугольные окна, без рам и стекол, но притворяемые изнутри деревянными створчатыми ставнями или заставками; часть света идет через тонкие узенькие отверстия в стене, которые служили амбразурами для ружейной пальбы на случай нападения неприятеля; наконец часть света проникает в комнату и через

[1] Там же. С. 609.
[2] Там же. С. 610.

прямую трубу камина (бухар), устраиваемого обыкновенно у стенки без особых частей: дрова кладутся прямо на пол, глиняный, или же на камень, вмазанный в пол, и дым идет под навес, в род балдахина, прикрывающий очаг на полтора аршинной высоте от полу. Но в комнате, вследствие такого устройства бухаров, не без дыму, так что, когда затопят камин, с непривычки становится невыносимо: от едкого дыма слезы выступают из глаз, голова тяжелеет и единственное облегчение – лечь на пол или присесть на корточки. Да и сами горцы, от этого же – дыма, сильно болеют глазами. В этих видах, по всей вероятности, устраивается и средне-дагестанская мебель такой высоты, как наши скамеечки для ног: это низенькие, четырех – или трехугольные, табуреты, большею частью орехового дерева, изукрашенные иногда резьбой, но вообще неуклюжие, довольно массивные и без всякой обивки. Впрочем, и такой мебели, в целом ауле, не наберется и десятка штук: не для чего она горцам, когда они обыкновенно садятся на пол, подкладывая под себя ноги точно так же, как и другие жители востока. Но, кроме табуретов, можно иногда встретить в сакле зажиточного горца еще нечто вроде кресла, нечто вроде дивана, тоже орехового дерева, с вычурной резьбой, и также неуклюжие и ничем не обитые: это прадедовское наследство, вроде семейного трона какого-либо влиятельного главы семейства. Вообще – же всякая мебель – излишек для горца; самое необходимое украшение его кунацкой – это ковры и паласы, и только в некоторых саклях самых зажиточных людей, чиновных, можно встретить наконец что-нибудь и из мебели русской. Стены кунацкой довольно чисты, смазанные глиной, внизу серой, а вверху белой. В стенах обыкновенно есть несколько нишей, но пустых и без занавесок, то больших, то меньших и расположенных не симметрично. В таких нишах у жителей плоскостной части Дагестана хранятся сундучки, всякого рода цацки, занавешенные шелковой тканью или парчою; у горцев же, при всей их падкости на цацки, ниши кунацкой большей частью ничем не наполнены; только в верхних нишах под самым потолком, можно заметить иногда расставленную по ранжиру всякого рода русскую посуду, целую или битую: тут и бутылки и пузырьки, и чайник с особым носиком и в особенности полоскательные чашки; все это, как украшение, стоит без употребления. Вообще стенные украшения у горцев, состоят из вещей, добытых всякого рода темными путями, представляются

нашим глазам чем-то страшным, не идущем – как говориться – ни к селу, ни к городу: вот, например несколько неразрезанных носовых бумажных платков прибито в длину всей стены; под ними развешен такой же длины кусок ситцу; на третей стене, на колышках висят наши тарелки, для чего, разумеется, просверлены их края. ... Словом, горца забавляют те самые вещи, которые у нас составляют предмет известного необходимого употребления, и он, не понимая их назначения, обращает все это на украшение своей кунацкой.

У нашего ородинского хозяина всего домашнего скарба могло бы достать на несколько семейств, а потому его хозяйская половина походила на несколько на музей. Какой посуды там не было! И в том числе были экземпляры весьма замечательные, перешедшие к настоящему владельцу от его предков и составляющие предмет его гордости. Между прочим тут был один громадный медный таз, средина которого представляла изящный горельеф – переплетенные ветки винограда, положенные вокруг надписи, несколько стертой, но видимо латинской, изображенной готическими буквами. Замечательными оказались и другие медные сосуды, употребления которых не мог объяснить и сам хозяин: явный признак, что они попали сюда из чужой стороны. Это были довольно чистой и красивой работы фигуры оленя, утки, козла и др. животных, из желтой меди, - внутри пустые и с двумя отверстиями: своеобразные ли это кубки, или же резервуары для осветильного материала – определить трудно. Вообще же можно без преувеличения повторить, что весь склад посуды нашего ородинского хозяина представлял своего рода музей: громадные и маленькие тазы, разной величины чаны, некоторые наподобие литавр, о трех ножках, всяких видов кувшины для воды – все это красной меди; такой - же ассортимент глиняной посуды. Наконец, в числе редких вещей, хозяин показал железную предковскую кольчугу, которую с большим трудом можно было поднять с полу».[1]

Традиционные черты одежды дагестанцев формировались в течение многих веков.

Одежда народов Дагестана, несмотря на его этническую пестроту, была в своей основе однотипна по покрою, материалу, способам украшения на всей территории края, что отражало как общность про-

[1] *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану// СКГ. М., 1992. Вып. 1. С. 31–35.

исхождения многих народов, так и этнические, исторические и культурные связи между дагестанцами.[1] В ней наблюдались существенные количественные, и особенно качественные различия в зависимости от социального положения дагестанской семьи.

Нательную одежду мужчин составляли туникообразная рубаха и штаны «навыпуск» простого покроя. Поверх рубахи носили бешмет из домашнего сукна на подкладке, в талию, с длинными узкими рукавами, с невысоким стоячим воротником и нагрудными карманами. В торжественных случаях поверх бешмета надевали почти такого же покроя (она была шире, длиннее, с широкими рукавами) одежду (чуха), известную повсюду под названием черкески. С ней обязательный узкий пояс с пластинами, желательно серебряными, и кинжал. Головной убор – мохнатая овчинная папаха, у состоятельных людей – из каракуля. Обувь – вязанные шерстяные узорчатые носки, легкие сафьяновые сапоги (маси), башмаки на кожаной или деревянной подошве, кожаные калоши, чарыки из сыромятной или дубленой кожи, войлочные сапоги на толстой подошве (тоже войлочной), вязанная обувь на подошве с загнутыми носками, кожаные сапоги (у зажиточных).

Важной частью одежды была овчинная шуба, сшитая в талии. Ее носили жители равнинных районов. В горах надевали накидную шубу с ложными рукавами и без рукавов с пелериной.

Одеждой для непогоды служила наплечная бурка наподобие плаща. Пешеходы носили простую бурку в виде куска сложенного войлока без швов с завязкой на шее. У всадников была сшитая бурка с плечами, большая, из лучшей шерсти, выполнявшая и роль доспехов. На весь Кавказ, а после Кавказской войны и у русского офицерства, славились андийские бурки из высококачественной шерсти андийских овец.

Намного разнообразнее и богаче была одежда женщин. При известном единстве комплекса мужской одежды, женская, напротив, обнаруживает значительное многообразие, как в составе элементов одежды, так и в разнообразии их форм, а также в способах их сочетания, комбинирования, образования комплексов, костюмов.

[1] История Дагестан в 4-х т. Т. 2. С. 305.

Нательная одежда женщин была двух видов – туникообразная и составная из лифа и пришитой и нему широкой юбки. Под рубаху одевали длинные до ступней шаровары.

Туникообразная рубаха служила у ряда народов (аварская, даргинская группы) и верхним платьем, которое подпоясывалось широким материалом или кожанным с большими металлическими пряжками и нашитыми украшениями (чаще монетами) поясом.

У других народов поверх рубахи надевалось платье в талию нескольких модификаций.

Парадным платьем было расшитое платье къабалай с двойными узкими кистями и широкими рукавами и передником вместо разреза.

Верхней одеждой служили шубы наподобие мужских, только несколько более нарядные. Обувь почти тех же видов и форм, как и мужская, но более изящная, с использованием разных вышивок и аппликаций.

Основные головные уборы – платок, покрывало, окутывающее почти всю женскую фигуру и чухта – вид чепчика, представляющий собой сквозной мешочек, закрепленный лентами на лобной части с обхватом головы и доходивший до талии. Другой вариант полотнище на подкладке, закрывающее волосы, темя и лоб украшались серебром (бляхи, тяжелые цепочки сложного плетения, монисты и др.).

Несмотря на общую однотипность, костюм дагестанских женщин имел много локальных, в том числе этнических вариантов. По особенностям одежды, отдельным деталям, способам ношения, типу головного убора и украшениям можно было определить не только этническую принадлежность, но союз обществ, и даже аул, где жила та или иная женщина, особенно горянка.

Самыми распространенными и любимыми блюдами всех народов Дагестана были хинкал с мясом, заправленный кислым молоком и чесноком, супы «шорпа» с рисом, лапшой, крупой, с тыквой, фасолью и др., пельмени и вареники – «кюрзе» с начинкой из мяса, творога, тыквы, сыра, ливера , из молока с яйцами, из крапивы с яйцами и орехами, всевозможные пироги «чуду», каши и т.д. Традиционными блюдами были «долма», плов, шашлык, широко известный на всем востоке. В особенно торжественных случаях на стол подавались и бараны, ягнята и куры, зажаренные целиком.

Из напитков наиболее древними и распространенными являлись буза – брага (в горах ее разновидность – мачча с добавлением меда, джаба – род вина, но кипяченного; из сладких безалкогольных напитков наиболее известными были цикнай, муселлес – кипяченный виноградный сок, известным на всем Востоке шербет – мед, разбавленный водой и тач – своеобразный кислый напиток из пшеницы и пшеничной муки (у лезгин)[1].

Из сладостей, которые готовились в дагестанских семьях к празднику и к торжественным событиям (свадьба, рождение ребенка и т.д.), следует отметить халву разных видов (с добавлением сахара, меда, грецким орехом).

Одним из самых архаичных оставался семейный быт дагестанских народов. В свадебных обрядах, в организации похорон и в других аспектах семейного быта наиболее устойчивыми оставались традиционно составляющие, связанные с исламом, обычаями и адатами. Однако во второй половине XIX века с развитием капиталистических отношений в Дагестане и связанным с ним классовым расслоением крестьянства социально- гомогенные семьи начали уступать место социально-гетерогенным, в основе которых лежали экономические соображения, а не социальное происхождение, как в прошлом. В результате в Дагестане получили распространение брачные союзы между детьми разбогатевших простых узденей и даже бывших зависимых крестьян и феодальной верхушки. Согласно патриархальным порядкам, невесту и жениха чаще всего выбирали родители. «Жених и невеста могли не знать друг друга, а если даже знали, многие не встречались. Парень мог о своей симпатии сказать другу или своей сестре, а девушка - подруге, которые служили посредниками между ними и родителями. Выбирая жениха для дочери или невесту для сына, сперва смотрели какой тухум, много ли родственников, да еще на богатство.[2]

Общественный быт регулировался не только обычным правом, но и традициями, обычаями, установленными (прецедентами) морально-этического кодекса. Многие его нормы были воплощены в

[1] История Дагестана в 4-х томах. Т. 2. С. 314

[2] *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. М., 1975

обычаи гостеприимства, заключавшемся в обязанности принимать гостя другого села, чужеземца независимо от его этнической или конфессиональной принадлежности, из дружеской или вражеской стороны, его настоящего положения (больной, раненый, преследуемый кровниками, властями, бежавший узник и т.п.), даже если он пришел в дом своего кровника. Приоритет долга гостеприимства хорошо отражен в кумыкском предании о народном герое Айгази: на его вопрос, обращенный к матери, как ему поступить с тремя внезапно свалившимися на него делами (убить кровника, защитить любимую, принять гостей), мать обязывает его в первую очередь принять с почетом костей.

Гость имел право на постой, ночлег, стол, неприкосновенность и охрану жизни, имущества, чести, достоинства, которые обеспечивались хозяином, а в случае необходимости – его тухумом и даже общиной. Обычай гостеприимства, в свою очередь, оказал значительное влияние на культуру и нормы межэтнического и межрегионального общения, укрепления и приумножения многих традиций дагестанцев – обязательности, взаимовыручки, коллективизма, добрососедства, этнотерпимости и др.

Традиция гостеприимства породила его своеобразный вариант – куначество, в котором институт гостеприимства обретал форму постоянных семейно-бытовых и экономических связей, осуществляемых семьями на межсельском (межрегиональном, межэтническом) фоне посредством взаимных посещений, бытовых и экономических акций. Кунак уже не просто гость, это личный друг, фактически родственник, он принимал участие в важнейших событиях семьи своего кунака, а у себя представлял все его интересы как свои собственные. Куначество переходило от отца к сыну (и даже к дочерям), отцовский кунак считался более близким и почетным, нежели свой, самим обретенный (в приведенном придании о Айгази речь шла именно об отцовском кунаке).[1]

Одной из наиболее архаичных черт быта дагестанских народов во второй половине XIX – начале XX вв. оставалась кровная месть, которая зачастую продолжалась между разными тухумами на протяжении многих поколений, унося десятки и сотни человеческих жиз-

[1] История Дагестан с древнейших времен до наших дней в 2 т. Т.2. С.619.

ней. Истории Дагестана известны и из ряда вон выходящие трагические случаи. Так, по преданию в хуторе Цибильда Андийского округа в праздник курбан-байрам молодежь устроила состязания в стрельбе в цель. После нескольких выстрелов завязался спор, перешедший в драку, в которой случайно был убит один из молодых людей. Родственники бросились на убийцу. Завязалась общая свалка между обоими тухумами. Когда в селении стало известно об убийстве нескольких человек с обоих сторон старики и женщины начали в свою очередь драться между собою и душить детей друг друга. Убийства продолжались несколько дней. Из всего селения остались в живых только 4 человека.

В сел. Кадар Темир-Хан-Шуринского округа кровомщение между двумя тухумами, начавшееся вследствие убийства в ссоре за курицу, длилась более двухсот лет.[1]

Наряду с кровной местью для дагестанских народов был характерен институт маслиата, при котором религиозные авторитеты, уважаемые в округе, ауле люди выступали в роли посредников при примирении враждующих тухумов и отдельных семей.

Анализ материала показывает, что конец XIX – начало XX вв. характеризовался наличием многообразной самобытной традиционной культуры у дагестанских народов, которая отражала экономические и социальные процессы и противоречия, протекавшие в регионе и стране в целом.

§ 3. Зарождение и развитие новых элементов в культуре дагестанских народов

Потребности экономического и политического развития национальных окраин Российской империи, в том числе Кавказа и Дагестана, обуславливали необходимость осуществления царизмом и его местными органами власти мер по созданию новых светских учебных заведений, подготовке специалистов из коренных народов для работы в низовых управленческих структурах, промышленных предприятиях, возникавших в этих регионах и т.д.

[1] Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. С. 44.

После присоединения Дагестана к России в крае появились новые светские учебные заведения. Первым из них явилось уездное училище в г. Дербенте, основанное в 1837г. Оно было открыто на основании Положения от 12 мая 1835г., имело целью распространение в крае «начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии».[1]

В год открытия в училище обучалось 35 учеников. В последующий период число учащихся Дербентского уездного училища росло следующим образом: в 1848 г. в училище обучалось 57 учащихся, в 1858 г. – 84, в 1868 г. – 84, в 1878 г. после преобразования уездного училища в трехклассное городское – 125 учащихся.[2] Однако среди учащихся представителей дагестанских народов было мало.

Поэтому решено было открыть в Дербенте же специальное мусульманское училище на 60 мест. Об открытии его были оповещены округа, и уже в мае 1849 г. в город для поступления приехало 20 человек даргинцев, табасаранцев, аварцев, кумыков и представителей других народностей Дагестана. В декабре 1849 г. в училище обучались 64 человека, из которых 34 по собственному желанию, кроме арабского, изучали и русский язык. Но в последующие годы число воспитанников Дербентского мусульманского училища сократилось. В 1854 г. в школе обучалось всего 20 человек. Такое положение военный губернатор объяснял отдаленностью Дербента и жарким климатом, который «удаляет желающих к постоянному учению, так что редкий ученик, пробыв в школе один год, приходит и на другой».[3]

В январе 1855г. Дербентская мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру с частью учащихся. В 1861г. она вошла в состав открывшейся в Темир-Хан-Шуре горской школы. Новое учебное заведение имело целью «распространение гражданственности и образования между покорившимися горцами и доставление служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей».[4]

[1] *Козубский Е.И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие// Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. С. 198.

[2] Там же. С. 192.

[3] *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. С. 322.

[4] *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 205.

Горская школа содержалась на средства военного ведомства и находилась в ведении командования вооруженными силами на Кавказе. При ней был открыт пансион на 65 воспитанников, из которых 40 казеннокоштных, в том числе 25 человек из «почетных фамилий» Северного и Южного Дагестана, и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников горской школы содержались за счет средств, находящихся в распоряжении наместника и средств родителей.[1]

Темир-Хан-Шуринская горская школа открылась в составе трех классов (приготовительного, первого и второго) с 41 учащимися. Помимо учеников мусульманского училища в нее были приняты 18 учеников бывшей школы при 81-м Апшеронском пехотном полку. К концу 1861г. число учащихся достигло 69 человек и в последующие годы росло следующим образом: в 1865 г. в школе обучалось 75 учащихся, в 1870г. – 105 и в 1874 г., т.е. к моменту преобразования школы в прогимназию – 144 учащихся.[2]

Обучение в горской школе велось по программам, принятым в закавказских уездных училищах. Особое внимание уделялось преподаванию мусульманского вероучения, по которому, как и по арабскому языку, учащиеся сдавали переводные экзамены. В 1870 г. в школе было введено обучение столярному и токарному ремеслу, а с 1872 г. – садоводству и огородничеству.

За время своего существования Темир-Хан-Шуринская горская школа выпустила 66 человек.[3]

Ввиду ограниченности программ преподавания данное учебное заведение не могло служить подготовительной ступенью для поступления её выпускников в средние учебные заведения. Дети зажиточных горцев и царских чиновников, офицеров, служивших в Дагестане, после окончания горской школы фактически были лишены возможности продолжать свое образование.

Такая ситуация вызывала определенное недовольство зажиточной родительской общественности и не отвечала ни экономическим, ни политическим интересам царизма в крае. Поэтому в 60-х годах

[1] *Козубский Е.И.* Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск. 1890. С. 3.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. С. 55.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 67.

стал обсуждаться вопрос о преобразовании школы в прогимназию. Подчеркивая необходимость положительного решения этого вопроса начальник Дагестанской области в 1869г. писал наместнику Кавказа: «Ввиду того значения, которое имеет воспитание дагестанских горцев в наших учебных заведениях, и при увеличивающемся год от году стремлении самих горцев отдавать детей своих в эти заведения, а также для предоставления здешнему служащему сословию русских офицеров и чиновников возможности дать своим детям первоначальное образование ... преобразование Темир-Хан-Шуринской горской школы в прогимназию с пансионом с соответствующим потребности числом воспитанников для русских детей и горцев представляется неотложной необходимостью».[1]

Темир-Хан-Шуринская прогимназия была открыта 14 сентября 1874 г. в составе приготовительного и первого классов. Второй, третий и четвертый классы открылись соответственно в 1875, 1876, 1877 гг. Зачисление в пансион за счёт государственной казны производилось в зависимости от того, «какое служебное положение занимали родители воспитанника, иногда же отдавалось предпочтение кандидатам из таких местностей, откуда менее является желающих поступать в школу и где поэтому желательно бы было развить стремление к отдаче детей в учебное заведение».[2] Социальный состав учащихся Темир-Хан-Шуринской прогимназии в 1880 г. был таким: 55% – дети дворян, чиновников и представителей духовенства и только 16% – дети так называемых нижних чинов. Число обучающихся горцев за все годы существования прогимназии составляло в среднем 23 % всех учащихся, но в отдельные годы оно бывало и меньше, снижаясь до 15%.[3]

После трех выпусков (1878, 1879, 1880 гг.) Темир-Хан-Шуринская прогимназия закрывается и вместо него с 1880/81 учебного года открывается реальное училище.

Открытию реального училища – первого среднего учебного заведения в Дагестане – предшествовали многочисленные ходатайства жителей, а также продолжительная переписка военной администра-

[1] *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 33.

[2] Там же.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. С. 59.

ции области с канцелярией попечителя Кавказского учебного округа. В начале 1879 г. жители всех сословий Дагестанской области подали попечителю учебного округа заявление, в котором просили его о преобразовании Темир-Хан-Шуринском прогимназии в реальное училище.

Окончательное решение об открытии учебного заведения было принято в мае 1880 г.[1]

Социальный состав учащихся реального училища мало чем отличался от состава прогимназии. Правда, в 80-х годах несколько увеличилось число учащихся горцев. Так, в январе 1889 г., по сравнению с январем 1881 г., число учащихся – горцев увеличилось на 16%. Несколько возросла (на 4%) численность учащихся из сельской местности Дагестана. Из 246 учащихся реального училища на начало 1890г. 192 человека (78%) являлись уроженцами Дагестана и 58 человек (23,6%) – горцами, т.е. выходцами из местных народностей.[2]

В течение первого десятилетия в реальное училище было принято 146 детей горцев. По округам они распределялись так: Темир-Хан-Шуринский – 60; Гунибский –15; Самурский – 14; Казикумухский – 114 Кюринский –11; Кайтаго-Табасаранский –10; Аварский –9; Андийский –2; г. Дербент –3 и из Терской области (чеченцев) –16.

Названные выше учебные заведения функционировали в городах и в них обучалось ограниченное количество сельских детей.

Начало 60-х годов XIX в. было ознаменовано открытием светских школ и в сельских населенных пунктах Дагестана. В 1861 г. школы были открыты в Ахтах на 44 и в Кумухе на 15 воспитанников.[3] Первые сельские школы содержались за счет средств, выделенных из казны и пожертвований отдельных состоятельных лиц. Так, Кумухская школа содержалась на средства, пожертвованные отдельными лицами, и 150 руб. в год отпускалось окружным управлением.[4]

В 1872 г. школа была открыта в Чирюрте, а в 1878 г. – в Касумкенте (Кюринский округ) и Дешлагаре (ныне Сергокала) Кайтаго-

[1] Там же.

[2] *Гаджиев А.С.* Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. Махачкала, 1966. С. 9.

[3] *Козубский Е.И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие//Дагестанский сборник. Вып. 1. С. 338, 339.

[4] Там же. С. 217.

Табасаранского округа. Решение наместника Кавказа открыть сельские школы в Касумкенте и Дешлагаре основывалось на том, что общества этих селений подготовили помещения для них, обязались принять на себя расходы на отопление, освещение школ, содержание обслуживающего персонала.[1]

В последующие годы светские школы были открыты и в некоторых других крупных сельских населенных пунктах Дагестана. В 1899 г. число новых учебных заведений в округах области составило 12 с 493 учащимися.[2]

Естественно, такое мизерное количество школ и учащихся не могло удовлетворить потребность в них. Неприглядное состояние народного просвещения было обрисовано в рапорте попечителя Кавказского учебного округа исполняющему должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 22 января 1896 г.: «Что мы видим вокруг себя, сколько местностей Кавказа остаются вовсе без школ, сколько ещё местностей, где тысячи жителей, стремящихся привести детей к свету истины, на находят для них места в тесных, темных, бедных народных школах. Сколько есть людей, жаждущих света и не находящих его... В Кубанской области, где народное образование наилучше поставлено, почти 70% детей школьного возраста остаются вне учения. Что же сказать о Дагестанской и Карской областях... О многих частях Северного Кавказа?... Образование народное на Кавказе слабее, чем на острове Гаити!».[3]

При этом, придерживаясь классового принципа и стремясь усилить свою опору среди местных народностей, царизм стремился ограничить доступ в новые учебные заведения детям из трудовых семей. 18 июня 1887 г. царский министр просвещения издал реакционный циркуляр, который призван был освободить эти школы «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прочих мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды к коей они принадлежат, и через то, как показывает многолетний опыт, приводит ...к недовольству своим бытом, к оз-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 67.

[2] Обзор Дагестанской области за 1899 г. С. 158.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 73.

лоблению против существующего и неизбежного по самой природе вещей, неравенство имущественных положений».[1]

В соответствии с этим циркуляром, с 1887/88 учебного года во всех мужских гимназиях и прогимназиях Кавказского учебного округа[2] плата за обучение была повышена с 30 до 40 рублей в год.[3]

Объективная потребность развития экономики и политических процессов в стране и регионе вынуждали увеличивать финансирование просвещения из государственной казны. Это сопровождалось расширением сети светских учебных заведений в Дагестанской области на рубеже XIX – XX вв., увеличением контингента обучающихся в них. К 1915 г.число светских школ в области достигло 93. В них обучалось 7092 учащихся.[4]

Средних школ было крайне мало. В двух реальных училищах и четырех гимназиях обучалось 1911 детей, в основном выходцев из местной социальной верхушки и детей царских чиновников. В сельской местности имелись только начальные (одноклассные и двухклассные) училища. Лишь незадолго до Октябрьской революции Кумухское двухклассное начальное училище было преобразовано в высшее начальное училище с продолжительностью обучения 7 лет.[5]

Несмотря на ограниченность сети и охват ими подрастающего поколения, меры царской администрации по расширению числа светских учебных заведений в Дагестанской области, объективно, способствовали привнесению новых начал в духовное развитие народов горного края.

Во второй половине XIXв. значительные усилия по созданию новых учебных заведений в Дагестанской области, приобщению горцев к светской системе образования и новым духовным ценностям прилагали передовые представители демократической русской интеллигенции. Так, большой популярностью среди горцев пользовалась школа, организованная при аптеке Дагестанского конно-иррегулярного полка в Нижнем Дженгутае русским врачом И.С. Костемеровским. Школа открылась в декабре в 1856 г. По свидетельству самого Костемеровского, она была организована для подготовки из местного населения «фельдшерских учеников и оспопривателей». Однако со временем успехи школы оказались столь значительными, что они превзошли ожидания её организатора.

[1] Кавказ. 1887. 4 августа.
[2] За исключением Кубанской войсковой гимназии.
[3] Кавказ. 1887. 22 августа.
[4] Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916. С. 59.
[5] *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. С. 117.

Первыми учениками школы были сыновья и малолетние братья всадников полка. Вскоре весть об открытии школы разнеслась по аулу и привлекла столько желающих учиться, что аптека не могла их вместить. Пришлось подыскать другое, более просторное помещение. Преподавали в нем сам И.С. Костемеровский и фельдшера. В школе изучались следующие предметы: русский язык, арифметика (четыре основных арифметических действия, именованные числа), география и история (в форме бесед, посвященных объяснению явлений природы и общественной жизни).[1]

В 1859 г. в укреплении Ахты по инициативе Т. Лебединского открыли сельскую начальную школу, в которой обучались и горские мальчики, но эта школа просуществовала недолго, с отъездом из Ахтов Лебединского в начале 1861 г. её закрыли. Такие школы существовали также в поселке Дешлагар (при 83-м Самурском пехотном полку), Темир-Хан-Шуре (при Апшеронском полку). Позднее школы открылись в Кумухе и Гунибе при дислоцированных в этих аулах линейных батальонах.[2]

К концу 50-х и к 60-м годам относятся попытки открыть в Дагестане частные школы. Первая из них была открыта в 1859 г. в Темир-Хан-Шуре сестрами Н.В. и А.В. Есиповыми. До открытия Дербентской и Темир-Хан-Шуринской женских школ она являлась единственным женским учебным заведением области. Школа просуществовала до 1875 г., когда в связи с созданием мужской и женской прогимназии в Темир-Хан-Шуре и сокращением числа учащихся была закрыта.

С.Я. Петрова, жена начальника 21-й пехотной дивизии, обратилась в 1871 г. к наместнику Кавказа с просьбой о разрешении открыть в Дешлагаре «общественное женское училище», но получила отказ ввиду «необеспеченности содержания училища». Все же С.Я. Петровой, при содействии лиц, взявших на себя труд не только обучения

[1] Там же. С. 75.
[2] *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. С. 323.

детей, но и оказания им помощи в выполнении домашних заданий, удалось открыть школу. Эта школа с программой приготовительного и первого классов содержалась на средства самой Петровой и собираемые ею пожертвования. Временами число учениц доходило до 50 человек. Но в связи с переводом штаба 21-й пехотной дивизии в Петровск (1873 г.) Дешлагарская школа закрылась.

В 1872 г. частное женское училище открывается в Темир-Хан-Шуре. Оно просуществовало около трех лет. В 1875 г. в связи с выездом из города организатора училища – Котляревской – оно закрылось.

По сведениям Е.И. Козубского, в Петровске в 1876 г. существовали две частные женские школы Дегаевой и Смирновой, а в 1876г. здесь была открыта ещё одна школа с пансионом домашней учительницей М. Серпинэ. В том же году школа была преобразована в прогимназию в составе приготовительного и трех основных классов, в которых к началу 1879 г. обучалось всего 17 учениц, 6 из них содержались в пансионе. В 1879 г. в прогимназии открылся четвертый класс, и число учащихся уже в августе этого года достигло 30 человек, из которых 9 пансионерок. Из-за материальных затруднений и выезда из города преподавателей в 1881 г. прогимназия закрылась.

Одновременно со школой Серпинэ в Петровске работало ещё одно частное учебное заведение – начальное училище Барбаль.[1]

Развитию светского образования способствовали и школы, открытые в 1865–1867 гг. в Хунзахе, Кумухе и Гунибе для обучения горцев грамоте на родных языках по алфавитам, разработанным П.К. Усларом. Услар при участии Айдемира Чиркеевского и Абдуллы Омарова составил алфавиты, создал буквари на аварском и лакском языках. Были подготовлены сборники сказок, пословиц, песен, которые предназначались для первоначального чтения. Первой открылась школа в Хунзахе. Учителем стал активный пропагандист идей П.К. Услара Айдемир Чиркеевский. Вскоре после открытия школа была переведена в Темир-Хан-Шуру. Несмотря на немалый возраст многих учеников, они в течение двух-трех месяцев выучивались свободно читать и писать по-аварски. За два года существования школу закончили более ста человек.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 78–79.

Гунибская школа была открыта в феврале 1867г. Однако в силу различных обстоятельств через полгода она прекратила свое существование. Кумухская школа, учителем в котором работал Абдулла Омаров, начала функционировать в сентябре 1866 г. Обучалось 15 человек, из которых 13 человек окончили курс обучения и выпущены. В январе 1867 г. был осуществлен новый набор учащихся в школу. Однако в том же году школы закрылись.[1] Сказалось отсутствие должного финансирования их местной царской администрацией и противодействие мусульманского духовенства распространению среди горцев новой грамоты. Говоря о негативном отношении мусульманского духовенства к этим школам, в отчете начальника Дагестанской области за 1869 г. указывалось что оно отнеслось к ним враждебно «и тайно старалось противодействовать распространению в народе новой грамоты».[2]

По данным отчетов военных начальников округов Дагестанской области, в 1870 г. насчитывалось 169 человек, знавших новую грамоту, в том числе в Гунибском округе – 63 в Казикумухском округе – 51, Аварском – 45 и Андийском – 10.[3] Это были люди различных возрастов и рода занятий.

Начало XXв ознаменовалось появлением в Дагестане первых профессиональных учебных заведений.

Первой (1904) открылась школа в Дербенте. Она называлась школой виноделия, садоводства и виноградарства. Заведующим школой стал А.П. Макаренко, работавший до этого преподавателем Никитского (в Крыму) училища садоводства и виноделия. Школа содержалась в основном на средства городского общественного управления. Государственная же казна отпускала на содержание школы всего 3500 руб. в год. В школу принимались подростки в возрасте не моложе 14 лет, окончившие курс двухклассных сельских и городских училищ, «способных к физическому труду». С открытием приготовительного класса в нее стали принимать мальчиков 12 лет, окончивших начальные училища.

[1] *Козубский Е.И.* Указ. соч. С. 224–225.
[2] Там же. С. 226.
[3] Там же. С. 225.

Обучение общеобразовательным дисциплинам сочеталось в школе с практическими занятиями по садоводству, огородничеству и виноградарству. Учащиеся получали необходимые сведения об уходе за садом, виноградником и огородом, о консервировании плодов и более сокращенно – о цветоводстве, болезнях растений, шелководстве и пчеловодстве, проходили краткий курс почвоведения. Окончившим курс Дербентской школы виноделия, садоводства и виноградарства выдавался аттестат «обученного садовода и винодела».

В год открытия в школе обучалось 25 учащихся. В последующие годы контингент учащихся рос: в 1906 г. он составлял 32 человека, в 1909 г. – 37, в 1910 г.– 44, в 1912 г – 60 человек. Подавляющее большинство учащихся школы являлись детьми жителей г.Дербента. Так, в первый год работы школы дербентцы составляли 80% общего состава учащихся.

В 1905 г. в Дагестанской области (в Петровске) открывается вторая специальная школа – электротехническое училище. Заведовал училищем инженер-технолог Богатырев. Училище готовило электротехников, которые могли бы работать при электрических станциях. В училище принимались лица в возрасте от 15 до 40 лет, окончившие курс городских, по положению 31 мая 1872 г., духовных или уездных училищ и прошедшие курс четырех классов средних школ. Курс обучения в Петровском электротехническом училище был трехлетним. Оно давало довольно большой объем специальных знаний в области электричества, телефонно-телеграфного дела.

Единственное в области специальное техническое среднее учебное заведение было доступно лишь состоятельному слою местного населения. И не только потому, что к тому времени очень немногие из дагестанской молодежи имели необходимую для поступления в училище общеобразовательную подготовку. Основным препятствием служила высокая плата за учение – 200 руб. в год.[1]

В 1900 г. в Петровске, а в 1909 г. в Темир-Хан-Шуре открылись педагогические курсы. Несколько позже (1911 г.) начались занятия в низшей ремесленной школе Темир-Хан-Шуры.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 54–57.

Потребность экономического и социально - культурного развития, необходимость подготовки квалифицированных кадров из числа представителей местных имущих сословий для работы в органах царской администрации обусловило выделение для дагестанских детей вакансий в учебных заведениях других регионов страны.

Начиная с 60-х годов XIX в., для детей «почетных горских семей» Дагестана были открыты вакансии в учебных заведениях вне области. В 1866 г. для детей горцев Дагестана «была открыта вакансия в Ставропольской гимназии», при чем, по распоряжению Кавказско-горского управления, на эти места могли быть зачислены лишь те, «которые свободно говорят по-русски и понимают излагаемое на русском языке, без всякого затруднения в состоянии выдержать экзамен в соответствующий их возрасту класс гимназии, поэтому на эти вакансии избирать единственно тех детей горцев, которые воспитываются в горских школах и своими способностями и успехами обращают на себя внимание училищного начальства». С 1866 по 1890 г. в Ставропольскую гимназию было отправлено 124 уроженца Дагестана: кумыков, аварцев, даргинцев, лаков, лезгин, табасаранцев и др.

В 1868 г. 15 вакансий открылось в Бакинском реальном училище. По имеющимся данным, в течение 10 лет (с 1868 по 1888г. включительно) в Бакинское реальное училище поступило 47 уроженцев Дагестана.[1] В 90-е годы XIXв. ежегодно заявления о приеме во Владикавказское реальное училище подавало в среднем 3–5 человек.[2]

Небольшому числу уроженцев Дагестана удавалось поступить и в другие учебные заведения вне пределов области. Во второй половине 70-х и в 80-х годах четверо дагестанцев из г. Дербента, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов обучались в Закавказской (г.Гори) и Кубанской учительских семинариях. Трое из них окончили курс, получили звание учителя начальной школы и работали впоследствии педагогами.[3]

С конца 60-х годов XIX в. дети «почетных горцев» принимались в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Харькова и других

[1] *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 324–325.
[2] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 102. Л. 2.
[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 82.

крупных городов России. В 1869г. стипендиатами области были приняты на юридический факультет Московского университета М. Далгат, в Харьковский университет – А. Келеметов, в Петербургскую медико-хирургическую академию – М. Арабилов и др. В 1894 г. учреждены 5 стипендий в Тифлисской фельдшерской школе для детей дагестанцев.[1]

В начале XX в., наряду с некоторым ростом численности, расширяется география учебных заведений, в которых продолжает образование дагестанская молодежь, разнообразнее становятся профили подготавливаемых специалистов. Помимо Москвы, Петербурга, Харькова дагестанцы учатся в вузах Одессы, Новороссийска, Томска, а некоторым удается попасть для завершения образования в высшие учебные заведения стран Западной Европы.

Как и раньше, дагестанцы обычно поступали на юридические и медицинские факультеты университетов, в технические вузы. Отдельным горцам посчастливилось кончить курс в Петербургской сельскохозяйственной, Петербургской военно-медицинской академиях и некоторых других высших учебных заведениях. В частности, в 1916 г. окончили военно-медицинскую академию Р. Шихсаидов и М. Кажлаев, впоследствии известные работники здравоохранения Дагестана и Азербайджана. Дагестанка Джаннет Далгат первая из горянок окончила в 1909 г. Лейпцигскую консерваторию.[2]

Несмотря на эти позитивные результаты в подготовке квалифицированных специалистов из числа горской молодежи, многим дагестанцам высшее образование по-прежнему было недоступно. Так, по далеко не полным официальным данным, в 1900 и 1901 гг. в приеме во Владикавказское реальное училище было отказано 75%, подавших заявление дагестанцам, а в Бакинское реальное училище из 13 подавших заявления, было принято только 6 человек.[3]

Такое положение во многом было следствием ограниченного числа стипендий, выделяемых для представителей дагестанской молодежи, в целях продолжения образования. Неоднократные обращения дагестанцев к властям о выделении стипендий для поступления и

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 82.
[2] *Гаджиев В. Г.* Указ. соч. С. 325.
[3] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 134. Л. 4.5.

завершения образования в специальных учебных заведениях не получали положительного решения. Сохранился ответ начальника канцелярии наместника Кавказа на заявление жителя села Кумух Габиева о выдаче его сыну, студенту Петербургского университета Саиду Габиеву, пособия, чтобы он мог продолжить учебу. Ответ датирован 21 сентября 1905 г. В нем сообщается, что ходатайство Габиева «о выдаче сыну его Саиду, обучающемуся ныне в Санкт-Петербургском университете, денежного пособия на обучение оставлено, по приказанию наместника на Кавказе, без удовлетворения».[1]

В начале XX в. наряду с развитием светских школ в Дагестане, как и других мусульманских регионах Российской империи, была предпринята попытка реформирования мусульманской конфессиональной системы образования.

В так называемых «новометодных» школах, открываемых в области, наряду с обучением канонам ислама и Корану, преподавались и светские дисциплины. Эта была попытка приспособить деятельность конфессиональных школ новым капиталистическим отношениям и стремлением усилить практическую отдачу от неё. Однако отсутствие соответствующей учебно-материальной базы и подготовленных педагогических кадров, способных наладить эффективную работу, не позволяли получать сколь-нибудь осязаемых результатов от новых учебных заведений.

По свидетельству официальных властей «школы нового типа мало чем отличались от мечетских». Как сообщал в рапорте военному губернатору Дагестанской области начальник Темир-Хан-Шуринского округа «мусульманская школа нового типа в сел. Халимбекаул открыта в апреле 1908 г. Преподавание ведется на арабском и турецком языках по программе, представленной при надписи предместника моего от 20 марта сего года. Школа помещается в здании, построенном на средства отставного подполковника Г. Хасбулатова, который обязался уплачивать содержание учителю по 200 руб. ежегодно. Учителем в школе состоит Махмуд Муфти Заде-оглы, а в женском отделении его жена Рахма Гусейн кизы. Оба никакого образовательного

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 132.

ценза не имеют. За обучение установлена плата в размере 4 руб. в год с ученика».[1]

В Дагестанской области новометодные школы не получили широкого распространения. В 1908 г. общее их количество составило 11 с числом учащихся 646 человек, из них 179 девочек. Все новометодные школы функционировали только в одном Темир-Хан-Шуринском округе.[2]

Влияние движения за реформу мусульманской религиозной школы отразилось и на деятельности созданного в 1905 г. представителями местной буржуазной интеллигенции «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». В докладе правления на собрании членов этого общества 26 марта 1906 г. отмечалось: «Говоря о народном образовании, не приходится принимать во внимание примечетские школы, так как в них вовсе не преподаются общеобразовательные предметы». Правление общества считало, что дело народного образования в области «пошло бы вперед крупными шагами, если бы в мечетских школах преподавались сверх арабского языка и закона божьего также и общеобразовательные предметы... Преподавателями в них должны быть, разумеется, муллы или кадии, получившие серьезную современную воспитательно-педагогическую подготовку».

Для обеспечения примечетских школ «штатными учителями», а селения «просвещенными кадиями» представители буржуазно – националистической интеллигенции, входившие в «общество просвещения туземцев-мусульман» предлагали открыть вместо русских светских школ «мусульманскую духовную учительскую семинарию». В нее имелось в виду принимать наиболее способных учеников примечетсикх школ по решению сельских обществ.

Однако намерение общества об организации мусульманской духовной семинарии не было осуществлено.[3]

Новометодные школы открывались только с официального разрешения властей. Царизм опасался, что они могут послужить рассадниками антирусских настроений в мусульманских регионах империи и стремился жестко контролировать их деятельность.

[1] ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 143. Л. 9.
[2] Там же. Л. 11.
[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 137.

Во второй половине XIX в. царизм, учитывая социально-культурные запросы и потребности населения Дагестана, приступило к развертыванию сети медицинских учреждений в крае. В 1896 г. в сел. Касумкент функционировал приемный покой на 5 кроватей. Штатный городовой врач находился только в г. Дербенте, обязанности его в г. Петровске выполнял врач тюремного ведомства, а в Темир-Хан-Шуре врач военного ведомства, которые по частному соглашению получали особое вознаграждение за свои труды из суммы городов Темир-Хан-Шуры и Петровска. Кроме того, в городах имелось по одной повивальной бабке, получавшей вознаграждение из городских сумм.[1]

В 1899 г. были открыты новые сельские приемные покои в сел Каякент Кайтаго-Табасаранского округа, сел. Тилитль Гунибского округа и сел. Карабудахкент Темир-Хан-Шуринского округа, каждый из которых на 5 кроватей. В городах Темир-Хан-Шура, Петровске и Дербенте имелись городские врачи по одному в каждом для оказания медицинской помощи, медико-полицейского и санитарного надзора. При врачах состояло по одному фельдшеру и повивальной бабке. В округах области было 9 окружных врачей, при каждом из которых находилось два фельдшера и 3 оспопривателя. В Темир-Хан-Шуринском округе при окружном враче состояла также вольнонаемная повивальная бабка. В городах, кроме больниц военного ведомства, железнодорожных и больницы при Темир-Хан-Шуринском реальном училище, были амбулатории. В трех городах области (Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте) и каждом из 9 округов были аптеки.[2]

Только в 1904 г. царским правительством был издан закон о создании в округах области фельдшерских пунктов. В 1913г. во всех округах Дагестана, по официальным данным, работало 18 таких пунктов, или 7 фельдшерских пункта на округ.[3] Из-за недостаточного финансирования сеть медицинских учреждений в Дагестанской области

[1] Обзор Дагестанской области за 1896г. С. 30.
[2] Обзор Дагестанской области за 1899г. С. 126-128.
[3] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 351.

оставалось крайне недостаточной. На это обстоятельство указывали даже представители царской администрации. «Медицинская помощь – писал один из окружных начальников, – настолько слаба..., отпуск медикаментов настолько мал, что никакой помощи населению оказать нельзя».[1]

Открытие медицинских учреждений имело исключительно важное значение в деле организации квалифицированной медицинской помощи населению Дагестана. В анализируемый период они практически полностью были укомплектованы приезжими специалистами, прежде всего русскими. Русские врачи И.С. Костемеровский, К.М. Трипольский, Г.С. Кузнецов, И.И. Кривякин, Е. Ефремов, М.А. Баков и многие другие, не считаясь с трудностями и лишениями, самоотверженно и неустанно трудились на ниве здравоохранения. Работавший в дореволюционном Дагестане, С.М. Казаров впоследствии вспоминал, как начальник Кайтаго-Табасаранского округа запрещал проводить санитарно-просветительскую беседу в селениях, где среди детей свирепствовала корь. «Сей бюрократ, – заключает он, – боялся, чтобы беседа не перешла, упаси боже, в... противоправительственную пропаганду». Русским врачам приходилось преодолевать трудности и другого характера. «Бывало, – писал С.М. Казаров, – что 6 месяцев не оплачивали нам зарплату, но безрадостное положение трудящихся – голод, нищета и эпидемия заставляли нас забывать о себе, делать все, что возможно ...для лечения больных, для прекращения множества болезней как среди взрослого населения, так и детей».[2]

Большой популярностью среди дагестанцев пользовался врач-просветитель И.С. Костемеровский. Воспитанник Петербургской медико-хирургической академии И. Костемеровский с 1844г. и до конца своей долгой жизни прожил в Дагестане. Работая врачом Дагестанского конного полка, он бывал во многих местах области. Но в основном его деятельность проходила в сел. Нижний Дженгутай, где помещалась штаб-квартира полка. Слава о бескорыстной медицинской помощи И. Костемеровского местному населению распространилась по всему Дагестану. К нему обращались больные из самых отдаленных концов области: кумыки, аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы и др. Даже женщины-горянки, которые никогда не обращались к местным хакимам-мусульманам, каким бы серьезным не было заболевание, приходили к И. Костемеровскому. Днем и ночью у его квартиры толпились больные, где И. Костемеровский с раннего утра до поздней ночи вел прием. Бывали даже дни, когда он принимал по 130 и более больных. Плодотворной была деятельность И.Костемировского в Гунибском, Казикумухском округах и Петровском военном госпитале. И всюду он пропагандировал знания и нес в гущу народа передовую русскую культуру. И. Костемировский завещал, накопленные огромным трудом сбережения (30 тыс. руб.) на развитие образования и культуры Дагестана.

[1] *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 328-329.

[2] *Аликшиев Р.Ш.* Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М., 1958. С. 82–83.

22 года проработал в Самурском округе русский врач А.Н. Ефимов, пользовавшийся большой популярностью среди бедноты. Население любило Ефимова, уважало его как человека, ценило как врача. За время своей многолетней деятельности А.Н. Ефимов тесно сблизился с местным населением, которому он оказывал посильную помощь. Беднота шла к нему не только как к врачу, но и как человеку, который даст полезный совет, напишет прощение, окажет материальную поддержку из своих скудных средств.[1]

Деятельность врачебно-медицинского персонала способствовала привитию населению уважения к научной медицине и высвобождению их от пут знахарей и шарлатанов от медицины.

Однако в области медицинских учреждений и работающего в них персонала остро не хватало. В крае свирепствовали оспа, брюшной и сыпной тиф, корь, венерические и другие тяжелые заболевания, которые ежегодно уносили в могилу сотни и тысячи жизней.

В трудах А.Р. Шихсаидова, А.А. Исаева и других востоковедов показано, что широко распространенным источником знаний для дагестанцев до второй половины XIX в. служила рукописная книга, преимущественно религиозная и религиозно-философская литература на арабском языке.

Во второй половине XIX в. в Дагестанской области стало налаживаться книгаиздательство. Начиная с 70-х годов XIX столетия, в

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 353–354.

городах Дагестана было открыто несколько частных полиграфических предприятий. Известно, что в 1873 г. Белявский открыл типографию в г. Дербенте. В конце 1876 г. коллежский секретарь А.М. Михайлов купил у купца З. Самойлова типографию в г. Петровске. В 1879 г. он А.М. Михайлов в Москве приобрел для этой типографии «совершенно новую скоропечатную машину фабрики Иогансберга и другие разные типографские принадлежности». В 1897 г. он основал вторую типографию в Темир-Хан-Шуре, а еще раньше – в 1881 г. открыл литографию в Петровске. В 1901 г. в Дагестане официально функционировало 10 типографий.[1]

В этих типо-литографиях издавались книги на русском языке. Они сыграли важную роль в распространении и знакомстве населения края с русским языком и культурой, а через них и с мировой культурой.

В 1902 г. в Темир-Хан-Шуре была открыта типография М.-М. Мавраева, который вместе с А. Акаевым и другими сподвижниками наладил выпуск в значительных масштабах и распространение литературы на аварском, кумыкском, даргинском, лакском, лезгинском, арабском, балкарском, кабардинском, адыгейском и других языках. По неполным данным до 1917 г. типография М.-М. Мавраева выпустила 305 названий книг светского и религиозного содержания на различных языках.[2]

В начале XX в. На дагестанских языках наряду с духовно-религиозной литературой издавались учебники и учебные пособия, художественные произведения и др.

В 1879 г. в г. Петровске открылось первое в истории Дагестана предприятие книжной торговли, принадлежавшее частному лицу. Вслед за ним книжные лавки открываются в Темир-Хан-Шуре и Дербенте. Появление книжной торговли свидетельствовало о возросшем интересе, местного населения к книге. С другой стороны, оно в известной мере стимулировало тягу населения к чтению, развитие грамотности.[3]

---

[1] *Исаев А.А.* Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала, 2003. С. 14.

[2] Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Махачкала, 1985. С. 295–296.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 123.

В начале XX в. в связи с общественно-политическим подъемом в стране, в Дагестане усиливается интерес к периодической печати. Либеральная буржуазия, стремившаяся направить это общественно-политическое движение в нужное ей русло, пытается создать свои органы печати. Проявлением этого стремления была газета «Дагестан», которая начала выходить в феврале 1906 г. в г. Петровске. Газета издавалась всего около года. Отзвуки революционных событий в стране, находившие на страницах газеты робкое отражение с либерально-буржуазных позиций, пугали рьяных местных консерваторов. Натолкнувшись на препятствия с их стороны, газета уже в 1907 г. прекратила свое существование.

Ещё меньше просуществовала газета «Дагестанский вестник», которая начала выходить в 1907 г. в г.Дербенте. Эта газета была призвана выражать интересы приспосабливающегося к условиям капиталистического развития местного дворянства. Естественно, она не пользовалась широкой популярностью. Не сумев собрать нужное число подписчиков, газета в том же году закрылась.

С 1909 г. в Темир-Хан-Шуре начали выходить «Дагестанские областные ведомости» – официоз администрации области, а с 1913 г. – еженедельная газета «Дагестан» на арабском языке, которая по своему содержанию мало чем отличалась от «Ведомостей».

Большой популярностью среди горцев пользовалась первая дагестанская просветительская газета «Заря Дагестана, издававшаяся в Петербурге С.И. Габиевым. Газета имела в Дагестане и за её пределами сеть собственных корреспондентов и сотни подписчиков. Она получала материальную и моральную поддержку со стороны передовых представителей местной интеллигенции.

Дагестанская действительность освещалась и в выходившей в 1912–1914 гг. «Мусульманской газете», издателем которой был также С.И. Габиев.[1]

В мае 1900 г. в Дагестане была открыта первая публичная библиотека в г. Петровске. Она содержалась за счет средств Петровского городского общественного управления.[2]

---

[1] Там же. С. 149–150.

[2] Дагестанский сборник. Вып. 1. С. 198–199.

Это общедоступная библиотека оставалась в анализируемый период в Дагестане в единственном числе. Царская администрация в области не только не стремилась к открытию библиотек в области, но и крайне негативно реагировала к инициативам местного населения к их созданию, считая, что они могут послужить рассадниками антиправительственных настроений. Известна реакция властей на обращение группы кумухцев в 1908 г. с просьбой открыть библиотеку-читальню. «Сие занятие, – доносил начальник Казикумухского округа, – считаю вредным, от него будет только морока». И ходатайство было отклонено.[1]

Наряду с определенной поддержкой, стимулированием новых веяний и явлений в социально-культурном развитии дагестанских народов царизмом в рассматриваемый период использовались и административные, запретительные меры.

В этом плане характерно так называемое антиписарское движение. Стремясь вытеснить арабский язык, отстранить от административных дел мусульманское духовенство, целиком сосредоточить письмоводство в руках местной администрации, на основе предписаний наместника на Кавказе от 27 апреля 1913 г., было решено реорганизовать в Дагестанской области порядок письмоводства в сельских учреждениях. С 1913 г. письмоводство должно было быть возложено на сельского писаря, назначенного начальником округа, «с обязательством вести письмоводство на русском языке и с содержанием за счет общественных сумм в размере не менее 30 руб. в месяц».[2]

Такая замена арабского письмоводства русским объективно могла усилить новые веяния в духовном развитии дагестанских народов. Однако в тех конкретных условиях она явилась показателем усиления национальной дискриминации, ограничивала права местных народов. В официальной прессе отмечалось, что этот меч обусловлен интересами широких народных масс. Из официальной информации органов власти Дагестанской области явствовало, что мероприятие «вызвано было желанием предоставить возможность начальствующим лицам непосредственно, а не через переводчика, проверять отчетность, быть

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 154.
[2] Рукописный фонд ИИАЭ . Д. 1400. Л. 12.

таким образом в курсе дел и, наконец, изъять из употребления арабский язык».[1]

Указ вызвал массовое недовольство населения в различных округах области. На первых порах применялись мирные формы протеста: обращения граждан, посылка депутаций к наместнику царя на Кавказе с просьбой отменить решение о реорганизации письмоводства в области. Когда это не дало ожидаемого результата, в различных населенных пунктах Дагестана начались акты неповиновения и прямые вооруженные выступления.

21 февраля 1914 г. «общество сел. Казанище учинило скопом беспорядок, выразившийся в нежелании подчиняться распоряжению властей о введении письмоводства на русском языке в сельском управлении и требовало удалить русского писаря». Выступление крестьян было жестоко подавлено вооруженной силой, прибывшей из Темир-Хан-Шуры. 15 февраля 1914 г. в сел. Доргели прибыл начальник Темир-Хан-Шуринского округа полковник Халилов с 25 всадниками Дагестанского конного полка для введения русского письмоводства. Уполномоченные общества Абатов Шамсутдин и Гусейн от имени собравщихся на сходе выступили против введения русского письмоводства. Тогда Халилов силою оружия решил подчинить крестьян решениям властей. Произошло столкновение. Восставшие прогнали из аула начальника округа с всадниками. Плохо организованное выступление вскоре было жестоко подавлено, а его руководители сосланы в Сибирь.[2] 12–13 марта горцы из Аварского и Гунибского округов, к которым присоединились по пути жители ряда аулов, двинулись к Темир-Хан-Шуре, но перед городом были остановлены Дагестанским конным полком и двумя ротами Новобаязетского пехотного полка. Навстречу горцам выехал военный губернатор, но уговоры его не достигли цели. Только вечером 14 марта властям удалось оттеснить многотысячную толпу от города, а утром – рассеять ее. В ряд селений были введены войска, содержание которых легло на на-

[1] Там же.
[2] *Гаджиев А.С.* Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. Махачкала. 1981. С. 98–99.

селение тяжелым бременем, многие горцы были преданы суду и высланы за пределы Кавказского края.[1]

Выступления не прекращались и в последующем. Царскому правительству пришлось отступить. Сначала было приостановлено введение русского письмоводства в горных округах. С начала же первой мировой войны царская администрация полностью отказалась от намеченной реформы.

Новым явлением в общественно-политическом и духовном развитии горного края во второй половине XIX – начале XX вв. явилось формирование под благотворным влиянием, зачастую и при деятельном участии представителей русской научно-педагогической интеллигенции, ряда ученых из числа представителей дагестанских народов. Они внесли ценный вклад в изучение истории, языков, культуры родного края, выступали активными пропагандистами и популяризаторами светских знаний среди горцев.

Лакец А. Омаров, бывший помощником П.К. Услара в изучении лакского языка и составлении «Арифметики», в 1867 г. издал два этнографических очерка: «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки (из воспоминаний детства)», в которых дал описание материальной и духовной культуры, быта и нравов лаков. Следует отметить, что данная А.Омаровым критика духовенства и ханского управления тесно связана с его общественно-политической деятельностью, подчинена интересам экономического и культурного сближения Дагестана с Россией и просвещения народа. Кроме того, А. Омаров собирал и издал в своем переводе на русский язык «Кази-Кумухские (лакские) народные сказания», перевел с арабского на русский язык сочинения Джамалэддина Кази-Кумухского «Адабул Марзия (правила достодолжных приличий)» и Магомедханова «Истинные и ложные последователи тариката».

Другим деятелем национальной культуры, испытавшим на себе благотворное влияние русской культуры, был кумык М.-Э. Османов. Работая с 1860 г. эфендием лейб-гвардии Кавказского эскадрона императорскогое конвоя в Петербурге, он усовершенствовал свои знания в области арабского и тюркских языков, изучал русский язык. В 1872 г. он был приглашен читать в Петербургском университете курс

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 282.

лекций «Мусульманское законоведение». Здесь он сблизился с видными ориенталистами: уроженцем Дербента М.А. Казимбеком. И. Березиным, К. Смирновым, В.Р. Розеном, которые оказали огромное влияние на формирование мировоззрения М.Э. Османова. М.-Э. Османов неоднократно выезжал на Кавказ для сбора этнографического материала, составил сборник ногайских и кумыкских народных песен. В 1883 г. при поддержке Российской Академии наук сборник был издан.[1]

В начале XXв. появился также ряд исследований местных авторов по этнографии и истории, написанных местными авторами. В 1906 г. была издана работа «Лаки их прошлое и быт» С.И. Габиева (1882–1963). Это первая в исторической литературе попытка последовательно изложить историю лакского народа с древнейших времен до начала XX в.

Молодой автор (вскоре ставший видным просветителем – революционером), С. Габиев уже в этом раннем труде обнаружил незаурядный литературный талант. Его сочинение проникнуто протестом против угнетателей, в частности, местных ханов и беков, и симпатией к обездоленным горским трудящимися. Его перу принадлежит и ряд других работ: брошюра «Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура», статьи в различных периодических изданиях (1910–1914 гг.). В этих статьях подвергались критике горские адатные суды, разоблачалась система так называемого военно-народного управления.

Широкую известность получили этнографические исследования Башира Далгата (1870–1934). Круг научных интересов Б. Далгата не ограничивался рамками дагестанской тематики. Он собирает и обобщает фольклорный и этнографический материал о чеченцах, игнушах и других народах Северного Кавказа. Наряду с такими работами, как «Цудахарские песни», «Материалы по обычному праву даргинцев» (работа осталась не изданной), Б. Далгат является автором исследований «Первобытная религия чеченцев», «Странички из северокавказского богатырского эпоса», «Материалы по обычному праву ингушей», представляющих большую ценность для изучения фольклора и обычного права кавказских горцев.

[1] *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 330-331.

Б. Далгат сотрудничал во многих центральных и кавказских периодических изданиях. В частности, он печатался в журнале «Этнографическое обозрение», газетах «Русская жизнь», «Кавказ», «Северный Кавказ», «Каспий» и др. Человек высокообразованный и эрудированный, Б. Далгат поддерживал дружеские отношения видными русскими учеными М.М, Ковалевским, В.Ф. Миллером, а также такими прогрессивными деятелями конца – начала XX вв., как осетинский поэт К. Хетагуров, грузинский поэт А. Казбеги.

В конце XIX – начале XXвв. был опубликован ряд этнографических и краеведческих статей Д.Б. Бутаева (1867–1931). Многие из них посвящены описанию хозяйственной жизни, быта и обрядов лакцев на основе, главным образом, народных преданий и собранных лично автором материалов. К числу наиболее ценных работ Бутаева относятся: «Грамотность в горах Дагестана», «Свадьба лаков», «Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох», «Верхний Гуниб и Гунибская березовая роща».[1]

В первые десятилетия XXв. под влиянием процессов, происходивших в дагестанском обществе, в развитии литературы все более усиливается реализм. В этой связи академик Г.Г. Гамзатов отмечает: «Эволюцию дагестанского реализма в главных его проявлениях и этапах нельзя осмыслить без учета целой полосы крестьянских выступлений второй половины XIX века, вне связи с проникновением капиталистических отношений в жизнь и быт горца и обусловленного им подъема революционно-демократического движения на рубеже XIX–XX вв. Трудно также представить себе природу реализма в дагестанской литературе, отвлекший от другой её мощной магистральной линии романтизма, взаимной полемики и борьбы обеих систем, увенчавшейся не только и не столько отрицанием романтиков, но известной и непременной преемственной опорой реалистов на предшественников».[2]

Реализм имеет дело с новой концепцией личности как продукта общества, и ознаменовался он переходом от внеисторического рассмотрения « естественного человека» к социально-историческому его

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 143-144.

[2] *Гамзатов Г.Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. С. 345.

исследованию. Как художественное направление реализм оплодотворялся в недрах романтизма. Именно на рационализации художественного восприятия мира и поэтизации эмоциональной сферы сошлись ещё в искусстве Возрождения реалистическое и романтическое начала. Победа чувственного и реального над аскетической моралью, формирование земного жизнеощущения характерны и для дагестанской литературы этого периода.[1]

Реалистами, шедшими к воссозданию жизни «во всей её наготе и истине» (В. Белинский) и сумевшими подняться до уровня типизирующего эстетического мышления, предстают в дагестанкой дореволюционной поэзии Гамзат Цадаса и Сулейман Стальский. Им оказалось под силу создание социального портрета явления в реальном бытовом окружении. В их творчестве осуществлен переход литературы от созерцательного восприятия мира к художественной типизации и обобщению явлений.

Новаторским было уже начало поэтического пути С. Стальского (1869–1937) в лезгинской литературе. Его отношение к действительности и художественному слову разрушало сложившиеся представления и консервативные восприятия. Полемика С. Стальского со сладкоголосым соловьем, заканчивавшаяся «низложением» певуна с привычного «престола», имела взрывную силу, изменившую взгляд на назначение искусства, ознаменовала смену направления в лезгинской поэзии.

С. Стальский, чуткий к перепадам социальной действительности и народной жизни, знал эту жизнь и свет не по книгам – он их прошел пешком и верхом. Воочию увидел , как везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку». Отсюда и обращенность поэтического идеала к судьбам людей труда. Глубокая искушенность в жизни народа придала поэтике С. Стальского высокую степень социальной и художественной типизации. Точно схвачен тип аульского священнослужителя, который «то речь ведет по-арабски, то отвечает по-турецки, или кюринского обивателя, «который к труду не прывык, зато молится каждый миг»; или облик изолированного от белого све-

[1] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории. теории. методологии. С. 64.

та Саид-Кента, который ашуг сравнивает с «яйцом в скорлупе»: «сюда вести не приходят».

Творческому почерку С. Стальского присуще ироническое восприятие явлений, и это придает ему своеобразный колорит. Вместе с тем лезгинская литература не знала такого яркого сатирика, как С. Стальский. Сатира его была непосредственна, нравственно-дидактична, порой оглушительна, несколько патетична, но политически всегда содержательна. Тетива его обличения, казалось, была натянута до предела - благодаря сосредоточенности гнева против социального и нравственного зла, против носителей духовной и светской власти современного дагестанского аула. Адресат критики указан в самих наименованиях сатир: «Старшине», «Судье», «Богачам-чиновникам», «Муллам» и т.д.

Обличая зло, поэт думал о простых людях, об их нелегких судьбах. По народному конкретно и просто и вместе с тем с потрясающей идейной и художественной силой говорит он о бесправии трудового люда: «Неужели на таком уголочке повесят все твои права, народ!». Проклиная «звериный лик» жизни, отраву которой испили люди труда, С. Стальский с гневом бросает: «Погибни, старый мертвый мир!». Поэзия С. Стальского предвещала не просто гибель старого, но рождение нового мира, за которое шел в бой самый передовой класс.

Проснись, трудовой народ!
Нас время грозное зовет, –
Зовет, чтоб мы бойцами стали.

Высокий уровень типизации явлений действительности, изображение их в социальной обусловленности, острая критика и отрицание существующего общественного уклада, требование его смены придают реализму С. Стальского критический характер.

Реалистический тип художественного мышления был определяющим и для дореволюционного творческого опыта Гамзата Цадасы (1877–1951). Новаторство первых же его произведений выразилось в пародировании отживших традиций в национальной художественной практике. Поэт пародировал устаревшие жанрово-стилистические каноны, избитые поэтические «жаргоны», церковно-книжные и обрядово-бытовые стереотипы. Он отвергал абсолютированную концепцию «ратного подвига» и «пылающей любви» и тем самым вставал на путь преодоления романтического штампа, на путь переориентации национальной поэтики на новый эстетический ключ. Юмористическая стилизация жанра, стиля, идеи дискредитировала не только их, но и действительность, породившую стилизуемый литературный источник. В этом сказался эффект «двойного искушения» (А.С. Пушкин), которое составляет высший смысл литературной пародии. Так было, например, с циклом «Песня о набегах».

Новое эстетическое отношение Цадасы к действительности было воспринято как «третья струна горского пандура» (наряду с эпической и лирической «струнами»), которой близки были мелодии и темы, подсказанные самой жизнью, а не литературной традицией. Перемещение центра художественного зрения ориентировало искусство на реальную действительность. Освобождаясь от поэтических трафаретов, Цадаса создает целую галерею образов типических представителей массы. На смену безликому «стандартному горцу» в литературу пришел живой, конкретный человек, с индивидуальными чертами, в которых отражаются время, национальный быт, психология сферы. Литература аварцев пропахла» трудовым горским крестьянством, к правдивому образу которого шел Цадаса.

Сатира–наиболее сильная сторона реализма Цадасы. Она дискредитировала патриархально-сословные предрассудки, религиозасыные догматы, военно-феодальные порядки, идеологию частного предпринимательства, процветавшую с проникновением сюда капиталистических порядков, её отвратительные порождения – « привычки» накопительства, стяжательства, прислужничества,раболепия, чинопочитания.

Свободомыслие молодого Гамзата было беспредельно. Дохлую собаку – «существо нечистое» мусульмане хоронят с почестями и атрибуциями, достойными самого благочестивого правоверного. Присвоение же прожорливой и дряхлой собаке просвища «Аргут» выглядит как «увековечение» печальной памяти генерал-губернатора области Аргутинского-Долгорукого. В едкой сатире Цадасы как бы зашифрована расстановка социальных сил современного ему горского общества.

Ясный, трезвый реализм Цадасы породил трезвый, порой жесткий юмор, под покровом которого был скрыт демократический пафос

всего его творчества. Выделяясь в самостоятельную эстетическую структуру, юмор характеризовал уровень коллективного художественного быта народа и высшее достижение реалистического письма в национальном искусстве слова Дагестана до революции. Он же усиливал критический дух утвердившегося реализма. Дагестанский художественный опыт подтверждает правомерность предположения о том, что сатира и юмор в искусстве выступают как характерная и закономерная особенность периода зарождения и развития реалистической литературы.[1]

Модернизационные процессы не обошли стороной материальную культуру дагестанских народов. Однако изменения и инновации в различных её областях протекали с различной интенсивностью. Это обуславливалось степенью влияния новых капиталистических отношений на те или иные стороны материальной культуры, на семейный и общественный быт.

Жилище дагестанских народов, потеряв оборонительные функции, все более приобретала открытый тип с галереями, лоджиями, балконами и навесами. Вот как описывает кумыкское жилище нового типа профессор С.Ш. Гаджиева: «В отдельных двухэтажных домах, особенно в построенных в начале XX в., встречаются балконы общекавказского типа, устроенные на выносных консольных балконах с балюстрадами. Балконы устраивали с легкой деревянной крышей или же в виде открытой площадки. В кумыкском доме балконы, выходящие на улицу, считались второстепенной частью дома, тогда как «догъа» (галерея, веранда), выходящая во внутренний двор, являлась совершенно необходимой. Она проходила по всей длине дома и достигала 3 м. ширины. По существу, «догъа» – это часть дома, основное летнее помещение. Пол галереи верхнего этажа часто расширяли, создавая «алды къалкъи» (переднюю крышу). «Алды къалкъы» использовалась как добавочное хозяйственное помещение, где сушили зерно, тыкву, фрукты, мыли посуду и хранили часть сена для скота. В то же время она служила навесом над частью двора, под которым нередко ночевал скот, куда ставился хозяйственный инвентарь и т.д.

В двухэтажном доме или в доме на высоком фундаменте (курси уьй) сооружали каменную или саманную, а в последнее время чаще

[1] Там же. С. 66–68, 70–71.

деревянную лестницу. Над лестницей иногда делали деревянный люк, который закрывали на ночь».[1]

Следует отметить, что жилище дагестанских народов отражала процесс социальной дифференциации. Дома состоятельных дагестанцев отличались большими размерами и отделкой. В домах бедных горцев жилых и хозяйственных построек было значительно меньше. Они хуже отделаны.

Одновременно в регионах, контактировавших с русскими переселенцами и в городах, усиливалось русское влияние на жилище дагестанцев. Так, с конца XIX и начала XX вв. у состоятельных кумыков (и северных и южных), особенно в их кунацких, постепенно стали появляться железные печи, которые были заимствованы у русских. «Вращаясь между русскими, писал в конце XIX в. Афанасьев, – кумыки видят преимущество русских домов перед своими и стараются уже подражать русским строениям; так делают печи, окна створчатые, чтобы на летнее время не вынимать рам, потолки, полы и другие приспособления для сохранения тепла в зимнее время».[2]

В конце XIX – начале XX вв. в домах состоятельных дагестанцев появились кровати, столы, стулья и другие предметы русской меблировки. Для них все более характерным становилось использование изделий заводского производства. В домах бедных семей полностью использовалась местная гончарная посуда.

С развитием капиталистических отношений в крае, ростом отходничества, усилением культурных взаимосвязей с другими северокавказскими народами и русскими народами шел заметный процесс нивелировки одежды народов Дагестана, проникали иноэтнические составляющие.

Для шитья женской и мужской одежды у дагестанских народов все активнее начинают использоваться фабричные завозные ткани, преимущественно из центральных регионов страны. Особой популярностью в горах пользовалась дешевая хлопчатобумажная ткань

[1] *Гаджиева С.Ш.* Указ. соч. С. 217–218.
[2] Там же. С. 215.

«чадра» темно-синего цвета. Шелк, а также сатин или другие дорогие ткани были доступны только мужчинам из богатых семей.[1]

В начале XX в. в Дагестане распространение получили брюки «галифе». В состоятельную среду дагестанского общества в рассматриваемый период все активнее проникала привозная одежда: пальто, сапоги, галоши, шапки и т.д.

Со второй половины XIX в. в связи с увеличением привоза изделий русской фабрично-заводской промышленности, а также с приобщением дагестанцев к русской культуре происходили изменения и в пище горцев. Больше стало употребляться жидкой пищи, картофеля, томатов, капусты и других овощей. Горцы Дагестана заимствовали от русских и способы засолки овощей, приготовления кондитерских изделий и т.д. [2]

В целом материальная культура дагестанских народов в анализируемый период была менее подвержена модернизационным процессам.

Практически неизменными оставались семейный и общественный быт народов горного края. Следует лишь отметить, что в условиях развития новых капиталистических отношений и усиления социальной дифференциации в дагестанском обществе состоятельные семьи, стремясь подчеркнуть свое общественное положение, увеличивали материальные затраты на организацию свадеб, торжеств при рождении ребенка, проведении похоронно-траурных мероприятий и т.д. В этой связи Д.М. Шихалиев отмечал: «Женитьба князю стоит 720 рублей серебром калыма, кроме мелочных расходов. Уздень платить калыму от 200 до 100 рублей, средний класс и гагары от 100 до 50 рублей серебром».[3]

Культура дагестанских народов в конце XIX – начале XX вв., отражая сложные, неординарные экономические и социальные процессы, представляла собой явление многообразное. Под воздействием комплекса объективных и субъективных факторов для неё характерно было проникновение новых элементов и составляющих в свое развитие. Несмотря на это, в культуре народов горного края традиционные компоненты, основывающиеся на исламских нравственно-этических ценностях, оставались определяющими.

---

[1] *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. М., 2001. С. 64.

[2] История Дагестана в 4-х т. Т. 2. С. 313.

[3] *Шихалиев Д.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала. 1993. С. 71.

Глава II

РАЗРАБОТКА И НАЧАЛО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ В ДАГЕСТАНЕ В 20-Е ГОДЫ XX В.

§ 1. Экономические и политические условия модернизации социально-культурной жизни народов Дагестана

Октябрьская революция 1917 г. и приход большевиков к власти положили начало кардинальным переменам в исторических судьбах народов, населявших Российскую империю, определили принципиально иное направление поступательного развития страны. В программных документах Советского государства были определены задачи ускорения социально-экономического прогресса народов страны, преодоления отставания бывших национальных окраин от уровня более развитых регионов и наций. В «Декларации прав народов России» (ноябрь 1917 г.) провозглашалось «равенство и суверенность народов России», говорилось об отмене всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.[1]

Новые политические силы, возглавившие страну, приступили к слому старого и созданию нового государственного аппарата, способного осуществить передел собственности, развернуть кардинальные экономические, общественно-политические и социально-культурные преобразования.

Декретом СНК от 23 января 1918 г. для учета и реализации интересов мусульманского населения при Наркомнаце был создан Центральный мусульманский комиссариат.[2] В апреле 1918 г. при Наркомнаце, наряду с мусульманским комиссариатом (который работал больше с татарами и башкирами, что вскоре отразилось в его переименовании) был создан и Отдел горцев Кавказа. 29 октября 1918 г.

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918 гг. Сб. важнейших декретов. М., 1919. С. 12.

[2] *Марченко Г.В.* Россия на Кавказе. Военно-исторический аспект национальной политики в Северо-Кавказском регионе в 20-90-е годы XX века. Ростов н/Д, 1999. С. 7.

Уллубий Буйнакский был назначен заведующим его дагестанским подотделом взамен оставившего эту должность Т. Саидова.[1]

Отдел горцев Кавказа пытался наладить снабжение национальных областей агитационно-пропагандистской литературой.

Параллельно на местах развернулась работа по созданию новых органов власти. В Дагестане советская власть впервые была провозглашена в г. Петровске. Первым органом ее стал Петровский Военно-революционный комитет, организованный в конце ноября 1917 г.[2] В последующем в г. Темир-Хан-Шуре был создан областной военно-революционный комитет, который объявил об установлении советской власти в Дагестане. В своем воззвании к гражданам Дагестанской области от 19 апреля (2 мая) 1918 г. он заявил: «Ближайшей задачей Военно-революционного комитета является: полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основах свободы, равенства и братства, немедленная передача казенных, бекских, чанкских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана.

Военно-революционный комитет не посягает ни на основы ислама- шариата, ни на права и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его и немедленно приступает к организации духовного управления и шариатского суда во всем Дагестане».[3]

Усилия, направленные на создание областного органа власти, завершились созывом 20 мая 1918г. первого съезда советов Дагестанской области. Свою работу съезд завершил 26 июля 1918г. избранием областного исполнительного комитета в составе 20 человек. При исполкоме были организованы отделы: военный, народного хозяйства, земельный, внутренних дел, продовольственный, судебный, иногородний и др.[4]

[1] *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004. С. 196–197.

[2] *Казанбиев М.А.* Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала. 1970. С. 17.

[3] Борьба за установление Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг. Сб. документов и материалов. М., 1958. С. 111.

[4] *Казанбиев М.А.* Указ. соч. С. 18.

Областной исполком просуществовал не долго. Под натиском объединенных сил интервентов и внутренней контрреволюции в конце сентября 1918 г. советская власть в Дагестане была свергнута. Итогом ожесточенной борьбы с интервентами и контрреволюционными силами явилось восстановление советской власти в Дагестане в конце марта 1920 г.

Здесь, как и на всем Северном Кавказе, начали создаваться революционные комитеты – временные органы власти, призванные завершить разгром контрреволюционных сил и утвердить советскую власть в регионе. 11 апреля Революционный совет обороны Северного Кавказа и Дагестана, перебазировавшийся к этому времени из сел. Леваши в Темир-Хан-Шуру, принял постановление о своем упразднении и образовании Дагестанского революционного комитета, которому «в целях скорейшего установления твердого революционного порядка» вручалась вся полнота власти. К 26 апреля определился его окончательный состав и был утвержден президиум. Председателем президиума утвердили Д. Коркмасова, заместителями председателя – С. Дударова и К. Мамедбекова, Н. Тутышкина, Юсуп-Молла Мачанаева.[1]

Говоря о целях и задачах создания новых органов власти, Дагревком в своей инструкции от 16 сентября 1920 г. отмечал: «Революционные комитеты (ревкомы) – временно назначенные органы власти трудовых масс рабочих и крестьян, которые наряду с повседневной работой по удовлетворению нужд трудящихся, ведут решительную борьбу с остатками контрреволюции, подготовляют, организуют и воспитывают через своих сотрудников, инструкторов и агитаторов трудовые массы для создания на выборных началах подлинной власти – исполкомов, рабочих и крестьян-бедняков по Конституции Российской Федеративной Советской Социалистической Республики. При ревкомах организуются путем назначения необходимые органы власти для исполнения определенных возложенных на них задач. Ревкомы руководят общей работой их, создают власти на местах, и, когда убеждаются, что трудовые массы достаточно организованы, воспитаны и смогут, как класс, самостоятельно действовать и творить свою новую социалистическую жизнь, не поддаваясь влиянию врагов

[1] История Дагестана в 4-х т. М., 1968. Т. 3. С. 111.

революции – ханов, беков, буржуев и т.д., приступают к выборам Советов и исполкомов, передавая всю полноту власти вновь избранным исполкомам и ликвидируют ревкомы».[1]

Одновременно с образованием центрального аппарата шла конструкция местных структур Дагестанского ревкома.

Дагревком приступил к восстановлению отраслей народного хозяйства, решению острейших социально-культурных задач, подавлению сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и т.д.

По мере укрепления позиций советской власти в национальных районах страны все острее вставал вопрос о форме их государственного устройства, реализации прав народов на самоопределение, провозглашенного в партийно-государственных документах. В октябре 1920г. Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «О задачах ВКП(б) в местностях, населенных восточными народами» признало необходимым «проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений».[2]

Для выяснения отношения местных органов и трудящихся масс к вопросу о государственном устройстве терских и дагестанских народов на Северный Кавказ был командирован нарком по делам национальностей И.В. Сталин. Кавбюро ЦК РКП (б) с его участием рассмотрело вопрос об автономии народов Северного Кавказа и 27 октября 1920 г. приняло следующее решение: «Основываясь на постановлении Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о задачах РКП в местностях, населенных восточными народами, от 14 октября с.г. (№ 51, п.9) Кавбюро считает своевременным образование Терской и Дагестанской горских республик....».

В начале ноября 1920 г. Дагревком получил от Г.К. Орджоникидзе телеграмму, в которой сообщалось о решении Кавбюро созвать 10 ноября съезд народов Дагестана для рассмотрения вопроса об автономии области.[3]

[1] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1960. С. 39.

[2] Вопросы истории КПСС. 1958. № 1. С. 17.

[3] *Казанбиев М.А.* Указ. соч. С. 33–34.

По вопросу предоставления автономии Дагестану среди партийно-государственного руководства области наметились разногласия. Накануне съезда, 9 ноября этот вопрос обсуждался на заседании областного бюро РКП (б) под председательством Д. Коркмасова. После обсуждения вопроса были внесены три предложения: первое С. Габиева «Вопрос об автономии Дагестана подвергнуть обсуждению и разрешить только после ознакомления с декларацией», за это предложение голосовали: Габиев, Коркмасов и Ковалев; второе Квиринга – «Принимая во внимание политическую ситуацию и отсутствие как советских, так и партийных работников, вышедших из недр Дагестана, облбюро находит несвоевременным декларировать автономию Дагестана», за него голосовали: Квиринг, Кариб, Коробкин, Гавриленко и Полин; третье предложение Исаева – «Декларировать автономию Дагестана после подавления контрреволюции», за которое голосовал только Исаев. В результате по большинству голосов облбюро РКП(б) приняло второе предложение, признающее несвоевременным декларировать автономию Дагестана.

На следующий день, 10 ноября, этот вопрос обсуждался и на заседании Темир-Хан-Шуринского окружкома РКП(б). Окружком партии голосами Квиринга, Смирнова, Артюхова, Мачанадзе и Прохорова принял постановление, в котором объявление автономии Дагестана признавалось несвоевременным. В решении указывалось, что на съезде активных работников Дагестана окружком будет отстаивать свою точку зрения и предлагалось всем партийным работникам серьезно отнестись к вопросу об автономии.[1]

Против автономии в основном выступали приезжие работники, малознакомые с местными условиями. Эти работники связывали вопрос об автономии с требованием независимости, исходившим из буржуазно – националистических кругов, и утверждали, что постановка данного вопроса стимулирует антисоветские выступления, являясь оппортунистической уступкой контрреволюции. Возражая против автономии, они прямо обвиняли местных работников в национализме и шовинизме.[2] Иными словами это был спор о путях развития

[1] *Летифов А.Л.* Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 26–27.

[2] *Казанбиев М.А.* Указ. соч. С. 35.

дагестанских народов: в тесном союзе и единении с Россией или же в традиционном русле.

Для выработки единой позиции в партийной организации по вопросу об автономии Дагестана до начала съезда народов Дагестана было проведено совещание работников партийного актива с участием прибывших в Дагестан И.В. Сталина и Г.К. Оржоникидзе. Совещание одобрило решение ЦК РКП (б) и Кавбюро ЦК о предоставлении Дагестану автономии.

13 ноября 1920 г. в столице области – Темир-Хан-Шуре открылся Чрезвычайный съезд народов Дагестана. С декларацией об автономии Дагестана на съезде от имени Советского правительства выступил народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин, который в своем выступлении подчеркнул: «В настоящее время правительство России, благодаря победе над врагами, получив возможность заняться вопросами внутреннего развития, нашло необходимым объявить всем, что Дагестан должен быть автономным, что он будет пользоваться внутренним самоуправлением, сохраняя братскую связь с народами России.

Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям.

Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги советской власти распространяют слухи, что советская власть запрещает шариат.

Я здесь от имени правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию.

Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены.

Вместе с тем, считаю необходимым заявить, что автономия Дагестана не означает и не может означать отделения его от Советской России. Автономия не представляет независимости. Россия и Дагестан должны сохранить между собой связь, ибо только в этом случае Дагестан сможет сохранить свою свободу. Давая автономию Дагеста-

ну, Советское правительство имеет определенную цель выделить из среды местных работников честных и преданных людей, любящих свой народ, и вверять им все органы управления Дагестаном, как хозяйственные, так и административные. Только так и только таким образом можно сблизить советскую власть в Дагестане с народом. Никакой другой цели, как поднятие Дагестана на высшую культурную ступень путем привлечения местных работников, советская власть не имеет».[1]

Представители народов Дагестана, выступившие на съезде, одобрили решение Центра о предоставлении автономии Дагестану. Однако в отдельных выступлениях прозвучало и определенное недовольство действиями новых властных структур в дагестанском ауле. В частности, представитель даргинского народа Сулейман Гаджи отметил: «Когда у нас в Дагестане установилась советская власть, у нас открылся один глаз. Теперь, когда высшая советская власть дала нам автономию, у нас открылся другой...И мы теперь ясно видим и понимаем, что такое советская власть».

Затем Сулейман Гаджи прочел заявление, в котором указывалось на недочеты в деятельност органов власти в Даргинском округе, в частности, в работе Чрезвычайной Комиссии, которая по его словам не считается ни с правами, ни с обычаями народа, допускает ряд определенных действий.

Выступающий отметил, что проведение продовольственной политики осложнилось неравномерными действиями продовольственных агентов, а также бездеятельностью совнархоза, не принявшего никаких мер к организации кустарного производства, указал на отсутствие забот о семьях красноармейцев.[2]

Чрезвычайный съезд народов Дагестана ограничился одобрением декларации Советского правительства. Он не принял законодательного акта, провозглашающего Дагестан автономной республикой, так как окончательно решение этого вопроса входило в компетенцию Российской Федерации. Однако в резолюции съезда ясно была выражена воля трудящихся масс Дагестана осуществить свои права на самоуправление в форме автономии. Волеизъявление народных масс послужило основой для принятия ПрезидиумомВЦИК правового акта об образовании Дагестанской АССР. Поэтому можно считать, что решение съезда положило начало созданию новой республики.[1]

[1] Борьба за установление Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг. Сб. документов и материалов. С. 453–454.

[2] Образование Дагестанской АССР (1920–1921 гг.): Сб. документов и материалов. Махачкала. 1962. С. 92.

20 января 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Дагестанской АССР. Таким образом, в этот день ВЦИК, как высший орган государственной власти РСФСР, в законодательном порядке закрепил предоставление народам Дагестана автономного статуса

Декрет ВЦИК об образовании Дагестанской АССР установил основы государственного устройства республики. В нем указывалось, что Дагестанская АССР, образуется как часть РСФСР в составе 10 округов и территории Каспийского побережья Дагестана. Декрет предусматривал организацию в республике Центрального Исполнительного Комитета, совнаркома и местных советов. Для управления делами республики учреждались 11 народных комиссариатов. Были определены порядок взаимоотношений федеративных и местных органов, а также права местных органов власти и управления. Определив систему органов управления, декрет установил и источник финансирования новой республики.[2]

В последующем, на заседании Дагестанского ревкома от 26 апреля 1920 г. была изменена его структура. В ней были организованы отделы: военный, внутренний, просвещения, продовольствия, юстиции, финансов, народного хозяйства, земельный, здравоохранения, социального обеспечения, путей сообщения, почт и телеграфа, Чрезвычайной следственной комиссии.[3]

Параллельно разворачивалась работа по созданию местных органов власти. По решению Революционного Совета Обороны Северного Кавказа и Дагестана от 11 апреля 1920 г. уполномоченными в округе были назначены: в Аварский – Кибит Гаджи, Магомед Хан и Качалов; Гунибский – Магомед Али, Омаров и Гамзалов; Хасавюртовский – Ших Мирза, Абдул Муслим и Джанбек; Андийский – Мурадис

[1] *Казанбиев М.А.* Указ. соч. С. 37.

[2] Там же. С. 39-40.

[3] Революционные Комитеты Дагестана. Сб. документов и материалов. С. 58–59.

Шалап, Джамал, Кодотлов Исмаил и Али-Булат Гасанов; Даргинский – Алибек Богатырев, Шахбан и Магомед Кайтаев, Казикумухский – Рашкуев Араби, Микаил и Мута; Кайтаго-Табасаранский – Нух Кади, Али Гусейнов и Саид Мурханов; Темир-Хан-Шуринский – Абдурашид Меджидов, Шихов Магомед и Али Султан-Беков.[1]

Наряду с другими наркоматами был создан Народный Комиссариат просвещения. Его возглавил известный дагестанский просветитель и революционный деятель С. Габиев. В составе Наркопроса было образовано 5 отделов: академический центр, организационный отдел (Главсоцвос), главное управление социального воспитания, главное управление профтехобразования (Главпрофоф) и Главполитпросвет.[2]

В своем обращении Народный комиссар просвещения Дагестана С. Габиев к работникам просвещения в связи с образованием комиссариата 21 августа 1921 г. отмечал: «Сегодня в день торжественного открытия Народного Комиссариата просвещения в масштабе республики первым делом шлю привет от всех работников просвещения в центре, дорогим товарищам, несущим тяжелую, но ответственную работу великой задачи пробуждения темных народных масс Дагестана и воспитания подрастающего поколения – нашей светлой надежды будущего, на местах, в горных трущобах. Нечего говорить и нам это хорошо известно, что работать при тех бесконечно многотрудных условиях весьма и весьма тяжело, непосильно. Но это не должно смущать нас, работников просвещения, как не смущало, оно и раньше бедных тружеников знания на ниве народной, и, удесятерив нашу энергию, нашу любовь к детям – этим светлым надеждам нашим в новой жизни, мы должны создать такую школу, которая явится широким путем нашего шествия к торжеству социалистического строя жизни…

Дело просвещения Дагестана – боевая задача, вставшая перед нами во всей силе своей, и мы ее должны выполнить честно и с достоинством».[3]

---

[1] Там же. С. 56-57.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 171.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918-1941 гг.: Сб. документов. Махачкала, 1980. Т. 1. С. 96.

С образованием Дагестанской и Горской АССР в 1921 г. начали действовать их представительства в Москве. Необходимость в них возникла уже в 1920 г., когда с реорганизацией Наркомнаца национальные отделы и комиссариаты были преобразованы в национальные представительства. Постановлением ВЦИК от 6 ноября 1920 г. они учреждались как представительства автономных республик. Интересы народов Северного Кавказа в начале представляло Горское представительство. Инструкция о задачах, стоящих перед представительствами, была утверждена коллегией Наркомнаца 4 апреля 1921 г., а затем и в октябре 1921 г. Представительства информировали центр о соблюдении советской национальной политики на местах, содействовали установлению «правильных отношений» между органами РСФСР и автономных республик. На них возлагалась задача изучать на основании статистических данных «историческую, этнографическую и культурную жизнь народностей и национальных групп данной автономной … единицы, в первую голову, особенностей быта и классовой структуры, требующих специфических мероприятий экономического и иного порядка, необходимым для безболезненного приобщения этих народностей к советскому строительству». Представительства содействовали «охране прав и интересов национальных меньшинств в данной автономии», а также следили «за тем, чтобы работники из центра, не знающие местных условий или неправильно уяснившие себе основы советской национальной политики, не нарушали своими неосторожными действиями автономности». В случае нарушения на долю представительств выпадала обязанность «принять все меры морального воздействия к безболезненному улаживанию конфликтов».[1]

Таким образом, были конструированы новые властные структуры и институты, призванные организовать и развернуть целенаправленную работу по переустройству и развитию экономики и социально-культурной жизни дагестанских народов на принципиально отличных классовых началах и формах.

Экономика Дагестана, как и в целом страны, к концу Гражданской войны переживала огромные трудности. В 1921 г. промышлен-

---

[1] *Мамсиров Х.Б.* Указ. соч. С. 200.

ность республики давала продукции в 10 раз меньше, чем в 1913 г.[1] В 1923 г. посевные площади по сравнению с 1913 г. сократились на 67%, число овец и коз – на 33%, лошадей – на 36%, крупного рогатого скота – на 20%.[2]

Сильный ущерб понесла кустарная промышленность. Прекращение ввоза необходимых материалов, сужение местной сырьевой базы и рынков сбыта привели к тому, что в 1923 г. в Дагестане насчитывалось только 46 тыс. кустарей, тогда как в 1915 г. их было 132,5 тыс., а объем продукции кустарного производства составил 1,2 млн. руб. против 6,4 млн. руб. в 1915 г.

По самым минимальным подсчетам убытки от иностранной интервенции и гражданской войны в целом по округам составляли 26 млн. рублей золотом.

Из пяти городов Дагестана Хасавюрт был разрушен до основания, Дербент на три четверти, Кизляр на половину, Буйнакск и Махачкала на 35–40%.[3]

Налаживание мирной жизни, улучшение деятельности местных партийных и советских органов затруднялись продолжавшимся повстанческим движением. Хотя восстание Гоцинского и было подавлено, однако остатки его отрядов под влиянием кулацко-мулльской агитации продолжали сопротивление советской власти. Штаб войск Кавказского фронта в начале апреля передавал в Москву: «По сведениям штаба Кавфронта, словам жителей Ричаганик и Цумада по реке Андийское Койсу, противник, действовавший в том районе, имеет численность до 700 человек при одном пулемете Льюиса. Последняя активность была вызвана агитацией полковника Гудотло и других главарей, объяснявших жителям, что якобы Красной Армией уничтожаются мечети, но, убедившись в лживости таких объяснений, большинство повстанцев решило сложить оружие…».[4]

---

[1] История Дагестана в 4-х т. Т. 3. С. 145.

[2] *Османов Г.Г.* Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965. С. 172.

[3] *Даниялов Г.Д.* Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала, 1960. С. 128–129.

[4] *Османов А.И.* Осуществление новой экономической политики в Дагестане 1921-1925 гг. М., 1978. С. 28.

Выход из тяжелого экономического положения, обеспечения восстановления народного хозяйства страны и на местах властные структуры видели на путях национализации основных средств производства и превращения их в общенародное достояние. В течении 1920 г. Дагревком национализировал основные промышленные предприятия, транспорт и всю банковскую систему. В январе 1921 г. ревком издал приказ о национализации винокуренных, спиртоочистительных и водочных заводов со всеми строениями, оборудованием, имуществом и капиталом.[1]

Наряду с национализацией крупной промышленности Дагсовнархоз занимался централизацией кустарных промыслов и планомерной организацией их работы.

Объединенное совещание представителей Совнархозов Юго-Востока и Дагестанского по вопросу о национализации мелкой промышленности, проходившее 11 января 1921 г. приняло решение: «а) Произвести формальную национализацию предприятий на основании имеющихся инструкций; б) В горах национализацию временно не проводить; в) Мелкие предприятия, принадлежащие персидским подданным, не национализировать». Для национализации местной промышленности была учреждена комиссия с представителями от партийных, советских, профессиональных и хозяйственных органов.[2]

Осуществив национализацию наличной промышленности, властные структуры Дагестана приступили к ее восстановлению, которое осуществлялось на принципах новой экономической политики.

Основываясь на решениях, принятых X съездом РКП(б) и ВЦИК, Дагестанский областной комитет партии и правительство республики приняли решение о переходе к НЭПу как политике, способной обеспечить восстановление народного хозяйства и построение фундамента социализма. Правда, соответствующие партийные и советские документы о замене подразверстки продовольственным налогом в Дагестане были приняты гораздо позже, чем в центральных областях и многих других национальных районах. В резолюции IV Дагестанской областной партконференции (ноябрь 1921 г.) говорилось: «Считая, что проведение новой экономической политики в Дагестане вполне

---

[1] ЦГА РД. Ф. р-4. Оп. 3. Д. 21. Л. 8.

[2] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 146–147.

возможно и приемлемо у нас, IV Дагестанская конференция предлагает будущему составу ДК решительно и бесповоротно провести в жизнь все те мероприятия, которые уже проведены в РСФСР, и предлагает Д.Э.С. принять самые решительные меры к восстановлению на основе новой экономической политики как нашей городской промышленности, так и нашего сельского хозяйства применительно к нашей горной промышленности и к восстановлению нашей ирригационной системы, чтобы увеличить посевную площадь и восстановить нашу городскую индустрию».[1]

Усилия руководства республики, помощь центра обеспечили первые благоприятные результаты в восстановлении промышленности в 1921 г. Консервные заводы, объединенные в Центральный консервный завод, выработали в 1921 г. 12854 пуда консервов, кожевенные заводы произвели в 1921–1922 гг. 11170 штук кож, гвоздильный завод выработал 7282 пуда гвоздей, мыловаренный завод выработал 852 пуда мыла, рыбные промыслы весной 1921 г. выловили 1505205 пудов рыбы и т.д.[2]

Важное место в промышленном развитии Дагестана в 20-е годы заняло строительство стекольного завода «Дагестанские Огни». По предложению В.И. Ленина на завершение строительства завода Совет Труда и Обороны РСФСР выделил 650 тыс. руб. золотом.[3]

Одновременно в республике при поддержке директивных органов все активнее разворачивалась работа по восстановлению и развитию консервной, нефтяной и других отраслей промышленности. В 1925–26 г. валовая продукция цензовой промышленности Дагестана почти в 2 раза превысила довоенный уровень производства.[4]

В последующие годы целенаправленные усилия властных структур Дагестана, помощь и поддержка Центра в строительстве, перебазировании и оборудовании предприятий обеспечили дальнейшее наращивание темпов индустриального развития республики. Так, за 1926/27 – 1927/28 гг. число рыбных промыслов в Дагестане увеличилось с 40 до 46. Был построен и введен в эксплуатацию Хасавюртовский овощеконсервный завод, восстановлен Белиджинский бондарный завод, начато строительство завода сернистого натрия и узкоколейки между промыслами Лопатинской группы, заканчивалось сооружение шерстемоечной и шерстопрядильной фабрик, велись разведочные работы по выявлению газовых ресурсов завода «Дагестанские Огни» и работы по восстановлению Хпекского ртутного рудника.

[1] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 35–36.

[2] Дагестанская промышленность за пять лет. 1920–1925. Махачкала, 1926. С. 56, 72, 81, 84, 168.

[3] Ведущая сила современности. Махачкала, 1964. С. 99.

[4] 10 лет автономии ДАССР. Махачкала, 1931. С. 39.

Валовая продукция промышленности возросла с 16 млн. в 1926/27 г. до 25,6 млн. руб. в 1927/28 г. За эти два года объем валовой продукции отраслей индустрии Дагестана увеличился на 60%, превысив более чем в три раза довоенную выработку.[1]

Особенностью индустриального развития республики было то, что оно в значительной степени было нацелено на использование и переработку местного сельскохозяйственного сырья и природных ресурсов региона. Выработанная продукция потреблялась внутри республики, вывозилась в другие региона страны и заграницу (морепродукты).

Наметившийся перелом в индустриальном развитии, сказался на численности рабочего класса Дагестана. Он стал количественно расти, составив в 1928/29 г. 6367 человек (постоянных и сезонных в переводе на постоянных).[2] Очень важным в условиях Дагестана обстоятельством являлось увеличение в составе рабочего класса национальной прослойки. Процент представителей местных народностей в его составе увеличился с 11,2 в 1913 г. до 84 в 1929/30 г.[3]

Благоприятные перемены в индустриальном развитии, увеличение численности рабочего класса сказалось и на росте городского населения республики. По материалам переписи населения 1926 г. в городах Дагестана проживало 81,5 тыс. человек или 11% общей численности его населения.[4]

В рассматриваемый период важную роль в экономике Дагестана продолжала играть кустарная промышленность.

Учитывая ее роль в жизни значительной части дагестанских семей, правительство республики уделяло большое внимание финансированию союзов и артелей кустарей. На эту цель из республиканского

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 163.

[2] 10 лет автономии ДАССР. С. 40.

[3] Там же.

[4] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. Махачкала, 1972. С. 14.

бюджета с 1 октября 1924 г было выделено около 130 тыс. руб. долгосрочных и безвозвратных ссуд. Параллельно из федеративного правительства было получено свыше 235 тыс. руб.[1]

В 1926–1928 гг. в республике были открыты учебно-производственные мастерские: по ковроткачеству, по валяльному, суконткацкому и трикотажному производствам. Задача этих мастерских заключалась в обучении молодежи более совершенным методам производства, а также в переводе кустарных промыслов на выработку новых видов изделий.[2]

С 1 июля по 1 сентября 1924 г. было организовано 39 кооперативных товариществ, объединивших 1547 кустарей. Кооперативные товарищества работали во всех округах республики. Наибольшее число кустарей объединяли к этому времени ковровые и суконные товарищества (934 чел.), за ними шли гончарные и бурочные (230 чел.), деревообделочные (100 чел.), художественно-ювелирные и металлообработки (110 чел.).

В октябре 1924 г. на съезде кооперативных кустарей республики были утверждены Устав Союза кустарно-промысловых кооперативов Дагестана (Дагкустпромсоюза) и план его работы.[3]

Несмотря на эти и другие аналогичные меры по изменению природы труда кустарей и увеличения производимой ими продукции, к концу 20-х годов довоенная численность, занятых этой деятельностью и уровень производства продукции не удалось достичь. Об этом свидетельствовали данные переписи кустарно-ремесленной промышленности, произведенной в 1929 г. Она зафиксировала 44419 человек, занятых в этой сфере жизнедеятельности. Была выработана продукция в 23888,1 тыс. руб. На долю обобществленного сектора приходилась 6417 человек и 4891,4 тыс. руб. продукции.[4] Для сравнения в довоенный период в Дагестане насчитывалось 132500 кустарей и было произведено продукции в 6392500 руб.[5]

---

[1] ЦГА РД. Ф. р-343. Оп. 3. Д. 6. Л. 7.

[2] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 166.

[3] *Гусейнов М.Ш., Гусейнов Д.И.* Индустриальное развитие Дагестана в 1921–1925 гг. Махачкала, 2001. С. 28.

[4] ЦГА РД. Ф. р- 343. Оп. 3. Д. 6. Л. 7.

[5] Там же. Ф. р- 178. Оп. 3. Д. 29. Л. 46.

Учитывая преобладающую роль сельского хозяйства в экономике горного края, органы власти Дагестана придавали исключительное внимание перераспределению земли и передаче его в руки непосредственных производителей аграрной продукции. В первое десятилетие советской власти малоземельным крестьянским хозяйствам республики безвозмездно было передано 438 тыс. дес. Земли.[1]

Живучесть патриархально-феодальных пережитков в дагестанском селе сказалась на процессе для аграрных преобразований в республике. В 20-е годы аграрный сектор экономики края развивался относительно медленными темпами. По данным на 1927 г. в Дагестане в руках помещиков, беков и других феодально-родовых хозяйств имелось 36,5 тыс. гектаров земли, вакуфных земель было 10,0 тыс. га. У кулаков сверх трудовой нормы было 207,8 тыс. гектаров земли.[2] 454 учтенных помещичьих и крупнокулацких хозяйств республики располагали средствами производства на сумму в 2681 тыс. руб. В среднем на хозяйство этой категории лиц приходилось средств производства на 9693 руб., а кулака – 6303 руб.[3]

Мероприятия по переделу земельной собственности и обеспечения им безземельных хозяйств в Дагестане были активизированы во второй половине 20-х годов.

В ходе осуществления земельно-водной реформы, начатой в 1927 г., были изъяты значительные земельные массивы и имущество у бывших помещиков и крупных земельных собственников, ликвидировано вакуфное землевладение. В процессе землеустроительных работ производилась работа по прирезке излишков у кулацких хозяйств и передачи их в пользование бедняков.

Несмотря на меры по стимулированию интереса производителя аграрной продукции, на протяжении 20-х годов темпы развития сельского хозяйства Дагестана оставались низкими, продуктивность основных отраслей невысокой, не был достигнут дореволюционный уровень производства сельскохозяйственной продукции. В 1928г. в республике было посевной площади на 136,1 тыс. гектаров, лошадей

---

[1] История советского крестьянства Дагестана 1917–1980 гг. В 2-х т. Махачкала, 1986. Т. 1. С. 94.

[2] ЦГА РД. Ф. р-127. Оп. 1. Д. 133. Л. 59–65.

[3] Там же.

на 42,4 тыс. голов, овец и коз на 348,2 тыс. голов меньше, чем в 1913 г. Правда, поголовье крупного рогатого скота по сравнению с 1913 г. возросло на 113,3 тыс. и составило в 1928г. 702,9 тыс. голов.[1]

Сложные, неординарные процессы, происходившие в дагестанском селе на протяжении 20-х годов, сказывались на социальных процессах. Здесь темпы осереднячивания намного отставали от средних показателей страны. По данным весеннего опроса 1927–1928 гг., на долю середняков в республике приходилось более 63% средств производства при его удельном весе в 43,1 %, тогда как удельный вес середняков в общей численности крестьянской хозяйств по стране составлял свыше 60%.[2]

В анализируемый период в республике было положено начало организованному переселению горцев на равнину. Пленум Дагестанского обкома партии (май 1923 г.), учитывая огромное экономическое и культурное значение переселения, предложил обкому партии и совнаркому республики составить план и смету переселения и обеспечения горцев землей на равнине, оказания помощи переселенцам. При Наркомземе ДАССР был создан переселенческий отдел, который отпускал переселенцам ссуды, выделял им земли, защищал их интересы. Только в 1923 г. из центра Дагестану было отпущено для переселения 1155720 руб. золотом. Вдоль канала им. Октябрьской революции было начато строительство двух образцово-показательных поселков для переселенцев Ленинкента и Самуркента, на что по решению особой секции КССХ при ВЦИКе республике выделялось 30 тыс. руб.[3]

Поселок Ленинкент расположился на земле, принадлежавшей до революции князю Тарковскому. Сюда переселили безземельных крестьян сел. Атлы-буюн, которые боролись за этот участок с конца XIX в. и вплоть до победы советской власти. Переселенцам построили просторные дома со служебными помещениями, отвели 240 дес. поливных земель.

---

[1] 10 лет автономии ДАССР. С. 56.

[2] *Масленников В.* Социальный состав дагестанского аула и станицы//Плановое хозяйтсво Дагестана. 1930. № 3–5. С. 29–30.

[3] *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала, 2000. С. 62, 69, 72–74.

В Самуркент были переселены жители различных округов. В письме председателя Кюринского окружного исполкома председателям сельских исполкомов от 15 апреля 1921 г. говорилось: «Согласно постановлению ДагЦИКа, Наркомзем приступил к работам по образованию образцового аула в 100 дворов на линии канала им. Октябрьской революции и нашему округу предоставлено 10 мест на переселение безземельных бедняков-крестьян. Срочно собрать заявления желающих переселиться». Переселенческому поселку Самуркент, в котором проживали выходцы из Кюринского, Самурского, Буйнакского, Махачкалинского, Даргинского, Хасавюртовского и Лакского округов отвели участок в 1261 дес., построили 64 жилых дома, фельдшерский пункт, избу-читальню.[1]

Осуществляя политику переселения, руководители республики возлагали на нее большие надежды в плане решения социально-культурных задач. Так, председатель ЦИКа ДАССР Н. Самурский в своей записке в Наркомзем РСФСР указывал: «переселение разрушит вековую обособленность горцев, установит живой обмен людьми между равниной и горами, создаст возможность для культурного и партийного проникновения в горы, разрушит окостеневший быт с его окаменелыми традициями религиозного фонатизма и введет Горный Дагестан в общий оборот жизни РСФСР».[2]

Внимание к переселению горцев на равнину существенно возросло в ходе проведения земельно-водной реформы в республике. Планом земельно-водной реформы на 1927–1928гг. было предусмотрено переселение 500 хозяйств, из них: из Андийского округа – 445 с оказанием помощи и 60 без оказания помощи, из Даргинского – 145 с оказанием помощи и 30 без оказания помощи. Помимо этого, предполагался отвод дополнительных наделов для 8850 хозяйств из округов: Андийского – 4250 хозяйств (из них с оказанием помощи 300 хозяйствам), Даргинского – 2300 (с оказание помощи 250), Гунибского – 2300 (с оказанием помощи 150). Из 8850 хозяйств помощь оказывалась 700 хозяйствам. В течение 1927–1928 гг. удалось переселить из

---

[1] *Гаджиев А.С.* К истории переселения горцев Дагестана на равнину // Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа (советский период). Махачкала, 1973. Вып. 1. С. 132–133.

[2] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 3. Д. 25. Л. 20–21.

Андийского округа в пос. Кокрек 14 хозяйств, в пос. Акташ-Кордон – 13, в пос. Львовские номера – 8; из Дербентского округа в пос. Самуркент 21 хозяйство, в пос. Уч-авлак – 32, в пос. Боровский – 16; из Махачкалинского в пос. Шушановка – 1 хозяйство; из Гунибского в пос. Баброк 9 хозяйств; из Буйнакского в пос. Ахундовка – 2 хозяйства. Вместо 8850 хозяйств дополнительные наделы получили только 6686: из Андийского округа в Кизлярском 2441 хозяйство, из Гунибского округа в Хасавюртовском 2210 хозяйств, из Дербентского округа в Хасавюртовском 2036 хозяйств.[1]

Переселение горцев на равнину способствовало не только улучшению материального положения, но и изменению их психологии, усилению тяги к светской грамоте, новым духовным ценностям.

Однако переселенческая политика в Дагестане в первые годы советской власти не давала ожидаемых результатов. Остро не хватало средств и иных материальных ресурсов для проведения этой работы в широких масштабах. Многие переселившиеся хозяйства из-за тяжелых климатических условий испытывали огромные трудности в новых местах проживания и возвращались обратно. Так, А. Тахо-Годи, говоря о трудностях освоения земель Мамай-Кутана урахинцами, указывал: «Первый же год работы на Мамай-кутане дал знать урахинцам, что плоскость шутить не любит, что она требует особых условий работы. Большинство побывавших на Мамай-кутане заболело малярией, многие умерли».[2]

С первых же лет советской власти в Дагестане начали создаваться коллективные хозяйства, которые оказывали огромное влияние на психологию горца, восприятие им новых приемов труда и изменение уклада его жизни.

17 октября 1920 г. жители аула Аскент Кюринского округа на общем собрании решили организовать сельскохозяйственную артель. Сохранился и протокол общего собрания аула по этому поводу. Вот что говорится в постановлении этого собрания: «Послушав доклад, а также чтение и разъяснение уставов о сельскохозяйственных коммунах и артелях и находя желания наши вполне соответственными с

[1] *Гаджиев А.С.* Указ. соч. С. 135–136.

[2] *Тахо-Годи А.* Урахинцы на плоскости / Научное наследие А.А. Тахо-Годи: Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Махачкала, 2006. Ч. 1. С. 283.

основными положениями прочитанного устава о сельскохозяйственных трудовых артелях, мы решили перейти к братскому и товарищескому ведению хозяйства и постановили организовать у себя сельскохозяйственную артель».

В нее в тот же день записались 23 хозяйства. Они имели 7 быков, 2 коровы, 4 буйвола, телку и один плуг. Государство, кроме того, наделило артель земельными участками в 250 десятин.

27 апреля 1921 г. сельскохозяйственная артель была организована и в селении Чох Гунибского округа. Чохская сельхозартель объединяла 41 бедняцкое хозяйство. Она имела 3 лошади, 30 ослов, 8 коров, 146 овец и коз, 8 плугов и две арбы. Для артели был отведен 51 гектар земли. Средства производства этой артели составляли 70000 руб.[1]

В 1921 г. на территории бывших земельных владений графа Воронцова-Дашкова в Дербентском районе, занятых в основном под виноградники, возникли виноградарские совхозы «Геджух» и «Михайловка». Несколько позже оба совхоза были объединены в один совхоз. В дальнейшем совхозы были организованы в Кизлярском округе и Махачкалинском районе. В 1924 г.в ведении Наркомзема ДАССР находилось 6 совхозов.[2]

В последующие годы число коллективных хозяйств в Дагестане продолжало расти. На 1 января 1928 г. в республике насчитывалось 244 колхоза, объединявших 4938 крестьянских хозяйств (3,33% всех хозяйств).[3] По социальному составу колхозы Дагестана выглядели следующим образом: в них состояло 82% батраков-бедняков, 16% – середняков и 2% – зажиточных.[4]

В анализируемый период важную роль в развитии кооперации в Дагестане, оказании материальной помощи крестьянам играли крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ).

[1] История Советского крестьянства Дагестана 1917–1980 гг. В 2-х т. т. 1. С. 109.

[2] *Османов А.И.* Осуществление новой экономической политики в Дагестане 1921–1925 гг. С. 122.

[3] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг. В 2-х частях. Махачкала, 1976. Часть 1. С. 146.

[4] Там же. С. 148.

В 1927 г. в республике насчитывалось 712 сельских и 16 окружных комитетов крестьянской взаимопомощи. В их распоряжении находилось 11 тыс. пудов семян, натуральные и денежные фонды кресткомов равнялись 300 тыс. руб. Кресткомами в порядке помощи крестьянским хозяйствам выдали возвратных ссуд на сумму 22075 руб., оказали помощь 18 тыс. бедняцких хозяйств на сумму в 60 тыс. руб.[1]

Большое значение для социально-экономического и культурного развития Дагестана имело присоединение к нему декретом ВЦИК от 20 января 1921 г. Хасавюртовского округа Терской области. В дальнейшем постановлением Президиума ВЦИК от 16 ноября 1922 г. в состав Дагестанской АССР была включена часть Кизлярского округа с г. Кизляром и Ачикулакский район Присулакского уезда Терской губернии, а постановлением Президиума ВЦИК от 4 января 1923 г. к ДАССР была присоединена и остальная, западная часть Кизлярского округа.[2]

Переход к мирному развитию был ознаменован обретением государственности народами Дагестана в форме автономной республики в составе РСФСР, которое имело важно значение в экономическом и социально-культурном развитии многонационального региона.

Преобразования и изменения, проходившие в отраслях материального производства страны и республики, непосредственным образом отражались на ходе и результатах социально-культурных процессов в горном крае.

§ 2. Национально-культурная политика Советского государства и деятельность органов власти республики по ее реализации

В условиях многонациональной и многоконфессиональной страны вопросы развития культуры и культурных преобразований в национальных окраинах имели огромное значение в становлении новых общественных отношений, которые являлись стратегической целью большевиков и их вождя В.И. Ленина.

Проблемы культуры и культурных преобразований в нерусских регионах Российской империи первоначально в трудах и выступлениях В.И. Ленина рассматривались в контексте решения национального вопроса. Он выдвинул задачу равноправного развития национальных языков и культур как необходимого условия достижения фактического равенства народов и, в конечном счете, решения национального вопроса.

Критикуя бундовцев и других оппортунистов, он ставил вопрос о двух культурах в каждой национальной культуре и выразил свое отношение к ним. В этой связи В.И. Ленин писал: «Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации...».[1]

Господствующей буржуазной культуре В.И. Ленин противопоставлял не только одни лишь социалистические элементы, а демократические и социалистические элементы вместе как слагаемое общей национальной культуры. Он всегда говорил о двух культурах, ставя на одну сторону, в один ряд и демократические и социалистические элементы в противовес господствующей культуре[2]. По его мнению, нет ничего вреднее сектантских попыток иных «леваков» «отлучить» от новой культуры демократические силы, не использовать их в борьбе на том основании, что они еще не доросли до социалистической идеологии.

При этом, говоря о судьбах национальных культур в будущем социалистическом обществе, В.И.Ленин подчеркивал, что свержение международной буржуазии «ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных перегородок, не уменьшая этим, а в миллионы раз увеличивая и дифференциацию человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков».[3]

Одновременно вождь большевистской партии, рассматривал решение национального вопроса как обязательное условие культурного развития народов. В статье «Рабочий класс и национальный вопрос»

---

[1] Красный Дагестан. 1927, 7 ноября.

[2] Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XXв.): Стат. справочник. Махачкала, 2001. С. 8.

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 208–209, 318–319; Т. 24. С. 129–130.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 281.

он отмечал необходимость отстаивать... полную свободу и полное равноправие - залог истинной культуры».[1]

В условиях России решение вопроса государственного языка имело огромное значение в развитии экономики, духовном прогрессе народов страны.

В.И.Ленин уделял большое внимание решению вопроса государственного языка в многонациональной России. В первую программу большевистской партии, принятой в 1903г., был внесен сформулированный им пункт о праве населения получать образование на родном языке.[2]

Самодержавие пыталось форсировать насаждение русского языка, провозгласив его официальным государственным языком. Выступая против либеральных защитников такой политики в языковом вопросе, В.И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» писал: «Русский язык велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый кто живет на любой окраине знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т.д.?

Все это верно, господа либералы, – отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского – велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось, возможно, более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из под палки...А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное обострит вражду,

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 150.
[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 277.

создаст миллионы новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т.д.».[1]

Важным аспектом разработки ленинской концепции культурного развития являлась проблема использования наследия прошлого. В его трудах она не сводилась к принятию социалистических и демократических элементов из культуры прошлого. Еще в первых своих работах он рассматривал и анализировал проблему гораздо шире. «... От раздавленного капитализма сыт не будешь, – указывал Ленин. – Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство».[2]

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что должны быть созданы такие условия, которые обеспечат приобщение самых широких масс трудящихся к политике, знаниям, эстетическим ценностям, когда миллионные массы людей труда сами будут принимать непосредственное активное участие в создании и развитии социалистической культуры.

Вождь большевистской партии подчеркивал огромные трудности социалистического строительства, в том числе и осуществления задач культурной революции, в такой многонациональной стране, какой являлась Россия, где народы находились на различных уровнях социально-экономического и культурного развития. «Такой дикой страны, – писал В.И. Ленин в 1913 г., – в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, неслучайно, а неизбежно при гнете помещиков...».[3]

Встав у руля управления страной, В.И. Ленин и его соратники уделяли пристальное внимание разработке актуальных проблем культурной политики, осуществлению культурных преобразований и приобщению к духовным ценностям широких масс трудящихся, в том числе и преодолению отставания в культурном развитии народов бывших национальных окраин.

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 294–295.
[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 55.
[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 127.

В январе 1918 г., подводя первые итоги революции в стране, В.И. Ленин подчеркивал: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, – и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершают эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления».[1]

«Главное назначение новой культуры, по мнению Ленина, – служение интересам классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры»[2]. Тем самым он не скрывая, говорил о том, что культурные преобразования в стране направлены на утверждение новой власти, они подчинены классовым интересам пролетариата.

Огромное значение в осуществлении культурных преобразований, обеспечении доступа широким массам населения к знаниям, культуре имело провозглашение и утверждение Советским государством новых принципов народного образования. В разделе Программы РКП(б) «В области народного просвещения», принятой на VIII съезде партии (1919 г.) были выдвинуты в качестве первоочередных следующие задачи: «Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знания общего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет».[3] В качестве общеполитической задачи Программа ставила требование «довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества».[4]

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 289.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 336.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 2. С. 48.

[4] Там же.

Важные идеи содержали «Основные принципы единой трудовой школы», принятые Наркомпросом и утвержденные ВЦИК в октябре 1918 г. Провозглашалось, что новая школьная реформа «имеет... характер борьбы за знание, за образованность», что «дело идет о коренной перестройке» в «духе школы подлинно народной». Школа объявлялась «не только бесплатной на всех ступенях, не только доступной и как можно скорее обязательной», но еще и «единой» и «трудовой».[1]

Правовые аспекты национальных школ в «Положении» не были прописаны. В ноябре 1918 г. было принято постановление Наркомпроса РСФСР о школах национальных меньшинств, в котором объявлялось о праве всех народов получать образование на родном языке не только в общеобразовательной, но и высшей школе. Центральная власть предоставляла родителям право избрать базовый язык образования в школе, а не принуждала их к обучению языку избранному властью. Регламентировалось лишь наличие не менее 25 учащихся.[2]

В развернутом виде проблема овладения знаниями, культурой широкими слоями населения для активного участия в хозяйственном возрождении страны, строительстве нового общества была поставлена В.И. Лениным в речи на III съезде комсомола «Задачи союзов молодежи». В ней он отмечал «....коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не по-

---

[1] Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927: Сб. документов. М., 1983. С. 74–75.

[2] Постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств». //СУ. 1918. № 80. Ст. 835.

дойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее поколение».[1]

Ленин отмечал необходимость упорной, систематической работы по овладению культурным наследием. Он подчеркивал, что «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру...».[2] При этом Ленин обращал внимание слушателей на необходимость избирательного отношения к этим знаниям: «Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически...».[3]

В наиболее сконцентрированном виде отношение вождя большевистской партии к культурному наследию в процессе формирования социалистической культуры выражена в его «Наброске резолюции о пролетарской культуре», которое сформулировано следующим образом: «Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».[4]

В новых условиях на практическую плоскость встала задача повышения образовательного и культурного уровня народов бывших колониальных окраин России. Программные цели большевиков в области социально-экономического и культурного возрождения, ранее отстававших в своем развитии, народов были определены в марте 1921 г. на X съезде РКП(б). Важнейшей стратегической задачей партии в национальной политике съезд определил необходимость: «... помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: ... развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно - просветительные учреждения на родном языке; поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско – партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения».[1]

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 307.
[2] Там же. С. 304.
[3] Там же. С. 305.
[4] Там же. С. 462.

В выступлениях В.И. Ленина, партийно-государственных документах первых лет советской власти делается акцент на необходимость учета национальной специфики и отличий, более осмотрительный, осторожный подход к осуществлению социально-экономических, культурных и иных преобразований в бывших отсталых национальных регионах страны. Так, 14 апреля 1921 г. В.И. Ленин обратился с письмом к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики, в котором подчеркивает необходимость «более медленного, более осторожного, более систематического перехода к социализму – вот что возможно и необходимо для республик Кавказа, в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и осуществить в отличие от нашей тактики».[2] Отмечая, что кавказские республики еще более крестьянские, чем Россия, он подчеркивает важность «большей мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству». «Не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий».[3]

Несмотря на эти во многом верные установки и замечания по учету специфики и особенностей национальных регионов в осуществлении социально-экономических и культурных преобразований, практика реализации культурной политики большевиков в них претерпела немалые изменения и отклонения от намеченной В.И. Лениным стратегии. На нее значительный отпечаток наложили теоретические постулаты И.В. Сталина, усилия партийно-государственного руководства по форсированию строительства нового общества, насаждению новых общественных отношений и культуры у ранее отсталых народов страны.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 252.
[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 199.
[3] Там же. С. 198–199.

С приходом новых политических сил к власти в стране началась конструкция властных структур, отвечающих за развитие образования и культуры.

В Наркомпросе наряду с учебными отделами был создан самостоятельный отдел искусств (позднее, в мае 1918 г. из него выделился отдел изобразительных искусств). Кроме того, при Наркомпросе в ноябре 1917 г. была организована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, на базе которой в 1918 г. был создан отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины.

Другим правительственным учреждением, на которое возлагалась охрана и содержание многих памятников старины, был Народный Комиссариат имуществ республики, образованный в декабре 1917 г. В ведение этого наркомата вошло хозяйство бывшего министерства двора (исторические дворцы, академия художеств, императорские дворцы и т.п.). Позднее (весной 1918 г.) встал вопрос об объединении наркоматов, с тем чтобы Народный Комиссариат имуществ передал свои функции Наркомпросу. Во второй половине 1918 г. дела Народного Комиссариата имуществ переходят в ведение отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса.[1]

Одним из важнейших актов Советского правительства явилось принятие 20 января (2 февраля) 1918 г. декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», в котором объявлялось, что «Церковь отделяется от государства, а школа от церкви.

В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяется.

Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

Все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием».[1]

Первая Дагестанская конференция РКП(б) (ноябрь 1921 г.) рассмотрела вопрос «Об отделении церкви от государства и школы от церкви...» и признала необходимым принятие такого декрета.[2]

Принцип отделения церкви от государства и школы от церкви был закреплен первой Конституцией ДАССР, принятой 5 декабря 1921 г., в которой объявлялось: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».[3] Однако властные структуры республики из-за сложной внутриполитической обстановки и высокой религиозности населения не решились принять тогда такой декрет.

Проведение в жизнь этой идеи в начальный период существования новой власти привело бы к массовому закрытию традиционных мусульманских конфессиональных учебных заведений, прекращению функционирования шариатских судов и других институтов, связанных с традиционной культурой и духовными ценностями дагестанцев. Это могло привести к массовому недовольству населения.

Учитывая это, властные структуры Дагестана на первых порах, стремясь найти понимание и поддержку у широких масс горцев, всячески демонстрировали свое лояльное, доброжелательное отношение ко всему, что было связано с мусульманской религией. Так, в резолюции I съезда окружных, городских и участковых ревкомов Дагестана по шариатским делам (июнь 1920 г.) указывалось: «Считая, что основы положения шариата совпадают с принципами строительства советской власти съезд постановил:

а) разрешать уголовно-гражданские дела мусульманской части населения по желанию подсудимого, передавать на разрешение ша-

---

[1] *Горбунов В.В.* Ленин и социалистическая культура (Ленинская концепция формирования социалистической культуры). М., 1972. С. 185.

[1] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373–374.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 115–116.

[3] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 447–448.

риатских судов, применяя меры наказания, предусмотренные шариатом;

б) ускорить работу шариатских судов;

в) устранить из шариатских судов все элементы, связанные с контрреволюцией;

г) гражданские учреждения должны оказывать техническую помощь в задержании преступников и передаче их шариатскому суду».[1]

Кадии мечетей активно привлекались к деятельности местных загсов республики. В циркуляре Дагестанского областного отдела записей актов гражданского состояния от 29 мая 1921 г. «О зачислении кадиев сотрудниками местных загсов» указывалось: «Кадии мусульманских общин при городских, окружных и участковых ревкомах зачисляются сотрудниками местных загсов на должности делопроизводителей I разряда. Кадиям предлагается пригласить себе заместителей, грамотных на местном (арабском) и русском языке, которые могли бы, в отсутствие кадия по делам шариата или мечети заместить кадия и (заведующего) местным загсом и иметь свободный доступ во время отсутствия кадия к мусульманским метрическим книгам для дачи из них и занесения в таковые книги необходимых справок.

Заместителя кадия зачислять в местный загс на должность делопроизводителя II разряда. Предлагается по возможности не откладывая приводить в исполнение объединение канцелярии кадия и местного загса».[2]

В первые годы советской власти в Дагестане обучение Корану и богословию не ограничивалось рамками примечетских школ. Нередки были случаи, когда, в открывавшихся в сельских населенных пунктах, советских школах, по настоянию горцев, вводилось обучение Корану. В докладе отдела народного образования Аварского округа о своей деятельности от 30 июля 1921 г. сообщалось, что в Хариколинской и обоих Хунзахских школах помимо учебных дисциплин, детей обучали Корану.[3]

Новые органы управления просвещением и культурой при поддержке властных структур республики вскоре после установления

[1] Там же. С. 87.
[2] Там же. С. 137.
[3] Там же. С. 325.

советской власти развернули целенаправленную работу по восстановлению и налаживанию на новых принципах деятельности учебных заведений и учреждений культуры. В апреле 1920 г. была национализирована типография М. Мавраева. При областном отделе народного образования организована комиссия по подбору материала и созданию учебников на местных языках. Всем школьным работникам, через окружные отделы, было предложено собирать и посылать в областной отдел песни, сказки, предания и рассказы, характеризующие быт и нравы народов Дагестана. Одновременно с тем, русским школьным работникам предложено подготовить для переводов на дагестанские языки материалы по вопросам методического характера и трудовой школы.[1]

Ревкомы Дагестана на развитие народного образования из своих скудных средств выделяли значительные суммы. В апреле 1920 г. Дагревком на нужды просвещения ассигновал 52000 руб., в мае 3566000, в июне 8878846, в июле 68811576 руб. Всего до конца года Дагревком на нужды образования израсходовал 122610357 руб.[2]

Решением ревкомов школьные помещения, занятые частями Красной Армии на военные нужды и другими гражданскими учреждениями, подлежали освобождению и использованию по прямому назначению. В течении 1920 г. во всех школьных зданиях был произведен мелкий ремонт, разработана смета на крупный ремонт школьных зданий, разрушенных в период Гражданской войны. Выработаны примерная схема, план и смета на постройку новых школьных зданий в 1921 г.[3]

Усилия властных структур, органов народного образования позволили возобновить работу, многих ранее существовавших школ и открыть новые. На 27 сентября 1920 г. в Кайтаго-Табасаранском округе насчитывалось 59 школ.[4] В Даргинском округе в 1921 г. было

[1] Там же. С. 310; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 55-56.
[2] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 311.
[3] Там же. С. 309–310.
[4] Там же. С. 300–301.

открыто 64 школ.[1] Всего в 1921г. в Дагестане функционировало 493 школы с 26202 учащимися и 2498 учителями.[2]

Однако начало осуществления новой экономической политики сопровождалось резким сокращением финансирования народного образования и культуры, обусловленное экономическими трудностями в стране. Они были переведены с централизованного финансирования на местный бюджет, в деятельность учреждений культуры введены элементы хозяйственного расчета.

Это крайне отрицательно сказалось на школьной сети, в первую очередь, таких экономически бедных регионов страны, как Дагестан. Их сеть в республике заметно сократилась. В 1922 г. в Дагестане функционировали 117 общеобразовательных школ, в которых обучалось 9200 учащихся.[3]

Учитывая трудности в развитии школьного образования и в целом развертывании культурного строительства, властные структуры республики усилили внимание к нуждам и запросам Наркомпроса. II Вседагестанский съезд Советов (1922 г.), на повестку которого был вынесен вопрос «О мерах поднятия народного просвещения в Дагестане», подверг всестороннему анализу состояние народного образования в республике. Съезд, учитывая тяжелое положение школьного строительства, решил: «признать фронт просвещения ударным».[4]

Съезд указал на необходимость укрепления уже созданных школ. Для этого необходимо было, во-первых, улучшить материальное положение учителей. ЭКОСО и Наркомату труда было предложено повысить зарплату школьным работникам. Во-вторых, был поставлен вопрос о наделении школ земельными участками.

Третья партийная конференция, состоявшаяся в том же году, приняла решение проводить в жизнь по народному образованию постановления II съезда Советов Дагестана «О мерах поднятия народного просвещения в Дагестане».

---

[1] ЦГА РД. Ф. р.- 41. Оп. 5. Д. 45. Л. 35.

[2] *Каймаразов Г., Эфендиев А.* Успехи культурного строительства в Дагестане за годы советской власти//Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 124.

[3] ЦГА РД. Ф. р-117. Оп. 5. Д. 45. Л. 38.

[4] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 128.

По инициативе партийных и советских организаций были проведены двухнедельники и недели помощи школам. Был открыт ряд новых школ, преимущественно в отсталых районах горного Дагестана. Чтобы охватить обучением больше детей, особенно из горных районов республики, в городах и ряде окружных центров республики были организованы интернаты как для мальчиков, так и для девочек.[1]

С сентября 1923 г. школьная сеть Дагестана была переведена на государственный бюджет. На ее нужды в 1923/24 бюджетном году ассигновано 562164 руб. В последующем финансовые средства, выделяемые из республиканского и федеративного бюджетов на развитие народного образования, неуклонно росли. Помимо них, неоднократно на нужды дагестанской школы из центра выделялись значительные суммы. 14 октября 1924 г. из культфонда ВЦИК республике было отпущено 99912 руб. на подготовку и переподготовку учителей школ I ступени и создание учебников для них. В 1925 г. СНК СССР выделил Дагестану 150000 руб. в помощь детям сельского населения и 84000 руб. беспризорным детям города.[2]

В 1923 г. число школ в республике составило 151, а учащихся 10700 человек.[3] В последующие годы сеть новых учебных заведений в городах и сельских населенных пунктах неуклонно возрастала. Президиум ЦИК ДАССР в феврале 1925 г. подчеркнул необходимость «принять меры к открытию в 1925/26 учебном году советских школ во всех больших аулах и оказать всемерную помощь сельским округам, открывающим школы, материальными средствами и учительскими силами».[4]

17 апреля 1920 г. в составе Дагревкома был образован отдел здравоохранения, во главе которого поставлен доктор Урусов.[5] Обосновывая необходимость создания этого отдела, первый его заведующий отмечал: «Нужды врачебно-санитарного дела и потребности народного здравия в Дагестане никогда не удовлетворялись в должной и нужной мере, и большая часть тех жалких казенных больниц и

---

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 501.

[2] *Исмаилов А.Р.* Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала, 1970. С. 37.

[3] ЦГА РД. Ф. р. – 117. Оп. 5. Д. 45. Л. 38

[4] Там же. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 573. Л. 400.

[5] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 59.

пунктов, которые создало старое правительство, оказались разгромленными, а имущество расхищенным. Врачебно – санитарная деятельность в области совершенно прекратилась, а уцелевшие больницы перестали вовсе функционировать. Народ совершенно обнищал и разорен. Эпидемия тифа, оспы и др. разгуливает свободно и беспрепятственно, а с наступлением теплого времени нужно ждать и холеры. Народ дагестанский слишком много жертв принес для спасения своего физического существования, он смог создать себе волю и свободу, и он не должен погибнуть от голода и болезни. Необходимо сейчас же удовлетворить острую жгучую потребность народной жизни и безотлагательно приступить к лечению недугов и болячек трудового народа. Для этого нужно теперь же приступить к организации в области больниц, амбулаторий, фельдшерских пунктов и прочих врачебно-санитарных организаций, как, например, отрядов оспопрививателей, эпидемических отрядов, врачебно-продовольственных пунктов и т.д.».[1]

Отдел здравоохранения Дагревкома, учитывая тяжелую санитарно-эпидемиологическую обстановку в крае, предложил городским и окружным ревкомам приступить к немедленной национализации наличной сети аптек и других медицинских учреждений в них. 19 апреля 1920 г. Дербентский городской ревком объявил аптеки национализированными. Все медикаменты были взяты на учет и распределены между лазаретами и населением. Из аптекарских складов, магазинов также были взяты медикаменты по твердым ценам.[2]

Несмотря на острую нехватку средств и медицинского персонала, властные структуры принимали энергичные меры по открытию учреждений здравоохранения. Так, 11 мая 1920 г. отдел здравоохранения Дагревкома принял решение: «Принимая во внимание полное отсутствие в настоящее время в округах области, приспособленных для учреждения больниц помещений, больничного имущества, аптечного инвентаря и т.д., организовать пока в каждом округе области больницу, рассчитанную на 10 коек». Были определены штаты для

[1] Там же. С. 335.
[2] Там же. С. 337.

этих больниц: 1 врач, 1 фельдшер, 1 акушерка, 1 сестра, 1 санитар, 1 санитарка, 1 повар, 1 прачка, 1 сторож.[1]

В 1921 г. отдел здравоохранения Дагревкома был преобразован в Народный Комиссариат здравоохранения республики, имевший отделы: 1) общий, 2) организационный, 3) лечебный, 4) санитарно-эпидемический, 5) финансовый, 6) снабжения, 7) военно-санитарный.[2]

Органы здравоохранения и медицинские работники, несмотря на серьезные трудности, развернули целенаправленную работу по лечению и развертыванию санитарно-просветительной работы среди широких слоев населения. На первых порах огромную помощь республике в проведении этой работы оказали медики частей Красной Армии, дислоцированных на территории Дагестана. В этой связи первый нарком здравоохранения Дагестана И.Н. Соградов писал: «Первую и решающую помощь для того времени Дагестану оказала Красная Армия. Она избавила Дагестан от врагов советской власти, и она же в лице санитарного управления Южного фронта помогла создать твердую базу для развертывания сети лечебных учреждений и медицинской помощи в Дагестане. Начальник санитарного управления Южного фронта врач Деревенсков, узнав о тяжелом состоянии медпомощи в Дагестане, согласился... передать Дагестану четыре госпиталя, находящихся в Дагестане и подлежащих свертыванию ... откомандировал в постоянное распоряжение Наркомздрава 20 санитарных машин с шоферами, 60 военных врачей и медсестер ... 7 вагонов медикаментов и несколько вагонов медицинского оборудования». Эта помощь Красной Армии положила начало организации советского здравоохранения в Дагестане.[3]

В октябре 1920 г. в округах Дагестана имелись больницы по 10 коек каждая и 5 фельдшерских пунктов, обслуживаемых 2 врачами, 18 лекпомами, 1 акушеркой и 8 сестрами милосердия. В городах лечебная помощь к 1920 г. времени выражалась: в Темир-Хан-Шуре – сельская больница на 10 коек, психиатрическое отделение на 30 коек и одна амбулатория; Петровске – 2 больницы на 120 коек и 1 амбула-

[1] ЦГА РД. Ф. р-4. Оп. 2. Д. 38. Л. 64.
[2] *Казанбиев М.А.* Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). Махачкала. 1960. С. 44.
[3] *Даниялов А.Д.* Строительство социализма в Дагестане 1921–1940 гг. (Узловые проблемы). М., 1975. С. 203–204.

тория и в Дербенте – 1 больница на 50 коек и 1 амбулатория. Всего в городах имелось 9 врачей, 12 лекпомов, 6 акушерок и 15 сестер милосердия.[1]

Для налаживания здравоохранения в республике собственных финансово-материальных ресурсов и медицинских работников остро не хватало. На помощь Дагестану пришел Центр. Правительством СССР на 1924 –1925 гг. было отпущено республике 1176691 руб. Эти ассигнования, говорилось в отчете правительства республики, дадут возможность содержать сеть лечебных учреждений наркомздрава: 13 окружных больниц, 1 детскую больницу, 1 туберкулезный санаторий, 2 кожно-венерических отряда, 42 фельдшерских пункта, санаторно-просветительные и показательные учреждения, всего 59 учреждений в составе 225 штатных единиц на 275 коек.[2] Аналогичная помощь оказывалась и в последующие годы.

Несмотря на принимаемые меры, состояние здравоохранения в республике оставалось исключительно сложным. Массовый характер носили заболевания малярией и кожно-венерическими болезнями. Учитывая это, V Вседагестанский съезд Советов в 1925 г., рассмотрев состояние здравоохранения в республике, принял решение: «Признать здравоохранение ДАССР третьим ударным фронтом....и все внимание по линии здравоохранения обратить на округа».[3]

В 1925–1927 гг. в ряде округов Дагестана работали венотряды, которые выявляли очаги заболевания путем подворного обследования. Эти же отряды проводили огромную работу по лечению больных.

В 1927 г. в Махачкале был организован кожно-венерический диспансер, который брал на стационарное лечение больных.[4]

В пропаганде санитарной культуры среди населения Дагестана большую роль играл Махачкалинский дом санитарного просвещения, организованный в 1923 г. по инициативе врача С.М. Казарова. Дом, располагавший медицинской литературой, муляжами, организовывал

[1] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 350–351.

[2] *Гаджиев А.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 186.

[3] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 9. Д. 45. Л. 18.

[4] *Даниялов А.Д.* Указ. соч. С. 204.

стационарные и передвижные выставки, которые вызывали огромный интерес трудящихся Дагестана.[1]

Таким образом, вопросы национально-культурного строительства привлекали пристальное внимание высших органов государственной власти, большевистской партии, ее вождя В.И. Ленина и других государственных и партийных деятелей страны. В первые годы советской власти партийно-государственное руководство Дагестана, в процессе реализации директивных установок в области культурного строительства учитывало специфику и особенности многонационального региона. Это не могло не отражаться на темпах и их итогах происходивших историко-культурных процессов в республике.

§ 3. Проблемы мусульманской системы образования и особенности функционирования исламского права (шариата) в новых условиях

Развитие новой системы школьного образования в Дагестане в 20-е годы происходило в идейной борьбе с традиционной мусульманской конфессиональной системой образования.

Трудности и лишения, выпавшие на долю народов горного края в годы интервенции и Гражданской войны, не могли не сказаться на сети и общей численности обучающихся в примечетских школах. По свидетельствам очевидцев число примечетских школ в Дагестане к началу 20-х годов по сравнению с дореволюционным уменьшилось. К сожалению, в виду отсутствия налаженного учета мы не в состоянии подкрепить свою мысль цифровыми выкладками о количестве мусульманских школ.

Несмотря на принятие Советским правительством декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, оно, исходя из сложной общественно-политической ситуации в национальных регионах страны, вынуждена была в первые годы советской власти идти на определенные уступки в вопросе организации конфессионального образования в районах с мусульманским населением. Декрет ЦИК и СНК СССР «О разрешении преподавания мусульманского вероучения

[1] *Аликишиев Р.Ш.* Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М., 1958. С. 106.

в регионах с мусульманским составом населения» (октябрь 1923 г.) определял возможным «Разрешить в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных образований Кавказа с включением его частей с мусульманским населением, открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения, достигшим совершеннолетия по шариату (блюгат).

Допустить в Татарской, Башкирской и Крымской автономных республиках, а также остальных частях СССР с мусульманским населением организацию группового преподавания того же вероучения вне стен общеобразовательных школ и курсов (в мечетях и частных домах) лицам, достигшим совершеннолетия по шариату (блюгат) и имеющим, кроме того, образование в объеме не менее трех отделений (классов) школы I ступени».[1]

Широко известно обращение В.И. Ленина члену реввоенсовету Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе от 2 апреля 1920 г.: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимость и прочее».[2]

Такое лояльное отношение новой власти ко всему связанному исламом, в том числе к мусульманским конфессиональным учебным заведениям и религиозность подавляющей части населения обеспечили благоприятные условия для увеличения их сети и контингента обучающихся.

Несмотря на серьезные экономические трудности, лишения, переживаемые горцами в первые годы советской власти, в Дагестане наблюдался устойчивый рост конфессиональных учебных заведений. Так, по данным на ноябрь 1923 г. в Хасавюртовском округе насчитывалось 26 примечетских школ, в которых обучалось 1997 детей.[3] В 1925 г. в Даргинском округе имелось 67 традиционных религиозных школ, в которых обучалось 1643 детей. Помимо примечетских школ,

[1] *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и Советская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 176.

[2] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 49.

[3] Красный Дагестан. 1923, 15 ноября.

обучением Корану и догмам ислама в округе было охвачено 960 детей.[1] На 1 октября 1925 г. в Андийском округе проживало 53539 человек. Советских школ здесь было 4, а религиозных 47.[2] Такой быстрый рост мусульманских конфессиональных школ являлось следствием высокой религиозности местного населения.

Этому способствовала и определенная поддержка конфессиональных учебных заведений, оказываемая органами власти республики на местах. В постановлении Петровского ревкома от 4 апреля 1920 г. «Об освобождении школьных зданий от воинских частей и их ремонте» в ряду других отмечалось необходимость: «Обратить самое серьезное внимание на мусульманское училище и принять меры, чтобы училище продолжало свой учебный год».[3] Юго-Восточное бюро РКП(б) 27 мая 1924 г. разослало циркуляр областным партийным организациям, в котором предлагалось «не чинить препятствий групповому преподаванию мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим светскую школу I ступени или же достигшим 14-летнего возраста, с тем, чтобы такое преподавание происходило во внеучебное время».[4]

А.А. Тахо-Годи, говоря о распространенности мусульманских конфессиональных учебных заведений в Дагестане в первой половине 20-х годов, отмечал: «Основной массовой школой была школа Корана, которую мог «открыть» каждый прошедший Коран. «Открытие» это заключалось в том, что арабист объявлял, что принимает детей и приступает к обучению Корану. Таких «отцов Корана» в каждом ауле было по крайней мере по одному, а в больших аулах – почти в каждом квартале, т.е. примерно с полдюжины в ауле. У каждого «отца» набиралось 30-40 детей. Считалось обязанностью мусульманина – ребенка в 7 лет посылать изучать Коран».[5]

На первом республиканском совещании по агитработе (1925 г.) отмечалось, что в 554 зарегистрированных примечетских школах и

[1] *Гаджиев А.С.* Указ. соч. С. 163.

[2] Резолюция первого совещания и материалы по агитпропработе. Махачкала, 1925. С. 17.

[3] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 297.

[4] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 521. Л.22.

[5] В борьбе за советскую школу в Дагестане. // Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Махачкала, 2007. Ч. 2. С. 241.

медресе Дагестана обучался 11631 учащийся[1], что значительно превышало показатель 1913 г. (6727 учащихся).

Мусульманские конфессиональные учебные заведения пользовались широкой популярностью среди местного дагестанского населения. Это вынуждены были неоднократно констатировать властные структуры в своих решениях, партийно-государственные руководители в своих выступлениях на страницах периодических изданий. В резолюции Хасавюртовской окружной партийной конференции от 13 ноября 1923 г. указывалось: «Отсутствие хорошо поставленных школ в округе и материальная необеспеченность как школ, так и учительства способствуют развитию в округе духовных школ. Духовные школы растут в два раза скорее, чем советские школы, что и развивает влияние духовенства в аулах».[2]

А.А. Тахо-Годи в статье «Борьба за советскую школу в Дагестане», опубликованной в журнале «Просвещение национальностей» (1931, № 1) отмечал: «Еще в 1925 г. на совещании по народному образованию ставился вопрос о преподавании Корана в школе и настроение значительных слоев населения было за преподавание Корана. Среди населения вопрос этот будировался теми же самыми отхожниками от арабизма, чтобы создать себе, таким образом, источник пропитания. Некоторые работники народного образования стояли за преподавание Корана в советской школе, предлагая таким образом укрепить престиж школы среди населения и увеличить посещаемость аульских школ. Чуть ли не к этому времени относятся разговоры и о том, чтобы «советизировать» и коранские школы, реформируя их путем введения в них светских предметов, и таким образом укрепить эти школы вместо того, чтобы подрывать почву для их дальнейшего роста, отрывая от коранской школы учителя и перевоспитывая его».[3]

Комиссия Народного Комиссариата РКИ РСФСР, обследовавшая в августе 1924г. деятельность Наркомпроса ДАССР, отметила, что «Советская власть не рискнула ликвидировать мечетскую школу, армия духовенства была слишком сильна, к тому же заменить мечетскую школу было нечем. Наркомпрос не имел средств, чтобы построить школу и содержать ее книгами. Таким образом, остается существовать и медресе и мектеб».[1]

[1] Резолюция первого совещания и материалы по агитпропработе. С. 17.
[2] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 431. Л.142–143.
[3] *А.А. Тахо-Годи.* Указ. соч. С. 240–241.

Финансирование мусульманских конфессиональных школ после установления советской власти оставалось неизменным. Они продолжали функционировать на средства от закята (10% отчисления от ежегодных доходов верующих) и средств, выделяемых родителями учащихся этих школ в качестве оплаты за обучение.

Во второй половине 20-х годов существенно изменилось отношение директивных органов власти к носителям традиционной арабоязычной культуры, в том числе и мусульманским конфессиональным учебным заведениям. Обеспокоенный состоянием образования в республике и влиянием на его развитие мусульманского духовенства ЦК РКП(б) в июне 1925 г. специально заслушал отчет о деятельности дагестанской областной партийной организации и обратился с письмом к коммунистам республики. В письме говорилось: «Отмечая огромное влияние на население Дагестана духовенства, которое в дальнейшем может превратиться в оплот и базу мусульманского движения на всем Северном Кавказе и в Закавказье, ЦК полагает необходимым обкому и в дальнейшей работе серьезно учесть этот момент. Продолжая использовать разногласия среди духовенства, одновременно иметь в виду необходимость усиления работы по борьбе с духовенством за влияние на массы не с помощью антирелигиозной пропаганды, а на основе советской и общественной работы по улучшению материального положения крестьян».[2]

С учетом «рекомендаций», содержавшихся в письме, властные структуры Дагестана усилили борьбу за ослабление влияния мусульманского духовенства и традиционного конфессионального образования. Так, в докладе заместителя Председателя СНК ДАССР К. Мамедбекова на объединенном пленуме Дагобкома ВКП(б) и Контрольной Комиссии (февраль 1928 г.) указывалось: «1925г. мы можем считать переломным годом, с этого момента мы перешли в наступление на мусульманское духовентсво.

[1] Красный Дагестан. 1927, 26 мая.
[2] *Какагасанов Г.И.* Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана. // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.. 2001. С. 131–132.

В настоящее время в ауле наблюдается ослабление влияния духовенства. Этот процесс совершается параллельно, в тесной зависимости от усиления социалистического сектора нашего хозяйства, особенно с развитием и углублением кооперативной работы. Несмотря на это, духовенство все же остается сосредоточием антипартийной и антисоветской силы, и только с этой точки зрения мы его должны рассматривать. На пленуме в качестве одной из важнейших в области культурно-просветительной работы выдвинута задача изживания конфессиональных учебных заведений (мектеб, медресе)».[1]

26 октября 1926г. обком партии утвердил инструкцию Наркомпроса ДАССР «О регулировании преподавания мусульманского вероучения». Преподавание этого вероучения допускалось только в религиозных школах. Все такие школы должны были зарегистрироваться. На преподавателей этих школ накладывался налог как на лиц свободных профессий. Посещение религиозных школ разрешалось детям, достигшим 12 лет.[2]

Параллельно с этим были осуществлены меры по ослаблению экономической базы мечетей и других учреждений культа. 23 января 1927г. ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление «О национализации вакуфного имущества», которое определило: «Все вакуфные имущества, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении различных религиозных установлений Дагестана (мечети, медресе и пр.), объявить национальным достоянием.

В целях тщательного учета и обследования как уже выявленного, так еще и не выявленного вакуфного имущества и реализации такового – ОИК-М создать комиссию в составе: председателя окрисполкома и двух членов – завокротделом и председателем АОВ, каковыми закончить работу в 3-х месячный со дня опубликования настоящего постановления срок, руководствуясь при этом следующим:

а) имущество, имеющее историко-художественное значение, подлежит передаче Народному Комиссариату просвещения.

б) имущество простого материального характера подлежит передаче как в непосредственную эксплуатацию АОВ, так и через последние малоземельным и безземельным трудовым хозяйствам сельских обществ по месту нахождения вакуфов».[1]

Однако реализация этого решения встретила значительное противодействие духовенства и части местного населения. В ряде округов развернулась агитация против кресткомов и изъятия вакуфного имущества. Наибольшей активностью она отличалось в Буйнакском, Кюринском, Самурском и некоторых других округах. В сводках Дагестанского отдела ОГПУ за февраль-сентябрь 1927 г. «О состоянии религиозной обстановки в отдельных округах и районах республики» сообщалось: «Работа по взятию на учет вакуфного имущества в Гунибском округе протекает при весьма неблагоприятных условиях. Имеются случаи в выражении недовольства и нареканий со стороны части населения, заинтересованных в оставлении вакуфа в прежнем состоянии (при мечетях).

Отмечаются случаи сокрытия со стороны духовенства объектов вакуфа, непредставления книг записи вакуфа представителям власти, а также отказ от проведения учета со стороны сельских властей.[2]

В аналогичной сводке Дагестанского отдела ОГПУ за январь-октябрь 1928 г. отмечалось: «В феврале 1928 г. с инспекторской проверкой в сел. Гогатль Андийского округа прибыл инструктор окружного исполкома Халидов З. При проверке кресткома он обнаружил скрытые участки земли 123 мерки пшеницы, как вакуфное имущество и участков на 25 мерок пшеницы, принадлежащей мечети. Всего же было скрыто 245 мерок зерна».

Председатель кресткома сел. Зибиркали Абдуразак Гаджиев и секретарь кресткома Бududибиров Умаша на складе заявили следующее: «Чем сдавать вакуфное имущество в крестком, лучше скрывать его от учета».[3]

Несмотря на недовольство части местного населения, вакуфное имущество было изъято. Оно повсеместно передавалось в распоряжение комитетов крестьянской взаимопомощи, которые использовали его для помощи маломощным крестьянским хозяйствам. По данным

---

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 264–266.

[2] Даниялов Г.Д. Указ. соч. С. 504.

[1] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. Махачкала, 2007. С. 51–52.

[2] Там же. С. 53

[3] Там же. С. 62.

на конец 1933 г. по Дагестану было изъято вакуфного имущества: 12059 дес. пахотной земли, 125 дес. садов, 154,5 дес. леса, 2032 головы крупного рогатого скота, 2354 овцы, 24 пчелиных улья, 15218,5 мерок зерна, 503 бурки, 2124 ковра, 139 котлов, а также 143 мельницы и 151 дом.[1]

Это не могло не сказаться на сети конфессиональных школ и охвате обучением ими детей. В 1926/1927 учебном году число медресе в округах Дагестана уменьшилось на – 26%, учащихся – на 19%, примечетских школ – на 13%, а учащихся в них на – 9%.[2]

Однако духовенство и значительная часть населения в округах и сельских населенных пунктах республики активно противодействовали мерам властных структур, направленным на притеснение мусульманских конфессиональных учебных заведений. В информационных сводках Дагестанского ОГПУ за январь-октябрь 1928 г. указывалось: «В сел. Андых Бахтлухского участка Аварского округа общественный кадий Абдул-Муслим Максудов (60 лет) агитировал население села, чтобы детей не посылали в советские школы, поскольку они станут безбожниками, бросят религию и уйдут от наших рук, а потому их надо учить Корану в медресе. В результате агитации население согласилось посылать детей в медресе, открытым Максудовым в селении. В медресе обучались 16 детей.

В ауле Тукуй-Мектеб Ачикулакского района по инициативе мусульманской общины «Тарикат» открыта школа-медресе по обучению детей Корану. В школе обучаются 7 учеников (сыновья кулаков) в возрасте от 18 до 25 лет. Преподавателями являются арабисты Сефетдин Абдуллаев и Гаджи Муса Абдулсадыков, ранее лишенные избирательных прав».[3] В докладе К. Мамедбекова на объединенном пленуме Дагестанского обкома и Контрольной Комиссии ВКП(б) (февраль 1928 г.) отмечалось: «Нами зарегистрировано до 150 открытых массовых выступлений в аулах против изъятия вакуфов». Наряду

[1] *Искендеров Г.А.* Роль крестьянкомов в восстановлении и развитии сельского хозяйства Дагестана (1921–1935 гг.)// Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа (советский период). Вып. 1. С. 68.

[2] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1137. Л.3.

[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 61-62.

с этим, утверждал он, имели место «20 выступлений против советских школ».[1]

На VIII съезде Советов Дагестана в апреле 1927 г. было отмечено: «Сопротивление арабского духовенства и арабско-религиозной школы надломилось и пошло на убыль. Число религиозных школ сокращается».[2] Тем не менее, властные структуры, их функционеры считали необходимым дальнейшее усиление административного нажима на мусульманскую конфессиональную школу. В своем выступлении на Вседагестанском съезде Советов председатель ЦИК ДАССР Н. Самурский (апрель 1927 г.) заявил: «Мы не можем примириться с контрреволюционной агитацией некоторой части реакционно настроенного духовенства. Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство. Нам нужно вырвать у духовенства последние зубы, чтобы оно не могло произвести ни звука».[3]

Согласно данным, приведенным на объединенном пленуме Дагестанского обкома и Контрольной Комиссии ВКП(б) (февраль 1928 г.), к началу 1928г. в Дагестане существовала следующая сеть религиозных мусульманских школ: медресе – 20, примечетских школ – 75 и «коранических школ» – 185, всего 280 школ. В Дербентском округе, например, насчитывалось 15 религиозных школ, в Кайтаго-Табасаранском – 54, в Аварском – 27.[4]

Незначительно изменилась картина численности конфессиональных школ, духовенства в республике и в 1929 г. Она была охарактеризована на X Дагестанской партийной конференции (апрель 1929 г.) в докладе М. Далгат «О задачах культурного строительства в Дагестане» и в выступлениях делегатов. Сеть мусульманских религиозных учебных заведений в 1929г. выглядела так: по всем округам было взято на учет 25 медресе с 900 учащимися, 84 примечетских школ, в ко-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 124.

[2] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 104. Л. 40.

[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917г. – декабрь 1991г.): Документы и материалы. С. 55.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 124.

торых обучалось 399 учащихся, и 137 «коранических школ». Всего в 426 мусульманских школах обучалось 4570 учащихся.[1]

В этот период мусульманские конфессиональные учебные заведения в республике функционировали под угрозой закрытия и административного преследования. Для подтверждения сказанного сошлемся на пример, приведенный в информационной сводке Дагестанского отдела ОГПУ, представленной секретарю Дагобкома ВКП (б) А.И. Муравьеву от 18 июня 1929 г.: «В сел. Кикуни Гунибского кантона мулла Абдул-Халик Гаджиев, бывший участник банды Гоцинского помимо служения в мечети обучает детей Корану, имея до 20 учеников в возрасте до 10 лет, за что получает плату по 7 мерок кукурузы. Такое обучение Гаджиев производит уже 4-й год и по сравнению с прошлым годом число учащихся увеличилось на 5 человек. Характерно то обстоятельство, что имея двух сыновей (Абдул-Басыра 12 лет и Омара – 13 лет) указанный мулла обучает их в советской школе, причем оба сына по очереди посещают советские школы, а на другой день помогают отцу обучать детей Корану. Данное явление происходит с согласия учителя советской школы Магомедова Яхьи, ученого-арабиста, каковой факт известен инспектору ОНО Гунибского кантона, но мер не принимается».[2]

К началу 30-х годов усиление административного насилия и прямой запрет привели к прекращению деятельности религиозных школ в Дагестане. Лишь отдельные представители мусульманского духовенства, остававшиеся на свободе, рискуя быть подвергнутыми административных преследованиям и репрессиям, продолжали свою деятельность, набирали небольшие группы детей и тайно обучали их Корану на дому.

После восстановления советской власти в Дагестане (март 1920 г.), учитывая высокую религиозность населения и лояльность основной массы духовенства во главе с шейх-уль-исламом Али-Хаджи Акушинским встал вопрос о создании, наряду с народными судами, шариатских судов.

[1] Там же.

[2] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917г. – декабрь 1991г.): Документы и материалы. С. 71.

10 июля 1920 г. был издан приказ отдела юстиции Дагестанского ревкома «О создании народно-шариатских судов в Дагестане». В нем сообщалось, что «Настоящим Дагестанский областной революционный комитет доводит до всеобщего сведения, что в 10 округах образованы и функционируют окружные народно-шариатские суды, в коих шариат применяется к преступникам со всей строгостью, борьба с преступностью будет вестись самым беспощадным образом. В городах для мусульман организованы такие же городские народно-шариатские суды, а для немусульман – народные суды. Для судов обоих типов учреждается в Темир-Хан-Шуре областной Кассационный народный суд. Недовольные решениями окружных и городских судов могут подавать кассационные жалобы в областной суд в г. Темир-Хан-Шуру.

Для рассматривания мелких уголовных дел и гражданских исков ценой не выше ста тысяч рублей в каждом сельском обществе организуется сельский шариатский суд.

Для подачи бесплатной юридической помощи населению при коллегии защитников и обвинителей организована в г. Темир-Хан-Шура консультация (помещение бывшего мирового отдела), куда могут обращаться все граждане, кои будут нуждаться в юридическом совете, в подаче жалоб и разъяснении юридических вопросов».[1]

Согласно «Положению о шариатских судах» для мусульманского населения действовал суд, которому были «подсудны уголовные дела и споры об имущественных и личных правах и интересах мусульман за исключением: 1) дел, подсудных революционным трибуналам; 2) дел, по которым обе или одна из сторон не согласны судиться в шариатском суде и новому подлежащих в народный суд и 3) дел о подделке денежных знаков и официальных документов, также подлежащих передаче в революционные трибуналы и народные суды по подсудности».[2]

О распространенности и роли шариатских судов в жизни дагестанских народов в первые годы Советской власти позволяет судить доклад Наркомата юстиции ДАССР от 21 марта 1921 г. «О состоянии судоустройства и судопроизводства в Дагестане». В нем сообщалось,

[1] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 96–97.

[2] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 8. Л. 43.

что «Народные суды существуют только в 3-х городах республики, по одному в каждом из них для мусульманского населения, а на всей остальной территории республики действуют шариатские суды для мусульман. Но так как в городах население смешанное, в каждом из них существует также и шариатский суд для мусульман.

Во главе шариатских судов официально стоит Али-Хаджи Акушинский, человек весьма популярный в народе, но фактически он живет в ауле, работой судов совершенно не интересуется, возложив свои обязанности на заместителя.

Согласно постановлению Дагестанского революционного комитета шариатские суды автономны и отделу юстиции (теперь Наркомату юстиции) не подчинены…

Шариатские суды необходимо изжить и вся задача состоит в том, чтобы это преодолеть безболезненно. Население Дагестана настолько еще находиться под влиянием мулл, что всякие шаги против шариатских судов рассматривает, как подход против религии, против мусульманства.

С первых же дней революции 1917 г. население Дагестана в один голос потребовало выделения шариатских судов вместо существовавших адатных судов (обычного права)».[1]

С первых же дней деятельности шариатских и народных судов начали проявляться противоречия и нестыковки в их правовом положении. Существование народных судов в Дагестане было определено «Положением о судах в Дагестане», утвержденном Дагестанским ревкомом 21 июня 1920 г. Этим «Положением» было установлено, что «в Дагестане, как и везде в пределах РСФСР, действует единый народный суд».

Затруднения в расширении сети народных судов объяснялись тем, что «этому шариатскому суду предоставлено право судить исключительно мусульман как потерпевших, так и совершивших преступление. Также является характерным требование шариатского суда, что если преступником будет мусульманин, а потерпевшим европеец, то все равно должен судиться шариатским судом. Ввиду чего

[1] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 32.

народные суды принимают в свое производство дела исключительно русских граждан».[1]

Одновременно с этим проявилось несоответствие решений шариатских судов, в первую очередь, по уголовным делам нормам и принципам нового общества, строящегося в нашей стране. Как сообщал Нарком юстиции республики А. Далгат в письме на имя председателя Дагестанского ревкома от 11 мая 1921 г.: «Шариатские суды выносят приговоры о выдаче убийц родственникам убитого для убиения, а также обрубания рук ворам. Есть случаи, когда смертный приговор шариатского суда должен быть приведен в исполнение через три года, так как сын убитого малолетний и не в состоянии убить своего кровника. Таким образом, приговоренный к смерти должен ждать 3 года своей казни. Причем в случае примирения родственников убитого убийца освобождается от всякого наказания. Подобные нелепые приговоры недопустимы в социалистической республике и считаю необходимым издать Дагревкому декрет, чтобы шариатские суды смертную казнь убийцам и членовредительство ворам заменили при вынесении приговоров тюремным заключением на определенный срок».[2]

Учитывая эти факты и усиление размаха уголовной преступности, приказом ревкома ДАССР от 26 октября 1921 г. все уголовные дела были изъяты из ведения шариатских судов.[3]

Партийные, советские органы, хотя в первые годы советской власти, исходя из сложной общественно-политической ситуации в республике и требований местного населения, вынуждены были терпеть шариатские суды, начали чинить всяческие препятствия их деятельности, стремились ограничить их влияние на умы и настроения дагестанцев. Так, согласно «Положению о шариатских судах в ДАССР», принятому 20 июля 1922 г., устанавливалось, что «все шариатские суды в ДАССР снимаются с государственного снабжения и переходят исключительно на содержание тех обществ, кои выразят желание иметь и содержать таковые». Более того, этим же «Положе-

[1] *Баймурзаев А.Б.* Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 82.

[2] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 8. Л. 6.

[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 35.

нием» ограничивалось поле деятельности шариатских судов. Ст. 2-я «Положения» гласила, что шариатские суды разбирают гражданские дела между мусульманами в случае обоюдного соглашения истца и ответчика. Это последнее положение имело то значение, что если одна из сторон пожелает разбирать дело в шариатском суде, а другая в народном суде, то дело подлежало рассмотрению в народном суде. А уголовные дела изымались из юрисдикции шариатских судов, и их рассмотрение стало исключительной компетенцией народных судов. Раньше бракоразводные дела между мусульманами рассматривались только шариатскими судами, поэтому же «Положению» в случае согласия обеих сторон такие дела могли быть рассмотрены народным судом.

Областной шариатский отдел был ликвидирован как самостоятельный отдел Дагревкома, была ликвидирована и судебная коллегия при нем как кассационная инстанция, вместо них был организован при Наркомате юстиции шариатский отдел, который находился в подчинении этого Наркомата.[1]

В последующие годы давление на шариатские суды в республике еще более усилилось. В 1926 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК ДАССР о порядке проведения в жизнь для мусульманского населения Дагестана декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно п. 18. этого постановления «шариатские суды как постоянно функционирующие религиозные организации с судебными функциями воспрещены согласно ст. 125 УК, хотя они фактически существуют еще в некоторых аулах, но вопрос о ликвидации их стоит на очереди дня».

В декабре 1926г. бюро ДК ВКП(б) обсудило вопрос «О состоянии судебно-следственных органов, прокурорского надзора и исправительно-трудового дома».

В принятом постановлении отмечалось, что «в связи с постепенным внедрением в сознание широких масс трудящихся понятия о революционной законности, расширением сети судебно-следственных органов и органов прокурорского надзора, доверия к ним населения окружные шариатские суды фактически ликвидировались, а аульские влачат жалкое существование в связи с массовым отказом аульских

[1] *Баймурзаев А.Б.* Указ. соч. С. 84-85.

обществ – дать средства на их содержание. Исходя из указанного, бюро ДК признает необходимость в ближайшее же время ликвидировать шариатские суды и юридически».[1]

В апреле 1927 г. постановлением ЦИК и СНК ДАССР шариатские суды всех инстанций были ликвидированы полностью.

Несмотря на это, нормы шариата продолжали играть важную роль в жизни дагестанских народов и в последующий период, особенно в брачно-семейных отношениях. Браки и разводы у дагестанцев независимо от социального статуса и положения продолжали оформляться по шариату, хотя после принятия указанных постановлений, они не признавались существующим законодательством и не имели юридических последствий. Члены партии и комсомольцы, остерегаясь партийных взысканий и последующего лишения административных должностей, эти акты по шариату производили скрытно.

Важное значение в становлении новых общественных отношений имело обеспечение фактического равноправия женщины с мужчиной, создания им необходимых условий для получения образования, участия в общественной жизни. В.И. Ленин этот аспект деятельности Коммунистической партии считал одной из важнейших: «Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех кто был всего более угнетен при капитализме…А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне».[2]

Декретами Советского государства женщины были уравнены в правах с мужчинами на участие в общественной жизни, получении образования, в оплате за равный труд и т.д. «Женщине в Дагестанской АССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни», – записано в с т. 89 первой Дагестанской АССР Конституции.[3]

Партийно-государственными решениями уплата калыма была запрещена.

[1] Там же. С. 88.
[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 368.
[3] *Даниялов А.Д.* Указ. соч. С. 190–191.

Однако в Дагестане ввиду живучести патриархально-феодальных пережитков в быту дагестанских народов в первые годы советской власти сохранялись серьезные трудности в соблюдении прав женщины-горянки.

Учитывая важность развертывания массово-разъяснительной работы среди горянок, были созданы специальные отделы по работе среди женщин при Дагестанском обкоме, райкомах и горкомах партии. Этими отделами, средствами массовой информации, культурно-просветительными учреждениями республики была развернута целенаправленная разъяснительная работа о необходимости преодоления неправильного отношения к женщине-горянке.

Однако этого в тех конкретных условиях, когда подавляющая часть населения республики, особенно сельского, было неграмотно, живучи патриархально-феодальные пережитки, оказалось недостаточно. Остро встал вопрос принятия специальных правовых актов в этом направлении.

Дагестанское правительство вошло с предложениями в соответствующие властные структуры РСФСР о дополнении статей Уголовного Кодекса РСФСР соответствующими статьями, учитывающими местные условия.

Президиум ДагЦИКа 3 мая 1925г. принял постановление «О дополнении Уголовного Кодекса для ДАССР». Это, как отмечалось в документе, имело целью усиление «борьбы с бытовыми преступлениями, нарушающими мирную жизнь трудящихся Дагестана и в корне подрывающими их хозяйство».

Предлагалось ввести главу IX Уголовного Кодекса РСФСР, предусматривающую «бытовые преступления, наказуемые на территории автономной Дагестанской ССР». Статьи этой главы, по мнению Дагестанского правительства, должны были предусмотреть наказание на разные сроки за совершение следующих преступлений:

а) похищение женщины для вступления в брак против ее воли;

б) принуждение женщины, достигшей брачного возраста, к вступлению в брак против ее воли со стороны ее родителей, опекунов или родственников;

в) вступление в брак с лицом не достигшим половой зрелости, или принуждение к заключению такого брака со стороны родителей, опекунов или родственников;

г) принуждение женщины к выходу замуж вопреки ее воле, в частности, путем уплаты калыма (выкупа за невесту);

д) убийство из кровной мести;

е) двоеженство и многоженство.

Вторая сессия ДагЦИКа 5 созыва (1925 г.) приняла специальное постановление «О правовых нормах женщины-горянки», в которой говорилось, что женщины-горянки «пользуются полным равноправием с мужчинами как в области публично-правовых, так и в области частных гражданских правоотношений, в частности правом избирать и быть избранными во все органы Советской власти».[1]

Уже в первой половине 20-х годов были достигнуты заметные позитивные результаты в вовлечении горянок в производство, повышении ее общественно-политической активности. В 1922 г. в состав сельских Советов республики было избрано 9 женщин, в 1923 г. – 16, в 1924 г. – 191, а в 1926 г. – 1004. В 1925 г. в окружных исполкомах работали 22 женщины, в состав ЦИК ДАССР было избрано 8 женщин. Свыше тысячи женщин работали в этом году в кустарно-промысловых артелях, в кооперативах состояло 1534 и в профсоюзах – 2346 женщин.[2]

Однако в анализируемый период в Дагестане, как и в других мусульманских регионах страны, сохранялись значительные трудности в эмансипации горянки. Еще значительная часть населения не осознавало необходимость эмансипации горянки, нередки были запреты на ее участие в общественной жизни, учебу в школе и других учебных заведениях и т.д. На этой почве происходили и прямые физические расправы. Так, в августе 1928 г. в главсуде Дагестана шел процесс по делу об убийстве гражданином Гасановым своей второй жены Патимат Умахановой. К моменту убийства Патимат было 20 лет, а Гасанову – 43. Поводом для убийства была общественная активность Патимат – ее работа в доме горянки. Е.Л. Штейнберг – научный сотрудник Научной ассоциации востоковедов при ЦИК СССР, присутствовавший на этом процессе, так характеризует атмосферу суда: «Подавляющее большинство публики состояло из мужчин – горцев, значительного количества родственников и односельчан подсудимо-

---

[1] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 66. Л. 221.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 286

го... Настроение в зале складывалось явно в пользу подсудимого... Речь прокурора, требовавшего расстрела для убийцы, была встречена жидкими хлопками, а речь защитника, доказывавшего, что убийство произошло «по любви» встретила бурю восторженных оваций».

Суд приговорил убийцу к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах. Такой приговор «встретил восторг и торжество среди большинства публики и подавленность среди горянок; многие из них заявили о том, что возьмут дочерей из комсомола, из школ и клубов, т.к. не хотят идти на верную гибель».[1]

Факты ущемления прав горянок на получение образования, равноправного участия в общественно-политической и семейной жизни начали рассматриваться в народных судах. В 1929–1930 гг. в среднем на каждого из 31 народного суда в республике за полугодие приходилось до 20 дел, связанных с преступлениями в быту.[2]

Значительное число правонарушений, связанных с семейно-бытовой сферой, неправильным отношением к горянке оставалось вне поля внимания правоохранительных органов. Зачастую общественность бывала примиренчески настроена к виновникам преступления против горянки на семейно-бытовой почве и старалась скрыть такие факты, выступала в защиту нарушений закона.

В первые годы советской власти у дагестанских народов еще сохранялись пережитки проявления кровной мести, которые негативно сказывались на взаимоотношениях между отдельными семьями и тухумами, в целом микроклимате населенных пунктов. В целях ослабления отрицательных последствий, связанных с кровной местью горским семьям и тухумам, в 1925 г. ЦИК ДАССР принял специальное «Положение о порядке примирения кровников»[3]. Одновременно было ужесточено административное и уголовное наказание к виновным в кровной мести.

Эти меры дали положительные результаты. Факты проявления кровной мести в республике начали снижаться. Однако к концу 20-х годов о полном преодолении этой архаичной черты быта дагестанцевских не приходилось говорить.

---

[1] *Даниялов А.Д.* Указ. соч. С. 196–197.
[2] 10 лет автономии ДАССР. С. 20.
[3] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 100. Л. 93.

§ 4. Изменения в развитии письменных традиций

Большое значение в решении острейших социально-экономических и социально-культурных проблем многонационального региона имела проблема создания письменности для народов, не имевших ее, а также совершенствование существующей графической системы письма. В условиях Дагестана остро стоял вопрос о языке межнационального общения.

Ко времени установления советской власти отдельные народы Дагестана – аварцы, кумыки, лакцы, даргинцы имели свою письменность – «аджам». Эта письменность представляла собой механическое приспособление арабского алфавита к фонетическим особенностям дагестанских языков. Отсюда обилие надстрочных и подстрочных знаков, создающих дополнительные трудности в усвоении грамоты. Несмотря на это, арабская письменность, арабский язык сыграли огромную роль в просвещении, развитии культуры народов горного края.

Перед властными структурами Дагестана, как и других национальных регионов страны, после установления советской власти стояла исключительной важности задача – создания письменности для ряда народностей (лезгин, табасаранцев и др.), унификация письменности, выработка единой графической основы письменности для народов, имевших ее.

С этой целью в 1920 г. по инициативе новых властных структур Дагестана была усовершенствована существовавшая система письма на основе арабской графики, создан так называемый «Новый аджам». На ней были изданы буквари и другие учебные пособия на аварском, даргинском, кумыкском, лакском языках, по которым налаживалось обучение в новых советских школах.

По мнению профессора Ш.Г. Магидова «Новый аджам» - это попытка придать существовавшей письменности известную стройность и последовательность в изображении гласных звуков путем выделения для них специальных букв внутри самого алфавита.[1]

---

[1] *Магидов Ш.Г.* Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979. С. 22.

Однако Коммунистическая партия и Советское государство в национально-языковом строительстве не собирались останавливаться на таких мерах. Их стратегической целью являлась полная замена арабской графической основы письма мусульманских народов. Путем замены письменности на арабской графической основе новые властные структуры, стремились ослабить на них влияние религиозной идеологии, переориентировать их развитие на новых духовных ценностях.

Коммунистическая партия и Советской государство осознавали невозможность быстрого перевода письменности мусульманских народов с арабской на русскую графическую основу. Было решено как промежуточный вариант использовать перевод письменности на латинскую графическую основу.

25 сентября 1922 г., когда Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу И.В. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» призывало желательным оказать «поддержку начинаниям Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта» в «мусульманской письменности». В мае 1922 г. Азербайджанский ЦИК создал постоянный Комитет нового тюркского алфавита.

Еще в середине 1922 г. Наркомат по делам национальностей РСФСР разработал проект образования Комиссии по реформе арабского алфавита. Компетенция Комиссии распространялась и на не тюркские языки, приспособлявшие к своим нуждам арабское письмо. 25 января 1923 г. коллегия Наркомнаца по докладу замнаркома Г.И. Бройдо утвердила ее состав. Северный Кавказ представлял У. Алиев. В Комиссию вошли А. Гисматуллин (Институт живых восточных языков), Ш. Манатов (Татарско-башкирское представительство), Л. Султан-Галиев (коллегия Наркомнаца), Г. Джабаев (Закавказье), Н. Тюрякулов (среднеазиатские республики), а также профессор И.Г. Франс-Каменецкий.

В указанном составе комиссия работала в феврале-марте 1923 г. В целом ее работа свелась к информации о практике применения арабского алфавита в регионах и о признании общественно-политического значения латинского алфавита в целом. Звучало мнение не только о необходимости развернуть работы по составлению латинского шрифта, но и провести «пробную кампанию в пользу его нормального введения». Были и откровенные суждения о нежелательности проводить латинизацию путем декретирования. Но доминировала точка зрения, высказанная представителем Северного Кавказа У. Алиевым, о том, что «свет латинского алфавита с Востока может служить лучшим способом приобщения так называемых «диких» народов к общечеловеческой культуре».[1]

В мае 1923 г. по инициативе С.М. Кирова в Пятигорске была созвана конференция представителей мусульманских народов Северного Кавказа по вопросам алфавита для горских языков. Совещание подчеркнуло, что «...право выбора той или иной графики для национальной письменности всецело принадлежит данной национальности. Всякое воздействие свыше в данном вопросе является совершенно недопустимым».[2]

Вместе с тем совещание отметило, что в силу экономических, политических и социально-культурных факторов предпочтительным является принятие общей основы графики всеми горскими народами Северного Кавказа.

Учитывая наличие трех основ графики (арабскую, русскую и латинскую) совещание высказалось в пользу латинской. Отмечая высокую религиозность населения и популярность среди них арабской графической основы, совещание признавало возможным вести педагогическую работу среди горских народов параллельно на арабской графической основе и латинской. Резолюция совещания была утверждена Юго-Восточным бюро ЦК РКП (б).

В 1925 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) созвало в Ростове вторую конференцию по вопросу просвещения горцев Северного Кавказа, на которой было принято решение усилить пропаганду за введение в горских областях латинского алфавита.

Выступивший на этой конференции секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.И. Микоян подчеркнул, что «арабскую графику муллы отождествляют с религией, а переход от арабской к латинской толкуют как отречение от мусульманской религии ... Переход на латинскую графику имеет большое значение: это разбивает стену между европейской и мусульманской культурой, способствует сближению между Западом и Востоком».

---

[1] *Мамсиров Х.Б.* Указ. соч. С. 238–240.
[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 374. Л. 65.

На конференции отмечалась необходимость ведения среди населения разъяснительной работы о преимуществах латинского алфавита перед арабским на современном этапе развития народов Северного Кавказа.

Обком партии развернул целенаправленную работу по переводу письменности народов Дагестана с арабской графической основы на латинскую. Учитывая высокую религиозность населения и многонациональную специфику региона, партийной организации республики приходилось действовать чрезвычайно осторожно. В октябре 1922 г. пленум Дагестанского обкома партии рассмотрел вопрос «О введении латинского шрифта». В своем выступлении на пленуме Д. Коркмасов предупреждал о возможности провокации со стороны националистов и религиозных деятелей.[1]

14 октября 1922 г. вопрос об алфавите обсуждался на объединенном заседании областного комитета партии и СНК Дагестана. Было принято решение, обязывающее соответствующие организации провести широкую агитацию среди населения за введение латинизированного алфавита. Наркомпросу было предложено разработать конкретные предложения и дать свое заключение по этому вопросу.[2]

В апреле 1924 г в Дагобкоме партии состоялось специальное совещание, посвященное вопросу об алфавите. Было решено образовать Дагестанский комитет нового алфавита, который должен был подготовить переход к латинской графике.

В феврале 1926 г. в Баку состоялся первый Всесоюзный тюркологический съезд, на котором были рассмотрены проблемы и ход перевода письменности тюркоязычных народов страны на латинскую графическую основу.

Дагестан на съезде представлял Д. Коркмасов – председатель СНК республики.[3]

В своем выступлении на съезде Д. Коркмасов от имени делегаций Азербайджана и других республик Закавказья, Узбекистана, Киргизской, Дагестанской, Туркменской, Якутской АССР, автономных областей Северного Кавказа внес предложение: «Констатируя преимущества и техническое превосходство нового тюрко-латинского алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита сравнительно с арабским, съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных республиках и областях делом каждой республики и каждого народа».[1] Съезд принял данное предложение.

[1] Там же. Оп. 1. Д. 266. Л. 12.
[2] Ученые записки ИЯЛ Даг. ФАН. СССР. Махачкала, 1958. Т.5. С. 91.
[3] Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Баку. 1926. С. 297.

В октябре 1927 г. объединенный пленум обкома ВКП(б) и ДКК, рассмотрев вопрос о языке и алфавите, после острых дискуссий принял постановление о переводе дагестанской письменности на латинскую графическую основу.

Учитывая трудности проведения реформы, пленум обязал соответствующие органы просвещения и культуры ускорить изготовление шрифтов букварей, учебников, литературы, т.е. материально обеспечить проведение в жизнь принятого решения о переводе на латинский алфавит всех дагестанских языков.

Пленум обкома ВКП(б) обратил внимание всех тех, кто имел к этому хоть малейшее отношение, на необходимость тщательного предварительного изучения всех мероприятий, связанных с проведением в жизнь реформ. Наркопросу республики было предложено включить изучение нового алфавита в программу действовавших тогда курсов переподготовки школьных работников.

На февральском пленуме Дагестанского обкома партии (1928 г.) проблема латинизированного алфавита была обсуждена еще раз. В результате всестороннего обсуждения проблемы пленум обкома партии принял решение о переходе на новый алфавит, составленный на основе латинской графики. После пленума бюро обкома образовало комиссию, которой поручило детально изучить вопрос о сроках и мероприятиях по переходу на новый алфавит. Комиссия внесла на обсуждение бюро обкома партии проект постановления ДагЦИК и Совнаркома Дагестана по этому вопросу. 5 августа 1928 г. указанный проект о переводе с арабского на новый латинский алфавит обучения в школах, делопроизводства в учреждениях был утвержден ДагЦИК и Совнаркомом ДАССР.[2]

[1] Там же. С. 320.
[2] *Даниялов А.Д.* Указ. соч. С. 134–135.

III сессия ЦИК ДАССР (ноябрь 1929 г.) приняла решение «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинский алфавит». С 1 октября 1930 г. латинский алфавит объявлялся единственным государственным алфавитом ДАССР.[1]

Наряду с переводом письменности дагестанских народов на латинскую графическую основу в республике в анализируемый период была развернута работа по созданию письменности для отдельных бесписьменных народов.

Такая работа началась в Дагестане в 1927 г. и завершилась только в 1932 г. Среди бесписьменных были языки таких народностей, как лезгины и табасаранцы.

В феврале 1928 г. состоялся пленум обкома ВКП(б), на котором было принято решение о создании письменности для лезгинского языка. Началась напряженная организаторская работа по созданию латинизированного алфавита для лезгинского языка и внедрению его в национальную школу, делопроизводство, печать.

Конкретное решение о создании письменности для табасаранцев принял пленум обкома ВКП(б) в июле 1930 г. В решении пленума говорилось: «Предложить правительству принять все необходимые меры, обеспечивающие для табасаранского языка создание письменности, учебников, подготовку педагогических кадров и т.д., имея в виду необходимость перевода табасаранских школ на родной язык не позднее начала 1932/1933 учебного года».[2]

Перевод письменности дагестанских народов с арабской на латинскую графическую основу явился важным мероприятием, нацеленным на отказ от традиционной арабоязычной культуры, переориентировать их новые духовные ценности.

В условиях многонационального и многоязычного Дагестана еще более острым, чем перевод письменности с арабской графической основы на латинскую явился вопрос определения языка межнационального общения.

С установлением советской власти партийные, советские органы Дагестана развернули большую работу по решению вопроса языка обучения подрастающего поколения, официального государственного

[1] Красный Дагестан. 1929. 24 ноября.
[2] *Магидов Ш.Г.* Указ. соч. С. 34.

делопроизводства т.д. Сразу же среди партийно-государственного руководства республики, интеллигенции наметились разногласия по вопросу роли дагестанских языков в социально-экономическом и культурном развитии, едином государственном языке в многонациональном регионе.

Впервые в практической плоскости языковое строительство было рассмотрено пленумом Дагестанского обкома партии в ноябре 1923г., который рассмотрев вопрос о языке и коренизации советского аппарата, постановил: «Наркомпрос в своей деятельности должен ориентироваться на создание единого языка в республике, отдавая преимущество тюркскому языку».[1]

Решение пленума обкома партии взять курс на создание единого общедагестанского государственного языка в лице тюркского в республике было воспринято неоднозначно. Большинство дагестанцев не знало тюркского языка и относилось к нему как языку чуждому. Духовенство и часть населения, прошедшая обучение в мусульманских конфессиональных учебных заведениях, отдавали предпочтение арабскому языку.

Часть интеллигенции, партийно-советского актива, прошедшая подготовку в русских учебных заведениях, отдавала предпочтение русскому языку как языку обучения и межнационального общения.

С самого начала 20-х годов споры шли в основном между сторонниками тюркского и русского языков. Они отчетливо отразились и на принятых партийными и советскими органами решениях. Так, на IV Дагестанской партийной конференции (март 1923 г.) по докладу «Об очередных задачах народного образования» была принята резолюция, объявлявшая русский язык языком обучения в национальных школах, в том числе в начальных. А на пленуме обкома партии в ноябре 1923 г. крен был сделан в пользу тюркского языка.[2]

В республике не утихала полемика о языке межнационального общения. Учитывая остроту споров и необходимость определения правильной стратегии в языковом строительстве, в июне 1926 г. об-

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 394. Л. 16.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Вопросы национально-языкового строительства в Дагестане в 20–30-е годы в исторической литературе// Вопросы историографии советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1991. С. 19–20.

ком партии созвал республиканское совещание для рассмотрения вопроса о языке и алфавите. На совещании столкнулись две точки зрения по данному вопросу.

Д. Коркмасов, К. Мамедбеков и другие обосновывали необходимость введения тюркского языка в качестве единого государственного языка в Дагестане. Противоположную позицию заняли С. Габиев и Ю. Мамаев. С. Габиев подчеркивал: «Народ не примет тюркского языка, так как он ему совершенно чужд. Избирая язык для революции, мы должны смотреть на Москву. Тюркский язык нам ничуть не поможет. Мы должны прямо и смело сказать: нам нужен русский язык».[1]

Возобладала первая точка, большинство участников высказалось за объявление государственным языком в Дагестане тюркского языка.[2]

Языковой вопрос был рассмотрен и на октябрьском (1927 г.) пленуме Дагестанского обкома партии, на котором был заслушан доклад председателя комиссии о языке, председателя СНК ДАССР Д. Коркмасова. Он подчеркнул: «Сила тюркского языка, во-первых, в растущей необходимости иметь межплеменной язык, во-вторых, в том, что он – родной язык плоскости, в третьих, в непосредственной выгоде владеть именно тюркским языком для сношения в самой богатой и развитой частью нашего населения».[3]

В постановлении пленума языком межплеменных сношений в Дагестане признавался тюркский язык (одно из двух его наречий – кумыкский или азербайджанский); тюркский язык вводился в школах со второго года обучения. В школах второй ступени, профтехучилищах, на курсах и т.д. обучение предлагалось вести на русском или тюркском языке соответственно потребностям населения данного района или округа по постановлению Наркомпроса.[4]

Таким образом, пленум сделал определенные уступки в пользу русского языка.

---

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 507. Л. 7. 8.
[2] Там же.
[3] Там же. Д. 1159. Л. 25.
[4] Там же.

Линия на усиление роли русского языка и родных языков в социально-экономическом и культурном развитии получила дальнейшее развитие на февральском (1928 г.) пленуме обкома партии. В постановлении пленума по вопросу о языке и алфавите делалась попытка регламентировать функции родных, тюркского и русского языков: «а) Родные языки как языки широких трудящихся масс являются языками приобщения и к социалистическому строительству; б) Тюркский – языком растущих межплеменных сношений, т.е. общедагестанским языком связи с советским Востоком; в) Русский – языком связи трудящихся масс ДАССР с трудящимися СССР, языком приобщения нашего актива к социалистической культуре».

28 июля 1928 г. Президиум ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление «О реализации прав родных языков», согласно которому вся культурно-просветительная, массовая и пропагандистская работа в клубах, избах-читальнях, кружках и т.д. должна была вестись на родном языке. На родном языке предлагалось проводить ликвидацию неграмотности среди взрослого населения.

Таким образом, дело национально-языкового строительства в Дагестане концу 20-х годов значительно продвинулась вперед, хотя на этом пути встречались огромные трудности, были допущены ошибки.[1]

Конец дискуссиям в языковом строительстве в республике был положен пленумом обкома партии, состоявшимся в июле 1930 г. В докладе зав. отделом обкома партии Ю. Шовкринского был дан подробный анализ ошибок, допущенных в решении языкового вопроса в Дагестане, были вскрыты причины этих ошибок и намечены меры для их исправления.

В своей резолюции пленум указал пути практического разрешения языковой проблемы в Дагестане на марксистко-ленинской основе. Успешное выполнение заданий двух лет пятилетки, возможность на их основе развернуть более высокие темпы экономического и культурного развития, требующего еще более широкого вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство, – говорится в этой резолюции, – требует еще более тесной смычки пролетариата с бедняцко-батрацкими и середняцкими массами, еще более быстрого

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 21.

роста и повышения квалификации актива, максимальных темпов подготовки и усиления темпов культурной революции. Все это делает необходимым пересмотр прошлых ошибочных решений по языковому вопросу. «Главным в этом пересмотре является более широкое приобщение трудящихся масс к социалистическому строительству через родные языки».

Пленум признал необходимым не позднее начала 1932/32 учебного года перевести школы первой ступени на родные языки и для этого обеспечить подготовку и переподготовку педагогических кадров и снабжение школы учебниками и учебными пособиями. Одновременно обком признал необходимым усилить преподавание русского языка в школах первой степени, введя его как предмет со второго годы обучения.

Пленум предложил Наркомпросу ДАССР провести ряд мероприятий по улучшению постановки преподавания русского языка в национальных школах, обеспечить школы программами, учебными пособиями и особенно педагогическими кадрами.

В постановлении пленума говорилось о необходимости ускорения работы по созданию грамматики, выработке терминологии, орфографии определившихся языков и изданию словарей.

Такие народности, как аварцы, кумыки, даргинцы, лакцы, лезгины, таты, чеченцы, азербайджанцы, ногайцы, имевшие свою письменность, педагогические кадры, литературу, по решению пленума должны были внедрять родной язык в школах первой и второй ступеней.

Малочисленные народности, такие, как рутульцы, агульцы, дидойцы и др., у которых не было письменности, должны были получить содействие в организации аппарата управления на устных родных языках; одновременно предусматривалось оказание помощи этим народностям в создании письменности и организации школы на их родном языке. Впоследствии это оказалось невозможным, и эти народности были приобщены к письму и языку родственных народов – аварцев, лезгин.

В отношении другой группы мелких горских народностей, языки которых не носили самостоятельного характера, а являлись наречиями, говорами определившихся языков, пленум предложил принять меры по их приобщению к соответствующим литературным языкам.

Решения пленума ориентировали властные структуры на полноценное использование языков местных народностей в хозяйственном и культурном строительстве, снимали препоны с пути русского языка как языка межнационального общения в Дагестане.[1]

Анализ материала показывает, что вопреки непониманию и противодействию определенной частью населения властными структурами республики была развернута целенаправленная работа по переводу письменности дагестанских народов с арабской на латинскую графическую основу. Параллельно предпринимались усилия по решению вопроса языка межнационального общения, повышению роли и значения русского языка в жизни дагестанских народов. Эти меры способствовали усилению проникновения новых элементов и составляющих в культуру, крайне негативно сказалась на развитии традиционной арабоязычной культуры народов горного края.

§ 5. Создание новой системы образования

В системе мероприятий по организации и развитию культурных преобразований, приобщению широких трудящихся масс к духовным ценностям важнейшим являлось народное образование.

Огромное значение в осуществлении культурных преобразований, обеспечении доступа широким массам населения к знаниям, культуре, имело провозглашение и утверждение Советским государством новых принципов народного образования. В разделе Программы РКП (б) «В области народного просвещения», принятой на VIII съезде партии (1919 г.) были выдвинуты в качестве первоочередных следующие задачи: «Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знания общего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет».[2] В качестве общеполитической задачи Программа ставила требование «довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового гос-

[1] *Даниялов А.Д.* Указ. соч. С. 152–154.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 2. С. 48.

подства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества».[1]

Эти установки были взяты на вооружение властными структурами многонационального региона. В декларации о советской автономии Дагестана отмечалось: «Советская власть знает, что темнота – первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ и органов управления на местных языках. Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины темноты и невежества, куда их бросила старая Россия».[2]

Учитывая важность развития новой системы образования в Дагестане, органы управления просвещением развернули целенаправленную работу по восстановлению и расширению сети школ. Однако они столкнулись с крайне неприятным для них явлением. В первые годы советской власти некоторая часть населения, в частности, в округах неприязненно относилась к новым учебным заведениям и отказывалась определять детей для обучения в них. Как сообщалось из Кайтаго-Табасаранского округа: «Утамышская школа, открытая с большими трудностями и начавшая оттягивать детей из мечетских школ, закрылась механически вследствие пропаганды каких-то темных личностей против советской власти».[3] На съезде заведующих окружными отделами народного образования республики в сентябре 1921 г. представитель Гунибского округа отмечал, что население сначала недоброжелательно относилось к намерениям открыть новые школы, присматриваясь, будет ли допущено в них преподавания божия».[4]

Во многом эти настроения подогревались представителями мусульманского духовенства. Они вели активную работу против открытия и функционирования новых учебных заведений. Как сообщалось в сводке Даготдела ОГПУ от 30 декабря 1924 г. «О религиозной обстановке в сел. Зидьян Нижнее Табасаранского участка Дербентского округа»: «В начале октября в сел. Зидьян Нижне Табасаранского участка Дербентского округа прибыл из Даргинского округа Мулла Сеид кадий, являющийся мюридом Али-Хаджи Акушинского. С прибытием в указанное селение ему как видному мюриду предоставили должность сельского муллы вместе с ним и шариатского кадия. Со вступлением на эту должность он организовал медресе, куда на следующий день крестьяне начали посылать своих детей. Одновременно ведет агитацию против советской школы (таковая в указанном селении имеется), говоря, что в советской школе детей развращают и направляют против мусульманской религии. Увидя, что бросили посещать совшколу и что медресе с каждым днем пополняется свежими учениками, уходящими из совшколы, секретарь сельской комячейки, он же учитель совшколы, заявился в сельсовет. Последний посредством силы сельской милиции приступил загонять детей в совшколу насильно, что в корне подорвал авторитет последней и отшатнула добрую часть детей от нее».[1]

15 октября 1926 г. в сел. Акуша Даргинского округа перед присутствующими сельчанами выступил шейх Али-Хаджи Акушинский, который заявил: «Нам мусульманам не нужны советские школы, а нужны школы-медресе, в каковых наши дети должны получить арабское знание по шариату. Если допустить мусульманских детей в советские школы, то через 3 года они совершенно забудут про Бога и веру и станут как русские безбожники».[2]

Отмечая тягу основной массы горцев к традиционной системе образования и противодействие с их стороны строительству новой советской школы, нарком просвещения республики А. Тахо-Годи указывал: «Когда мы подошли к решению вопросов культуры, население встречало нас в «штыки», требуя введения в советской школе Корана, несмотря на то, что школы уже назывались «советскими». Был момент, когда население под влиянием духовенства выносило приговоры о том, что им наша школа не нужна, достаточно коранских, а все, что за пределами Корана – это лишнее».[3]

Материально-финансовой поддержке школы способствовало также создание в соответствии с решением Дагестанского обкома партии от 2 апреля 1924 г. в республике особого фонда (культфонда).

---

[1] Там же.

[2] *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 396

[3] *Гаджиев А.С.* Указ. Соч. С. 163.

[4] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 102–103.

[1] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 47–48.

[2] Там же. С. 50.

[3] *Магомедов А.М.* Алибек Тахо-Годи. Махачкала, 1993. С. 404.

В культфонд шли отчисления: с аршина вырабатываемой бязи – 1 копейка, с пуда рыбы – 5 копеек, с пуда консервов – 50 копеек, с ведра вина – 50 копеек, с сажени дров – 1 рубль, с вагона камня – 20 копеек.[1]

Однако при всей важности и необходимости этих мер, они не могли обеспечить материальные условия для развертывания широкой сети общеобразовательных школ. Требовалась государственная поддержка. Учитывая это, 13 июля 1923 г. правительство ДАССР обратилось в СНК РСФСР с ходатайством о включении в общегосударственный бюджет расходов на содержание школ I ступени. «Ввиду полного отсутствия местных средств на содержание школ, – говорилось в нем, – совершенно необходимым является проведение этого мероприятия самым экстренным образом».[2]

С сентября 1923 г. школьная сеть Дагестана была переведена на государственный бюджет. На ее нужды в 1923/24 бюджетном году из местного государственного бюджета ассигновано 562164 рубля.[3] В 1924/25 бюджетном году на эти цели из местного республиканского бюджета выделено 4016 тыс. руб., а в 1925/26 бюджетном году – 6628 тыс. руб.[4] Несмотря на такой рост, они не в состоянии были удовлетворить запросы и потребности Наркомпроса республики.

На помощь Дагестану в развитии народного образования пришел и Центр. 14 октября 1924 г. из культурфонда ВЦИК республике было отпущено 99912 руб. на подготовку и переподготовку учителей школ I ступени и создание учебников для них. Кроме того, в 1925 г. СНК СССР выделил Дагестану 150000 рублей в помощь детям сельского населения и 84000 рублей беспризорным детям города. На эти деньги намечалось оказать помощь 4500 учащимся сельских школ, организовать при школах и детдомах 15 мастерских на 190 человек, оказать материальную помощь 12 тыс. детей беднейших семейств.[5]

Эти и другие меры благотворно сказались на улучшении дел в школьном строительстве. В начале 1925/26 учебного года в Дагестане

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. Соч. С. 502

[2] *Исмаилов А.Р.* Указ. Соч. С. 37.

[3] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 8. Д. 64. Л. 83.

[4] Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. Махачкала, 1929. С. 68.

[5] *Исмаилов А.Р.* Указ. Соч. С. 37.

насчитывалось 282 школы I ступени (26 в городах и 256 – в сельской местности) с охватом 20917 детей (5702 в городах и 15215 – на селе) и 10 школ II ступени (все в городах) с 3054 учащимися.[1]

Охвату детей – сирот школьного возраста обучением способствовали детские дома. После Гражданской войны с целью материального обеспечения и воспитания детей, остро нуждающихся в помощи государства, было открыто значительное количество детских домов. К осени 1922 г. в республике насчитывалось 26 детских домов с 3660 воспитанниками. В детских домах воспитанники обеспечивались питанием, одеждой и обувью, им были созданы необходимые условия для нормальной учебы, прививались трудовые навыки. Только в г. Буйнакске имелись 11 детдомов с 2000 детьми.[2]

Создание разветвленной сети новых школ и налаживание полноценного учебно-воспитательного процесса в них в огромной степени определялось наличием подготовленных педагогических кадров.

В республике остро не хватало подготовленных учителей, способных наладить работу новых школ. Особенно тяжелое положение в первые годы советской власти сложилось в сельской местности. Так, по данным на сентябрь 1921 г. в Гунибском округе имелось 50 учителей, до 1200 учащихся. В Аварском округе насчитывалось 40 учителей, из которых 3-4 достаточно грамотных, остальные просто «расторопные» люди. В Казикумухском округе было открыто 40 школ для мальчиков (1500 учащихся) и 3 школы для девочек (120 учащихся) с общим числом школьных работников 83 человек. В Кайтаго-Табасаранском округе насчитывалось 57 школ (из них 47 для мальчиков, 7 для девочек и 3 школы с совместным обучением мальчиков и девочек). В школах насчитывалось 3000 учащихся и 157 школьных работников. 20 учителей прослушали те или иные курсы, а остальные были с мечетским образованием.[3] Не лучше обстояло дело с педагогическими кадрами и в других округах.

Учитывая острую потребность школ в педагогических кадрах, Дагревком еще 7 июня 1920 г. принял решение «.... о привлечении

[1] Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов. С. 70–71.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 90.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 103–106.

всех проживающих в Дагестане учителей на учительские курсы. Что же касается учителей, состоящих на службе в советских учреждениях на должностях не по специальности и желающих посвятить себя учительской деятельности, предлагалось всем отделам и городским ревкомам освободить учителей от занимаемых должностей не по специальности и командировать в распоряжение областного отдела просвещения для предоставления им соответствующих должностей в отделах просвещения».[1]

Властные структуры Дагестана осознавали, что эти меры не в состоянии решить проблему педагогических кадров, необходимо организовать их широкую подготовку. На первых порах с учетом материально-финансовых возможносте и остроты проблемы, они вынуждены были пойти на создание краткосрочных педагогических курсов. В 1920 г. в Дербенте, Темир-Хан-Шуре, Ахтах, Касумкенте и Левашах были открыты краткосрочные педагогические курсы для подготовки учителей из местных народностей. Две первые впоследствии стали постоянно действующими. Дербентские педагогические курсы уже в сентябре 1920 г. выпустили 93 учителя для округов Южного Дагестана: Кайтаго-Табасаранского – 35 учителей, Кюринского – 25, Самурского – 13 и для г. Дербента – 20 учителей.[2] Всего же краткосрочную подготовку на педагогических курсах в течение 1920 г прошли около 300 учителей и работников народного образования.[3]

В последующие годы краткосрочные педагогические курсы продолжали наращивать подготовку учителей. В 1924 г. Наркомпрос республики начал осуществлять переподготовку учителей общеобразовательных школ на летних курсах. Впервые для переподготовки в г. Кубу (Азербайджан) была направлена группа учителей Южного Дагестана в количестве 50 человек. На педагогических курсах в Буйнакске прошли переподготовку 100 учителей сельских школ.[4]

В первые годы советской власти в Дагестане было положено начало подготовке педагогических кадров со средним специальным образованием. В 1922–1923 гг. в республике были открыты первые педагогические техникумы – в Буйнакске и Дербенте. Газета «Красный Дагестан» информировала читателей: «Буйнакский педтехникум открыт в январе 1923 г. Учатся дагестанцы обоего пола в количестве 59 человек. При педтехникуме – хорошее общежитие, столовая, небольшая читальня, клуб.[1]

В Дербентском педтехникуме учеба идет полным ходом. При техникуме имеются и педагогические девятимесячные курсы на 70 человек (с приходящимися всего 90 человек); учащиеся – в возрасте от 14 до 17 лет. Помещение оборудовано удовлетворительно. Пища сытная. Имеется очень хорошая читальня, библиотека, издается стенгазета».[2]

В последующие годы контингент обучающихся в педагогических техникумах республики возрос. Однако на протяжении 20-х годов основной формой подготовки педагогических кадров в республике оставалась курсовая.

Целенаправленная работа властных структур, в частности, Наркомпроса республики по подготовке педагогических кадров позволила заметно увеличить их число в общеобразовательных школах. В школах Дагестана в 1926/27 г. обучением и воспитанием детей было занято 563 учителя, а в 1928/29 г. – 1044.[3]

Однако еще крайне медленно улучшался качественный уровень состава педагогических кадров общеобразовательных школ. На 1 января 1927 г. 75% сельских учителей Дагестана имели низшее образование (в объеме начального или домашнего). Аналогичный показатель по городским школам составлял 20%.[4] Естественно, в этих условиях не приходилось говорить о сколько-нибудь удовлетворительном уровне учебно-воспитательного процесса в школах республики.

Большое значение в развитии школьного образования в многонациональном регионе имело обеспечение школ учебниками и учебно-наглядными пособиями на родных языках.

Властные структуры, педагогическая общественность развернули большую работу в этом направлении. За первые пять лет советской

---

[1] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 299.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 167.
[3] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 240. Л. 1.
[4] Там же. Ф. р.-37. Оп. 19. Д. 35. Л. 31.

[1] Красный Дагестан. 1925. 16 февраля.
[2] Там же. 18 марта.
[3] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1263. Л. 198.
[4] Там же. Д. 1867. Л. 27.

власти в республике было подготовлено и издано значительное количество учебной литературы. В 1922 г. вышли в свет «Букварь» С. Омарова на даргинском языке, «Букварь» М. Дибирова на аварском языке, «Трудовая школа» Ермолова в переводе на кумыкский язык. Готовились к изданию «Букварь» Г.-М. Аминова на лакском языке, «Хрестоматия» для 2-го года обучения на четырех языках, «Методическое руководство по преподаванию арифметики» и «Сборник примерных рекомендаций» на четырех языках, «Учебник географии Дагестана» П. Эмирова на четырех языках и другие учебники, учебно-методическая и детская художественная литература.

На аварский и кумыкский языки переводились отдельные произведения Д. Мамина-Сибиряка, В. Немировича-Данченко, В. Гаршина, Л.Н. Толстого и других писателей.[1]

В последующие годы издание учебников и учебных пособий для дагестанской национальной школы продолжала наращиваться. Тем не менее, слабость полиграфической базы типографий республики, нехватка средств, выделяемых на издание учебников и учебно-методической литературы, квалифицированных авторов, негативно отражались на удовлетворении потребностей школ в них. В 1925/26 учебном году потребность школ Дагестана в учебниках была удовлетворена на 50%.[2]

Трудности в обеспечении школ республики учебной и учебно-методической литературой были усугублены с изменением графической основы письменности народов Дагестана в 1928 г. Приходилось в срочном порядке переиздавать всю учебную литературу. К концу 1928 г. было напечатано для общеобразовательных школ Дагестана на 89 тыс. экз. учебников, 22 тыс. экз. разрезных азбук, 24 тыс. экз. детской литературы.[3] Такой объем далеко не удовлетворял потребности школ республики в учебной и учебно-методической литературе.

В 1923 г. был осуществлен ряд мер по совершенствованию организационной структуры системы образования в республике. В июне этого года ЦИК ДАССР утвердил «Положение о Народном комиссариате просвещения ДАССР». «Положение» определяло основные задачи Народного Комиссариата просвещения. Они заключались в организации, руководстве всей учебной, научной, просветительной и художественной деятельностью в республике. «Наркомпрос, – говорилось в «Положении», – призван осуществлять мероприятия, необходимые для полного и всестороннего развития народного просвещения в республике, в целях скорейшего приобщения к культуре трудящихся ДАССР».

[1] Красный Дагестан. 1922. 9 октября.
[2] ЦГА РД. Ф. р.-34. Оп. 1. Д. 84. Л. 12.
[3] Красный Дагестан. 1928. 9 октября.

В коллегию Наркомпроса, утверждаемую Совнаркомом ДАССР, входили, кроме наркома, его заместитель, заведующие главками, руководитель научно-методического центра и председатель Союза работников просвещения. 31 мая 1923г. комиссия Наркопроса ДАССР приняла «Устав единой трудовой школы», который был выработан в соответствии с «Положением о единой трудовой школе РСФСР».

Улучшению учебной и воспитательной работы в общеобразовательной школе призвана была способствовать инспекция народного образования при Наркомпросе республики.

Инспектора назначались наркомом просвещения из лиц, имеющих достаточную общеобразовательную подготовку и не менее чем трехлетний стаж просветительной работы.

Учреждение инспекций дало Наркомпросу возможность улучшить связь с окружными отделами народного образования и школами, контроль над их деятельностью, создавало условия для оказания методической помощи работникам школ и органов народного образования.[1]

Целенаправленная работа властных структур, в частности, Наркомпроса республики по развитию новой советской системы образования привело к расширению сети общеобразовательных школ и увеличению численности учащихся в них. Сказалось и усиление притеснения, административного нажима на традиционную мусульманскую конфессиональную школу. Позитивно на этот процесс влияло и развертывание социально-экономических и политических преобразований в многонациональном регионе, которые сказывались на умонастроениях и взглядах горцев, на отношение их к получению нового светского образования.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 91–92.

Таблица 2

Общеобразовательные школы Дагестана

Учебные годы	Начальные и повышенные школы (I ступени и семилетки)		Школы среднего образования (II ступени и девятилетки)	
	Число школ	Количество учащихся	Число школ	Количество учащихся
1924/25	200	15371	4	728
1925/26	285	22667	5	809
1926/27	354	26928	6	800[1]

Таким образом, за 1924/25-1926/27 учебные годы число общеобразовательных школ и охват ими детей в Дагестане возросло в 1,5 раза. Общеобразовательная школа республики на этом этапе оставалась по преимуществу начальной, средних школ было мало.

Несмотря на эти позитивные изменения и результаты, основная масса детей школьного возраста в республике еще оставалась вне школы.

Исключительно сложной проблемой развития общеобразовательной школы в республике в анализируемый период являлась вовлечение девочек-горянок к учебе. Довольно значительная часть горцев считала, что девочкам не нужно давать образование. Они были уверены, что в будущем они должны заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. Обучение горянок в общеобразовательных школах может негативно отразиться на моральном облике горянок.

В 1924 г. в Гунибском округе из 195 учащихся общеобразовательных школ только 7 являлись горянками, в Даргинском – из 70 только – 2. В некоторых округах (Аварский, Андийский) в школах не обучалась ни одна девочка.[2]

Для охвата обучением девочек-горянок приходилось открывать в некоторых горных округах специальные женские школы. Эта временная мера дала возможность вовлечь в школу девочек-горянок и способствовала подготовке условий для расширения в дальнейшем

[1] Предисловие А. Тахо-Годи к книге «На путях к всеобщему обучению»// Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Ч. 2. С. 212.

[2] *Гасанова А.И.* Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 122.

сети сельских школ с совместным обучением детей обоего пола. В 1925–26 учебном году во всех школах республики обучалось 5660 девочек или немногим более 23% от общей численности учащихся. Естественно, в сельских школах процент охвата девочек учебой был значительно ниже.[1]

Несмотря на трудности и нерешенные проблемы в развитии общеобразовательной школы в республике, властным структурам, исходя из директивных установок, пришлось форсировать события. VI съезд Советов Дагестана (апрель 1927 г.) поставил перед органами народного образования задачу скорейшего введения всеобщего начального обучения подрастающего поколения.

Пристальное внимание вопросам школьного строительства уделили X Дагестанская областная партийная конференция и VII Вседагестанский съезд Советов (апрель 1929 г.), на которых были заслушаны доклады, определены перспективы культурного строительства в республике на ближайший период.

Партийная конференция отметила, что широкое развертывание начальной школы является одним из важных результатов деятельности новых органов власти в Дагестане. Однако быстрый рост школьной сети «сопровождался рядом крупных недочетов», главными из которых были: а) недостаточное регулирование планомерного роста сети; б) малая продуктивность работы школ, объясняющая главным образом отсевом в ходе обучения детей беднейших слоев населения, как в городе, так и в ауле; в) недостаточное вовлечение девочек в школы; г) крайняя необеспеченность школьными зданиями; д) недостаток педагогов и профессиональная непригодность значительной части учительского состава и е) отсутствие специальной работы по втягиванию в школу детей батраков и деревенской бедноты.

Конференция признала необходимым дальнейшее расширение сети школ I ступени в соответствии с планом введения начального всеобучения; подтягивание развития школьной сети; увеличение ассигнований на строительство школьных зданий и более широкое привлечение на эти цели сил и средств хозяйственных организаций и населения; создания необходимых условий для успешной работы детей рабочих, батраков и бедноты; расширение сети интернатов; улучше-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. Соч. С. 97.

ние работы по вовлечению девочек в школы; усиление интернационального воспитания учащихся, приближение обучения к задачам и принципам трудовой школы.[1]

25 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». 14 августа 1930 г. аналогичное постановление приняли ЦИК и СНК СССР. В них предусматривалось повсеместное введение с 1930/31 учебного года всеобщего обязательного обучения детей в возрасте 8, 9, 10 лет в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы и обязательного обучения всех детей в возрасте 11–15 лет, не прошедших первых четырех групп единой трудовой школы. Однако, учитывая трудности бытового и иного характера в отдельных республиках и национальных областях, партия и правительство допускали отступление от указанных сроков на 1–2 года.[2]

Вопрос о введении всеобщего обязательного начального обучения в Дагестане рассматривался на сессии ЦИК ДАССР в сентябре 1930
г. Согласно плану, утвержденному сессией, введение всеобщего обязательного начального обучения должно было быть завершено не позднее 1932/33 учебного года.[3]

Введение всеобщего обучения предполагалось разбить на три очереди: первая очередь – 1930 г. – всеобуч осуществлялся в восьми плоскостных районах, во всех районах и рабочих поселках с охватом 88 тыс., или 51,3% детей школьного возраста; вторая очередь – 1931 г. – в восьми предгорных районах с охватом 124 тыс., или 94,5% детей школьного возраста; третья очередь – 1932 г – в остальных тринадцати горных районах Дагестана.[4]

С учетом новых ответственных задач, ставших перед общеобразовательной школой, было увеличено ее государственное бюджетное финансирование. Ассигнования на просвещение из местного республиканского бюджета в 1926/27 учебном году составили 1832,0 тыс.

[1] Красный Дагестан. 1929. 21 апреля.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 4. С. 473–476.

[3] Красный Дагестан. 1930. 26 сентября.

[4] К десятилетию ДАССР //Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Ч. 2. С. 226.

руб., в 1927/28 учебном году – 2621,0 тыс. руб., в 1928/29 учебном году – 4383,0 тыс. руб., в 1929/30 учебном году – 7581,4 тыс. руб. Расходы на просвещение в бюджете ДАССР в 1928/29г. составляли 27,8% расходной части всего бюджета, а в 1929/30 – 34,3%.[1] Средствами республиканского бюджета не ограничивались возможности Наркомпроса ДАССР. Правительством РСФСР на социально-экономическое развитие наиболее отстающих горных районов республики на 1926/27 – 1927/28 бюджетные годы было выделено 2,5 млн. руб., в том числе на просвещение 627 тыс. руб.[2]

Значительная часть бюджета Наркомпроса республики направлялась на расширение сети и укрепление материальной базы общеобразовательных школ. Основная часть школьного строительства осуществлялась за счет государственного финансирования. Только на строительство и ремонт 55 школьных зданий в 1927/28 учебном году в республике было истрачено 896 тыс. руб.[3]

Несмотря на рост объемов, пла строительства школьных зданий не выполнялись. В 1929/30 учебном году он по республике был выполнен только на 50%. В начале 1931г. обеспеченность школ благоустроенными помещениями по республикесоставляла 12%.[4] Это создавало серьезные трудности в выполнении задачи перехода к начальному всеобучу подрастающего поколения, организации полноценного учебно-воспитательного процесса в общеобразовательных школах.

Тем не менее, властные структуры, в частности, Наркомпрос республики, органы образования на местах развернули целенаправленную, систематическую работу по увеличению охвата детей школьным обучением, выполнению задачи перехода к начальному всеобучу детей школьного возраста. В 1927/28 учебном году в Аварском округе насчитывалось 22 школы с 946 учащимися, процент охвата детей школьного возраста составил 20,5. В Андийском округе эти цифры соответственно равнялись 17, 671 и 9,7; в Гунибском округе – 18, 937 и 12,8; в Даргинском округе – 27, 1439 и 12,4; в Лакском

[1] Там же. С. 225.

[2] ЦГА РД. Ф. р.-168. Оп. 8. Д. 34. Л. 92.

[3] Школьное образование в Дагестане. Махачкала, 1968. С. 95.

[4] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 364.

округе – 25, 1708 и 26,5. По республике процент охвата детей школьного возраста начальным всеобучем равнялся 28,3.[1]

В указанном учебном году в 418 школах Дагестана I ступени обучалось 27311 учащихся. Помимо них в республике функционировали 13 школ семилеток и 6 школ II ступени с общим контингентом 6394 учащихся.[2]

В последующие годы охват детей школьного возраста начальным всеобучем продолжал расти. В 1928/29 учебном году в Дагестане начальным всеобщим обучением было охвачено 31,3% детей школьного возраста. В 1929/30 учебном году эта цифра возросла до 44,3%.[3] Хват же девочек начальным всеобучем был значительно ниже – 25%.[4]

В 1929/30 учебном году в республике насчитывалось 544 начальных школ с 48800 учащимися. Наряду с ними имелось 9 семилеток, 2 девятилетки и 2 школы II ступени общим контингентом 5864 учащихся.[5]

Во второй половине 20-х годов темпы развития общеобразовательной школы нового советского типа в Дагестане были выше общесоюзных. Так, по данным на 1927/28 учебный год прирост школ в Дагестане достиг 20,8%, а по СССР – 6,7%; рост учащихся за этот же год: СССР – 6,0%, в ДАССР – 13,1%.[6]

Параллельно с общеобразовательной школой властные структуры Дагестана, как и страны в целом, уже в первые годы советской власти взялись за создание новой системы специального образования. Они руководствовались указаниями В.И. Ленина о том, что «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен…».[7]

В этот период многонациональный регион не располагал материальными ресурсами, культурными силами для создания высших учебных заведений. В этой связи в докладной записке Наркомпроса

[1] ЦГА РД. Ф. 4п. Оп. 8. Д. 143. Л. 14.
[2] Там же. Л. 15.
[3] Красный Дагестан. 1930. 16 июля.
[4] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1363. Л. 2.
[5] Там же. Д.1263. Л. 177.
[6] К десятилетию ДАССР.// Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Ч. 2. С. 226.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 178.

ДАССР в обком ВКП(б) от 28 января 1928 г. «О состоянии профтехнического образования в республике» отмечалось: «К Наркомпросу были предъявлены требования на специалистов по всем отраслям труда. Не имея достаточных средств, школьных помещений, оборудования и клиентуры, подготовленной к слушанию курса профтехнического учебного заведения, Наркомпрос принужден был медленным темпом развертывать сеть профтехнических учебных заведений при неподготовленном кадре педагогического персонала, отсутствии достаточных средств на оборудование, оплату личного состава, хозрасходы и т.п. и отвечающих своему назначению школьных зданий».[1]

В 1921 г. в Дагестане было открыто первое среднее специальное учебное заведение – государственный техникум. В техникуме имелись 2 подготовительных, 1 основное и 3 специальных отделений: дорожное, строительное и педагогическое.[2] В 1922 г. был реорганизован в первый педагогический техникум в г. Буйнакске. В 1923 г. второй педагогический техникум открылся в Дербенте. При них же функционировали курсы по подготовке и повышению квалификации учителей школ. Как сообщала газета «Красный Дагестан» от 16 апреля 1923 г. оба техникума – Буйнакский и Дербентский готовят учителей для сельских начальных школ и рассчитаны на 4-летний срок обучения. Техникумы ведут занятия на русском языке с введением как предмета в Буйнакском техникуме кумыкского и аварского языков и в Дербентском – тюркского (азербайджанского). Буйнакский техникум готовил учителей для Нагорного, а Дербентский – для Южного Дагестана. Педагогические техникумы имели интернаты, учащиеся находились на полном государственном содержании, причем в техникумы принимались выходцы из беднейших слоев населения, окончившие курс в объеме бывших двухклассных училищ. Для лиц с более низким образованием при техникумах были открыты подготовительные классы. Первый прием в техникумы составил 100 человек.[3]

Однако в деятельности первых средних специальных учебных заведений Дагестана имелись серьезные трудности и нерешенные

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 253–254.
[2] Там же. С. 115.
[3] *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. С. 60–61.

проблемы. Комиссия ЦК ВКП(б), обследовавшая в 1924 г. состояние профессионального образования в республике, указала, что, несмотря на известные достижения в создании сети специальных школ, подготовка кадров в них проводилась слабо, примитивно, в духе старых традиций, сложившихся в дореволюционное время. Школы профобразования еще не имели ни твердой учебно-материальной базы, ни подготовленных преподавательских кадров. В них не было твердого учебного режима, строго очередной специализации, они в основном носили характер общеобразовательных школ с некоторым практическим уклоном. Поэтому в годы восстановительного периода выпусков из этих школ почти не было, за исключением ветеринарно-фельдшерской школы, которая в 1922 г. выпустила 6 человек.[1]

Учитывая трудности в организации подготовки квалифицированных специалистов для отраслей материального производства и социально-культурной сферы на месте, властные структуры Дагестана с первых же лет советской власти начали отправлять представителей местной молодежи для продолжения образования в вузы и техникумы других регионов страны. В 1920–1924 гг. за пределы республики для продолжения образования было направлено 254 человек, из которых в вузы 87, комвузы – 7, рабфаки – 34, КУТВ – 46, партшколы – 6, техникумы – 17, разные курсы – 48. 75% из них были представителями дагестанских народов.[2]

В 1925/26 учебном году из Дагестана в вузы и техникумы других регионов страны для продолжения образования было командировано 179 человек, из которых 112 являлись представителями местных коренных народов.[3]

Правительство Дагестана оказывало помощь и поддержку молодежи, посланной на учебу в другие регионы страны. В 1925/26 учебном году из местного общедагестанского бюджета на содержание командированных стипендиатов республики было выделено 170 стипендий, по 35 руб. в месяц каждая. Кроме того, нуждающимся студентам были выданы специальные пособия.[1]

Анализ архивного материала свидетельствует, что местные средние специальные учебные заведения стали выпускатьв специалистов только во второй половине 20-х годов. Их подготовка для республики осуществлялась в вузах и техникумах других районов страны.

В середине 20-х годов властные структуры Дагестана с учетом возросших запросов народного хозяйства в специалистах активизировали внимание к развитию специального образования в республике. В 1925 г. в Махачкале были открыты медицинский, индустриальный, ветеринарно-зоотехнический, музыкальный техникумы, в Дербенте сельскохозяйственный техникум. Всего за первое десятилетие советской власти в Дагестане было открыто 12 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 1776 учащихся, в том числе 1196 представителей местных народностей.[2] В 1927 г. в Буйнакске для подготовки детей рабочих и крестьян в высшие учебные заведения был создан первый в Дагестане рабфак (рабочий факультет).[3]

Обком ВКП(б) и СНК республики, исходя из директивных установок центральных органов власти уделяли большое внимание социальному происхождению и положению студентов. Были разработаны специальные правила набора учащихся в техникумы ДАССР, по которым преимущественное право поступления на учебу предоставлялось представителям народов Дагестана, выходцам из среды трудящихся классов, воспитанникам детских домов и интернатов, демобилизованным красноармейцам. Ввиду слабой общеобразовательной подготовки молодежи из местных народностей, правительство республики предоставляло ей ряд льгот при поступлении в учебные заведения, В частности, ей были облегчены условия приема, предоставлялись специальные льготы материально-бытового характера. Большим подспорьем в подготовке местной молодежи для поступления в специальные учебные заведения явились подготовительные курсы, которые были открыты при всех техникумах Дагестана. Комплектование подкурсов проводилось по системе разверстки, в пределах ко-

---

[1] *Эфендиев А.К.* Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала. 1960. С. 66–67.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918-1941гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 189–190.

[3] Там же.

[1] Там же.

[2] 10 лет автономии ДАССР. С. 131.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 229.

торой трудящиеся и их дети получали направления на учебу общественных партийных и общественных организаций. Учащиеся подкурсов находились на полном государственном обеспечении. Им были созданы все условия для того, чтобы можно было овладеть в наиболее короткий срок минимумом знаний, необходимых для обучения в средней профессиональной школе.[1]

Эти меры были нацелены на подготовку кадров интеллектуальных профессий из представителей рабочих и крестьян.

В 1927/28 учебном году в техникумах и школах профобразования Дагестана обучалось 1523 учащихся, в составе которых рабоче-крестьянская прослойка составляла 69,34%, коммунисты и комсомольцы – 52,0%.[2]

Техникумы и другие учебные заведения профессионального образования республики на протяжении первого десятилетия советской власти встречались с серьезными трудностями, связанными с невысоким общеобразовательным уровнем многих представителей местной молодежи, обучающихся в них, материально-бытовыми затруднениями учащихся. Эти факторы обуславливали отсев учащихся из средних специальных учебных заведений Дагестана

Несмотря на эти трудности, во второй половине 20-х годов средние специальные учебные заведения Дагестана начали выпускать первых дипломированных специалистов для отраслей материального производства и учреждений социально-культурной сферы. В 1928/29 учебном году средние специальные учебные заведения Дагестана выпустили уже 244 молодых специалистов, в том числе учителей – 120; специалистов сельского хозяйства – 37, техников – 49 и медицинских работников – 38.[3]

Учитывая возрастающую потребность республики в специалистах высшей и средней квалификации, Центр продолжал выделять Дагестану места в вузах и средних специальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону и других городов страны для внеконкурсного зачисления его посланцев. В 1928 г. в вузы и техникумы других регионов страны из Дагестана для продолжения образования было послано 119 человек, в 1929 г. – 222 человека, в 1930 г. – 684 человека. В составе посланных в высшие и средние специальные учебные заведения за пределы республики в 1930 г. имелось 506 мужчин, 178 женщин, 186 рабочих, 31 крестьянин, 255 служащих, 21 кустарь, 126 учащихся и 5 прочих.[1]

Обком партии и СНК ДАССР интересовались учебой посланцев республики, оказывали им материальную помощь и поддержку. Так, в постановлении ЦИК и СНК ДАССР от 10 июня 1928 г. «О стипендиях для дагестанцев, обучающихся в вузах и техникумах за пределами республики» отмечалось: «В целях подготовки работников высокой квалификации во всех областях народного хозяйства для обучающихся в вузах, комвузах, рабфаках, техникумах и других учебных заведениях СССР, устанавливаются стипендии и пособия, размер которых определяется специальной комиссией персонально каждому учащемуся в зависимости от условий, в которых он находится в учебном заведении и от типа учебного заведения. Студент, зачисленный стипендиатом, пользуется стипендией и пособием в течение всего времени обучения в данном учебном заведении при условии своевременного выполнения всех требований, устанавливаемых правилами о продолжении курса. Лишение стипендий до окончания учебного заведения производится стипендиальной комиссией.

Все получающие от ДАССР стипендии обязаны, по окончании курса обучения или по выходе из учебного заведения до его окончания, отработать по своей специальности в ДАССР полученные им стипендии…».[2]

Несмотря на эти целенаправленные усилия, они не в состоянии были удовлетворить потребность республики в специалистах высшей и средней квалификации. В анализируемый период интеллигенция Дагестана пополнялась и специалистами с высшим и средним образованием, направляемыми в республику различными центральными

---

[1] *Эфендиев А.-К.И.* Указ. соч. С. 68–69.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 256–257.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. Соч. С. 229.

[1] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Махачкала, 2003. Т. 1. С. 133.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 281–282.

министерствами и ведомствами. Так, только в 1925/26г. в многонациональный регион прибыли 23 врача, 41 педагог и 6 акушерок.[1]

К началу первой пятилетки в Дагестане уже работали 130 инженерно-технических работников, более 1030 специалистов сельского хозяйства, 184 врача и 1725 преподавателей различной квалификации. Однако это далеко не удовлетворяло потребности быстро развивающегося народного хозяйства и культурного строительства. В 1928/29 г. на тысячу рабочих в Дагестане имелось всего 3 инженера и 4 техника, что значительно меньше, чем в целом по РСФСР.[2] Около 50 % всех специалистов, занятых в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве республики, не имели законченного специального образования. Специалистов же с высшим образованием в этих отраслях народного хозяйства насчитывалось всего 235. При этом представители коренных народностей Дагестана составляли лишь незначительную их часть.[3]

Учитывая острую нехватку специалистов высшей и средней квалификации и всевозрастающую потребность в них, в республике создавались краткосрочные курсы и школы. В 1920–1921, 1921–1922 учебных годах в Темир-Хан-Шуре работали акушерские 9-месячные курсы, 6-месячные сельскохозяйственные курсы, годичные учительские курсы. Такие же курсы работали и в Дербенте.

Осенью 1922 г. при фабрике им. III. Интернационала в Махачкале была открыта школа фабрично-заводского ученичества, обучение в которой было рассчитано на 3 года. В школе обучалось 40 учащихся, 20 из них были представителями местных национальностей. К концу 1923 г. количество учащихся достигло 50, 24 из которых являлись коренными дагестанцами. При школе имелись интернаты, где жили мальчики-горцы и отдельно девочки. На начало 1925/1926 учебного года в республике работало 6 профессиональных школ с 258 учениками.[4]

---

[1] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. д. 781. Л. 8.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 230.

[3] *Каймаразов Г., Эфендиев А.* Успехи культурного строительства в Дагестане за годы Советской власти// Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала. 1958. Т. 4. С. 141–142.

[4] *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. Махачкала. 2007. С. 19–20.

В феврале 1930 г. в Махачкале для технического обучения рабочих был открыт рабочий университет, куда сразу поступило 108 человек, из которых 90% составляли рабочие с производства.

С 1924 г. по август 1927 г. на руководящую работу (республиканского, окружного, сельского масштаба) было выдвинуто 78 человек, в том числе 21 рабочий и 12 крестьян. За 1928 г. и январь 1929 г. на руководящую работу было выдвинуто уже 84 человека, из которых представителей коренных народностей Дагестана было 75 человек, или 89,3%.[1]

В 1920 г. были восстановлены агрономические пункты в Темир-Хан-Шуре, Хасавюртовском и Дербентском округах. Они составляли планы обязательных засевов в крестьянских хозяйствах и участвовали в их проведении в жизнь, распределяли земледельческий инвентарь, пропагандировали прогрессивные способы ведения сельского хозяйства. Происходил рост агроперсонала, агрономическая работа уже с 1923г. приняла более широкие масштабы.

По мере развертывания агрономической работы в республике агропункты от отдельных мероприятий, переходили к массовой и повсеместной организации сельского хозяйства на научной агрономической основе. В республике закладывались опытно-показательные участки с посевами южных технических культур – хлопка, клещевины; население демонстрировало различные способы обработки посевов, его знакомили с современной агротехникой полеводства.

В Дагестане впервые открылись случные пункты (в Казикумухе, Буйнакске и Кизляре). Большой интерес у населения вызвала выставка сельскохозяйственных животных, открывшаяся в декабре 1923 г. в Хасавюрте. Благодаря организации выставки удалось до некоторой степени преодолеть инертность и замкнутость крестьянских хозяйств окружающих селений и даже отдельных районов. На выставке было представлено 147 экспонатов, из них 88 премировано.

Специалисты сельского хозяйства Дагестана провели в это время большую работу по организации молочного хозяйства и внедрению искусственного осеменения сельскохозяйственных животных.

В 1924 г. в Москве была организована Всероссийская сельскохозяйственная выставка. На выставке были предоставлены экспонаты и

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 230.

из Дагестанской АССР, отражающие состояние сельского хозяйства республики в этот период. Эта работа была отмечена Главным Выставочным Комитетом, премировавшим Наркомзем Дагестана дипломом. Из представленных экспонатов были премированы две коровы горской породы и семь горских овец.[1]

В целом, усилиями властных структур, при помощи и поддержке Центра в 20-е годы в Дагестане, несмотря на огромные материальные и иные трудности, было положено начало развитию общего и специального образования. Значительное число представителей дагестанской молодежи для продолжения образования ежегодно направлялось в вузы и техникумы других регионов страны, где для них выделялись места для внеконкурсного зачисления.

Новая интеллигенция республики стала играть всевозрастающую роль в развитии отраслей материального производства, переводе культуры дагестанских народов на новые пути прогресса.

§ 6. Специфика формирования новых культурных потребностей. Развертывание внешкольной системы образования

Коммунистическая партия и Советское государство, ставя задачу приобщения широких народных масс к культуре, осознавали необходимость создания разветвленной сети библиотек, клубов, кинотеатров и других культурно-просветительных учреждений. В программе ЦК РКП(б), принятой на VIII съезде (март 1919 г.), как одна из важнейших задач, выдвигалась «всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов лекций, кинематографов, студий и т.п.)».[2] Указывалась необходимость обеспечения доступа для всех слоев населения в учреждения культуры и искусства.

В апреле 1920 г. в составе отдела народного образования Дагестанского ревкома был образован внешкольный подотдел для руководства деятельностью библиотек, клубов и других культурно-просветительных учреждений.

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 278–279.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 49.

В 1921 г. для руководства культурно-просветительной работой в составе Наркомпроса республики был образован Главполитпросвет. Перед ним ставилась задача организации, объединения и руководства всей политико-просветительной работой среди взрослого населения и юношества (от 15 лет) и сосредоточения этой работы на обслуживание политико-экономического строительства.[1]

В последующем, по мере создания условий организовались окружные и городские политпросветы.

Создание Главполитпросвета и его структурных подразделений на местах позволило сконцентрировать и ввести в организованное русло усилия по созданию сети и развертыванию деятельности культурно-просветительных учреждений в многонациональном регионе.

Одновременно с развертыванием работы по созданию новой системы образования властные структуры Дагестана взялись за создание культурно-просветительных учреждений: клубов, библиотек, кинотеатров и т.д., организации и развертыванию в них культурно-просветительной и политико-массовой работы. В городах и округах республики открывались дома горцев, клубы и другие очаги культуры, в которых создавались самодеятельные художественные коллективы, читались лекции, доклады и т.д. В отчете отдела народного образования Дагревкома за период с 1 апреля 1920 г. по 1 января 1921 г. говорилось, что в отрытых в Темир-Хан-Шуре и Кайтаго - Табасаранском округе 3 Домах крестьянина периодически устраивались лекции, собеседования, концерты, спектакли, митинги. В разных населенных пунктах Дагестана было проведено 192 концерта-митинга, в некоторых селениях впервые демонстрировались кинофильмы.[2]

Создание и развертывание деятельности очагов культуры в республике было сопряжено со значительными трудностями. Не хватало финансовых средств. Большая часть средств скудного бюджета, выделяемого на развитие социально-культурной сферы, направлялось на школьное образование. Отсутствовали помещения, не было подготовленных людей для открытия и налаживания деятельности культурно-просветительных учреждений. Самая основная сложность за-

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 98.

[2] Революционные комитеты Дагестана.: Сб. документов и материалов. С. 310–311.

ключалась в том, что новые учреждения культуры и идеи, которые они пропагандировали, еще не воспринимались значительной частью местного коренного населения, относилась к ним негативно.

В 1923 г. в Дагестане насчитывалось 24 клуба, 25 библиотек и 159 изб-читален.[1]

Образцовым среди клубов Махачкалы считался центральный рабочий клуб, где работали многочисленные кружки, в том числе эсперанто, спортивный. С октября 1923г. при клубе была открыта рабочая библиотека-читальня. В клубе работала художественно-драматическая студия.

Участники обучались искусству декламации, ораторскому искусству, слушали лекции по истории культуры и театра, сами учились играть на сцене клуба, участвуя в собственных постановках.[2]

В последующие несколько лет весьма незначительная сеть культурно-просветительных учреждений республики в силу действия объективных и субъективных факторов еще более сократилась. В 1925/26 г. в Дагестане насчитывалось всего 14 клубов, 7 библиотек, 85 изб-читален.[3]

В этих условиях говорить о сколь-нибудь масштабной культурно-массовой работе в республике не приходилось. Главполитпросвет и его структурные подразделения в округах концентрировали свое внимание на организации и проведении различных культурно-просветительных компаний. В частности, проводились специальные «Дни крестьянина» и «Недели крестьянина».

8 октября 1920 г. из г. Дербента для проведения «Недели крестьянина» в Кайтаго-Табасаранский округ были направлены мусульманская драматическая труппа, медицинские работники, лекторы. Они побывали в Маджалисе, Башлы, Каякенте и других населенных пунктах. В сел. Каякент были показаны спектакли «Аршин Мал-Алан», «Лейла и Межнун», «Хаим Молла», «Али эш Джаван», прочитаны 3 лекции и проведены митинги, на которых присутствовало около 800 человек. Сельским жителям был оказана медицинская помощь.[4]

---

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 185.

[2] *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 24.

[3] 10 лет автономии ДАССР. С. 138.

[4] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 56. Л. 25.

Вопросы развертывания сети культурно-просветительных учреждений, улучшения их деятельности неоднократно рассматривались на пленумах обкома партии, Вседагестанских съездах Советов. Так, в постановлении V Вседагестанского съезда Советов по докладу «Об итогах и перспективах народного образования в Дагестане» (апрель 1925 г.) говорилось о необходимости усиления политико-воспитательной и просветительной работы, в первую очередь, среди сельского населения. Учитывая огромное значение изб-читален для борьбы с отсталостью населения, съезд признал необходимым установить твердую сеть их со специальными платными работниками-избачами.[1]

Большое внимание работе культурно-просветительных учреждений уделила X областная партийная конференция (1929 г.), которая, обсудив доклад «Вопросы культурного строительства в ДАССР», утвердила развернутую программу борьбы за преодоление культурного отставания Дагестана. Учитывая огромное значение культурно-политической работы в ауле в условиях развертывающейся коллективизации сельского хозяйства и роль культурно-просветительных учреждений в разъяснении массам политики партии в области коллективизации, конференция признала необходимым улучшить работу изб-читален, саклей горянок, батрацких уголков, укрепить их материальную базу, усилить подготовку кадров для них, обеспечить культурно-просветительные учреждения литературой на родных языках.[2]

В 1928/29 г. в республике насчитывалось 148 изб-читален или на 44 больше чем в предыдущем году. Были установлены постоянные штаты избачей.[3] В них функционировали различные кружки художественной самодеятельности, читались лекции и доклады, проводились беседы по разъяснению решений партии и правительства, улучшению санитарной культуры населения.

В январе 1927 г. в 14 профсоюзных клубах Дагестана было показано 16 спектаклей, проведено 14 вечеров художественной самодея-

---

[1] Там же. Ф.р-37. оп. 19. Д. 45. Л. 23.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 277.

[3] *Тимушев Л.* К итогам работы Наркомпроса за 1927/28 г. // Плановое хозяйство. 1928. № 10–12. С. 62; *Астемиров Б.* Итоги культурного строительства Дагестана к 15–летию Октября// Революция и национальности. 1932, № 10, 11. С. 102.

тельности, 8 вечеров вопросов и ответов, 52 киносеанса, прочитано 10 кружков с охватом 342 человека.[1]

В тематике клубных мероприятий, как и других культурно – просветительных учреждений, все большее отражение находила борьба против архаичных черт быта, неправильного отношения к горянке. В клубных постановках, лекциях и беседах разъяснялась необходимость изжития многоженства, выдачи замуж несовершеннолетних и т.д. Однако уровень этих мероприятий оставлял желать лучшего и зачастую не достигал ожидаемых целей.

В целом клубная работа в Дагестане в анализируемый период переживала период становления, объемы ее были еще не велики. Основная масса населения, прежде всего в дагестанском селе с ней была практически не знакома.

В 20-е годы развертывание сети общеобразовательных и специальных учебных заведений, тенденция повышения образовательного уровня населения республики обеспечивали благоприятные возможности для развития библиотечного обслуживания не только горожан, но и сельских жителей в учебной, общественно-политической, художественной и иной литературой.

В первые годы советской власти властные структуры и Главполитпросвет из-за острой нехватки финансовых ресурсов, помещений и литературы вынуждены были идти по пути создания библиотечных уголков в учреждениях культуры, в первую очередь в дагестанском селе. В 1921г. читальня Самурского округа располагала 357 книгами, Андийского округа – 500 книгами и т.д.[2] На конец 1924 г. общий книжный фонд 27 библиотек Дагестана составлял свыше 94 тыс. экз.[3] Читателями библиотек республики к этому времени являлись 14694 человека, которым за год было выдано свыше 150тыс. учебной, общественно-политической и художественной литературы.[4]

Дагестанская государственная национальная библиотека до 10 октября 1929 г. находилась в ведении Наркомпроса республики и являлась самостоятельным учреждением, она тесно увязывала свою работу с работой Института дагестанской культуры и дагестанским музеем.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 277.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 158.

[3] Статистический сборник 1925–26 г. Махачкала, 1926. С. 13.

[4] Там же.

В библиотеке насчитывалось 21569 томов книг, она получала в 1928–1929 г. 10 наименований газет и 88 журналов. Работа библиотеки с читателями шла путем выдачи книг для чтения. Книги выдавались только в читальный зал, который работал с 11 часов утра, а три раза в неделю с 5 до 8 часов вечера. Для читателей устраивались выставки.

Во второй половине 20-х годов продолжалось расширение библиотечной сети в республике. В этот период библиотеки общего пользования, наряду с городами, были открыты и в сельских населенных пунктах. В 1928/29 г. из 35 библиотек общего пользования Дагестана 9 размещались в сельской местности.[1]

На рост книжного фонда библиотек республики в известной степени сказалась перемена графической основы письменности народов Дагестана. Средства, выделяемые на комплектование книжного фонда библиотек республики литературой на латинской графической основе, были недостаточны для пополнения в короткий срок библиотечного фонда.

Несмотря на эти трудности, рост образовательного уровня населения республики, усиливал его тягу к библиотечной книге.

Весной и летом 1920 г. были открыты первые музыкальные школы (музыкальные классы) в городах Дагестана. Первая школа была открыта в Дербенте, переведенная летом 1923 г.в Махачкалу. В школах наряду с европейскими инструментами вводилось обучение учащихся на дагестанских родных инструментах.

В январе 1921 г. около 200 учащихся занимались в «Музыкальной студии» Темир-Хан-Шуры. При студии существовал оркестр и хор. Организатор и руководитель студии С. Ветвинская создала и концертную группу, проводившую беседы и лекции о музыке. Музыкальная студия подготовила почву для создания первого в республике музыкального училища в 1926 г.

Концертная и музыкальная жизнь дагестанских городов в послереволюционную пору была весьма неоднородна, пестра по своим

[1] *Астемиров Б.* Итоги культурного строительства Дагестана к 15-летию Октября // Революция и национальности. 1932. № 10–11. С. 102.

тенденциям. Наряду с большим числом концертов «песен улиц», «цыганских романсов» и тому подобных развлекательных программ, особенно характерным для времени нэпа, в музыкальной жизни дагестанских городов все более заметное место занимает камерная, симфоническая музыка, исполнение произведений русской и мировой классики.

Среди первых мероприятий такого рода были концерты, организованные С.В. Ветвинской в Темир-Хан-Шуре в феврале 1921 г. На них исполнялись произведения Верди Д. и Римского-Корсакова, Ш. Гуно, Ф. Шопена.[1]

Сообщения печати тех лет свидетельствуют о широком распространении «Интернационала» и других пролетарских песен в Дагестане.[2]

Наиболее массовым и доступным видом приобщения широких масс населения к культуре и искусству являлось кино.

В первые годы советской власти в республике стационарные киноустановки имелись только в городах. Обслуживание сельских жителей производилось передвижными киноустановками. В 1924 г. в Махачкале функционировали 2 кинотеатра, один из которых находился в ведении Наркомпроса, а другой арендовался частным лицом. Всего в республике насчитывалось 7 киноустановок, в том числе 2 передвижных.[3]

Кинопередвижка, оборудованная аппаратами «ГОЗ», была направлена и работала в следующих селениях: Леваши, Цудахар, Казикумух, Унчукатль, Куппа, Гуниб, Чох, Согратль, Голотль, Хунзах, крепость Хунзах, Тлох, Ботлих, Харахи, Кахиб, Кумторкала, Карабудахкент, Губден, Агач-аул и Тарки. Всего было дано 29 сеансов, которыми обслужено около 10 тыс. человек.[4]

В последующие годы число киноустановок и охват населения республики кинопоказом неуклонно росло. В 1928/29 г. в Дагестане насчитывалось 28 стационарных и 18 передвижных киноустановок.

[1] *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 25.

[2] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. М., 1987. С. 92.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 160. 185.

[4] Там же. С. 186.

Только кинопередвижниками за 1928 г. в республике было обслужено около 132 тыс. человек.[1]

В анализируемый период властные структуры республики исключительно большое внимание уделяли созданию периодических изданий, в частности, на дагестанских языках.

Республиканская газета «Советский Дагестан» начала выходить на русском языке с июня 1920 г. в Темир-Хан-Шуре на двух полосах ежедневно. Тираж ее был 2 тыс. экземпляров, выходила она 2 года.

В это же время выходили и городские газеты. В Дербенте – газета «Красный горец», издававшаяся 2 раза в неделю на русском языке, в Петровске продолжала выходить газета «Красный Каспий», а с февраля 1921 г. «Порт-Петровский пролетарий».

В марте 1922 г. Темир-Хан-Шуринская газета «Советский Дагестан» и «Порт-Петровский пролетарий» были объединены в одну газету «Красный Дагестан».[2]

В 1926 г. в Дагестане издавалось 7 газет – «Красный Дагестан» и «Красный Землероб» на русском языке, «Елдаш» на кумыкском языке, «Дагестанская беднота» на тюркском языке, «Даргинец» на даргинском языке, «Горец» на аварском языке, «Труженик» на лакском языке с общим годовым тиражом в 1052480 экз.[3] Разовый тираж дагестанских газет на начало 1929 г. составил 22800 экз.[4]

Начали издаваться и журналы. С 1923г. был налажен выпуск ежемесячных журналов «Маариф ёлы» («Путь просвещения») на тюркском языке и «Дагестанский кооператор» на русском языке. В 1923 г. вышло два номера журнала Дагобкома РКП (б) «Звезда», издание которого было возобновлено в 1927 г. С 1927 г. стал выходить ежемесячный журнал Госплана ДАССР «Плановое хозяйство Дагестана».[5]

Рост образовательного уровня населения сопровождался усилением его связей с редакциями периодических изданий. Ежегодно редакции получали тысячи корреспонденций. Так, газета «Елдаш» на кумыкском языке с апреля 1926 г. по февраль 1929 г. получила 4000

[1] Красный Дагестан. 1929. 7 ноября.

[2] *Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 21.

[3] Там же. 1927, 25 января.

[4] Звезда. 1929. № 4. С. 45

[5] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 260.

корреспонденций, из которых использовано 2900. В начале 1929 г. газета «Красный Дагестан» ежедневно получала в среднем 60 корреспонденций. Аварская газета «Горец» в феврале 1929 г. получила 314 корреспонденций, из которых использовала 102, послала на расследование 12 и т.д.[1]

Важным каналом для развертывания культурно-просветительской и политико-массовой работы в многонациональном регионе явилось радио.

В 1925 г. в Махачкале было установлено три громкоговорителя. В последующем радиоустановки появились в Ачикулаке, Кизляре, Буйнакске, Маджалисе, Ахтах и Казикумухе. В обществе «Друзья радио», возникшего в республике в 1926 г., состояло 1500 человек.[2]

В 1925 г. в столице республики г. Махачкале было начато строительство широковещательной радиостанции, которая была завершена в 1927 г. Официальное открытие станции состоялось 7 ноября 1927 г. Впервые в дагестанском эфире прозвучали радиопередачи на русском и национальных языках. Это событие имело далеко идущие последствия для социально-культурного развития дагестанских народов.

В рассматриваемый период ограниченность средств и технических возможностей не позволяли широко развернуть радиофикацию, радиустановки устанавливались в клубах, избах-читальнях и других учреждениях культуры, местах проведения общественно-политических мероприятий, куда для коллективного слушания собирались люди разных возрастов и социального положения.

В передачах Дагестанского радио давалась информация о событиях внутри страны и за рубежом, организовывались выступления по радио партийных и государственных деятелей, писателей республики, освещались вопросы развития культуры, утверждения нового быта и преодоления отживших обычаев и традиций. Звучали художественно-публицистические передачи и концерты на дагестанских языках и т.д. В первый период радиопередачи были нерегулярными, не составлялись планы их организации. Это сказывалось на качестве радиопередач. Улучшению вещания способствовало составление, начиная с

[1] Там же. С. 270.
[2] Красный Дагестан. 1926, 15 августа.

февраля 1928 г., стабильного расписания радиопередач на две недели вперед.[1]

В 20-е годы было началось развитие профессионального театра в республике. Еще в 1921 г. специальным декретом Дагревкома в Буйнакске была создана «образцовая государственная труппа» под названием «Первая Дагестанская показательная передвижная труппа». Кроме того, в Буйнакске работал городской театр. Вскоре такой же театр был открыт в Махачкале. В 1924 г. он был переименован в Государственный театр Дагестанской АССР, а в 1925 г. в Дагестанский государственный академический русский театр.[2] Однако до середины 20-х годов деятельность театральных коллективов республики носила эпизодический характер.

В 1926 г. Наркомпрос ДАССР организовал в Буйнакске национальную драматическую студию. Этим было положено начало созданию в республике национальных профессиональных театральных коллективов, что открывало возможность обслуживания театром широких масс населения, в том числе сельского. Драматическая студия имела две группы, из которых старшая уже в 1927 г. совершила гастрольную поездку по аулам Буйнакского, Махачкалинского и Хасавюртовского округов. Были поставлены пьесы Н. Нариманова «Наданлык», «Надир-шах», «Мола» Риханова, «Хаким» и др.

Выступления студийцев проходили с неизменным успехом. За время непродолжительной поездки в 1927 г. студией было обслужено 11 тыс. зрителей. В том же году студия была переведена в Махачкалу, где затем была преобразована в театральный техникум.

В 1928 г. национальная студия побывала в Аварском, Андийском и Гунибском округах и в ряде аулов Кумыкской равнине, имея в своем репертуаре, наряду с кумыкскими пьесами, три пьесы на аварском языке. За 40 дней студийцы побывали в 21 ауле и их спектакли посетили свыше 32 тыс. человек, в том числе более 10 тыс. женщин.

Свою третью гастрольную поездку (1929 г.) студия провела на рыбных промыслах, побывав в 30 из них.

[1] *Гамидов М.* Без бумаги и расстояния. Махачкала, 1977. С. 28
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ.соч. С. 257.

Национальная студия ставила также произведения русских классиков. Например, в 1928 г. студийцами была поставлена «Женитьба» Н.В. Гоголя.[1]

Таким образом, в 20-е годы властные структуры, несмотря на огромные материальные и иные трудности, стремились создать разветвленную сеть культурно-просветительных учреждений, учреждений искусства и наладить их работу. Они с учетом специфики и особенностей республики постепенно развертывали работу по переориентации духовно-эстетических запросов и потребностей народов региона и пропаганде новых культурных ценностей. Однако ее успехами и результатами в анализируемый период не приходилось обольщаться.

Важной задачей Советского государства в области культурного строительства являлась ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослого населения, особенно в нерусских регионах.

Вождь большевистской партии В.И. Ленин осознавал важность ликвидации неграмотности среди трудящихся для приобщения их к строительству нового общества. Он отмечал: «Относительно... безграмотности я могу сказать, что пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность о политическом просвещении слишком трудно говорить ... Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке».[2]

Советское государство с первых же шагов обратило серьезное внимание развертыванию работы по обучению грамоте трудящихся масс. 26 декабря 1919г. был принят декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в котором указывалось, что каждый неграмотный от 8 до 55 лет обязан обучаться грамоте. Рабочий день для них в те суровые годы сокращался на 2 часа на все время обучения с охранением заработной платы. Уклоняющихся от выполнения декрета привлекали к уголовной ответственности.[3]

---

[1] Там же. С. 258.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 174.

[3] Декреты ВКП(б) и постановления Советского Правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. М.-Л., 1947. Вып. 2. С. 118–119.

Для централизованного руководства ходом этой работы декретом СНК РСФСР от 19 июля 1920 г. была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.

На первом этапе выполнения ленинского декрета выдвигались следующие задачи: проведение переписи неграмотного населения, организация пунктов по ликвидации неграмотности и школ малограмотных и привлечения в них трудящихся, укомплектование школ ликпунктов кадрами преподавателей, создание необходимых условий для их работы. В губерниях эти задачи решались под руководством губернских чрезвычайных комиссий (грам.ЧК), в состав которых по примеру ВЧКЛ(б) входили представители партийных, комсомольских и других общественных организаций.[1]

Для руководства работой по ликвидации неграмотности декретом Дагревкома от 26 августа 1921 г. при Главполитпросвете была учреждена Чрезвычайная Комиссия по ликвидации неграмотности. Соответствующие комиссии организовывались также при окружных и городских отделах народного образования. В декрете подчеркивалось: «Грам ДЧК состоит из 5 лиц, являющихся представителями Дагестанского ревкома, Главполитпросвета, ДК РКП(б), ДСПС и ДКСМ. Вышеназванные лица по представлению Главполитпросвета утверждаются персонально Дагестанским Ревокомом, на тех же основаниях организуются окружные и районные Грам ДЧК.

Срок ликвидации безграмотности устанавливается окружными и районными ревкомами. Общий план ликвидации безграмотности составляется Грам ДЧК и утверждается Главполитпросветом».[2]

Работа по обучению грамоте взрослого населения республики, как и в других национальных регионах страны, должна была вестись на русском или родных языках местных народов. Тем самым игнорировались многовековые традиции обучения арабской грамоте дагестанцев. Она должна была способствовать преодолению их тяги к традиционной арабоязычной культуре.

---

[1] *Чумаков А.В.* Коммунистическая партия в борьбе за культурное строительство деревни 1927–1937 гг. М., 1981. С. 49–50.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 101.

Властные структуры Дагестана развернули работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Экстренное заседание школьной коллегии отдела просвещения Дагревкома от 21 мая 1920 г., рассмотрев вопрос о ликвидации неграмотности среди взрослого населения, решило: «Пригласить на открывающиеся в г.Темир-Хан-Шуре педагогические курсы всех имеющихся в наличии учителей, более подготовленных из них в течение двух недель ознакомить с методикой для обучения грамоте взрослых и командировать их немедленно в горы для ликвидации безграмотности по особо преподанным инструкциям, а менее подготовленных оставить на курсах.

Приступить теперь же к составлению инструкций по ликвидации безграмотности, с которыми детально ознакомить посылаемых в горы инструкторов».[1]

Пункты ликвидации неграмотности в Дагестане начали открываться весной 1920 г. В мае 1920 г. в Темир-Хан-Шуре открылись 2 школы грамоты. В этом же году школы грамоты открылись в аулах Урахи, Ванаши-Махи, Верхнее Арши, Кутиша, Цудахар, Бутри Даргинского округа. 4 школы и 10 вечерних курсов для взрослых с числом учащихся 237 человек были открыты в Дербенте. В начале 1921 г. 35 вечерних курсов по ликвидации неграмотности были созданы в Кюринском округе. Число учащихся в них превышало 1000 человек.[2] Всего в январе 1921 г. в Дагестане насчитывалось 145 школ грамоты для взрослых.[3]

Однако осуществление намеченных задач в области ликвидации неграмотности взрослых наталкивалось на огромные трудности. Главные из них были связаны с острой нехваткой преподавателей, букварей, других учебных пособий, методических разработок, письменных принадлежностей, отсутствием необходимых финансовых средств, подходящих для занятий помещений и оборудования. К тому же, многонациональный состав населения, преобладание карликовых населенных пунктов, расположенных нередко на значительном удалении друг от друга и потому вызывающих дополнительные расходы на обучение населения, затянувшееся на годы дискуссия по вопросу о

[1] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 314
[2] *Исмаилов А.Р.* Указ. соч. С. 19.
[3] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 314

национально-языковом строительстве, усугубляли положение.[1] Так, в докладе зав. отделом народного образования Казикумухского округа на съезде заведующих окружными отделами народного образования Дагестана (октябрь 1921 г.) отмечалось: «Довольно печально обстоит дело с внешкольным образованием. Открыто было 18 изб-читален и 5 библиотек, но вследствие недостатка в необходимой литературе они хирели и наконец, – закрылись. Подобную же участь испытали и открытые в большом числе школы грамоты для взрослых».[2]

Крайне отрицательно на развертывании работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения влияло нежелание, зачастую и прямой отказ многих горцев в первые годы советской власти обучаться светской грамоте. А.А. Тахо-Годи – нарком просвещения ДАССР в этой связи отмечал: «Взрослое население к этому вопросу относится несколько пренебрежительно, как мол я взрослый человек с бородой пойду учиться вместе с ребятишками.

Затем, у нас в деревне, школьная сеть не охватывала всех детей школьного возраста и население говорило, «чего вы нас бородатых людей хотите учить, в то время, как наши дети остаются безграмотными?». Это то же подрывало работу по ликвидации неграмотности».[3]

Особенно сильное противодействие со стороны определенного патриархально настроенного мужского населения наблюдалось обучению грамоте женщин-горянок.

Учитывая это обстоятельство и понимая важность приобщения женской половины дагестанского общества к грамоте, знаниям, властные структуры, Наркомпрос республики начали открывать специальные женские ликпункты для обучения грамоте горянок.

Первый женский ликпункт был создан областной секцией по борьбе с неграмотностью для коммунисток в Петровске в январе 1921 г. Занятия посещали 8–10 человек. В том же году был организован лик-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 127–128.
[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 105.
[3] Доклад Наркома просвещения ДАССР А. Тахо-Годи на 3-й сессии ЦИКа VI Созыва. «О ходе работ по ликвидации неграмотности» // Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Ч. 2. С. 207.

пункт для работниц железнодорожного транспорта на станции Петровск-Кавказской.

В горах первая школа ликвидации неграмотности была организована в марте 1921 г. в сел. Казикумух того же округа, а в январе 1922 г. – в Буйнакске. Занятия проводились на местных языках – в впервой – на лакском, во второй – на аварском.

К концу 1923 г. было создано 17 ликпунктов для женщин-членов артелей в Буйнакске, Цудахаре, Левашах, Чохе, Унчукатле, Кумухе, Дербенте, Хунзахе, Ботлихе, Андах, Касумкенте, Хасавюрте, Аксае и Ахтах с общим охватом 490 женщин-горянок.[1]

В 1925г. Главполитпросвет Наркомпроса РСФСР решил открыть «для женщин Востока в Дагестане, Ингушетии, Чечне, Калмыкии» 120 ликпунктов «со снабжением этих ликпунктов всеми необходимыми учебными пособиями». Намечалось также открыть «для женщин Востока 20 изб-читален и 75 красных уголков».[2]

В условиях непонимания и нежелания значительной части местного коренного населения обучаться светской грамоте в первые годы советской власти властные структуры, Наркомпрос республики основной упор делали на развертывание работы по ликвидации неграмотности среди коммунистов и комсомольцев. Это объяснялось и идеологическими установками о необходимости обеспечения авангардной роли коммунистов в хозяйственном и культурной строительстве. Как сообщала газета «Красный Дагестан» в сел. Ахты организована первая школа по ликвидации неграмотности среди горцев-коммунистов и комсомольцев.[3]

Значительную работу по обучению неграмотных своих членов развернули комсомольские организации. При комсомольских ячейках организовывались тройки по ликвидации неграмотности под руководством местных партийных организаций. Ячейка РКСМ сел. Маджалис Кайтаго-Табасаранского округа 7 августа 1921 г., например, постановила: «Организовать при КСМ школу по ликвидации неграмотности, принудить всех безграмотных членов посещать школу, учителей выдвинуть из среды грамотных членов и кандидатов, учебные

[1] *Гасанова А.И.* Указ. соч. С. 112.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 128.
[3] Красный Дагестан. 1924, 18 февраля.

instituteofhistory.ru

принадлежности потребовать из наробраза, занятия проводить три раза в неделю по вечерам».

Ячейки РЛКСМ организовывали группы чтения на дому, коллективные читки газет, политической и художественной литературы среди неграмотных и малограмотных на производстве, приобщая их тем самым к культуре, просвещению.[1]

В октябре 1924 г. из общего числа 2520 членов Дагестанской партийной организации 1927 являлись грамотными. На октябрь следующего года численность партийной организации возросла до 3962 человек, из которых 3118 являлись грамотными.[2] Если на начало 1923 г. неграмотными были ¾ комсомольцев Дагестана, то к маю 1924 г. их осталось всего ¼ (примерно 550 человек), в основном недавно принятых в ряды ВЛКСМ.[3]

В последующие годы в связи с быстрым ростом численности партийной и комсомольской организаций Дагестана вопрос ликвидации неграмотности и малограмотности их членов оставался актуальным.

Несмотря на усилия партийных, советских органов, темп работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в Дагестане в первые годы советской власти оставался низким, обучением грамоте была охвачена лишь незначительная часть неграмотного населения. В 1923/24 г. общее количество ликпунктов в республике составило 80 с контингентом учащихся 2400 человек, из числа которых курс обучения закончили 1100 человек. В сельских округах и районах насчитывалось от 3 до 5 ликпунктов. Охват ими обучением неграмотных было невелико: в Самурском округе – 35 человек, в Лакском – 95, в Кизлярском – 133, Гунибском – 40, в Андийском – 23, Кайтаго-Табасаранском – 78 человек и т.д.[4] Сказывалась и нехватка финансово-материальных средств, культурных сил, непонимание и прямое противодействие определенной части местного населения развертыванию этой работы.

[1] *Кичев М.И.* Очерки истории комсомола Дагестана (1920–1932 гг.). Махачкала, 1970. С. 32.
[2] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 953. Л. 10.
[3] *Кичев М.И.* Указ. соч. С. 32.
[4] *Мирзабеков М.Я.* Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998. С. 90.

Систематическую работу по широкому вовлечению рабочих, крестьян и интеллигенции в борьбу с неграмотностью развернуло Всероссийское общество «Долой неграмотность» (ОДН), созданное в 1923 г. Председателем общества стал М.И. Калинин. В 1924 г. в помощь областной, окружным и сельским чрезвычайным комиссиям по ликвидации неграмотности было создано Дагестанское отделение общества «Долой неграмотность», которую возглавил Н. Самурский – председатель ДагЦИКа. В городах и селениях республики появились ячейки этого общества, которые помогали создавать ликпункты и налаживать их работу. Так, по данным 7 округов с июля 1924 г. по март 1925 г. было создано 73 ячейки, в которых состояло 3757 членов.[1]

В 1926 г. число ячеек общества в Дагестане достигло 181 с 5715 членами[2]. Это были преимущественно учителя, грамотные коммунисты, комсомольцы, активисты общественных объединений.

Средства общества ОДН направлялись на обучение неграмотных и малограмотных, издание букварей и другой учебно-методической литературы, приобретение учебно-письменных принадлежностей. Дагестанское отделение общества «Долой неграмотность» в 1926 г. закупило и передало в распоряжение Дагполитпросвета около 30 тыс. тетрадей на 1000 рублей. Кроме того, было выписано 50 комплектов газеты «Долой неграмотность» и куплена 31 книга для чтения для малограмотных. Приобретено 100 комплектов плакатов-таблиц к букварю, издана и распространена газета «Долой неграмотность» на русском и тюрском языках, газета «3-й фронт» – 2039 экз., информационные бюллетени – 150 экз., членских билетов – 5823 экз., значков – 4576 штук, бумажных жетонов – 5 тыс.[3]

В 1925г. количество ликпунктов в Дагестане составило 265, в 1926 г. – 337 и в них обучалось 9600 человек.[4]

В целом работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в Дагестане все еще оставалась недостаточной. Это вызывало крайнюю озабоченность властных структур Дагестана, могло отрицательно повлиять на реализацию планов социально-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 212.

[2] Красный Дагестан. 1928, 7 ноября.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 200–201.

[4] Там же. С. 185; Красный Дагестан, 1928. 11 мая.

экономического и культурного развития многонационального региона.

Учитывая важность улучшения работы по обучению грамоте взрослого населения, было решено рассмотреть этот вопрос на сессии ДагЦИКа. В начале мая 1928 г. состоялась III сессия ЦИК ДАССР, которая обсудила доклад наркома просвещения А. Тахо-Годи «О ходе работ по ликвидации неграмотности в ДАССР». Охарактеризовав состояние материальной базы, финансового обеспечения ликпунктов, школ малограмотных, докладчик отметил, что ассигнования на обучение взрослого населения растут незначительно. В республике не выдерживалась норма расходования финансовых средств на ликвидацию неграмотности, в объеме 2,5% от общей суммы бюджета народного образования. Слабость материальной базы, недостаточное финансирование сказывались на темпах роста сети ликпунктов.

На сессии отмечалось, что даже в округах имело место пренебрежительное отношение к родному языку. В 189 ликпунктах из 337, функционировавших в республике, грамоте обучали на русском и тюркском (азербайджанском) языках, в 74 ликпунктах – на кумыкском, в 38 – на аварском языке и т.д.

В принятой сессией ДагЦИК резолюции подчеркивалось, что существующее положение в области «ликбезовской работы грозит делу осуществления намеченных правительством мероприятий по развертыванию промышленности, поднятию сельского хозяйства и подъему культурного уровня населения». В резолюции содержались конкретные поручения Президиуму ДагЦИКа, Совнаркому, Наркомпросу, ведомствам республики. Предлагалось с 1928/29 г. увеличить ассигнования на ликвидацию неграмотности из средств государственного и местного бюджетов. Наркомпросу было дано задание разработать пятилетний план работы по ликвидации неграмотности и обучения малограмотных, предусмотрев доведение числа малограмотных до 20%, сети ликпунктов и подготовку необходимых пособий для этих школ.

Значительные финансовые средства намечалось направить на составление букварей, пособий на новом дагестанском алфавите, а также на подготовку преподавателей для ликпунктов и школ малогра-

мотных. Были предусмотрены меры по улучшению руководства ликпунктами и школами малограмотных, упорядочению их учета.[1]

Было резко увеличено государственное финансирование работы по ликвидации неграмотности и малограмотности. Оно в республике в 1928/29 г. составило 131,6 тыс. руб., что почти в 2 раза больше чем в предыдущем году.

Одновременно продолжалась оказываться помощь центром развитию народного образования республики. Так, в 1926/27 и 1927/28 гг. на развитие горного Дагестана правительством РСФСР было выделено 2,5 млн. руб., из которых на нужды народного образования затрачено 662993 руб.[2] Часть этих средств была направлена на ликвидацию неграмотности среди взрослого населения.

Большую помощь в развертывании работы по ликвидации неграмотности в республике оказала Москва. В 1929г. Московский совет ОДН организовал месячник сбора средств на дело ликвидации неграмотности в Дагестане. Собранные средства направлялись в адрес Дагестанского общества «Долой неграмотность». Москвичи присылали литературу и учебно-наглядные пособия, письменные принадлежности.

В том же году Наркомпросом РСФСР была создана специальная комиссия по культурному шефству над ликпунктами и школами малограмотных Дагестана. Прибывшая из Москвы бригада культармейцев помогла организовать в горах ликпункты и школы для малограмотных, оказала методическую помощь преподавателям.[3]

В этот период, вследствии целенаправленных усилий властных структур, средств массовой информации и учреждений культуры, произошел и определенный перелом в отношении трудовых масс местного населения к ликвидации неграмотности. Они в условиях создания и развития новых промышленных предприятий, коллективных хозяйств в дагестанском селе все более убеждались в практической пользе обучения светской грамоте.

В результате за один 1929 г. в республике было обучено около 20 тыс. неграмотных, в том числе 4 тыс. горянок. В Махачкале было

[1] Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 130-132.
[2] ЦГА РД. Ф. р.-168. Оп. 8. Д. 34. Л. 92.
[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 214.

обучено 20000 человек, из них 25% коммунистов и комсомольцев, 54% рабочих и 18% женщин, в ликпунктах Буйнакского района обучалось 7000 человек (против 4000 по плану), в частности в сел. Н. Казанище работало более 50 ликпунктов, в г. Буйнакске – 4 школы малограмотных, причем посещаемость составляла 90%.[1]

По решению Правительства ДАССР в октябре 1929 г. была проведена перепись неграмотных и малограмотных в городах и районных центрах и в сентябре-октябре 1930 г. повторная перепись на всей территории республики.[2] Они показали наличие большого количества неграмотных и малограмотных в Дагестане, прежде всего в сельской местности.

Это обусловило необходимость дальнейшего увеличения финансирования хода работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В 1929/30 г. на ликвидацию неграмотности малограмотности в республике было выделено 405,3 тыс. руб. из местного республиканского бюджета. На эти же цели общественными организациями было ассигновано 158 тыс. руб.[3]

В 1929/30 г. в 1900 ликпунктах Дагестана обучалось 61,3 тыс. неграмотных, из которых более 44 тыс. человек являлись представителями коренных народностей. План охвата неграмотных обучением был перевыполнен на 20%.[4]

Анализ материала показывает, что, несмотря на значительные трудности и нерешенные проблемы, в 20-е годы размах работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения в Дагестане нарастал.

Изменения в уровне грамотности населения Дагестана отразили итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. По его данным грамотность населения республики составила 12,19%, в том числе городского 43,1% и сельского 2,4 %.[5] Перепись 1926 г., в отличие от переписи 1897 г., не отразила грамотность населения на арабском языке.

[1] *Исмаилов А.Р.* Указ. соч. С. 31.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 132.
[3] 10 лет автономии ДАССР. С. 136.
[4] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 354.
[5] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928 Т. 5. С. 345–346.

Тем самым, она не полностью отразила реальную картину уровня грамотности населения республики.

Дагестан по уровню грамотности населения значительно отставал от многих других национальных регионов страны. Так, по итогам переписи населения 1926 г. грамотность в Крымской АССР составила 58,3%, Северном Кавказе – 43,2%, Татарской АССР – 37,1%.[1]

Таким образом, несмотря на определенные позитивные результаты, властным структурам, Наркомпросу и педагогической общественности республики предстояла серьезная работа по преодолению неграмотности и малограмотности среди взрослого населения, обучению их новой грамоте.

В этот период наметилась и усиливалась негативная тенденция – игнорирование и стремление властных структур республики предать забвению традиционную грамотность дагестанских народов на арабской графической основе – «аджам». Проводимая советской властью политика нацеливалась на изжитие этого наследия, так как считала, что оно служит тормозом к приобщению населения к приобщению их к новой социалистической культуре.

§ 7. Усиление новых составляющих в материальной культуре и быте дагестанских народов

Как отмечалось, потрясения и невзгоды, связанные с Первой мировой войной, интервенцией и Гражданской войной, крайне негативно сказались на отраслях материального производства, социально-культурной жизни дагестанских народов. К началу мирного строительства население республики переживало неимоверные трудности и лишения. Выступая на Учредительном съезде Советов Горской АССР 18 апреля 1921 г., С.М. Киров отмечал: «...Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь той картины, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь на Тереке: когда женщине нужно было выйти за водой, то объявлялось, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила, им нечем было прикрыть свою наготу».[2]

[1] 10 лет автономии ДАССР. С. 135.
[2] *Киров С.М.* Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 156.

Трудности, переживаемые народами горного края, были усугублены голодом 1920–1921 гг. Как сообщала газета «Красный Дагестан» в Гунибском округе 75% населения голы и голодны. Одежда их состоит из овчинных шуб, надетых на голое тело. Питаются суррогатами из растений и фруктов. Ячменные галушки считаются большой роскошью.[1] Всего в Дагестане остро голодали 6 округов, в которых проживало 130 тыс. человек. Из этого количества 10 тыс. являлись детьми, 14 тыс. инвалидами, 48 тыс. сельскими жителями.[2]

В этих чрезвычайно трудных условиях на помощь республике пришло Советское правительство. Возглавлявший командированную в Москву в 1921 г. дагестанскую делегацию, председатель Дагревкома Д.Коркмасов писал: «Товарищ Ленин чрезвычайно внимательно и тепло отнесся к нашим заявлениям и дал слово оказывать действительную помощь Дагестану. По его распоряжению уже отправлено в Дагестан полтора миллиона аршин мануфактуры, до 15 вагонов земледельческих орудий и фруктосушилок, до 23 тыс. пудов хлебозерна и много лекарств».[3] Аналогичная помощь республике из Центра оказывалась и в последующем.

Помощь поступила и из соседнего братского Азербайджана. По просьбе Дагестанского ревкома по решению Азербайджанского ревкома от 13 мая 1920 г. в Дагестан было отправлено 35 тыс. аршин бязи, 5 вагонов сахара, 2 вагона чая, 5 вагонов пшеницы, 1 вагон мыла, 11 вагонов риса, тысяча пудов бумаги, телеграфное и телефонное имущество.[4]

По договору с Дагестанским правительством помощь голодающим республики была оказана и американской организацией помощи голодающим («АРА»). В силу этого соглашения, подписанного Председателем ДагЦКа Последгола Н. Самурским и председателем «АРА» Гольдер, ДагЦК Последгол создал 3 базисных склада продуктов «АРА»: 1) в Махачкале для округов Махачкалинского, Хасавюртовского и Кизлярского; 2) в Дербенте для округов Дербентского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского; 3) в Буйнакске для ок-

[1] Красный Дагестан. 1923, 6 апреля.
[2] Там же. 20 марта.
[3] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 394.
[4] Там же. С. 371–372.

ругов Буйнакского, Лакского, Даргинского, Аварского, Андийского и Гунибского.

Всего за март-май 1923 г. республикой было получено продуктов «АРА в следующем количестве:

1) муки – 4778 пудов
2) крупы маисовой – 3286 пуда
3) молока консервированного – 1416 пудов
4) сахарного песка – 653 пудов
5) жиров – 434 пуда
6) какао – 182 пуда

Кроме того, «АРА» прислала республике 900 пар обуви, 117 пудов мыла и 2 вагона медикаментов.

По сведениям ДагЦК Последгола с 25 марта по 1 июня в республике артовский паек получали 10038 детей.[1]

Правительство Советской России внимательно следило за обеспечением голодающих народов Дагестана продовольствием. Об этом свидетельствует, например, телеграмма Г.К. Орджоникидзе Дагестанскому ревкому: «Немедленно сообщить, что сделано по переброске хлеба в горы и по обеспечению семей красных партизан».

Дагестанский ревком прислал подробный ответ: «Вчера отправлено в горы 300 подвод с хлебом. Все подводы Кайтаго-Табасаранского округа взяты на учет, завтра или послезавтра прибудут в Темир-Хан-Шуру. Будут нагружены хлебом и отправлены в горы, количеством около 1000 подвод... Ревкомом Дагестана сделано распоряжение собесу относительно удовлетворения семей партизан деньгами, продуктами, обувью и одеждой, не позднее текущей недели... было послано в горы 26 подвод, сегодня 30 подвод и завтра 50 подвод будут посылаться вперед».

Так же, как продукты питания, распределялась и мануфактура, полученная для горцев из Центра. Газета «Советский Юг» писала: «На днях Дагестанский областной продовольственный комитет приступил к планомерному распределению мануфактуры среди сельского населения Дагестана. Для раздачи отпущено 120 тыс. аршин».

Мануфактура распределялась кооперативами под руководством и под контролем особых комиссий, которые формировались на местах

[1] Красный Дагестан. 1923. 1 июня.

из представителей продовольственных органов, партийных организаций и ревкомов.[1]

Исключительно острой проблемой первых лет советской власти в Дагестане являлась восстановление, разрушенных в годы иностранной интервенции и Гражданской войны, городов и сельских населенных пунктов.

Постановлением Дагревкома от 16 июня 1920 г. при нем был образован временный Особый отдел по восстановлению разрушенных в годы иностранной интервенции и гражданской войны, городов и сельских населенных пунктов.

Еще 16 мая 1920 г. при Дагревкоме был образован временный Особый отдел по восстановлению разрушенных селений (Восразсел). Руководство отделом было возложено на коллегию в составе четырех лиц: председателя Дагревкома и заведующих отделами: земельным, социального обеспечения и народного хозяйства.

Для непосредственной организации самих работ была образована комиссия из техников. Вокруг Темир-Хан-Шуры, Дербента и Хасавюрта, где группировались разрушенные селения, были образованы три районных подотдела по восстановлению таких селений.[2]

В числе важнейших первоочередных мероприятий Дагревкома, общественных организаций явилось развертывание работ по восстановлению разрушенных аулов, городского жилищного фонда, их санитарной очистке. В городах Петровске, Темир-ХанШуре, Дербенте, Хасавюрте, сельских населенных пунктах неоднократно проводились субботники и «недели труда» по очистке и санитарному благоустройству улиц, восстановлению и ремонту жилья. В «Недели труда» в честь III Интернационала по восстановлению селений Доргели, Кадар и Губден приняли участие жители 18 селений – 4749 пеших и 1000 с подводами, 780 красноармейцев и 611 горожан, а всего 8126 человек, считая и жителей пострадавших селений.

Участники субботника заготовили в лесу 10 тыс. бревен для покрытия домов и подвезли их к селениям, заготовили около 150 тыс. штук сырцового кирпича для кладки стен, очистили дворы разрушенных домов от мусора и исправили дороги и дорожные сооружения.

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 257–258.
[2] Там же. С. 264–265.

Вся эта работа, выполненная участниками «недели труда» в честь III Интернационала, оценивалась в общую сумму 28, 5 млн. руб.

В «Неделе труда» в честь Бакинского съезда восточных народов восстанавливалось селение Губден. В этой неделе приняли участие только сами губденцы. На работу вышли 1200 человек пеших и 400 человек с арбами. Они заготовили на лесной даче 1500 бревен для покрытия домов и привезли их в селение, исправили водопроводные канавы к трем мельницам, доставили к домам беднейших сельчан глину для штукатурки стен и очистили дворы от мусора. Работа, выполненная участниками «Недели труда» в честь Бакинского съезда восточных народов, оценивалась в 2.5 млн. руб.

Кроме этих двух «Недель труда» были организованы в селениях Доргели и Кадар два местных субботника по рубке и вывозе хвороста из лесных дач для покрытия домов. В Доргелинском субботнике участвовало 60 человек рабочих при 100 арбах. Ими была выполнена работа на сумму около 300 тыс. руб. Во время второго Кадарского субботника было использовано 350 арб. Проделанная работа оценивалась в 700 тыс. руб.[1]

В «Неделе труда», проведенном со 2 по 8 мая 1920г. в г. Петровске участвовало более 10 тыс. человек и 150 подвод. Выполнен значительный объем работ по ремонту зданий и мебели, по приведению в надлежащий санитарный порядок городских улиц.[2] В четырех субботниках, проведенных в Петровске в феврале 1921г., участвовало 1003 коммунистов и 382 беспартийных. На этих субботниках очищали улицы и дворы, грузили пароходы.[3] В восстановлении особо пострадавшего Хасавюрта участвовали десятки тысяч человек из разных районов республики.[4]

Параллельно с этим Дагревкомом были приняты меры по улучшению жилищных условий городских трудовых семей за счет муниципализации и уплотнения зажиточных категорий населения. В при-

[1] Там же. С. 266.

[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 58. Л. 3-5.

[3] *Гаджиев А.С.* Первые коммунистические субботники и их влияние на формирование социалистического сознания народов Дагестана // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Дагестане. Махачкала. 1976. Вып. 2. С. 45.

[4] История Дагестана в 4-х Т. Т. 3. с. 148.

казе Дагревкома от 7 октября 1920 г. «Об учете и порядке распределения жилой площади» отмечалось: «Все комнаты, квартиры и все здания города находятся на учете жилищного отдела при Совете коммунального хозяйства и распределяются плановым порядком по установленной норме площади на каждого жильца». Далее указывалось, что все дома буржуазии являются муниципализированными и находятся в полном распоряжении Совета коммунального хозяйства; дома же мелких владельцев остаются за ними, лишь квартиры в них берутся на учет и вследствие кризиса подлежат уплотнению.[1]

Большое значение в улучшении жилищных условий населения республики имело развертывание строительства нового жилья.

Успехи в восстановлении народного хозяйства и новое промышленное строительство в 20-е годы позволяли с каждым годом увеличивать финансирование жилищного строительства в городах и рабочих поселках. В эти годы в Дагестане были созданы первые жилищно-строительные кооперативы. За первое десятилетие советской власти государственные вложения в жилищное строительство в городах Дагестана составили около 10 млн. руб.[2] Значительную часть этих ассигнований составляли вложения промышленных предприятий, которые за счет своих средств, старались создать нормальные жилищно-бытовые условия для своих работников.

За годы мирного развития в республике свыше 2 тыс. рабочих семей были вселены в новые дома, получили отдельные квартиры и столько же улучшили свои жилищные условия, переселившись из сырых полутемных подвалов и бараков, в благоустроенные городские дома.[3] Однако средств на жилищное строительство выделялось недостаточно, многие рабочие семьи продолжали ютиться в неприспособленных бараках и саманных пристройках без элементарных удобств. Жилфонд в 1929/30 г. по всей промышленности Дагестана (без рыбной) составлял 10840 кв. м. на 802 рабочих, занятых в производстве, при чем только 11% или 830 рабочих обеспечивались жиль-

[1] Революционные комитеты Дагестана: Сб. документов и материалов. С. 381–382.

[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп.1. Д. 1417. Л. 301.

[3] Там же.

ем непосредственно промышленными предприятиями. При этом рабочая семья обеспечивалась 50%-ми потребной нормы жилплощади.[1]

Одновременно в городах разворачивалось индивидуальное жилищное строительство. На этот процесс благоприятно влияло улучшение материального положения рабочих и служащих.

Всего к концу 1927/28 г. городской жилищный фонд Дагестана составил 479,5 тыс. кв. метров или на 64,7 тыс. кв. метров больше по сравнению с дореволюционным периодом. Доля государственного в общем городском жилищном фонде Дагестана составляла 110,9 тыс. кв. метров или 23,1%. 368,6 тыс. кв. метров (76,9%) жилья являлось собственностью отдельных городских жителей.[2] Обеспеченность жильем городских семей республики не удовлетворяла санитарным нормам. В 1927 г. в среднем на одного городского жителя Дагестана приходилось 5,39кв. метра жилплощади при санитарной норме 9 кв. метров или на 5,6% ниже чем по стране в целом (5,71 кв. метров).[3] Показатели обеспеченности жильем на одного жителя по отдельным городам и рабочим поселкам были намного ниже общереспубликанских, составляя в Махачкале 4,95 кв. м., Дербенте – 5,39 кв. м., Дагогнях – 3,45 кв. м., Хасавюрте – 4,83 кв. м.

В первые годы советской власти сельское жилище в Дагестане сохраняло старые дореволюционные формы. Наиболее распространенным было многокамерное (чаще трехкамерное) двухэтажное жилище. В это время с улучшением жизненных условий и облегчением доставки стройматериалов, каждый крестьянин получил возможность строить дом по лучшему образцу, а этот дом был таковым, ибо он наилучшим образом отвечал условиям быта горского крестьянина. Двухэтажность обеспечивала крестьянина хозяйственными строениями при максимальной экономии земли. Трехкамерность отвечала сложившимся традициям семейного быта и ведения хозяйства, позволяя выделять хозяйственную комнату и кухню, парадную комнату, и комнаты повседневного семейного обихода.[4]

---

[1] Там же. Д. 1263. Л. 60.

[2] Там же. Оп. 17. Д. 220. Л. 53; Ф. р. -37. Оп. 21. Д. 223. Л. 3.

[3] Там же. Ф. р-168. Оп. 5. Д. 15. Л. 252.

[4] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 126–127.

В анализируемый период, как и раннее, жилище дагестанских семей значительно различались, исходя из их экономического положения. Согласно социально-гигиеническому обследованию Даргинского округа, проведенному в 1927 г., дома зажиточных горцев преимущественно двухэтажные, часто с железной крышей и с застекленной террасой наверху, число комнат в них до 10 и более. Наряду с большими домами зажиточных встречались одно – и двухкомнатные малых размеров. Жилища бедняков – с плоскими крышами.

Среднее положение между ними занимали середняцкие дома из 3–4 комнат с открытой верандой во внутренний дворик.

Стоимость постройки соответствовала типу жилища. По сведениям, полученным от местного населения в Цудахаре, бедняк сверх своего труда затрачивал на постройку своего дома 35–40 руб., покупая лишь деревянные части к дому. В остальном он пользовался бесплатным строительным материалом. У середняка цена на постройку дома повышалась до 700–1000 руб. Затраты шли преимущественно на оплату рабочей силы и на покупку большого количества деревянных частей, иногда железа для крыши, и на рабочую силу.

Нижний этаж большого дома большей частью отводился под скотные сараи и склады, а верхний под жилые помещения. В особую комнату выделялась кухня, и всегда устраивалась одна или более комнат для приема гостей.

Дома бедняков чаще всего представляли собою всего одно помещение, обслуживающее все потребности обитателей, приготовление пищи, ночлег, и служили также мастерской в случае изготовления членами семьи каких-либо кустарных изделий.[1]

Внутреннее убранство жилище дагестанцев в первое десятилетие советской власти не претерпело существенных изменений. Ю.В. Вадковская и А.Д. Астафьев отмечают, что в даргинских домах: «В зависимости от достатка домохозяина пол покрывается коврами, паласами (местные шерстяные ткани вроде ковра) или грубой бумажной тканью вроде мешка. Столов и стульев во всех почти помещениях не было, отсутствие стола зарегистрировано в 82% всех жилищ, а отсут-

---

[1] Вадковская Ю.В. Некоторые детали устройства жилищ // Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Даргинцы. М.-Л., 1930. Вып. 1. С. 141–142.

ствие достаточного количества стульев – в 97% жилищ; часть жилищ (29% имели 1–2 стула местного изготовления)».[1] Далее исследователи указывают: «В большинстве обследованных жилищ не было совсем кроватей – в 72% жилищ; немного более половины остальных жилищ 15% имело только по одной кровати и только 13% жилищ обладало двумя и более кроватями; за неимением кроватей 77% населения спало на полу».[2] Говоря о наличии другой мебели, посуды, в обследованных домах, они отмечают, что «у большинства населения в жилище немного мебели ... часто жилое помещение остается пустым и только стены его украшаются большим количеством развешанных на них фарфоровых и металлических тарелочек и большими медными плоскими тазами; у зажиточных на стенах посуды больше, у середняков и бедняков – меньше».[3]

В первые годы мирного строительства Советское правительство, учитывая огромную потребность населения республики, в ряду других, продолжало поставлять значительное количество мануфактуры.

Однако потребность в тканях домашнего производства сохранялась в крае и в восстановительный период, вплоть до 30-х годов. В связи с этим некоторые отрасли домашних промыслов несколько расширились. В то же время одежды, изготовленной из тканей домашнего производства, хватало далеко не всем и мануфактурный голод продолжался. Согласно проведенному в 1927 г. социально-гигиеническому исследованию, обеспеченность одеждой, например, населения Даргинского округа выглядела следующим образом: совсем не имели белья почти половина всех женщин (45%) и детей (48%) и около 1/3 мужчин; более одной смены, но не более 2-3 имело 17% детей, 20% женщин и 39% мужчин. Мужчин, не имевших верхнего легкого платья (бешмет, рубаха) и надевавших шубу непосредственно на белье, было 20%. Еще хуже обстояло дело с верхней зимней одеждой. Половина всех детей, 35% женщин и 9% мужчин были лишены ее совсем. Равным образом не было обеспечено население и обувью.

---

[1] *Вадковская Ю.В., Астафьев А.Д.* Заметки по санитарному быту.//Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Даргинцы. Вып. 1. С. 190.

[2] Там же. С. 191–192.

[3] Там же. С. 190.

Все это явилось причиной того, что в первое десятилетие советской власти одежда горца Дагестана почти не изменилась.

Сохранение традиционных форм одежды среди большинства сельского населения в первое десятилетие советской власти не исключало постепенного проникновения одежды городского типа в дагестанский аул. Среди мужчин – представителей интеллигенции, рабочих, бывших военнослужащих, красных партизан и работников партийно-советского аппарата в эти годы довольно быстро нашли признание, в частности, гимнастерки и брюки-галифе, получившие вскоре широкое распространение среди всех слоев населения и бытовавшие в Дагестане очень долго.

Восстановление и развитие промышленности во всей стране, улучшение материального положения трудящихся горцев в результате разрешения аграрного вопроса, земельно-водной реформы, кооперирования хозяйств и т.д. способствовали повышению благосостояния крестьянства, росту покупательной способности населения, а равно привели к свертыванию производства тканей в домашних условиях. Начинает широко входить в быт белье, в том числе готовое (для мужчин). В этот период материалом для мужского белья служила, как правило, отбеленная бязь. Она же шла частично и на белье женщин (в горах в крашенном виде).

В эти же годы постепенно приникает в аулы и городская зимняя одежда разных фасонов: пальто, шинели, кожанки, общераспространенные крытые тканью или выкрашенные в черный цвет овчинные шубы в талию, ватные стеганки и другие виды одежды.

Широко распространились и кожаные сапоги, фасоны которых меняются в соответствии с городскими модами, а также калоши и прочая резиновая обувь.[1]

В рассматриваемый период пища народов Дагестана сохраняла национальные особенности и колорит. Вместе с тем на питание и его рацион огромное влияние оказали трудности разрухи в ходе Гражданской войны и последствия голода, охватившего Дагестан в первые годы советской власти.

---

[1] *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – начало XX в. М., 1981. С. 133.

После победы советской власти в Дагестане, по инициативе передовых рабочих, в городах стали возникать рабочие кооперации. В 1922 г. их было в Махачкале – 5, в Дербенте – 4, в Буйнакске – 3. В 1923 г. Махачкалинский Центральный рабочий кооператив, объединивший около 2500 членов профсоюзов, имел два универсальных магазина, один распределитель на трикотажной фабрике им III Интернационала, две пекарни, столовую, оборудованный рыбный склад с посолом, копчением рыбы и изготовлением балыков. Для лова рыбы была арендована полоса берега моря в районе Махачкалы.

Магазины кооператива обслуживали всех по ценам ниже рыночных, с особой скидкой на 10% для своих членов. Кооператив выдавал товары рабочим в кредит, на сумму месячного заработка. Выпечка хлеба в арендованных двух пекарнях производилась как для продажи, так и по договорам с разными предприятиями. Кооператив выпекал ежедневно до 200 пудов хлеба. Столовая ЦРК отпускала в день до 200 обедов. Магазины Дербентского рабочего кооператива в Дербенте и Огнях также снабжали своих членов предметами первой необходимости. Кроме того, кооператив имел 3 виноградных сада, занимался заготовкой дров, сущенных фруктов и других продуктов сельского хозяйства для обеспечения своих членов. Пекарня ежедневно выпекала до 80 пудов хлеба. Рабочие кооперативы предоставляли также своим пайщикам особые услуги в виде краткосрочного и долгосрочного кредита.[1] В последующие годы внимание органов власти республики к организации и улучшению общественного питания рабочих и служащих в городах еще более усилилось.

Благоприятно на улучшение питания трудящихся дагестанского города отражалось повышение уровня оплаты труда. Так, если в 1913 г. заработная плата рабочих в Дагестане составляла 410 руб. в год (по индексу цен 1926/27 г.), то в 1931 г. она увеличилась до 839 руб., т.е. выросла более чем вдвое.[2]

Увеличение оплаты труда сопровождалось улучшением потребления основных продовольственных и промышленных товаров рабо-

[1] Гаджиев А.С., Караева Д.К. Рост материального благосостояния и культуры рабочего класса Дагестана (1920-1940гг.).//Рабочий класс Дагестана в период строительства социализма (1920-1940). Махачкала, 1983. С. 105.

[2] 10 лет автономии ДАССР. С. 118.

чими семьями. Розничный товарооборот в республике возрос с 42,8 млн. в 1926 г. до 52,2 млн. руб. в 1927/28 гг.

В расчете на одного человека в целом по республике было реализовано товаров на 54 руб., в том числе в городах на 352 руб. и в сельской местности на 18 руб.[1]

Низкий уровень розничной торговли в дагестанском селе объяснялся неудовлетворительным материальным положением основной массы сельских тружеников и тем, что подавляющая часть продуктов питания производилась непосредственно в хозяйстве горца.

При широком разнообразии блюд у дагестанских народов сохранялась дифференциация в приготовлении и частоте их потребления у различных социально-экономических групп. Эти различия отразила и социально-гигиеническое обследование Даргинского округа в 1927 г.

Таблица 3

Калорийность пищи населения Даргинского округа

Социально-экономические группы	Суточная калорийность пищи на едока	В том числе калории животного происхождения	Процент калорий животного происхождения в общем числе
Бедняки	3534,82	676,44	19,13
Середняки	3707,63	681,96	18,4
Зажиточные	3981,02	800,05	20,1
По всем группам	3700,0	701,01	18,0[2]

Таким образом, калорийность пищи зажиточных слоев была значительно выше.

Однако следует отметить, что в 20-е годы сохранялись существенные различия в калорийности питания между различными округами республики и в разрезе город-село. В начале 1927 г. по обследованию РКИ в Дагестане на человека приходилось 1800 калорий вместо

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп.1. Д. 2317. Л.7; Ф. р-168. Оп. 17. Д. 76а. Л. 9.

[2] *Трахтман Я.Н., Васильевская О.В.* Питание // Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана. Даргинцы. Вып. 1. С. 157.

нормальных 2400 калорий.[1] Иными словами уровень материального благосостояния и питания основной массы населения оставляли желать лучшего.

В 20-е годы характеризовались определенными изменениями в быте и укладе жизни дагестанских народов. Однако в силу острой нехватки средств, живучести различных обычаев и традиций среди горцев они происходили медленнее. В первое десятилетие советской власти они больше обозначились, более ярко проявились в последующем.

Важным направлением деятельности властных структур республики по улучшению быта населения являлось развертывание сети учреждений здравоохранения и улучшение их деятельности по профилактике и лечению тружеников города и села.

В анализируемый период по мере восстановления экономики усиливалось финансирование здравоохранения, собственно из республиканского бюджета. В 1924/25 г. на здравоохранение из республиканского бюджета было выделено 1026000 руб., в 1925/26 г – 1249000 руб., в 1926/27 г. – 1950000 руб.[2] Это позволило заметно увеличить коечную сеть городских больниц, наладить специализированную медицинскую помощь населению. В 1927/28 г. в городских больницах республики имелось 380 койко-мест или на 125 койко-мест больше, чем в 1924 г. В расчете на тысячу городских жителей обеспеченность койко-местами возросло с 5,6 до 6,5 мест.[3] В 1924 г. в городах насчитывалось 36 врачей (на одного врача приходилось 2000 человек населения), в 1928 г. – 90 врачей или на один врач на 900 человек.[4]

Крайне тяжелым оставалось в первые годы советской власти состояние здравоохранения в сельской местности республики. Оно не было еще взято на централизованное государственное финансирование. В то время как в городах одна стационарная койка, в 1924 г. приходилось на 200–250 жителей, в округах – на 5000 жителей, при радиусе обслуживания в 35-40 верст.[1] Всего в сельской местности республики имелось 14 больниц на 120 мест, 40 фельдшерских пунктов и одно детское учреждение на 20 мест.[2]

Вопрос о состоянии здравоохранения обсуждался на V Вседагестанском съезде Советов (апрель 1925 г.). Учитывая остроту проблемы охраны здоровья населения республики, особенно в сельской местности, съезд решил объявить здравоохранение третьим ударным фронтом и все внимание обратить на округа. В частности, Наркомздраву предлагалось укрепить и расширить сельскую сеть здравоохранения, улучшить состав медперсонала.[3]

Было начато централизованное финансирование сельских учреждений здравоохранения Дагестана. Это позволило развернуть работу по открытию вторых больниц в округах, укреплению их квалифицированным медперсоналом. К началу 1927 г. вторые больницы каждая на 15 коек были открыты в Даргинском округе, в сел. Акуша; в Хасавюртовском округе, в сел. Костек; в Махачкалинском районе, в сел. Карабудахкент; в Кизлярском районе, в сел. Червленная.[4] К 1928 г. в сельской местности республики имелось 19 больниц на 390 коек, 45 фельдшерских пунктов и 7 амбулаторий. Одна койка приходилась на 1905 сельских жителей, тогда как в 1924 г. – на 3456.[5]

Во второй половине 20-х годов был достигнут рост врачебного персонала сельских учреждений здравоохранения. В 1924 г. в сельской местности республики насчитывалось 12 врачей (один врач на 60000 населения). К 1927 г. количество их выросло до 41 (один врач на 18000 населения).[6]

Несмотря на эти позитивные изменения в развитии здравоохранения, больниц и других учреждений здравоохранения, медицинского персонала в республике остро не хватало. По основным параметрам

---

[1] ЦГА РД. Ф.р-37. Оп. 19. Д. 107. Л. 25.

[2] *Имамалиев.* Состояние дела здравоохранения // Плановое хозяйство Дагестана. 1928. № 10–12. С. 66.

[3] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 781. Л. 2; Плановое хозяйство Дагестана. 1929. № 8. С. 44.

[4] *Имамалиев.* Указ. Соч. С. 68.

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 152.

[2] Там же. С. 151.

[3] ЦГА РД. Ф.р-37. Оп. 9. Д. 45. Л. 18.

[4] Там же. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 781. Л. 7.

[5] Там же. Ф. р.-37. Оп. 19. Д. 127. Л. 71, 72; Плановое хозяйство Дагестана. 1929. № 8. Л. 44.

[6] *Имамалиев.* Указ. Соч. С. 68.

здравоохранения Дагестан значительно отставал от общефедеративных показателей.

Новым в дагестанских условиях явились учреждения охраны детства и материнства, которые начали открываться, в первую очередь, в городах республики. Это имело далеко идущие последствия в повышении санитарной культуры и эмансипации горянки. В 1928 г. в городах Дагестана функционировали 3 постоянных детских дошкольных учреждения на 100 мест.[1] Имелся Дом матери и ребенка, 6 женских консультаций, в которых проводилась целенаправленная санитарно-просветительная и врачебно-консультационная работа, организовались выезды с лекциями и другими санитарно-просветительными мероприятиями в женские трудовые коллективы.

Нехватка учреждений здравоохранения и медицинского персонала, неверие, части населения в научную медицину обуславливало то, что в анализируемый период многие горцы при различных заболеваниях за помощью продолжали обращаться к знахарям.

В 20-е годы в городах Дагестана определенное развитие получили коммунально-бытовые предприятия. Увеличилось число горожан, пользующихся услугами этих предприятий. В 1929 г. в городах Дагестана имелось 5 коммунальных электростанций мощностью в 1224 квт, которые выработали 3395 тыс. квт. Электрическим освещением пользовалось 26–30% городских квартир. Потребность наружного освещения городов удовлетворялась на 40%. В городах республики имелось 4 водопровода и 6 общественных бань, которые не в состоянии были удовлетворить запросы населения.[2]

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

[1] Красный Дагестан. 1929. 1 мая.
[2] ЦГА РД. Ф.р-37. Оп. 19. Д. 237. Л. 9

instituteofhistory.ru

Таблица 4

Уровень коммунально-бытового обслуживания горожан Дагестана

	1928/29 г.	
	ДАССР	РСФСР
Электроснабжение (в квт. ч. на человека в год)	15,3	17,3
Водоснабжение (в кб. м. в год)	5,8	9,8
Канализация (в кв. м. сточной жидкости на 1 жителя в год)	1,5	10,1
Автобусы (поездок на 1 жителя в год)	–	16[1]
Баня (число мест на 1000 жителей)	1,5	–

Данные таблицы показывают, что уровень коммунально-бытового обслуживания горожан республики значительно отставал от общефедеративных.

В рассматриваемый период определенной трансформации начали подвергаться семейно-бытовые обычаи и традиции дагестанских народов. Это, как было показано в предыдущих разделах исследования, было следствием введения в жизнь новых законодательных актов, преследовавших цель обеспечить фактическое равноправие горянок с мужчинами в семейно-бытовой и общественной жизни.

Семейная обрядность дагестанских народов оставалась практически неизменной.

Анализ материальной культуры и быта дагестанских народов в 20-е годы показывает, что, несмотря на огромные трудности и нерешенные проблемы, с развертыванием социально-экономических, политических и культурных преобразований новые элементы и составляющие проникали и в эту область их жизнедеятельности. При этом следует отметить, что в разных областях материальной культуры эти процессы и изменения происходили с разной интенсивностью и результативностью.

В целом с изменением общественно-политического строя и развертывание кардинальных социально-экономических, политических и культурных преобразований в стране и республике модернизационные процессы в культуре дагестанских народов получают новый импульс, их интенсивность резко возрастает. Хотя в директивных установках Центральной власти, решениях местных партийных органов,

[1] Там же.

особенно в первые годы советской власти, объявлялось о терпимом, лояльном отношении к традиционным духовным ценностям и их носителям, в деятельности властных структур Дагестана по приобщению широких масс трудящихся к новым духовным ценностям все активнее использовались административный нажим, а зачастую запретительные меры и репрессии, которые получают широкое распространение во второй половине 20-х годов.

Проникновение и распространение новых духовных ценностей в республике сопровождалось огромными невосполнимыми потерями в традиционной арабоязычной культуре дагестанских народов.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Глава III

Тенденции и направления модернизации культуры народов Дагестана в 30-е годы XX в.

§ 1. Изменение социально-экономических отношений и развитие экономики многонационального региона

Во второй половине 20-х годов властными структурами страны был взят курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. Начата разработка и реализация пятилетних планов, по которым устанавливались перспективы развития конкретных отраслей экономики, социально-культурной сферы. В соответствии с планом определялись объемы финансирования и размеры выделяемых материальных ресурсов, производство и номенклатура промышленной и сельскохозяйственной продукции в целом по стране и в региональном разрезе. Жестко регламентированное планирование предусматривал контроль над деятельностью производственных коллективов и ссуживало рамки влияния экономических рычагов в развитии производства. Вместе с тем, выделение приоритетных направлений развития экономики и социально-культурной сферы на перспективу позволяло эффективнее распорядиться относительно ограниченными финансовыми и материальными ресурсами, мобилизовать духовно-нравственный потенциал трудовых коллективов на скорейшее выполнение производственных планов, решение назревших социально-культурных задач.

Приоритетным направлением развития экономики был определен опережающий рост промышленного производства, наращивание индустриальной мощи страны. В этой связи XIV съезд партии (18–31 декабря 1925 г.) подчеркнул необходимость «вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование...».[1]

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 425.

Эти партийные установки легли в основу решений, специально созванного IV объединенного пленума Дагестанского обкома партии и областной контрольной комиссии в октябре 1926г. В постановлении пленума говорилось: «Принимая во внимание наличие в ДАССР обширных месторождений нефти, представляющих громадную ценность, обилие ископаемых в недрах земли, рыбных богатств в водах Дагестана и разнообразного сырья для обрабатывающей промышленности, а также накопление в ДАССР запасов не находящей себе применения рабочей силы и благоприятное месторасположение республики в смысле обеспеченности железнодорожным и водным транспортом круглый год, пленум Дагестанского обкома ВКП(б) констатирует, что осуществляемые на всем пространстве Союза ССР указания XII и XIV съездов ВКП(б) об индустриализации страны приобретают для Дагестана исключительно важное значение вследствие перечисленных благоприятных для развития промышленности условий, обязывая правительство к развертыванию в общем плане народного хозяйства ДАССР, уделив особое внимание преимуществу промышленности перед сельским хозяйством».

Пленум обкома партии выдвинул в разряд очередных задач правительства республики эксплуатацию месторождений нефти. «Одобряя намеченный план развертывания отдельных отраслей промышленности в ближайшем пятилетии и обзор возможных достижений, – сказано далее в решении, – пленум Дагестанского обкома ВКП(б) указывает на своевременность составления подробно разработанного перспективного плана развития дагестанской промышленности … для надлежащего обоснования размера потребных капиталов по каждой отрасли».

Пленум предложил правительству Дагестана безотлагательно решить вопрос о строительстве Гергебельской и Ахтынской гидроэлектростанций, которые могли бы удовлетворять в течение ряда лет потребности в электроэнергии важнейших промышленных и ближайших к ГЭС сельскохозяйственных районов. В этой связи на пленуме был поставлен вопрос об использовании гидроэнергии рек Сулака и Самура, чтобы полностью обслужить не только Дагестан, но и Баку, и Грозный. Строительство ГЭС на Сулаке и Самуре вызвало бы

к жизни новые производительные силы и помогло бы разрешить вопрос о судьбах дагестанского горного аула.[1]

Первый пятилетний план развития народного хозяйства (1928–1932 гг.) предусматривал более высокие темпы роста промышленного производства в Дагестане, чем по стране в целом. Основные фонды промышленности за пятилетие должны были возрасти с 9,5 млн. руб. до 47,5 млн. руб., или на 578% против 188% в среднем по СССР. Капиталовложения намечались в сумме 41 млн. руб., из них 26,5 млн. руб., или 64,4% направлялись на новое строительство.

Первый пятилетний план республики, в отличие от союзной пятилетки отдавал приоритет не развитию тяжелой индустрии, для чего не было ни экономических, ни технических возможностей, а традиционным для Дагестана отраслям легкой и пищевой промышленности, располагавшим хоть какой-то базой и имевшим пусть малочисленные, но подготовленные кадры. Если в группе «А» валовая продукция промышленности должна была возрасти соответственно с 11,1 млн. руб. до 20,6 млн. руб., то по группе «Б» – с 20,6 млн. руб. до 52,9 млн. руб.[2]

Желанием способствовать ускорению экономического и социально-культурного развития республики было продиктовано его включение в сентябре 1931 г. в состав Северо-Кавказского края. Руководители республики, ранее настаивавшие на предоставлении Дагестану возможности прямого обращения в центр, согласились пойти на такой шаг, надеясь получить от края помощь в развитии народного хозяйства. Действительно, в первое время краем незамедлительно были приняты меры по оказанию помощи Дагестану. В 1931 г. капитальные вложения в промышленность республики составили 26,2 млн. руб. План по капиталовложениям за пятилетие был перевыполнен на 43,8%.[3]

---

[1] *Даниялов Г.Д.* Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала, 1960. С. 176–177.

[2] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Махачкала, 2005. Т. 2. С. 130–131.

[3] *Дестебеков Н.Я.* Партийное руководство развитием промышленности в автономных республиках и областях Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Махачкала, 1969. С. 20.

Это позволило наращивать промышленное строительство. В 1932 г. в строй вступил целый ряд промышленных объектов: литейный цех ремонтно-механического завода, утилизационный завод Дагрыбтреста, кирпично-черепичный и орехо-дробильный заводы, три сельские электростанции. Число фабрично-заводских предприятий увеличилось с 33 в 1927/28 г. до 73 в 1932 г. Было завершено сооружение первой очереди электростанции в Махачкале, расширена железнодорожная электростанция, часть действующих предприятий реконструирована, а часть капитально отремонтирована. На стадии завершения находилось строительство консервного завода в г.Дербенте, продолжалось строительство Гергебельской ГЭС и началось строительство крупного завода тяжелой промышленности «Двигатель».[1] В целом за пятилетие продукция промышленности республики с 35,9 млн. руб. в 1929 г. возросла до 97,1 млн. руб. в 1932 г.[2]

Большой объем работ был проделан в дорожном строительстве. За 1929–1932 гг. в Дагестане было построено 893,2 км дорог и отремонтировано 1591 км существующих дорог. Новые дороги были построены между райцентрами и селениями Маджалис и Уркарах, Леваши-Акуша, Ботлих-Цумада, Бежта-Ахвах, Сагры-Мехельта, Хасавюрт-Дылым, Ахты-Рутул, Касумкент-Курах, Дербент-Бургамкент, Буйнакск-Тлох. Восемь райцентров были связаны колесными дорогами со столицей республики и со станциями на железной дороге.[3]

Продолжалась работа по кооперированию кустарей и восстановлению издавна существовавших в Дагестане кустарных промыслов, являвшихся основным подспорьем в крестьянском хозяйстве; развитию ковровых, суконных и трикотажных промыслов содействовало вступление в строй шерстопрядильной фабрики, что разрешило вопрос снабжения готовой пряжей.

Капиталовложения в промысловую кооперацию (за первое пятилетие – 1508,3 тыс. руб.) позволили построить крупные мастерские и провести механизацию. Уже в 1932 г. в них работало около 50% кооперированных кустарей. Ряд основных промыслов реконструировался

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 2. С. 135–136.

[2] Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932. С. 18.

[3] *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Транспорт и связь Дагестана (70–80-е годы). Махачкала, 1992. С. 65.

– ткацкий и ковровый, например, получили тысячу усовершенствованных станков.[1]

Большой объем работ по увеличению производства промышленной продукции в республике был определен вторым пятилетним планом развития народного хозяйства (1933–1937 гг.). Намечалось строительство машиностроительного и металлообрабатывающего заводов и реконструкция почти всех промышленных предприятий республики, дальнейшее развитие химической и газовой промышленности. На базе богатых месторождений нефти в Дагестане планировалось развитие нефтяной промышленности. Предполагалось дальнейшее проведение геологоразведочных работ по выявлению в республике новых нефтяных районов и строительство нефтяных промыслов в районах, богатых нефтью и газом – Избербаше, Ачи-Су, Каякенте. Большое развитие должна была получить промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье, в частности, консервная и винодельческая.[2]

Общий объем капитальных работ по Дагестану определялся в сумме 383 млн. руб. (на 136,3% больше фактических показателей первой пятилетки).[3]

Значительная часть капитальных вложений и других бюджетных средств продолжала покрываться за счет союзного и федеративного бюджетов. В 1933 г. в промышленность Дагестана было вложено 17931 тыс. руб., в 1934 г. – 1712 тыс. руб. (без вложений в электроэнергетику).[4]

За годы второй пятилетки в республике вступили в строй новые крупные промышленные предприятия, в том числе машиностроительный, ремонтно-механический, кирпично-черепичный заводы, Махачкалинский и Дербентский хлебокомбинаты, нефтепромыслы в Избербаше и Ачи-Су, фруктово-перерабатывающие пункты, цех посуды на стекольном заводе «Дагестанские огни», Махачкалинская швейная фабрика.[5] В 1937 г. в Дагестане имелось 205 крупных пред-

[1] История Дагестана в 4-х Т. М., 1968. Т. 3. С. 212.

[2] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 193.

[3] История Дагестана в 4-х т. Т. 3. С. 253.

[4] *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Махачкала, 2006. Кн. 1. С. 204.

[5] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 194.

приятий промышленности, из них 157 государственных и 48 кооперативных.

Среднегодовой прирост продукции промышленности во втором пятилетии по стране в целом составил 17,1%, в Дагестане 21,9%. В 1937г. валовая продукция промышленности достигла 150,8 млн. руб. Удельный вес продукции крупной промышленности в народном хозяйстве к концу пятилетки достиг 55,7%.[1]

Успехи индустриализации Дагестана были неразрывно связаны с увеличением численности рабочих и служащих. Если к 1 января 1933 г. среднесписочное (среднегодовое) количество рабочих только на крупных предприятиях промышленности составляло 20119 чел., то к 1 января 1938 г. среднесписочное число рабочих составляло на крупных предприятиях 21296 чел., на мелких – 4695, всего 25991 человек.[2]

К 1937 г. удельный вес рабочих и служащих коренных народностей Дагестана составил 31,6% всех рабочих и служащих предприятий республики. В отдельных отраслях этот процент был значительно выше: в легкой промышленности – 47, в полиграфической – 40,4, в местной – 38.[3]

Пополнение состава рабочих и служащих выходцами из местных народностей происходило в основном за счет сельского населения. Вливаясь в состав рабочих и служащих республики, вчерашние сельские жители отрывались от традиционной среды и форм хозяйственной деятельности. Индустриальный труд обуславливал иные более высокие требования к образовательному уровню работников, отражался на их духовных запросах и потребностях.

Дальнейшие успехи в индустриальном развитии Дагестана были достигнуты в мирные годы третьей пятилетки (1938–1940). В 1940 г. в республике насчитывалось 229 предприятий крупной промышленности, 170 из них государственных и 59 – кооперативных, ими произведено промышленной продукции на 266,6 млн. руб. На долю предприятий крупной промышленности приходилось 85% всей валовой продукции промышленности Дагестана.[1]

[1] История Дагестана в 4-х Т. Т. 3. С. 282-283.

[2] *Милованов Г.И.* Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 130.

[3] История Дагестана в 4-х т. Т. 3. С. 284.

В республике возникли хорошо оснащенные предприятия машиностроительной, нефтяной, текстильной, пищевой и других отраслей промышленности. В 1940 г. промышленностью Дагестана выпускалось свыше 50 видов продукции. По производству некоторых из них: консервов, вина, рыбопродуктов – республика стояла в 5–10 раз выше среднесоюзного уровня.

Предвоенные годы характеризовались дальнейшим увеличением рабочих в отраслях индустрии республики. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Дагестане насчитывалось 73,3 тыс. рабочих. В промышленности их насчитывалось 35,8 тыс., на транспорте – 15,5 тыс., в сельском хозяйстве – 5,3 тыс. и т.д. Численность инженерно-технических работников в промышленности за десятилетие (1929–1939) увеличилась в 12 с лишним раз – на каждые 100 рабочих в 1939 г. их приходилось 3,4 вместо одного в 1929 г. В 1940 г. в промышленности, на транспорте, в учреждениях связи, на строительстве республики работало около 2,4 тыс. инженеров и техников. Как и в предыдущие годы, кадры технической интеллигенции для Дагестана готовились в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку и других городов страны.

В годы второй и мирных годах третьей пятилетки дальнейшее развитие получил транспортный комплекс республики. В предвоенные годы на железной дороге расширялось и совершенствовалось путевое и паровозное хозяйство, вводились дополнительные средства связи. В Махачкалинском морском порту осуществлялась механизация погрузочно-разгрузочных работ, завершилось строительство новых причалов и нефтегавани. Махачкала стала одним из крупнейших нефтеперевалочных пунктов на Каспии. В 1940 г. из республики по морю и железной дороге было отправлено 4748 тыс. т. грузов и прибыло в Дагестан 6804 тыс. т.[2]

В широких масштабах проводилось дорожное строительство. Государственные вложения в него за три первых года пятилетки соста-

[1] История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.): Документы и материалы. Грозный, 1973. С. 459; *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 201.

[2] История Дагестана в 4-х т. т. 3. С. 314.

вили свыше 18,5 млн. руб. Было проложено и реконструировано 608 км дорог, 2644 м мостов и труб. Методом народной стройки проводились и улучшались горные дороги Шиляги-Варсит, Гуниб-Кумух, Дылым-Чирюрт и др. К 1940 г. протяженность благоустроенных гужевых и автомобильных дорог в республике достигла – 11600 км. Было организовано маршрутное автобусное сообщение. В 1940 г. автомобильный парк Дагестана насчитывал 2343 грузовые, легковые и другие автомашины. Развивался также гражданский воздушный флот.[1]

Позитивные изменения в наращивании индустриального потенциала республики в анализируемое десятилетие обуславливали высокие темпы прироста городского населения. В 30-е годы в Дагестане возникли новые рабочие поселки – Каспийск и Избербаш. Первое было связано со строительством большого оборонного предприятия «Двигатель», а второе с разработкой нефтяных месторождений в районе Ачи-Су и Избербаша. Со времени Всесоюзной переписи населения 1926 г. доля городского населения в общей численности в республике возросла на 11% и составила по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. 22%. Рост в абсолютных данных за эти годы составил 135,5 тыс. и достиг в 1939 г. 220,5 тыс. человек.[2]

Дагестанские города по составу населения являлись интернациональными. В них проживали представители дагестанских и многих других народов страны. Это создавало благоприятные возможности и условия для духовного взаимообогащения, восприятия новых духовно-нравственных ценностей, пропагандируемых в стране.

Значительную роль в развитии экономики республики, обеспечении материального благосостояния значительной части населения продолжали играть традиционные художественные промыслы, объединенные в промысловые кооперативы. В годы второй и мирных годах третьей пятилеток они продолжали увеличивать выпуск продукции. Так, если в 1933 г. они произвели продукции на 5,8 млн. руб., то в 1937 г. – на 15,6 млн. руб. За один 1937 г. металлообрабатывающие артели системы «Дагразнопромсоюза» выработали изделия более чем

[1] Там же. С. 314.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. Махачкала, 1972. С. 14.

на 1 млн. руб. Производительность труда кустарей, работавших в системе «Дагковерсоюза», с 1934 г. по 1937 г. возросла в 2,5 раза. Продукция промысловых артелей «Дагтекстильпромсоюза» за вторую пятилетку выросла с 6 млн. руб. до 14 млн. руб., или более чем в 2 раза.[1]

Ковровые артели стали поставщиками ценного в этот период экспортного товара. По ковровой продукции, идущей на экспорт, Дагестан в 30-е годы занимал одно из первых мест в Союзе. Только в 1934 г. из республики было отправлено в Германию, Данию, Англию, США около 9 тыс. кв. м. ковров.

Нередки в этот период были творческие поездки для обмена опытом мастеров и специалистов артелей Дагестана в Москву, другие города и регионы страны. В 1939 г. в НИИ художественной промышленности повышало квалификацию девять работников ковровых артелей Дагестана.[2]

Изменение организации труда мастеров художественных промыслов отражалось на условиях их труда, принципах и объемах оплаты труда.

Вместе с тем, история становления художественных артелей Дагестана в 20–30-е годы отмечена и многими недостаточно продуманными реорганизациями артелей, связанными с проводившейся в стране политикой сплошной коллективизации. С началом массового создания колхозов многие артели были вынуждены войти в состав сельхозартелей как подсобные производства. Мастеров одновременно с членством в артелях обязывали вступать в колхозы. Более того, членство в колхозе считалось основным и мастеров часто мобилизовывали на сельхозработы. Только ковровщиц иногда освобождали от такой повинности для выполнения экспортных заказов.[3] Такое отношение к труду мастеров негативно отражалось на художественном уровне производимых ими изделий.

Несмотря на быстрое развитие промышленности и увеличение объемов производимой ею продукции, основная масса трудоспособ-

[1] *Алиев А.И.* Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. Махачкала, 1969. С. 77.

[2] *Магомедов А. Дж.* Художественные промыслы Дагестана в XX веке. Махачкала, 2003. С. 61–62.

[3] Там же. С. 69.

ного населения республики было занято в аграрном производстве, проживало в сельской местности. По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в сельской местности республики насчитывалось 802,8 тыс. человек, или 78% от общей численности.[1]

ХУ съезд партии (декабрь 1927 г.) взял курс на массовую коллективизацию крестьянских хозяйств без учета уровня социально-экономического развития, национальных особенностей различных регионов страны. Коллективизация по степени влияния на судьбы крестьянства превзошла все другие акты Коммунистической партии и Советского государства, оказала огромное влияние на политическую обстановку, производство аграрной продукции, темпы, ход и итоги социально-культурных преобразований и изменений на селе.

Следует отметить, что по уровню социально-экономического развития дагестанское село не было готово к осуществлению политики сплошной коллективизации. Это, в первую очередь, относилось к горным районам республики. Так, к началу 30-х годов 60% населения Дагестана, проживавшая в горных районах, находилась вне системы коллективного хозяйства.[2]

Несмотря на это, партийные и советские органы республики, руководствуясь директивными установками, приступили к осуществлению политики массовой коллективизации крестьянских хозяйств. Хотя в партийно-государственных установках на коллективизацию декларировался принцип добровольности, с желанием крестьян не очень считались. Многих горцев под угрозой применения налогового пресса, административных преследований, раскулачивания и выселения, партийные и советские органы республики вынуждали вступать в колхозы. При этом земельные наделы и скот обобществлялся.

В спецбюллетени Даготдела ОГПУ о ходе посевной компании, коллективизации в дагестанском селе и настроении населения в связи с этими мероприятиями от 9 апреля 1930 г. сообщалось: «В Табасаранском районе в сел. Турач в период организации колхозов, за отказ вступить в колхоз было арестовано несколько бедняков и середняков

[1] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 14.

[2] ЦГА РД. Ф. р-276. Оп. 4. Д. 4. Л. 8.

уполномоченным бригады Бабаева. То же имело место в сел. Кулиф со стороны инструктора РИКа Магомедова Али.

В Лакском районе в сел. Дучи, Гуши, Кобра уполномоченный по проведению сельхозкомпании народный судья Рамазанов использовал следующие приемы для вовлечения крестьян в колхозы: «Кто не войдет в колхоз – тот будет выслан в Архангельск». Услышав это, все крестьяне стали вступать в колхоз.

В сел. Коркмасовка Махачкалинского района по настоянию работников бригады, присланной райкомом ВКП(б), были арестованы за выступление против колхоза несколько середняков, в том числе одна женщина.

В сел. Самуркент Махачкалинского района во время организации колхоза докладчик заявил гражданам: «Я дам письменный приказ, чтобы отпускали из кооперации все дефицитные товары только членам колхоза…»».[1] Аналогичные примеры и факты были нередки и в других населенных пунктах и районах республики.

Административный произвол и меры принуждения к вступлению в колхозы вызывали массовое недовольство и прямые вооруженные выступления горцев. Так, в разведывательной оперативной сводке оперативного штаба Дагестанского отдела ОГПУ «О положении в Южном Дагестане по состоянию на 20 часов 27 апреля 1930 г.» отмечалось: «26 апреля с. г. в Курахском районе под руководством шейха Штульского и сына шейха Атарского организовалась повстанческая банда в количестве 100 человек. Банда появилась в районе сел. Ашакент, в 5 км от Кураха».

Высланный из Кураха отряд партийцев в количестве 22 человек с 5 часов утра 26 апреля вел перестрелку с бандой. К 12 часам дня число бандитов возросло до 500 человек, которые заняли позицию по горному хребту западнее Кураха. По сведениям бандиты намерены были, овладев Курахом, двинуться на Касумкент.

Высланные, сегодня утром в Касумкент начальник КРО Зуськов с сотрудниками ДО ОГПУ, доехав до Белиджи, выявили, что телеграфно-телефонная линия Белиджи-Касумкент и Белиджи-Ахты попорчена повстанцами.

[1] Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Махачкала. 2007. С. 157.

По донесению начальника заставы, высланной на границе Азербайджана в сел. Оружба, его посты утром были обстреляны повстанцами.

В 19 часов из Белиджи от Зуськова была получена телеграмма о том, что Касумкент сегодня утром занят повстанцами. Убит секретарь райкома ... Банда выступает под лозунгами «Власть шариата».[1] Это и другие аналогичные антиколхозные вооруженные выступления в республике, безжалостно подавлялись, активные участники подвергались суровым наказаниям, вплоть до расстрела.

В результате допущенных ошибок и перегибов колхозному движению в Дагестане был нанесен значительный урон. Многие ранее организованные коллективные хозяйства распадались.

И.В. Сталин и его соратники были озабочены трудностями, вставшими на пути перевода единоличника на коллективный путь развития. По поручению ЦК ВКП(б) 2 марта 1930 г. Сталин выступил со статьей «Головокружение от успехов», 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». 3 апреля 1930 г. в газете «Правда» была опубликована другая статья И.В. Сталина «Ответ товарищам колхозникам».[2] В постановлении ЦК партии и статьях Сталина были раскрыты многие трудности на пути осуществления массовой коллективизации и намечены пути их устранения.

Принятые в тот период, хотя и с запозданием, меры партии помогли устранить грубейшие нарушения. Решением бюро обкома партии от 10 марта 1930 г. за ошибки и перегибы, допущенные при коллективизации, были сняты с работы и привлечены к партийной ответственности секретари Шелковского, Ахтынского, Ботлихского, Гунибского, Казбековского райкомов партии и председатель Казбековского райисполкома. Были проведены кустовые совещания партийно-советского актива с докладами членов бюро обкома партии о мерах по устранению недостатков в колхозном движении.[3]

---

[1] Там же. С. 162–163.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК. М., 1972. Т. 5. С. 101–104, 164.

[3] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 149.

Вследствии ослабления давления произошел значительный отлив горцев из колхозов. По данным 19 районов республики на 1 апреля 1930г. в колхозах из числившихся 53678 хозяйств осталось 15107 хозяйств, что составляло в отношении общего количества хозяйств этих районов (исключая кулацкие) – 12,2%.[1] На 12 августа 1930 г. колхозы Дагестана объединяли 9800 хозяйств, в подавляющей массе батраков и бедняков.[2]

В первый период массовой коллективизации в республике преобладала артельная форма организации общественного хозяйства. В августе 1930 г. из общего числа 358 колхозов Дагестана сельскохозяйственных артелей было 324, товариществ по совместной обработке земли – 27, коммун – 7.[3] Колхозы на этом этапе в подавляющей массе оставались мелкими. В апреле 1930 г. на один плоскостной колхоз приходилось 42 хозяйства, а на один горный колхоз – 29 хозяйств (данные 6 плоскостных и 6 горных районов).[4] Это создавало значительные трудности в развитии материально-технической базы и увеличении производства сельскохозяйственной продукции в них.

Несмотря на острую нехватку финансово-материальных ресурсов, властные структуры республики уделяли пристальное внимание укреплению материально-технической базы колхозов. Только за один год, с октября 1930 по октябрь 1931 года количество сельскохозяйственных машин и орудий в сельхозартелях увеличилось почти в 2,5 раза, а в производственных объединениях почти в 2 раза. В колхозах появился первый комбайн.[5]

Усиление технической базы сельского хозяйства позволило приступить к созданию первых МТС. Весной 1931 г. в Дагестане были созданы 5 МТС, располагавших 178 тракторами, 5 грузовыми автомашинами. В соответствии с постановлением Совнаркома ДАССР от 3 февраля 1931 г. они были организованы в Ачикулакском, Кизлярском, Хасавюртовском, Буйнакском, Дербентском районах с местона-

---

[1] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг.: Сб. документов. В 2-х частях. Махачкала, 1976. Ч. 1. С. 237.

[2] Там же. С. 274.

[3] Там же. С. 273.

[4] Там же. С. 235.

[5] История советского крестьянства Дагестана.1917-1980гг. В 2-х т. Махачкала, 1986. Т. 1. С. 186.

хождением в соответствующих райцентрах. МТС обслуживали 212 колхозов, и весной 1931 г. с их помощью было вспахано около 34 тыс. га и посеяно около 38 тыс. га яровых.[1]

Появление на крестьянских полях первых тракторов оказывало на крестьян, привыкших иметь дело в лучшем случае с железным плугом и волами в качестве тягловой силы, огромное впечатление. Вот как это происходило в сел. Эрпели Хасавюртовского района по описаниям очевидцев: «Настоящим праздником для жителей стал тот день, когда в селение въехал трактор «Фордзон». За рулем трактора восседал комсомолец М. Зубаиров. Трактор сопровождала толпа людей. Одни с восхищением, другие с недоверием смотрели на это железное чудо. Когда трактор остановился, то его хлопали ладонями, били кулаками и удивленно покачивали головами. «А чем кормить?» - спрашивали одни, «А если он умрет, – сомневались другие, – опять на буйволах пахать?»».[2]

Тракторы и другая современная техника была рассчитана на работников с соответствующим образованием и квалификацией, вносили в сельский быт новую агротехнику. Они оказывали значительное влияние на умонастроение и взгляды горцев.

Первые МТС были созданы в равнинных зерновых районах республики и сыграли огромную роль в дальнейшем развертывании колхозного строительства. В весенний сев 1931 г. – в первый свой сев – МТС продемонстрировали преимущества сосредоточения сельскохозяйственной техники в крупных станциях. Из 324 колхозов в период сева МТС обслужили 212. Они вспахали и засеяли 71867 га колхозной земли.

В колхозах, обслуживаемых МТС, на одно хозяйство было вспахано и засеяно больше, чем на 1 коллективизированное хозяйство в среднем по Дагестану.[3]

Эти позитивные результаты и примеры, в сочетании с широкой разъяснительной работой среди широких слоев крестьянства о необходимости перехода на коллективный путь развития аграрного производства, способствовали дальнейшему развитию колхозного строительства в дагестанском селе. В конце 1932 г. в республике насчитывалось 840 колхозов, 7 коммун и 41 простейшее объединение, которые охватывали 42012 хозяйств (22,6%) во всех частях Дагестана.[1]

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 152

[2] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 379.

[3] *Османов Г.Г.* Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961. С. 120.

В колхозном строительстве Дагестана, как и других регионов страны, несмотря на определенное послабление, сохранялись меры административного принуждения и запугивания. Осуществлялось массовое раскулачивание и выселение в отдельные северные районы, в Среднюю Азию и Казахстан с конфискацией имущества зажиточной прослойки крестьянства – кулачества.

Мероприятия по раскулачиванию обсуждались на собраниях батрацко-бедняцких масс. Раскулачивание и выселение кулаков проводилось в основном силами правоохранительных органов и ГПУ, в его проведении участвовали также партийные, советские работники, батрацко-бедняцкий актив. На основе решений партийных, советских органов было раскулачено 350 хозяйств. В связи с завершением мероприятий по раскулачиванию Центральная комиссия по учету и раскулачиванию кулацких хозяйств была распущена.[2]

Конфискованное при раскулачивании имущество было передано колхозам, что имело немаловажное значение для укрепления их материальной базы. Всего в 1930 г. в колхозах находилось кулацкого имущества на сумму в 283645 руб. 97 коп., в то время как их неделимые фонды составляли 669863 руб. 83 коп.[3]

Окончательная ликвидация кулачества как класса в Дагестане стала возможна в более поздние, чем в целом по стране сроки. В 1935 г. кулацкие хозяйства равнинных и предгорных районов были выселены в Южно-Казахстанскую область Казахской ССР. В 1936 г. на основе массового колхозного движения, горные районы перешли к политике ликвидации кулачества как класса. Кулацкие семьи из горных районов в основном были выселены во Фрунзенскую область Киргизии. В течение 1930–1932 и 1935–1936 годов было раскулачено и выселено приблизительно 1600 кулацких семейств, что составляло менее одного процента общего количества крестьянских хозяйств или около

[1] История Дагестана в 4-х т. т. 3. С. 235.

[2] *Османов А.И.* Ликвидация кулачества в Дагестане. Махачкала, 1972. С. 111.

[3] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х Т. Т. 2. С. 150.

19% всех кулацких хозяйств. Остальные кулаки остались на прежних местах жительства или переехали в города.[1]

В 30-е годы властные структуры республики продолжали политику организованного переселения горцев на равнину. К середине 1931 г. на Яракаевский участок Хасавюртовского района было переселено 91 хозяйство, из них 60 хозяйств из Лакского и 31 хозяйство из Цумадинского районов. Из всех переселившихся хозяйств 69 хозяйств (75,8%) возвратились обратно в горы. Основная причина возврата – отсутствие нормальных жизненных и бытовых условий. Все это осложняло работу различных комиссий, агитаторов по вербовке переселенцев в районах республики.

Недостатки в работе по вербовке переселенцев были отмечены бригадой Наркомзема РСФСР, которая ознакомилась с ходом переселения за 1928–1930 гг. и с планами переселения на 1931 г. За этот период было переселено 639 хозяйств, при плане переселения 1010 хозяйств. Кроме того, без хозяйственной и финансовой помощи переселились 226 хозяйств. Среди причин невыполнения плана бригада отметила: отсутствие земельных фондов, несвоевременное выделение кредитов.

Массовые компании по коллективизации сельского хозяйства, раскулачиванию и выселению кулацких хозяйств отвлекали внимание партийных и советских органов и отодвигали на второй план вопросы земельно-водной реформы и переселения горцев на равнину. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» предусматривалось сселение хуторских крестьянских хозяйств и колхозников в основные населенные пункты как одно из важнейших мер по сохранению общественных земель.

Сселением крестьянских хозяйств, вплотную пришлось заниматься и руководству республики. Президиум Бабаюртовского райисполкома 5 августа 1939 г. обратился в Совнарком ДАССР о сселении 172 хозяйств и выделении для этих целей 68265 руб. Совнарком согласился сселить 117 хозяйств и выделить 58500 руб. Через некоторое время другим постановлением Совнарком выделил Бабаюртовскому району 90500 руб. на сселение 182 хозяйств и 7 хуторов колхоза им. К. Маркса.

[1] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 188-189.

Районные организации обращались в Совнарком и другие республиканские организации с просьбой ускорить решение вопросов переселения горцев из малоземельных районов. Из-за несвоевременного решения этих вопросов они вынуждены были стихийно переселяться не только во внутренние районы республики, но и за ее пределы. 25 хозяйств Рутульского района переселились в Кахский район и 51 хозяйство в Закатальский район Азербайджанской ССР. 400 хозяйств из Тляратинского района переселились в Кварельский район Грузинской ССР и построили себе дома и надворные постройки.

Совнарком ДАССР и бюро обкома партии на совместном заседании 5 апреля 1940 г. рассмотрели и утвердили представленный Переселенческим отделом Совнаркома план переселения в третьей пятилетки. Всего планом межреспубликанского и внутрирайонного переселения намечалось переселить 7760 хозяйств, в том числе в 1940 г. за пределы Дагестана – 165 хозяйств, внутри республики – 510 и внутри районов – 180 хозяйств. Всего 855 хозяйств или 11,1% от плана на третью пятилетку.

Для переселенцев создавались 8 крупных хозцентров и к ним применялись льготы по переселению, предусмотренные постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 17 ноября 1937 г.

Помимо общих планов переселения, Совнаркомом республики рассматривались и отдельные обращения граждан и общественных хозяйств о переселении их с гор на равнину. Так, 4 июня 1940 г. СНК была одобрена инициатива колхозников колхоза им. Сталина Чародинского района о переселении 54 хозяйств колхоза в колхоз Ворошилова сел. Чирюрт Кумторкалинсого района. Для них были подготовлены 48 домов и принято решение об оказании им хозяйственной помощи, а также просьба в адрес Совнаркома СССР о выделении им кредита в сумме 108 тыс. руб. из расчета 2000 руб. на каждое хозяйство.[1]

Несмотря на трудности и нерешенные проблемы, осуществление организованного переселения горцев на равнину способствовало их

[1] Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.): Документы и материалы. В 2-х т. Махачкала, 2006. Т. 1. С. 8–9.

переходу к новым формам хозяйствования и усилению интереса к светскому образованию, новым духовным ценностям.

Важным каналом пропаганды новых коллективных форм хозяйствования, передовых методов и приемов труда являлись совхозы.

Совхозы помогали не только колхозам, но и индивидуальным крестьянским хозяйством в проведении пахоты, ремонте сельскохозяйственного инвентаря, обеспечении семенами, агрономическим, ветеринарным и зоотехническим обслуживанием. Так в 1929 хозяйственном году совхоз «Аксай» своими тракторами вспахал в колхозах 225 га и в бедняцких хозяйствах 587 га, совхозы «Новлубтреста» в порядке помощи колхозам и бедняцким хозяйствам – 520 га, совхоз им. Р. Люксембург – 120 га и выделил колхозам семена. Весной 1931 г. четыре, а в 1932 г. 11 совхозов республики направили свои тракторы в колхозы для обработки полей. Площадь обработанной ими земли в 1932 г. составила 2 тыс. га.

Вопрос о помощи колхозам и окрестному населению нередко включался в производственные планы или социалистические обязательства совхозов. Так, огромную помощь колхозам республики оказывали совхозы «Овцеводтреста». В 1931–1933 гг. овцеводческие совхозы передали на комплектование колхозных ферм и колхозникам более 50 тыс. голов овец и 2 тыс. голов крупного рогатого скота, а для качественного улучшения овцеводства 2 тыс. баранов – производителей.[1]

Несмотря на помощь и поддержку колхозного движения, совхозов в Дагестане было мало и их возможности в ввиду экономической слабости подавляющего большинства в этом плане были весьма ограничены.

Принятыми партийными, советскими органами мерами удалось довести процент коллективизации крестьянских хозяйств в республике к концу 1934 г. до 28, При этом в равнинных и предгорных районах коллективизацией соответственно было охвачено 65,4% и 42% крестьянских хозяйств.[2] Число колхозов в горах увеличилось до 107 и кооперативных товариществ до 555 против 71 колхоза и 80 объединений в 1930 г. Число хозяйств, охваченных колхозами и объединениями, увеличилось до 24 тыс.[1] Иными словами сохранялись существенные различия в темпах коллективизации крестьянских хозяйств в различных зонах Дагестана.

[1] *Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане 1920–1980 гг. М., 1982. С. 29–30.

[2] Очерки истории Дагестана в 2-х т. Махачкала, 1957. Т. 2. С. 239.

Учитывая низкие тепы коллективизации в горных районах, властные структуры республики усилили внимание колхозному строительству в этой зоне. В горных районах был взят курс на создание простейших производственных объединений по животноводству и садоводству как наиболее доступных и понятных для широких масс горцев форм коллективизации. Наркомземом и Дагколхозсоюзом были выработаны примерные уставы простейших производственных объединений (ППО) и товариществ по совместной обработке земли с учетом особенностей горных районов. При вступлении в производственное объединение крестьяне должны были вносить вступительный взнос в зависимости от мощности хозяйства от 3 до 25 руб. Скот и пастбища, как правило, подлежали обобществлению. Рабочий и продуктивный скот, транспортные средства оставались в индивидуальном пользовании членов объединения. Доходы распределялись не только в зависимости от затрат труда, но и количества обобществленного имущества и скота. Крестьяне объединялись в ППО для совместного ведения хозяйства, переработки и сбыта продукции.[2]

Состоявшаяся в июне 1937 г. XIV Дагестанская областная партийная конференция констатировала, что Дагестан стал республикой сплошной коллективизации. В колхозах на 1 января 1937 г. было объединено 85% крестьянских хозяйств, в то числе на плоскости – 91%, в горных районах – 75%.[3]

Развитие и утверждение коллективных форм хозяйствования сопровождалось усилением внимания властных структур республики к материально-техническому обеспечению колхозов, их организационно-хозяйственному укреплению. В начале 1941 г. в сельском хозяйстве Дагестана насчитывалось 1409 тракторов (в пересчете на 15-

[1] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 163.

[2] История советского крестьянства Дагестана 1917–1980 гг. в 2-х т. т. 2. с. 200.

[3] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927–1940 гг.: Сб. документов. В 2-х частях. Махачкала, 1976. Ч. 2. С. 248.

сильные) и 302 зерноуборочных комбайна[1] и много другой сельскохозяйственной техники, оборудования.

Колхозы Дагестана к концу 30-х годов стали основными производителями сельскохозяйственной продукции. Валовой сбор всех зерновых и бобовых в колхозах республики в 1937 г. составил 1188,0 тыс. ц, в 1938 г. – 1311,6 тыс. ц, в 1939 г. – 2210,0 тыс. ц, в 1940 г. – 1789,6 тыс. ц.[2] В начале 1941 г. в колхозах Дагестана имелось 254,0 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 39,3 тыс. коров, 1699, 1 тыс. овец и коз.[3] Денежный доход колхозов республики по итогам 1940 г. составил 1144023,6 тыс. руб., тогда как в 1937 г. он равнялся 47948,4 тыс. руб.[4]

Таким образом, в дагестанском селе к концу расстатриваемого десятилетия утвердились новые общественные отношения, которые открывали благоприятные возможности для распространения новых духовных ценностей. Развитие колхозно-совхозного производства, увеличение их финансово-материальных ресурсов позволяли активнее и шире развернуть работу по дальнейшему развитию социально-культурной инфраструктуры и в сельской местности.

Усиление темпов и наращивание индустриального потенциала, перевод индивидуального крестьянского хозяйства на коллективный путь развития обеспечивали благоприятные условия для усиления модернизационных процессов в культуре народов Дагестана.

§ 2. Нарастание новых составляющих образования

Несмотря на благоприятные тенденции и определенные позитивные результаты в развитии школьного образования и повышении уровня грамотности населения, к началу 30-х годов Дагестан продолжал заметно отставать от общесоюзных и федеративных показателей по основным параметрам развития народного образования.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны, предусматривая опережающее развитие экономики и культуры ранее отсталых национальных окраин, в области народного образования намечал ускорение темпов школьного строительства, достижение качественных перемен в деятельности общеобразовательной школы.

В области просвещения за пятилетие в Дагестане предусматривалось: развернуть сеть школ I ступени с таким расчетом, чтобы в течение первых двух лет достичь полного охвата обучением детей школьного возраста в городах, а к 1933/34 г. добиться полного охвата начальной школой всех детей школьного возраста; улучшение качества работы школы (борьба с отсевом, обеспечение школ педагогическими кадрами, учебными пособиями и пр.); ликвидация неграмотности среди подростков и взрослого населения в возрасте от 16 до 25 лет; снижение процента неграмотности остальных категорий населения; полный охват детей общедоступной повышенной школой в городах и расширение сети таких школ в сельской местности.[1]

Выполнение указанных мероприятий должно было далеко продвинуть развитие народного образования и способствовать общему культурному прогрессу народов Дагестана.

В предыдущих разделах нами было отмечено, что, несмотря на наличие серьезных трудностей и нерешенных проблем, властные структуры республики, исходя из директивных установок Центра, поставили перед органами народного образования задачу перехода к всеобщему обязательному начальному обучению подрастающего поколения.

В республике развернулась большая работа по скорейшему завершению подготовки к введению всеобщего начального обучения, строительству школьных зданий, созданию специальных фондов помощи всеобучу, разъяснению населению закона о всеобщем обязательном обучении, изданию учебников на дагестанских языках. Между районами развернулось соревнование за лучшую подготовку к введению всеобуча. В короткий срок были собраны десятки тысяч

---

[1] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. Сборник. С. 141.

[2] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг. Сб. документов. В 2-х частях. Ч. 2. С. 411.

[3] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. Сборник. С. 119.

[4] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг. Сб. документов. В 2-х частях. Ч. 2. С. 412–413.

[1] Основные тезисы перспективного плана ДАССР на пятилетие 1928/29 – 1932/33 гг. Махачкала. 1928. С. 13.

рублей на нужды всеобуча. Дагестанцы обязались засеять весной 1931 г. сотни гектаров земли и направить весь собранный урожай на удовлетворение нужд всеобуча.

Повсеместно были созданы комитеты, руководившие проведением всеобуча.

В связи с введением всеобуча в городах и части районов ассигнования на начальное образование были существенно увеличены. В 1931 г. только из республиканского бюджета на образование было ассигновано более 12,2 млн. руб.[1] Общая сумма затрат на просвещение в Дагестане в 1931 г. составила 22,7 млн. руб., что в четыре с лишним раза перекрывали затраты 1927/28 г.[2]

Усиление внимания к развитию общеобразовательной школы позволил заметно расширить сеть начальных школ в республике. В 1931 г. число школ I ступени в Дагестане возросло до 929, в том числе 896 в сельской местности.[3] В последующие годы темпы реализации курса на начальный всеобуч не снижались. В 1933 г. в республике насчитывалось 1300 школ I ступени, из них 1264 в сельских населенных пунктах.[4] В этот период удалось переломить неблагоприятную тенденцию и добиться резкого увеличения общеобразовательных школ в горных районах, в которых за два года было открыто более 300 школ и общее их количество на конец 1933 г. доведено до 729 единиц.[5]

Однако такой быстрый рост школьной сети не сопровождался адекватным развитием материальной базы. В школах республики сохранились острая нехватка ученических мест и оборудования. По данным на июнь 1931 г. обеспеченность школ Дагестана благоустроенными помещениями составляла 12%.[6] Это создавало серьезные трудности в осуществлении намеченного плана введения всеобщего обязательного начального обучения детей. Так, на 1930/31 учебный год план охвата детей школами всеобуча по республике был определен в 90400 человек. Удалось вовлечь в школу 88600 человек, т.е. 98,1% к плану. Из общего количества учащихся 64,1% составляли мальчики и 35,9% девочки.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 109.

[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 8.

[3] Там же. Л. 135.

[4] Там же.

[5] Там же. Д. 730. Л. 55.

[6] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Махачкала, 1980. Т. 1. С. 364.

В последующие годы благодаря массово-разъяснительной работе партийных, советских органов, усилиями педагогических коллективов школ удалось поднять долю девочек в начальной школе республики, в том числе и в сельской местности. Однако она все еще оставалась относительно низкой. Сказывалось непонимание значения обучения девочек в общеобразовательной школе определенной частью населения республики.

Важным условием успешного осуществления курса на всеобщее обязательное обучение подрастающего поколения являлось создание пришкольных интернатов в школах с соответствующей учебно- материальной базой и подготовленными педагогическими кадрами. Необходимость их создания, в первую очередь, диктовалось преобладанием в республике небольших по численности населенных пунктов и нехваткой финансово-материальных ресурсов на создание в них школ с полноценной учебно-материальной базой. Ко времени введения всеобуча в Дагестане насчитывалось до 1900 населенных пунктов (83,1%), в которых проживало менее 500 жителей. Среди аулов республики 63,4% имели число жителей менее 200.[1] В 1931 г. сеть интернатов в республике была доведена до 17, что потребовало 10 тыс. руб. дополнительных ассигнований на содержание учащихся из малообеспеченных семей.[2]

Такое количество интернатов не удовлетворяло потребности в них. Оно не могло оказать существенного влияния на охват подрастающего поколения всеобучем. В условиях Дагестана преобладала небольшая по количеству учащихся общеобразовательная школа. Это приводило к распылению средств и педагогических кадров, отражалось на качестве учебно-воспитательного процесса. Однако сеть малокомплектных школ способствовала охвату сельских детей начальным всеобучем.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 199–200.

[2] *Исмаилов А.Р.* Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала, 1970. С. 99.

Исключительно острой проблемой, негативно отражавшейся на усилиях властных структур, органов народного образования республики, являлось наличие значительного количества переростков, не охваченных обучением. До апреля 1931 г. они обучались в общеобразовательных школах вместе с детьми школьного возраста, что создавало дополнительные трудности в выполнении закона о всеобуче. Решением ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1931 г. «О ходе всеобуча» переростки выделялись в особые группы и школы. Создавались для них 4-5- месячные, а также 1–2- годичные курсы с расчетом ускоренного продвижения их в повышенные школы и подготовки для работы на производстве.[1]

Эта мера позволила несколько разгрузить общеобразовательную школу и ускорить работу по охвату детей школьного возраста начальным всеобучем. Вместе с тем, она имела и ряд негативных последствий. Ускоренный курс обучения переростков отражался на качестве их обучения. Партийные, советские органы, общественность ослабили внимание к охвату переростков школой. Так, к 1 январю 1932 г. в республике только 37,1% (в сельской местности 36,8%) переростков были вовлечены в школы. А в таких районах, как Ахтынский, Хасавюртовский и некоторых других, процент охвата переростков обучением был еще ниже.[2]

В новых условиях серьезной проблемой оставалось удовлетворение быстрорастущих запросов общеобразовательных школ в педагогических кадрах. Для ускорения темпов подготовки учительских кадров руководство республики решило создать сеть национальных педкомбинатов. В 1930–1931 гг. в Дагестане были открыты педкомбинаты на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, азербайджанском и русском языках с контингентом учащихся более 1500 человек. В состав нового педагогического учебного заведения входили: трехгодичный национальный педагогический техникум, одногодичные и двухгодичные педагогические курсы. В 1931/32 учебном году в педкомбинатах обучалось около 1700 учащихся, в том числе

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 363.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 202.

1602 представителя народностей Дагестана, из них 316 горянок.[1] Всего по данным на 1 декабря контингент учащихся педагогических учебных заведений республики составлял 2297 человек. 200 посланцев Дагестана обучалось в педагогических институтах и техникумах других регионов страны.[2]

В 1930/31 г. всеми учебными заведениями педагогического профиля и курсовой сетью республики было подготовлено и направлено в общеобразовательные школы 1115 учителей.[3] Помимо них, значительное число учителей было направлено в Дагестан Наркомпросом РСФСР. Несмотря на это, общеобразовательные школы республики продолжали испытывать острую нехватку педкадров. В конце 1931 г. в школах Дагестана насчитывалось 2787 учителей. Это удовлетворяло 57% потребности школ в педагогических кадрах.[4] Такое положение во многом было следствием их текучести из-за низкой оплаты труда и неудовлетворительных материально-бытовых условий.

Начало 30-х годов было ознаменовано зарождением высшего образования в Дагестане. В 1931 г. открылся педагогический институт - первый вуз республики, который начал готовить учителей с высшим образованием для школ повышенного типа.

Заметно увеличился прием в педагогические техникумы и рабфаки республики. Численность обучающихся в них в 1932 г. достигла 2400 человек. Большую практическую помощь специалистами различного профиля, в том числе и педкадрами, республике стал оказывать Северо-Кавказкий край. В 1932 и 1933 гг. из края в школы республики было направлено 44 учителя. В 1932 г. в краевые педагогические учебные заведения для внеконкурсного зачисления было отправлено 48 представителей Дагестана. Значительное число учителей для школ республики готовили краткосрочные курсы.

В 1932 г. в школах Дагестана насчитывалось 4818 учителей, что на 2031 человек больше по сравнению с предыдущим годом.[5] Такой рост в основном был достигнут за счет учителей с курсовой подготовкой. Общеобразовательные школы республики продолжали испы-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 109.

[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 1819. Л. 12.

[3] Там же.

[4] Там же. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 237. Л. 118.

[5] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 79-80.

тывать острую нехватку учителей с высшим и средним специальным педагогическим образованием, что негативно отражалось на качестве учебно-воспитательного процесса.

В связи с введением всеобуча резко возросла потребность в улучшении издания учебников для школ на родных языках и новом дагестанском алфавите. В совершенствовании нуждалось и качество издаваемой литературы. В начале 30-х годов в республике в этом важном деле также были достигнуты значительные результаты. Только в 1930 г. и за 4 месяца 1931 г. для всеобуча, ликпунктов и школ малограмотных было издано более 1 млн. 100 тыс. экземпляров учебников и другой учебной литературы на дагестанских языках, что намного превышало количество учебной литературы, выпущенной в течение ряда предыдущих лет. Однако и такой объем изданий был далеко не достаточным для удовлетворения потребности школ в учебной литературе. Из-за слабой полиграфической базы Даггосиздата, нехватки квалифицированных авторов, а также издательских работников из коренных народностей план выпуска учебников не выполнялся.[1] Учитывая остроту нехватки школьных зданий и ученических мест, властные структуры республики в 1932 г. активизировали внимание к строительству школ и пристроек к ним. На эти цели по республике за год было ассигновано 3162 тыс. руб., из которых 2839 тыс. руб. составляли вложения населения.[2]

К началу 1932/33 учебного года в Дагестане было развернуто строительство 179 новых школ и достройку 88 школ. К ноябрю 1932 г. закончено было строительство 162 школьных зданий.[3]

Эти меры способствовали ускорению осуществления перехода к начальному всеобучу подрастающего поколения. План охвата детей школьного возраста по республике на 1 января 1932 г. был выполнен на 80%, в том числе в городах – 88,5% и сельской местности – 79,2%.[4]

В 1932/33 учебном году дагестанская общеобразовательная школа в основном завершила переход к всеобщему обязательному на-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ соч. С. 110.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 440.

[3] Там же.

[4] Статистико-экономический справочник по ДАССР. Ростов н/Д. 1933. С. 240. 241.

чальному обучению подрастающего поколения. Из 152000 детей школьного возраста по данным на ноябрь 1932 г. обучением было охвачено 134000 человек или 88,2%.[1]

Этот результат во многом был достигнут волевыми решениями властных структур республики по выполнению директивных установок о введении начального всеобуча. Хотя ими в ходе осуществления школьно- образовательной политики на данном этапе продолжали активно использоваться административный нажим и произвол, противодействующим развитию новой образовательной системы, местное население в значительной части все больше начинает осознавать важность получения современного образования и постепенно включалось в школьное строительство.

Об успехах развития школьного образования в многонациональном регионе к концу первой пятилетки свидетельствуют данные нижеприводимой таблицы:

Таблица 5

Сеть школ всеобуча в Дагестане и учащихся в них

Учебные годы	Число школ всеобуча	Учащихся в них (в тыс.)
1929/30	464	40,3
1930/31	798	88.6
1931/32	929	116,3
1932/33	1198	134,5

Таким образом, число начальных школ увеличилось с 1929/30 по 1932/33 учебный год почти в 2,6 раза, а количество учащихся в них – более чем в 3 раза.[2]

Дагестанская общеобразовательная школа на этом этапе по преимуществу являлась начальной. Об этом свидетельствует анализ распределения учащихся по классам.

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 440.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 201.

Таблица 6

Распределение учащихся по классам (в тыс.)

Учебные годы	Всего	В I-IV класс		В V-VII класс	
		Всего	В т.ч. на селе	Всего	В т.ч. на селе
1927/28	33,1	26,5	21,5	1,4	0,8
1932/33	124	119,4	107,8	4,4	1,8[1]

Как явствует из этих данных, общее количество учащихся возросло в 3,7 раза, в том числе в начальных классах в 4,5 раза. В 1932/33 учебном году в 5–7 классах общеобразовательных школ республики обучалось 4,4 тыс. учащихся, из которых 1,8 тыс. в сельской местности. Иными словами, на данном этапе дагестанская общеобразовательная школа по преимуществу оставалась начальной.

Охватом детей школьного возраста начальной школой не ограничивалось решение проблемы всеобуча. Необходимо было сохранить весь контингент учащихся, обеспечить повышение учебно-воспитательного процесса. В этом плане в дагестанской общеобразовательной школе сохранялись серьезные трудности и нерешенные проблемы. В 1930/31 учебном году из школ республики отсеялось 7,2% учащихся, в 1931/32 учебном году – 17%, в 1932/33 учебном году – 13%.[2]

Такое положение объяснялось в значительной степени сохранением непонимания определенной частью дагестанцев получения современного образования подрастающим поколением, прежде всего горянками, трудностями материально-бытового порядка и неудовлетворительной постановкой учебно-воспитательного процесса в части общеобразовательных школ республики, в частности, в сельских.

В условиях, когда дагестанская общеобразовательная школа решила задачу перехода к всеобщему начальному обучению подрастающего поколения, исключительное значение приобретала задача расширения сети семилетних и средних школ, увеличение охвата ими детей, повышение качества учебно-воспитательного процесса.

[1] Школьное образование в Дагестане. Махачкала. 1968. С. 124.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 363; ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 1828. Л. 43; *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 202.

Меры по дальнейшему совершенствованию деятельности общеобразовательной школы были намечены в постановлениях ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

В 1932 г. дагестанская школа начала работать по новым учебным программам, предусматривающим более последовательное изучение учащимися основ наук. Для улучшения методического руководства школами, местными органами народного образования при Наркомпросе ДАССР был учрежден Методический совет.[1]

Решение задачи дальнейшего развития школьного образования в многонациональном регионе во многом зависело от увеличения его финансирования. Только за три года второй пятилетки (1933–1935) на развитие народного образования по бюджету республики было ассигновано около 67,7 млн. руб., т.е. на 25 млн. руб. больше, чем за все годы первой пятилетки.[2] Расходы по культурному строительству в расчете на одного жителя Дагестана по сравнению с 1931г. возросли на 8,6 рубля и достигли в 1933 г. 32,6 рубля.[3] Кроме бюджетных средств, на строительство школ и пристроек к ним широко привлекались материальные ресурсы, выделяемые промышленными предприятиями, колхозами, совхозами, общественностью.

В первом году второй пятилетки в Дагестане было развернуто строительство 396 различных объектов просвещения, из которых к концу года сдано в эксплуатацию 158.[4] Более 25% объектов было построено за счет прямого государственного финансирования.

Несмотря на это, участие населения в строительстве и ремонте школ, оборудовании их учебными принадлежностями играло значительную роль в развитии народного образования в республике. По далеко не полным данным за два года (1932–1933) население Дагестана вложило в строительство новых школьных помещений 2300 тыс. руб. Каждый из 40 районов республики ввел в строй несколько новых школ и других учреждений культурно-бытового назначения.[5]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 114.

[2] Школьное образование в Дагестане. С. 128.

[3] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 134.

[4] Там же. Д. 2187. Л. 39.

[5] Школьное образование в Дагестане. С. 129.

Активно велась эта работа в Ботлихском, Чародинском, Хасавюртовском, Буйнакском, Казбековском и других районах.

Усилению активности городов и районов многонационального региона в дальнейшем развитии общеобразовательной школы способствовало и внимание властных структур к данной проблеме. Так, только в 1935 г. на заседании СНК ДАССР были заслушаны отчеты 9 председателей районных Советов депутатов трудящихся о ходе школьного строительства.10 августа 1935 г. на заседании бюро Дагестанского обкома партии были заслушаны доклады секретарей Кизлярского, Коркмаскалинского, Касумкентского, Хунзахского и Ахтынского райкомов партии о ходе подготовки школ к новому учебному году.[1] По итогам обсуждения отчетов были приняты решения, обязывающие местные партийные, советские организации использовать ресурсы и возможности колхозов, совхозов в строительстве и ремонте объектов народного образования.

По инициативе органов власти в Дагестане все активнее разворачивалось межрайонное и внутрирайонное соревнования по строительству, своевременно подготовке школ к началу учебного года. Хотя активность населения в них возрастала, широко использовался и административный ресурс в развертывании социалистического соревнования.

В 1935 г. по решению ДагЦИКа городские и сельские Советы республики включились во Всесоюзный конкурс- соревнование за лучшую организацию помощи школе. Всего по неполным данным в конкурсе участвовали 374 сельсовета Дагестана.

В ходе конкурса во многих сельских районах активизировалась работа по укреплению материальной базы общеобразовательной школы, вовлечением в нее широкой общественности. Так, в Ботлихском районе полностью было завершено строительство 8 школ, отремонтированы все школы, учителя и школы обеспечены топливом. В Капчугайском сельсовете Кумторкалинского района завершен капитальный ремонт школы, пристроено 2 новых класса, при школе создана библиотека, для подсобного хозяйства школы приобретено 30 баранов. Всего в 1935 г. в Дагестане, вместо запланированных 120, было построено и введено в эксплуатацию 205 школ.

[1] ЦГА РД. Ф. р-585. Оп. 1. Д. 18. Л. 106.

Однако и во второй половине 30-х годов сохранялись значительные трудности и нерешенные проблемы в школьном строительстве. В республике из-за слабости строительной индустрии планы строительства и ремонта школьных помещений зачастую не выполнялись в установленные сроки, значителен был процент долгостроя. Так, к началу 1939/40 учебного года в республике было построено и сдано в эксплуатацию всего 12 школ, из них 3 в городах и 9 в сельских районах с общим количеством 3480 ученических мест при плане 39 школ.[1]

Несмотря на определенные позитивные изменения и результаты, материальная база к концу 30-х годов оставалась одной из самых слабых звеньев школьного образования в республике.

Новые ответственные задачи, вставшие перед общеобразовательной школой республики, обусловили усиление потребности национальной школы в стабильных учебниках на письменных языках народов Дагестана, на которых велось преподавание учебных дисциплин. Бюро Дагестанского обкома партии в постановлении от 13 апреля 1933 г. «Об издании стабильных учебников для начальных школ коренных народностей ДАССР и обеспечении стабильными учебниками всех школ I ступени, ФЗС и ШКМ ДАССР» определило конкретные мероприятия по составлению качественных стабильных учебников на дагестанских языках, ускорению их издания и удовлетворению потребностей школ республики. Была создана специальная комиссия для проверки переводимых и издаваемых книг.[2]

Для составления учебников на дагестанских языках привлекались наиболее подготовленные представители национальной интеллигенции: Р. Нуров, С. Абдуллаев, М. Чаринов, А. Батырмурзаев, М. Гаджиев, Т. Шалбузов, М.С. Саидов и др.

В 1933 г. на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, ногайском и табасаранском языках было издано 116 названий учебников, общий тираж которых насчитывал более 470 тыс. экз.[3] Всего за 1933–1935 гг. на 9 языках народов Дагестана было издано 373 учебника общим тиражом 1580тыс. экз.[4] В последующие годы в

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 62-63.

[2] *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959. С. 78.

[3] ЦГА РД Ф. 1 п. Оп. 14. Д. 447. Л. 55.

[4] Дагестанская правда. 1935, 23 июня.

связи с ростом запросов общеобразовательной школы издание учебников, учебно-методических и учебно-наглядных пособий на дагестанских языках неуклонно возрастало.

Однако в связи с переводом письменности народов Дагестана на русскую графическую основу в 1938 г. возникли серьезные трудности в переиздании и удовлетворении потребностей дагестанской национальной школы в новой учебной и учебно-методической литературе. В постановлении СНК ДАССР от 8 февраля 1938 г. «О мероприятиях по переводу на новый алфавит», учитывая, что преподавание во всех классах начальных, неполных средних, средних школ и в школах взрослых полностью переводилось с начала 1938/1939 учебного года на новый алфавит, перед полиграфистами была поставлена задача «закончить издание стабильных учебников для начальных, неполных средних и средних школ на аварском, кумыкском, лакском, даргинском, ногайском, лезгинском, татском и табасаранском языках не позднее 1 июля 1938 г.».[1]

Из-за слабости полиграфической базы типографий республики план пересоставления и издания учебников на языках народов Дагестана к намеченному сроку не был выполнен. К началу 1938/1939 учебного года план издания учебной литературы был выполнен на 26,6%.[2]

Нерешенность проблемы удовлетворения запросов и потребностей дагестанской национальной школы в учебной литературе негативно влияло на организации работы и уровне подготовки выпускников особенно сельских общеобразовательных школ республики.

До изменения организационной структуры общеобразовательной школы в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. (начальная школа 1–4 кл.; неполная средняя школа 1–7 кл.; средняя школа 1–10 кл.) некоторое развитие получили в Дагестане фабрично-заводские семилетки (города, рабочие поселки) и школы крестьянской с 1930 г. – колхозной молодежи (село).

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб.: документов. Т. 1. С. 547.

[2] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 2. Д. 3а. Л. 2.

В 1931/1932 учебном году в республике насчитывалось 30 фабрично-заводских семилеток (ФЗС) и школ крестьянской (колхозной молодежи) (ШКМ), в которых обучалось 5209 учащихся.

Функционирование сети фабрично-заводских школ и школ крестьянской молодежи связывалось с осуществлением политехнизации школы. ФЗС и ШКМ имели связь с промышленными предприятиями, колхозами, где учащиеся могли приобрести необходимые навыки в области промышленного и сельскохозяйственного производства. Будучи школами повышенного типа, ФЗС и ШКМ открывали молодежи возможности продолжить образование в специальных средних и высших учебных заведениях. С другой стороны, наличие определенных производственных навыков позволяло использовать выпускников этих школ на практической работе.[1]

В 1932 г. соотношение начальной и повышенной школ (ШКМ И ФЗС) в республике составляла 26 к одному.[2] В одиннадцати районах Дагестана таких школ совсем не было, а в таких районах как Ботлихский, Табасаранский в школах повышенного типа обучалось не более 40–65 человек.[3]

Это создавало серьезные трудности для продолжения образования дагестанской молодежью в высших и средних специальных учебных заведениях, удовлетворения быстрорастущих запросов отраслей материального производства и социально-культурной сферы в квалифицированных кадрах.

В годы второй пятилетки властные структуры, органы народного образования многонационального региона усилили внимание к расширению сети семилетних и полных средних школ. Они, как правило, открывались на базе начальных школ в городах и крупных сельских населенных пунктах. К началу 1937/38 учебного года в республике насчитывалось 255 семилетних и 27 полных средних школ. В семилетних и средних школах контингент учащихся составлял 102,9 тыс. человек, из которых 24,9 тыс. человек в городах и 78,0 тыс. человек в сельской местности.[4]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 116.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб.: документов. Т. 1. С. 443.

[3] Статистико-экономический справочник по ДАССР. С. 236–237.

[4] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. Махачкала. 1960. С. 119–121.

Несмотря на эти позитивные изменения и результаты, темпы развития полных средних школ в республике к концу второй пятилетки оставались недостаточными. Особенно мало было средних школ в дагестанском селе. К началу 1937/38 учебного года в сельской местности республики имелось 12 средних школ с контингентом 6,6 тыс. учащихся.[1] Иными словами, к этому времени полное среднее образование было недоступно основной массе сельской молодежи.

Серьезной проблемой в дагестанском селе оставался охват старшими классами общеобразовательных школ девочек-горянок. В 1937/39 учебном году в 5–10 классах сельских школ Наркомпроса республики обучалось 6640 девочек или 28,9% от общей численности учащихся.[2]

Сказывалось противодействие и прямой запрет определенной частью дагестанцев на продолжение образования и получение семилетнего и среднего образования девочками-горянками. Эти настроения в дагестанском обществе сохранялись и в последующие годы, что негативно отражалось на усилиях властных структур, общественных формирований республики по обеспечению равноправного участия горянок в развитии народного хозяйства и социально-культурной и общественно-политической жизни.

В мирные годы третьей пятилетки семилетнее и среднее образование в Дагестане получило дальнейшее развитие. К началу 1940/41 учебного года в республике насчитывалось 425 семилетних и 71 средняя школа, контингент обучающихся , в которых соответственно равнялся 115,0 и 42,5 тыс. человек.[3] Число семилетних и средних школ в республике увеличилось в 1,7 раза, а численность учащихся в 1,4 раза.

Особое значение в плане модернизации традиционной культуры дагестанских народов и приобщении их к современной культуре имели позитивные результаты, достигнутые в увеличении числа семилетних и средних школ, охвате ими детей школьного возраста в сельской местности республики. К началу 1940/41 учебного года в дагестанском селе насчитывалось 399 семилетних и 50 средних школ с

[1] Там же.
[2] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 1. Д. 85 в. Л. 10.
[3] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. С. 119.

общей численностью учащихся 126,5 тыс. человек, что в 1,6 раза больше по сравнению с 1937/38 учебным годом.[1]

Несмотря на такие высокие темпы развития семилетнего и среднего образования в сельской местности республики, оно по этому показателю к началу Великой Отечественной войны продолжало отставать от города. В целом, республика к этому времени не успела завершить переход к семилетнему всеобщему обучению подрастающего поколения, что негативно отражалось на повышении образовательного уровня населения, подготовке и удовлетворении потребностей материального производства и социально-культурной сферы многонационального региона в специалистах высшей и средней квалификации.

Параллельно с изданием стабильных учебников и мерами по удовлетворению запросов общеобразовательных школ в них властные структуры Дагестана развернули большую работу по повышению качества учебно-воспитательного процесса. Этому способствовало введение с 1933 г. в школах проверочных испытаний, установление единых (с учетом местных особенностей и условий) сроков окончания учебного года.[2]

Дальнейшему совершенствованию работы общеобразовательной школы способствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. «О порядке введения персональных званий учителей и назначении учителей, заведующих и директоров школ». В соответствии с этим постановлением в республике в 1936–1937 гг. была проведена аттестация учителей. Было создано 5 аттестационных комиссий, в состав которых входили руководящие работники Наркомпроса ДАССР, лучшие директора школ, заведующие отделами народного образования.

В ходе аттестации школы очищались от учителей не соответствующих своему назначению. Прошедшим аттестацию присваивалось соответствующее персональное звание учителя. Аттестация значительно подняла авторитет учителя, вместе с тем она увеличила требо-

[1] Там же. С. 121.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 206.

вательность к повышению специального образования учителя, его идейно-политического уровня.[1]

По итогам аттестации в республике по непригодности к педагогической работе были освобождены 766 человек и сняты Наркомпросом в 1937/38 учебном году по разным причинам 137 учителей. 1000 учителей средних и неполных средних и 1674 учителя начальных школ были допущены к педагогической работе с обязательством повысить квалификацию путем заочного обучения в педагогических училищах и институтах к 1939, 1940 и 1941 гг.[2]

В октябре 1938 г. приказом Наркомпроса РСФСР Институты повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО) были преобразованы в Институты усовершенствования учителей (ИУУ). Работа по заочной подготовке учителей была передана в ведение Дагестанского педагогического института и педучилищ, а Дагестанский ИУУ сосредоточил все свое внимание на вопросах повышения теоретического, методического и идейно-политического уровня учителей начальных, семилетних и средних школ, преподавателей педагогических училищ и школьных инспекторов. В порядке осуществления этих задач ИУУ проводил семинары, практикумы, педагогические чтения, лекции и доклады для учителей.[3]

В 1939/40 учебном году в 6 заочных отделениях и 3 филиалах педучилищ республики обучалось более 2 тыс. учителей. Для них во всех районах были организованы консультационные пункты для оказания учебно – методической помощи. Всего после аттестации (к 1940г.) заочные отделения педучилищ Дагестана окончили 436 человек, в основном учителя общеобразовательных школ.[4]

Такая целенаправленная работа позволила заметно увеличить численность учителей общеобразовательных школ. В начале 1940/41 учебного года в школах республики насчитывалось 7347 учителей, что на 6137 человек превышал показатель 1927/28 учебного года и на 1599 человек показатель 1937/38 учебного года.[5]

---

[1] Школьное образование в Дагестане. С. 136.
[2] Дагестанская правда. 1938. 21 августа.
[3] Школьное образование в Дагестане. С. 137.
[4] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 84.
[5] Советский Дагестан за 40 лет.: Стат. сборник. С. 119.

Сокращалась численность учителей без специального педагогического образования. Однако к концу 30-х годов в общеобразовательные школы республики все еще продолжали испытывать острую нехватку учителей с законченным специальным педагогическим образованием. Так, в 1939/40 учебном году 11% учителей школ Дагестана имели высшее образование, 45,8% среднее образование, а 43,2% были без законченного среднего образования.[1]

Нехватка подготовленных педагогических кадров являлась одной из важных факторов неудовлетворительной работы педагогических коллективов многих школ, особенно сельских, негативно влияла на качество подготовки выпускников школ республики.

Другой острой проблемой школьного образования Дагестана во второй и мирных годах третьей пятилетки оставалось невыполнение Закона всеобщего обучения детей школьного возраста и отсев учащихся из школ. Так, в 1938/39 учебном году вне школ республики осталось около 8 тыс. детей школьного возраста и 11 тыс. учащихся отсеялось в течение учебного года.[2]

Властные структуры республики осознавали необходимость выполнения закона о всеобуче. В решениях обкома партии и Совета Народных Комиссаров Дагестана отмечалась важность полного охвата и недопущения отсева учащихся. Так, в постановлении СНК республики от 2 декабря 1939 г. «О состоянии всеобуча в республике» были проанализированы трудности и нерешенные проблемы всеобуча. В принятом решении Наркопрос обязывался: «Принять решительные меры к устранению отмеченных недостатков, командировать работников Наркомпроса в отстающие районы для оказания практической помощи в обеспечении полного охвата детей школами и создании нормальных условий для работы учителей».[3]

Несмотря на это и другие меры властных структур, усилия Наркомпроса республики, острота проблемы всеобуча в многонациональном регионе снижалась медленно. Сказывался неудовлетворительный жизненный уровень многих дагестанских семей, слабая работа части школ по выполнению Закона о всеобуче. В 1939/40 учеб-

---

[1] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 20. Д. 153. Л. 10.
[2] Там же. Оп. 18. Д. 94. Л. 72.
[3] Там же. Л. 118.

ном году неохваченными обучением в школах оставалось по республике более 7 тыс. детей школьного возраста. Особенно плохо обстояло дело со всеобучем в Бабаюртовском районе, где было недоохвачено школой 481 человек. В Докузпаринском районе недоохват составил 533 человек.[1]

В 30-е годы были предприняты меры по усилению роли русского языка в развитии дагестанской общеобразовательной школы. Еще на июльском (1930 г.) пленуме Дагобкома ВКП(б) отмечалось, что общие задачи социалистического строительства в республике диктуют уделять больше внимания преподаванию русского языка в школах. Русский язык вводился как учебный предмет со второго года обучения. Наркомпросу предлагалось провести ряд мероприятий по улучшению преподавания русского языка в школах, обеспечить их программами, учебными пособиями, методической помощью и педагогическими кадрами.[2]

Возрастание роли русского языка в дагестанской национальной школе было нацелено на обеспечение преемственности в обучении подрастающего поколения в школах I ступени и повышенной школе, возможность успешного овладения ее выпускниками учебного материала высших и средних специальных учебных заведений. Это интенсифицировало и процесс освоения дагестанской молодежью новых духовных ценностей. Принижение роли и значения родных языков в приобщении подрастающего поколения к грамоте, знаниям преследовала и цель отрыва дагестанцев от традиционных духовных ценностей, уклада их жизни и приобщения горцев к новым формам хозяйственной деятельности.

В 1938 г. письменность народов Дагестана с латинской была переведена на русскую графическую основу. Эта мера оказала огромное влияние на духовное развитие дагестанских народов, в том числе и на деятельность общеобразовательной школы республики. В постановлении Дагестанского обкома партии от 4 февраля 1938 г. «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит» указывалось: «Введение нового алфавита на русской

[1] Там же. Л. 145.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX - 30-е годы XXв.). Махачкала. 2008. С. 213.

основе явится могучим средством дальнейшего политического и культурного подъема трудящихся масс Дагестанской АССР и наиболее быстрого и полного овладения ими всеми завоеваниями социалистической культуры народов Советского Союза, еще более усилит неразрывный союз трудящихся Дагестана с русским и другими народами, входящими в братскую семью советских народов».[1]

Начиная с 1938 г. переход на новый алфавит был осуществлен повсеместно. За короткое время на основе нового алфавита были составлены своды орфографических правил по аварскому, даргинскому, кумыкскому, лезгинскому, табасаранскому, лакскому, ногайскому языкам, созданы программы и учебники по этим языкам, организованы специальные курсы для учителей родных языков по изучению нового алфавита.[2]

В 1937/38 учебном году, по данным 36 районов республики, из имеющихся 950 начальных школ, русский язык преподавался лишь в 230. В 1936 г. в неполных средних школах горных районов было 105 учителей русского языка, а в 1937 г. их осталось 78 человек. 27 учителей вынуждены были выехать из районов из-за отсутствия элементарных материально-бытовых условий для проживания и организации полноценного учебно-воспитательного процесса.[3]. В виду этого преподавание русского языка во многих школах республики приходилось поручать лицам, не имеющим соответствующей подготовки.

Несмотря на эти серьезные трудности и нерешенные проблемы в преподавании русского языка в школах республики, во исполнение директивных установок с 1938/39 учебного года преподавание в 5-10 классах общеобразовательных школ многонационального региона было переведено на русский язык, а родной язык и родная литература в этих классах сохранялись как учебные предметы. Было заметно увеличено и количество часов русского языка в нерусской начальной школе.

Дагестанская общеобразовательная школа стала руководствоваться новыми учебными планами нерусской городской и сельской начальной школы РСФСР на 1938/39 учебный год.

[1] Дагестанская правда. 1938. 5 февраля.

[2] Школьное образование в Дагестане. С. 144.

[3] Дагестанская правда. 1938. 21 марта.

Учебный план нерусской городской школы РСФСР на 1938/39 учебный год

№№ п/п	Учебные предметы	Классы			
		I	II	III	IV
1	Родной язык	10	6	4	4
2	Чистописание	2	1	-	-
3	Русский язык	-	5	5	5
4	Арифметика	5	5	5	5
5	Естествознание	-	-	1/2	2
6	История	-	-	1	2
7	География	-	-	2/1	2
8	Рисование	1	1	1,2	1,2
9	Пение	1	1	1,2	1,2
10	Физкультура	1	1	1,2	1
Итого	Итого	20	20	20	22

Учебный план нерусской сельской школы РСФСР на 1938/39 учебный год

№№ п/п	Учебные предметы	Классы			
		I	II	III	IV
1	Родной язык	12	8	5	4
2	Чистописание	2	1	-	-
3	Русский язык	-	6	6	6
4	Арифметика	7	6	6	6
5	Естествознание	-	-	1/2	3
6	История	-	-	1	2
7	География	-	-	2/1	3
8	Рисование	1	1	1/2	1/2
9	Пение	1	1	1/2	1/2
10	Физкультура	1	1	1	1
Итого	Итого	24	24	24	26[1]

Как явствует из учебных планов, было усилено внимание преподаванию русского языка в начальной школе. Изучение его стало обязательным со второго года обучения.

[1] Школьное образование в Дагестане. С. 145–146

Усиление роли русского языка в развитии дагестанской школы потребовало активизации внимания к подготовке и удовлетворению его потребностей в учителях русского языка. К началу 1938/39 учебного года, на организованных Наркомпросом краткосрочных курсах, было подготовлено и переподготовлено для школ республики 606 учителей русского языка.[1] В начальные школы было направлено 389 учителей русского языка.[2]

Так как педагогические учебные заведения Дагестана еще не могли удовлетворить потребности школ в преподавателях русского языка, были приняты меры по увеличению притока таких преподавателей из-за пределов республики. Только в 1940 г. в школы Дагестана было направлено свыше 320 преподавателей русского языка для начальных классов.[3]

Такая работа позволила заметно улучшить преподавание русского языка в школах. В 1938/39 учебном году русский язык преподавался в 506 начальных школах Дагестана, тогда как в предыдущем году только в 112.[4] В 1939/40 учебном году русский язык уже преподавался в 788 начальных школах республики.[5]

Несмотря на эти важные результаты, партийные и советские органы республики не сумели к концу 30-х годов в полном объеме решить задачу полного удовлетворения потребности дагестанской общеобразовательной школы в преподавателях русского языка. К началу 1940/41 учебного года в 167 школах республики русский язык вовсе не преподавался. Для работы в начальных классах не хватало 74 учителя русского языка, не хватало также 245 учителей – предметников.[6]

Наиболее остро проблема преподавания русского языка стояла в сельских школах Дагестана. В 1939/40 учебном году в школах Буйнакского района не хватало 5 учителей русского языка. В Рутульском районе из-за отсутствия учителей в 5 школах не преподавался рус-

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 85.
[2] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 2. Д. 3а в. Л. 2.
[3] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 119.
[4] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 2. Д. 3а. Л. 1.
[5] Дагестанская правда. 1939, 30 декабря.
[6] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 21. Д. 67. Л. 16.

ский язык.[1] Не лучше обстояло дело с преподаванием русского языка и в некоторых других сельских школах республики.

Трудности в удовлетворении потребностей общеобразовательных школ в учителях русского языка и низкое качество его преподавания негативно сказывались на постановке и уровне учебно-воспитательного процесса во многих педагогических коллективах. В школах высокой оставалось второгодничество. Так, по итогам 1939/40 учебного года 20% учащихся общеобразовательных школ республики были оставлены на повторный год обучения.[2]

В улучшении преподавания русского языка в школе, естественно, огромную роль играли русские учителя, самоотверженно трудившиеся на ниве просвещения народов республики. Плодотворно трудились в школах преподаватели Миловидова (Туралинская школа), Максименко (Гунибская школа), Пахомова (г. Дербент), Лобанов (Ахтынская средняя школа), Салимгереев (г. Хасавюрт) и др.[3]

В целом число общеобразовательных школ в республике в анализируемое десятилетие и охват ими детей неуклонно возрастали. Школа стала неотъемлемой частью духовной жизни дагестанских народов, важным звеном их приобщения к знаниям, повышения образовательного и культурного уровня.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] Там же. Оп. 20. Д. 153. Л. 11.
[2] Там же. Оп. 19. Д. 136. Л. 14.
[3] Дагестанская правда. 1938, 21 августа.

Таблица 7

Общеобразовательные школы (на начало учебного года)

	1927/28 г.			1937/38 г.			1940/41 г.		
	Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.	
		село	город		село	город		село	город
Число школ	420	378	42	1269	1202	67	1329	1246	83
в т.ч. начальных	398	371	27	987	955	32	828	796	32
семилетних	16	5	11	255	235	20	425	399	26
средних	6	2	4	27	12	15	71	50	21
прочих	-	-	-	-	-	-	5	1	4
Численность учащихся (тыс. чел.)	33,1	22,5	10,6	178,1	147,3	30,8	14,3	179,2	35,1
в т.ч. в начальных школах	26,5	21,5	5,0	75,3	69,3	6,0	52,6	48,8	3,8
в семилетних школах	5,8	0,8	5,0	83,0	71,4	11,6	115,0	100,9	14,1
в средних школах	0,8	0,2	0,6	19,8	6,6	13,2	42,5	25,6	16,9
в прочих школах	-	-	-	-	-	-	4,2	3,8	0,3[1]

Таким образом, сеть начальных школ в республике за годы предвоенных пятилеток увеличилось в 2,08 раза, семилетних в 26,2 раза, средних в 11.8 раза. Численность учащихся в отмеченных типах школ соответственно возросло в 1,9; 19,8 и 53,1 раза. При этом темпы развития повышенных школ и охват ими детей школьного возраста в дагестанском селе были выше, чем в городе.

Коммунистическая партия и Советское государство в анализируемый период усилили внимание к приобщению широких слоев взрослого населения к грамоте, образованию. В постановлении от 17 мая 1929 г. «О работе по ликвидации неграмотности» ЦК ВКП(б)

[1] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. С. 119, 120, 121.

признал «необходимым коренным образом перестроить всю систему работы на основе результатов накопленного опыта и добиться планомерной организации всей работы по ликвидации неграмотности на основе единого плана, объединения сил и средств и широкой самодеятельности всей организации, принимающих участие в ликвидации неграмотности».[1]

К началу 30-х годов Дагестан был еще далек от решения проблемы неграмотности взрослого населения. К осени 1931 г. более 66% населения республики оставалось неграмотным.[2]

Учитывая остроту приобщения взрослого населения к грамоте, партийно-государственное руководство Дагестана в октябре 1931 г. приняло решение о проведении культсанпохода – массового мероприятия по скорейшему преодолению неграмотности и культурной отсталости населения. Работу по ликвидации неграмотности населения в республике предполагалось завершить к 15-й годовщине Октябрьской революции.

Для общего руководства культсанпоходом был создан Центральный штаб, в который входили работники образования, представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, а в районах – райштабы. Районы разбивались на участки, к которым прикреплялись члены райштаба. Вопросы, связанные с проведением культсанпохода обсуждались на широких сельских сходах, комсомольских, профсоюзных, женских собраниях, а также на специальных районных и городских слетах.[3] В далеком Чародинском районе, например, только в 1932 г. были проведены пленумы 12 сельских советов, две районконференции колхозников, съезд горянок и ряд других пленумов и совещаний, посвященных культсанштурму.[4]

В проведении кульсанпохода большую помощь оказали Дагестану соседние республики, края и области Северного Кавказа. Они направляли в республику педагогов, медицинских работников, оказывали материально-финансовую и другую поддержку. На постоянную работу в органах образования и здравоохранения Дагестана прибыли 246 человек. Кроме того, для передачи опыта работы Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Адыгея, Чечня, Карачаево-Черкесия прислали в республику 155 человек. Ростовский горсовет ассигновал на культурное строительство в Дагестане 300 тыс. руб., направил две бригады культармейцев, выделил 5200 учебников и методических пособий, 272 комплекта одежды и обуви для детей бедноты и красных партизан и, сверх того, разной одежды на 20600 руб.[1]

Посланцы братских республик, краев и областей много и упорно трудились над просвещением горцев, заслужили их признательность и уважение. Так, в начале 30-х годов в высокогорном Чародинском районе широко было известно имя неутолимого энтузиаста культсанпохода, студента Ростовского индустриально-педагогического института Матвея Селезнева.

Селезнев возглавлял бригаду кульармейцев и за короткий срок добился больших успехов в организации обучения взрослого населения. И таких энтузиастов было много среди приезжих культармейцев.[2]

Хорошо о бескорыстной помощи тружеников Северо-Кавказского края республике сказал делегат XII Дагестанской областной партконференции Маштава: «Я видел беспартийных рабочих, агрономов, учителей и врачей, которые приезжают в самые далекие аулы для того, чтобы передать опыт и, приезжая из такого города, как Ростов, они не затрудняются, не колеблются перед проведением тех или иных мероприятий, они не страшатся тех диких бытовых условий, которые имеются в глухих аулах. Я видел тружеников из Краснодара и других областей, которые передают нам чрезвычайно ценный опыт».[3]

Учительство Дагестана, студенты, учащиеся средних специальных учебных заведений, учащиеся общеобразовательных школ, да и просто грамотные дагестанцы включились в работу по проведению культсанпохода. Десятки и сотни горцев объявили себя «ударниками

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 4. С. 267.

[2] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 266. Л. 5.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 217.

[4] *Исмаилов А.Р.* Советы Дагестана в борьбе за социализм. Махачкала. 1972. С. 95.

[1] История Дагестана в 4-х т. т. 3. С. 247.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 218.

[3] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2297. Л. 99–100.

ликбеза». Едва научившись грамоте, садились за учительский стол. Так, бедняк из сел. Сода Чародинского района Магомед Муртазалиев, научившись грамоте, стал обучать других, работая безвозмездно. Сагибат Махачева, член Ирибского сельсовета, одной из первых овладела грамотой, добилась объявления трех женских ликпунктов своего села ударными и провела набор девушек-горянок в Хунзахский педкомбинат. Билал Магомедов из того же района, окончив месячные курсы работников ликбеза, стал обучать в двух ликпунктах 60 человек, добился перевода в школу малограмотных 50 из них, а полученную за все время работы зарплату сдал в «железный фонд культсанпохода».

Активное участие в проведении культсанпохода принимали комсомольские организации. Комсомольцы занимались оборудованием ликпунктов и школ малограмотных, обучали взрослых сами и вовлекали в работу по ликвидации неграмотности и обучению малограмотных несоюзную молодежь. Уже на первом этапе кульсанпохода комсомол Дагестана выделил из своих рядов 3662 культармейца, обучил своими силами 53721 человека, собрал в фонд культсанпохода более 35 тыс. руб., открыл 145 детских комнат. За ударную работу в проведении культсанпохода было премировано 75 комсомольцев.[1]

Такая масштабная компания потребовало значительных материальных затрат. Властными структурами республики была проведена большая работа по мобилизации материальных ресурсов населения для дальнейшего развертывания работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. На первом этапе культсанштурма по районам было собрано 375000 руб. и поступило в центральный штаб 360000 руб. В борьбе за успех культсанштурма население шло на большие материальные вложения: в Чародинском районе население дало 20000 руб., 185 голов крупного рогатого скота, 150 овец, 110 кг мяса; в Казбековском районе было собрано 4500 руб., 36 баранов, 24 головы крупного рогатого скота. 120 пудов картофеля и т.д.[2]

При сборе средств на ликвидацию неграмотности во многих районах и сельских населенных пунктах в виду непонимания определенной частью населения важности дальнейшего развития этой работы

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 135.
[2] Революция и национальности. 1932. № 10-11. С. 103.

властные структуры вынуждены были использовать меры административного принуждения и запугивания.

Часть населения, прежде всего сельского недопонимало важность обучения взрослых. Это в первую очередь относилось к горянке. Многие мужчины крайне отрицательно относились к обучению горянок грамоте, вовлечению их в школы малограмотных, считая уделом женщины домашнее хозяйство и воспитание детей. Нередки были случаи распространения порочащих активисток культсанпохода слухов и прямая физическая расправа с ними.

Трудности в развертывании работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения усугублялось острой нехваткой подготовленных педагогических кадров, учебников, учебно-наглядных пособий. Так, по плану культсанштурма предполагалось к работе по ликвидации неграмотности и малограмотности в городах и районах республики привлечь около 20 тыс. ликвидаторов. По данным же на февраль 1932 г. в этой работе участвовало около 7 тыс. культармейцев.[1] Ликпункты и школы малограмотных в городах и районах не получали в достаточном количестве буквари и книги для чтения. В 1931 г. для школ малограмотных была издана первая часть переводной книги для чтения. В 1932 г. она была переиздана. Общий тираж книги составил 63,5 тыс. экз.[2]

Сказанное негативно отражалось на темпах работы по ликвидации неграмотности и малограмотности сред взрослого населения. В 1931–1932 гг. в ликпунктах республики было обучено грамоте 224210 (66,08% от плана) человек и школах малограмотных 79034 (39,5%) человек.[3] В связи с этим грамотность населения Дагестана в возрасте 17–45 лет поднялась до 74%, тогда как к началу культсанпохода составляла 34%.[4]

Несмотря на эти благоприятные результаты в приобщении взрослого населения к грамоте, знаниям, задача ликвидации неграмотности и малограмотности в республике в 1932 г. не была выполнена. При этом следует отметить, что эта работа проводилась компанейски, на-

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 1405. Л. 10.
[2] Там же. Д. 2187. Л. 38.
[3] Там же. Л. 1.
[4] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб.: документов. Т. 1. С. 446.

выки письма и чтения не подкреплялись последующей кропотливой работой педагогов, часть обученных забывали грамоту и становились опять неграмотными.

С 1933 г. в республике происходит заметное сокращение сети ликпунктов, но соответственно растет сеть школ малограмотных. В том году в школах малограмотных обучалось более 122 тыс. взрослых дагестанцев. Был принят ряд мер по улучшению работы этих школ, совершенствованию их учебных программ. Были увеличены сроки обучения, установлен твердый учебный год.

Вместо трехмесячного ликпункта, создается трехгодичная школа взрослых с программой начальной школы. Издаются стабильные учебники для школ взрослых на семи дагестанских языках. Так, в 1934 г. школы взрослых получили 77 названий учебников, книг для чтения и др. общим тиражом 377730 экземпляров.

В 1934/35 учебном году для обучающихся в школах взрослых были введены обязательные проверочные испытания. Уже в том учебном году проверочные испытания прошли более 153,6 тыс. учащихся школ взрослых.[1]

Эти меры призваны были повысить качество обучения взрослых. Однако в первые годы второй пятилетки властные структуры республики ослабили внимание к работе по ликвидации неграмотности и малограмотности. Планы охвата взрослого населения обучением не выполнялись, а часть вовлеченных, не завершив обучение, бросали школу. Так, в 1933/34 учебном году план обучения неграмотных в Кайтагском районе был выполнен на 40%, в Курахском на 24%. Процент второгодников в Кайтагском районе составил 54,2, Махачкалинском 50,4, Касумкентском районе – 34,5 и т.д.[2] В целом по республике в 1933 г. было обучено 40138 неграмотных (40% от охвата) и 55933 малограмотных (45,8% от охвата).[3]

Во многих районах и сельских населенных пунктах вместо умелой организации массово-разъяснительной работы по вовлечению в школы обучения взрослых зачастую принимались меры администра-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 221.

[2] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 14. Д. 54а. Л. 39.

[3] Там же. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 3481. Л. 13.

тивного воздействия. Так, в сел. Чаяхи, Кунди Лакского района, сел. Доргели и Нижний Дженгутай Буйнакского района на граждан, не посещающих ликпункты и школы малограмотных, налагались штрафы и другие меры по решениям сельских общественных судов.[1]

Активизация работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения способствовали меры, намеченные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 января 1936 г. «О работе по обучению неграмотных и малограмотных».[2] В этом постановлении Совет Народных Комиссаров и ЦК партии, отметив недопустимость недооценки обучения взрослого населения грамоте, указали, что завершение ликвидации неграмотности и организация обучения малограмотных является одной из приоритетных задач партийных и советских органов, Наркопроса и его структурных подразделений в области культурного строительства.

Обком партии, СНК, Наркомпрос республики усилили внимание к ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. При Наркомпросе было создано Управление по образованию взрослых, при райгор/исполкамах и сельсоветах секции по ликвидации неграмотности. Было увеличено финансирование обучения взрослых. Так, если в 1935/36 учебном году было израсходовано на эти цели 1436200 руб., то на 1936/37 учебный год было ассигновано уже 5571400 руб.[3]

Эти меры благоприятно отразились на усилении темпов работы по обучению взрослого населения грамоте в городах и рабочих поселках республики. На фабрике им. III Интернационала, бондарном заводе г. Махачкалы, Хасавюртовском консервном заводе, других предприятиях использовались дополнительные стимулы для работников, посещающих кружки всеобуча. Вместо краткосрочных курсов открывались школы грамоты, дававшие знания за первые два класса, и школы повышенного типа, проводившие обучение в объеме полного курса начальной школы. В Махачкале в 1938 г. было 3 школы повышенного типа, в которых обучалось 190 человек и 18 вечерних

[1] Дагестанская правда. 1936. 10 апреля.

[2] Там же. 28 февраля.

[3] *Исмаилов А.Р.* Ликвидация неграмотности в Дагестане. С. 77.

школ. На 1 января 1939г. число учащихся в рабфаках и в средних школах для взрослых составило 5,8 тыс. человек.

Для выявления неграмотных и малограмотных специальные уполномоченные проводили обследования на предприятиях, строительных организациях городов. Так, в результате одного из рейдов, проведенного в феврале 1938 г. в Махачкале, было выявлено 1797 неграмотных и 3997 малограмотных, не охваченных обучением. Активная работа общественников, агитация на производстве вовлекали в школы 890 неграмотных и 1675 малограмотных.[1]

Ситуация во многих сельских районах была значительно хуже. В 1936г. в Шелковском районе насчитывалось 1320 неграмотных, школы же посещали только 172 человека. Из 160 малограмотных обучалось 88 человек. В Ачикулакском районе из 1354 неграмотных обучалось всего 406 человек. Из 1700 малограмотных школами было охвачено 324 человека. В целом же по республике план охвата обучением неграмотных был выполнен на 68,6% и малограмотных – на 74,5%.[2]

Наркомпрос республики развернул большую работу по обеспечению благоприятных условий для работы школ взрослых на новом алфавите. Были отпечатаны таблицы нового алфавита на 9 языках и разосланы по районам. Разработаны и разосланы уроки для районных газет на новом алфавите с методическими указаниями. Подготовлены и утверждены к изданию буквари на новом алфавите и т.д.[3]

При активной поддержке властных структур органы народного образования, учителя республики развернули работу по изучению нового алфавита в школах взрослых. В Казбековском районе новый аварский алфавит изучался в 50 кружках, в которых обучался 961 человек.[4] В Агульском районе в помощь населению по изучению нового алфавита было создано 10 консультационных пунктов. Выделены и подготовлены руководители кружков.[5]

В Ахтынском районе после проведенной агитационно-массовой работы по вопросу перехода на новый алфавит в сельских населенных пунктах начали организовываться кружки по изучению нового лезгинского алфавита на русской основе. Между школами и кружками грамоты района было развернуто соревнование на лучшее изучение и освоение нового алфавита. Так, ахтынская школа соревновалась с хрюгской, зрыхский кружок грамоты с ялахским и т.д.[1]

Однако в республике было немало примеров, когда в школах для взрослых не хватало подготовленных учителей, способных полноценно организовать обучение неграмотных и малограмотных на новом алфавите.

С 1938/39 учебного года обучение взрослых грамоте в Дагестане было полностью переведено на новый алфавит.

В первой половине 1938 г. в Дагестане более 120 тыс. неграмотных и малограмотных в 4231 школе изучали новый алфавит.[2]

Весной 1938 г. в 10 районах Дагестана – Кумторкалинском, Карабудахкентском, Буйнакском, Хунзахском, Агульском, Курахском и других был проведен персональный учет неграмотных и переукомплектованы школы взрослых.

В результате персонального учета было выявлено значительное количество неграмотных. В Кумторкалинском районе до учета значилось 1167 неграмотных, а при проверке оказалось на 920 человек больше. В Буйнакском районе значилось 3013 неграмотных, а было выявлено 5224 человек.

Теперь обучение взрослых начало проводиться группами. В первой группе обучались совершенно неграмотные, во второй умеющие читать, но не умеющие писать и считать, в третьей умеющие читать и писать, но не умеющие считать. Такой метод обучения давал возможность дифференцировать работу по обучению грамоте взрослых и ускорить эту работу.[3]

Отдельные районы Дагестана к концу 30-х годов завершили или были близки к завершению работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. К числу передовых в деле ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения относились Чародинский, Гумбетовский, Хивский, Бот-

---

[1] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. Махачкала, 2007. С. 74.

[2] Дагестанская правда. 1938, 12 марта.

[3] Там же. 1938, 12 марта.

[4] Там же. 26 февраля.

[5] Там же. 1 марта.

[1] Там же.

[2] Там же. 14 июля.

[3] Там же. 20 апреля.

лихский и другие районы. Как отмечалось на заседании Президиума Верховного Совета ДАССР 11 января 1941 г. в Чародинском районе, в результате развернувшегося соревнования между сельскими Советами, достигнуты хорошие результаты в работе по завершению ликвидации неграмотности. За 1940 г. в районе было обучено 876 неграмотных. В 11 аулах – Доронуб, Карануб, Хинуб, Ритляб, Цемер, Кунуш, Рульда, Чунуб, Могроб, Багинуб и Талух была полностью завершена ликвидация неграмотности. На 1 января 1941 г. в Чародинском районе осталось 88 неграмотных и 1830 малограмотных. Все они обучались в школах взрослых. Район по итогам работы по ликвидации неграмотности занял первое место в республике.[1]

В Гумбетовском районе в 1940 г. было обучено 742 неграмотных и 215 малограмотных. К началу 1941 г. в районе оставалось 199 неграмотных, из которых 175 были охвачены обучением. Малограмотных было 2086, из которых 1864 человека обучались.[2]

В целом к концу тридцатых годов Дагестан достиг впечатляющих результатов в ликвидации неграмотности и малограмотности, повышении образовательного уровня населения. Успехи в повышении образовательного уровня населения республики отразили итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. По данным переписи грамотность населения Дагестана в возрасте 9–49 лет составила 82,5%, в том числе в городе 86,0% и в сельской местности 81,2%.[3] При учете старших возрастов процент грамотности заметно понижается. Так, грамотность населения республики в возрасте 9 лет и старше равнялся 69,7%, в том числе в городе 81,0% и в сельской местности 66,5%.[4]

Таким образом, со времени переписи населения 1926 г. грамотность населения Дагестана возросла на 69,31%. Иными словами, основная часть взрослого населения республики в 30-е годы была приобщена к грамоте. При этом сохранялись определенные различия в уровне грамотности городского и сельского населения.

---

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 600.

[2] Там же. С. 605.

[3] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959г. РСФСР. М., 1963. С. 145, 147–149.

[4] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 22. Д. 60. Л. 3.

Отмечая бесспорные достижения и результаты в повышении образовательного уровня населения республики за первые два десятилетия советской власти, следует указать и на негативные процессы. Притеснения и репрессии в отношении мусульманского духовенства, запреты в деле обучения детей и взрослых в традиционных мусульманских конфессиональных учебных заведениях привели к существенному снижению уровня грамотности дагестанских народов на арабском языке.

Ответственные задачи по развитию отраслей материального производства и социально-культурной сферы обуславливали необходимость усиления внимания властных структур Дагестана к развитию специального образования. В свою очередь, успехи в подготовке специалистов с высшим и средним образованием благоприятно отражались на развитии материального производства, приобщении широких слоев населения к новым духовным ценностям.

Партийные, советские органы республики в новых условиях усилили внимание к развитию специального образования. В конце 20-х – начале 30-х годов в системе специального образования ДАССР были осуществлены преобразования, призванные, как мыслилось, существенно улучшить подготовку кадров. Все техникумы, за исключением педагогических, были реорганизованы по отраслевому признаку и переданы в ведение наркоматов и хозяйственных организаций, непосредственно заинтересованных в подготовке новых специалистов. Была расширена сеть, увеличился контингент учащихся техникумов. В годы первой пятилетки на базе соответствующих отделений индустриально-экономического техникума были созданы самостоятельные техникумы. Финансово-экономический техникум – в Буйнакске, автодорожный – в Махачкале. В 1930–1932 гг. были открыты рыбный и пищевой техникумы, техникум советской торговли, ковровый техникум. В 1929–1931 гг. расширяются Дербентский и Шелковский сельскохозяйственные техникумы и Дербентский зоотехникум. Эти средние учебные заведения стали готовить широкий круг специалистов сельского хозяйства: полеводов, садоводов, виноградарей, ветеринарных работников, зоотехников и т.д.

После проведения реформы среднего специального образования в ведении Наркомпроса ДАССР остались педагогические техникумы,

педрабфак, Махачкалинский музыкальный техникум и Дагестанская совпартшкола.[1]

На начало 1933/34 учебного года общее количество средних специальных учебных заведений в Дагестане возросло до 24 с контингентом учащихся 2,4 тыс. человек.[2]

В условиях острой нехватки молодежи с достаточной общеобразовательной подготовкой для продолжения образования в вузах и техникумах большое значение в развитии специального образования в республике имело расширение сети рабфаков. Последние в годы первой пятилетки были реорганизованы по отраслевому признаку, переданы соответствующим наркоматам и прикреплены к высшим учебным заведениям. В 1932 г. в республике работало 4 дневных и вечерних рабфака с промышленным, сельскохозяйственным, педагогическим и медицинским уклоном (805 учащихся).[3]

В этот период властные структуры республики, исходя из директивных установок, продолжали уделять пристальное внимание регулированию социально-классового состава студенчества. Эти вопросы неоднократно рассматривались на конференциях, пленумах, бюро обкома партии, заседаниях СНК республики, по ним принимались специальные решения. Так, в постановлении СНК ДАССР от 9 декабря 1930 г. «Об итогах приема в учебные заведения республики и вне ее лиц из коренных национальностей Дагестана», указывалось на недостаточность представительства местных дагестанских этносов в числе направляемых в учебные заведения за пределы республики, слабость партийной и комсомольской прослойки. Постановление признало необходимым: «В целях обеспечения соответствующего руководства и контроля в деле вербовки дагестанской молодежи в учебные заведения, всю работу по командированию в учебные заведения, сосредоточить при междуведомственной центральной вербовочной комиссии при Наркомпросе ДАССР, скомплектованной из представителей партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и представителей соответствующих ведомств и наркоматов, ведающих подготовкой кадров».[1]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 152–153.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 209.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 233.

В 1931 г. в Махачкале был открыт комбинат рабочего образования (КРО) с целевой установкой подготовить рабочих, батраков и выходцев из беднейших слоев крестьянства для продолжения образования в вузах, техникумах, рабфаках. Имелось также в виду повысить производственную квалификацию рабочих без отрыва от работы. При комбинате имелись вечерний рабфак с индустриальным уклоном, курсы по подготовке в вузы, техникумы и рабфаки, вечерний текстильный техникум и рабочая школа. В год основания в КРО обучалось более 900 учащихся.[2]

В 1932 г. среди студентов вузов и техникумов (без педагогических) прослойка рабочих, колхозников и батрацко-бедняцких слоев крестьянства составляла 80%, коммунистов и комсомольцев 55%. Удельный вес представителей народов Дагестана в составе студентов достиг к этому времени по вузам 50,9% и по техникумам – 62,2%.[3]

В последующие годы продолжался дальнейший численный рост студенчества Дагестана. Однако в процентном отношении доля представителей местных народностей в их составе снизилась. Так, на 1 января 1936 г. в высших и средних специальных учебных заведениях республики обучалось 5773 студентов и учащихся: 675 кумыков, 481 аварец, 413 даргинцев, 571 лакец, 711 лезгинов, 112 татов (горских евреев), 1792 русских, остальные представители других национальностей страны. Во всех вузах, некоторых техникумах выходцы из местных народностей составляли менее 50% от общей численности студентов и учащихся.

Многочисленные решения республиканских и местных органов власти об улучшении работы по вовлечению в специальные учебные заведения представителей коренных народностей по многим причинам, в том числе и объективным, выполнялись не в полном объеме. Проблема формирования национальных кадров, несмотря на принимаемые меры, оставалась одной из самых острых и решалась медлен-

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 103.

[2] *Эфендиев А.И.* Формирование советской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1960. С. 91.

[3] Там же. С. 94.

нее, чем предполагалось, и требовали насущные нужды народнохозяйственного и культурного строительства.[1]

Продолжал сказываться невысокий общеобразовательный уровень значительной части дагестанской молодежи. В условиях быстрого развития отраслей индустрии возрастала потребность в специалистах высшей и средней квалификации технического профиля. Дагестанские этносы в подавляющей массе предпочитали традиционный сельский образ жизни и представители коренных народностей при выборе профиля поступаемого вуза и техникума предпочтение отдавали не техническим специальностям.

В начале 30-х годов властные структуры Дагестана с учетом возросших запросов отраслей материального производства и социально-культурной сферы в специалистах высшей квалификации развернули большую работу по открытию высших учебных заведений в республике.

Первым было решено открыть педагогический институт. Нарком просвещения республики И. Алиев, обосновывая необходимость открытия нового учебного заведения, в докладной записке в дагестанский обком партии от 11 июля 1931 г. подчеркивал: «Основным мотивом иметь пединститут в Дагестане является ...: иметь пединститут как центр педагогической работы и переквалификации отсталого учительства (77% с низшим образованием), как центр для развертывания и соответствующей постановки работы в новых национальных педкомбинатах.

Главное готовить кадры для школы повышенного типа на местной производственной базе, весьма своеобразной и отличительной от условий других областей ...».[2]

Для открытия педагогического вуза в Дагестане имелись необходимые условия. При Горском педагогическом институте (г. Владикавказ) функционировало дагестанское отделение. В 1931 г. на базе этого отделения в Махачкале открывается первый дагестанский вуз – педагогический институт в составе трех отделений: общественно-литературного, химико-биологического и физико-технического. Первый набор института состоял из 89 студентов, из них 22 девушки.[1] В целях создания благоприятных условий для работы открываемого института в решении Совнаркома республики от 8 октября 1931 г. «Об открытии Дагестанского агропедагогического института» отмечалось необходимость: «Предусмотреть в контрольных цифрах на 1932 г. начало постройки специального здания для института и необходимых помещений для учащихся и педагогического персонала и закончить постройку в 1933 г.».[2]

14 апреля 1932 г. Правительство ДАССР приняло постановление об открытии в республике медицинского института, а через месяц и сельскохозяйственного института.

В медицинском институте предлагалось иметь три факультета: лечебно-профилактический, санитарно-профилактический и охрана материнства и детства. На первый курс института в 1932/33 учебном году было принято 130 человек. На работу в медицинский институт с помощью Наркомата здравоохранения РСФСР и Северо-Кавказских краевых органов удалось пригласить большую группу профессоров и высококвалифицированных преподавателей.

В 1932/1933 учебном году начались занятия и в Дагестанском сельскохозяйственном институте. В институте имелись 2 факультета: зоотехнический и плодово-виноградный. Сельхозинститут был открыт в г. Махачкале на базе плодово-ягодного и овцеводческого отделений Горского сельскохозяйственного института. В связи с этим новому институту передавались имущество, лаборатории, профессорско-преподавательский состав и студенты указанных отделений, а также кредиты, выделенные на учебные цели и капитальное строительство.[3]

Первые три года педагогический, сельскохозяйственный и медицинский институты размещались в одном здании – Доме кадров. В 1934 г. педагогический институт был переведен в здание на улице Маркова, которое строилось для Дагестанского коммунального банка. В здании было около тысячи кв. метров полезной площади, и оно

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 159.

[2] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Махачкала, 2003. Т. 1. С. 137.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 156.

[2] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 138.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 156.

стало основным учебным корпусом педагогического института вплоть до 1954 г. В том же 1934 г. в центре города по улице Дахадаева было построено для пединститута и трехэтажное здание общежития на 150 студентов.[1]

Параллельно предпринимались усилия по улучшению материально-бытовых условий студентов и преподавателей вузов и техникумов. Так, решением СНК республики от 14 октября 1932 г. ежемесячная стипендия студентов вузов повышалась с 20 до 30 руб.[2] Тем не менее, в деятельности высших учебных заведений, особенно в первые годы их деятельности, имелись серьезные недостатки и нерешенные проблемы. Это и нехватка подготовленной молодежи из числа представителей местных народностей для обучения в вузах, слабость учебно-материальной базы, нехватка профессорско – преподавательских кадров и многое другое. Так, в докладной записке директора Дагестанского медицинского института М. Нахибашева в секретариат Дагобкома ВКП(б) от 15 октября 1932 г. указывалось: «Учебными пособиями и учебниками мединститут обеспечен недостаточно, в особенности кафедра биологии. Оборудование кафедр и лабораторий требует дополнения ... Студенты обеспечены общежитием на 50%. Помещением для учебных занятий и аппарата обеспечен довольно скудно и нет возможности проводить какую-либо научную работу. Плохо обстоит дело с квартирами для профессоров ...

Дагмединститут создан главным образом для подготовки национальных кадров из дагестанцев, северокавказских национальностей ... Однако опыт показал, что среди национальностей Дагестана и Северного Кавказа нет еще достаточного количества лиц, подготовленных для поступления в институт, поэтому стало необходимым иметь в течение 2–3 лет подготовительную группу, т.е. до выпуска студентов из своего медрабфака».[3]

Директивные органы осуществили ряд мер по улучшению специального образования в стране. 19 сентября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление «Об учебных программах и режиме в высшей школе и

[1] *Абилов А.А.* Дагестанский университет. Махачкала. 1973. С. 15.

[2] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 159.

[3] Там же. С. 161–162.

техникумах», в котором предлагалось усилить внимание к общетеоретической подготовке студентов и учащихся, пересмотреть программы и учебные планы с тем, чтобы в вузах и втузах на изучение общетехнических специальных дисциплин отводилось не менее 80-85% учебного времени и по техникумам не менее 70% учебного времени, добиваясь полного соответствия учебных программ профилю специальностей. Осуществляемая перестройка должна была охватить весь учебный процесс, включая производственную практику. Постановление высшего органа государственной власти страны ориентировало вузы и техникумы решительно вводить активные методы обучения, проверенные на практике.

В 1932/33 учебном году в вузах и техникумах были введены пересмотренные учебные планы и программы, в которых предусматривалось новое, более рациональное соотношение учебного времени, отводимое на теоретические занятия и непрерывное производственное обучение. Новые программы полнее отражали современные достижения науки и техники, в большей степени соответствовали задачам специализации. Введение новых учебных программ должно было способствовать также более тесной увязке теоретических занятий с практическими, в частности, лабораторными, и более основательному привитию студентам и учащимся навыков производственной деятельности в соответствующих отраслях народного хозяйства. Вместе с тем в программах делалась попытка уменьшить многопредметность, параллелизм, дублирование в изучении учебных дисциплин. Доминирующее положение заняли лабораторные и семинарские занятия, консультации. Повышалась роль преподавателя, общественных организаций в учебной и воспитательной работе в вузах и техникумах.

При осуществлении намеченных преобразований в системе высшего и среднего специального образования встречались большие трудности. Значительно затянулся процесс создания новых учебников. Да и учебные планы и программы продолжали подвергаться частым изменениям. Неудовлетворительной оставалась материально-техническая база учебных заведений, вузы испытывали трудности в организации учебно-производственной, педагогической и медицинской практики.[1] Так, в начале 1938/1939 учебного года в Дагестан-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 156–157.

ском педагогическом институте 147 студентов старших курсов имели академическую задолженность. Из вновь принятых на первый курс 320 студентов, не были обеспечены общежитием 60 человек. Вуз ощущал нехватку преподавателей по ряду предметов – истории, языкознания и литературы. В сельскохозяйственном институте насчитывалось 72 преподавателя и учебно-вспомогательного персонала. Институт был обеспечен преподавательским составом полностью, за исключением зав. кафедрой защиты растений. Из 35 учебных дисциплин, 26 были обеспечены новыми утвержденными программами. Обеспеченность учебниками по основным предметам составляла 50%.[1]

Несмотря на сохраняющиеся недостатки в материально-техническом обеспечении, организации учебно-воспитательного процесса, вузы республики продолжали увеличивать прием студентов. Однако, несмотря на усилия властных структур, Наркомпроса, доля представителей местных народностей в составе студенчества вузов оставалась недостаточной.

Таблица 8

Сведения о национальном составе студентов, обучающихся в вузах Дагестана

	1932	На 1 января 1936 г.
Всего студентов (чел.)	553	1456
Доля коренных народностей в составе студенчества	35,2%	25,9%[2]

Как явствует из таблицы контингент студентов, обучающихся в вузах республики, возрос в 2,6 раза. За этот же период доля представителей местных народностей в составе студенчества снизился и составлял только четвертую часть, что являлось следствием нехватки молодежи из числа представиетелей дагестанских народов с достаточной общеобразовательной подготовкой для обучения в вузах.

[1] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 290, 297.

[2] Там же. С. 206; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 499.

Во второй и мирные годы третьей пятилетки в республике продолжала расширяться сеть специальных учебных заведений и профиль специальностей, по которым готовились кадры высшей и средней квалификации. Так, в соответствии с приказом по Всесоюзному комитету по делам высшей школы при СНК СССР в Дагестанском сельскохозяйственном институте с 1938/1939 учебного года открылись два новых факультета – зоотехнический и ветеринарный – на 75 человек. С введением новых факультетов общий прием в сельхозинститут составил 175 человек.[1]

Таблица 9

Высшие и средние специальные учебные заведения Дагестана (на начало учебного года)

	1927/28 г.	1933/34 г.	1940/41 г.
Число высших учебных заведений	-	3	5
В них студентов – тыс.	-	0,5	2,4
Число средних специальных учебных заведений	8	24	26
В них студентов – тыс.	0,9	2,4	5,2[2]

К 1940/41 учебному году контингент студентов вузов возрос по сравнению с 1933/34 учебным годом почти в 5 раз. Сеть средних специальных учебных заведений в годы предвоенных пятилеток росла опережающими темпами – более чем в 3 раза, а контингент учащихся увеличилась почти в 6 раз.

В предвоенные годы вузы и техникумы республики ежегодно наращивали выпуск специалистов для отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы. Так, вузы Дагестана в 1937 г. подготовили 226 специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием, в 1938 г – 233, в 1939 г. – 305 специалистов. За 1937–1939 гг. техникумы республики выпустили 1857 специалистов средней квалификации.[3]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. С. 135.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 209.

[3] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 105.

Несмотря на очевидные и бесспорные успехи в развитии специального образования и подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием в республике в 30-е годы, масштабы подготовки кадров высшей и средней квалификации были несоразмеримы с потребностями в них. Дагестан продолжал испытывать острую нехватку кадров со специальным образованием. С учетом этого была сохранена система брони для дагестанской молодежи, созданная еще в начале 20-х годов в вузах, техникумах и других учебных заведениях центральных регионов страны.

В 1932 г. в московских вузах обучалось 185 дагестанцев. Посланцы республики получали высшее образование, в частности, в московских институтах: нефтяном, геологоразведочном, машиностроительном, географическом, землеустроительном, текстильном, архитектурно-строительном, финансово-экономическом. Обучались представители Дагестана в Воронежском институте коммунального хозяйства, Новочеркасском геологоразведочном, Саратовском нефтяном институтах, в ряде вузов Ленинграда и других городов.

Продолжалась подготовка национальных кадров высокой квалификации в Коммунистическом университете народов Востока (КУНВ), в Институте красной профессуры, в Академии Коммунистического воспитания. В 1931–1932 гг. в эти учебные заведения, а также в коммунистические университеты других городов был направлен 51 дагестанец. 3 представителя Дагестана были приняты с аспирантуру Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей СССР.[1]

В 1936 г. московские вузы окончили 42 дагестанца. Почти все они изъявили желание ехать на работу в Дагестан.[2]

Ускорению экономического и социально-культурного развития многонационального региона призвана была содействовать и получившая с первых лет советской власти практика направления по разнорядкам центральных министерств и ведомств, специалистов высшей и средней квалификации для работы в республике.

В 1939 г. в Дагестан было направлено 10 выпускников Харьковского и 2 выпускника Ростовского медицинских институтов.[1] В 1940

[1] *Эфендиев А.И.* Указ. соч. С. 103.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 167.

г. учреждения здравоохранения республики пополнились 311 специалистом средней квалификации (из них 93 прислано из центра). 224 специалиста-медика получили направление в сельскую местность.[2]

Наиболее полно уровень образования населения республики отразили итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Таблица 10

Сведения о количестве лиц, имеющих высшее образование среди национальностей Дагестана (по переписи 1939г.)

			1939 г.
	мужчины	женщины	всего
Всего	2077	704	2781
в т.ч. русские	1001	483	1484
Аварцы	81	11	32
Даргинцы	49	3	52
Лакцы	85	12	97
Кумыки	88	11	99
Лезгины	132	4	136
Табасаранцы	1	-	1
Прочие	3	-	3[3]

Данные показывают, что, несмотря на увеличение числа лиц с высшим образованием среди местных народностей, в 1939 г. более половины из их общего числа являлись русскими.

Общая же численность лиц с высшим и законченным средним образованием в республике по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. составила 40379 человек, в том числе 25754 человека в городе и 14625 человек в сельской местности.[4] Иными словами, основная часть интеллектуального потенциала республики концентрировалась в городах. Дагестанское село продолжало ощущать нехватку специалистов с высшим и средним специальным образованием.

[1] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 18. Д. 117. Л. 89.
[2] Там же. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 4661. Л. 57.
[3] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 323.
[4] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 22. Д. 60. Л. 1.

В целом анализ фактического материала показывает, что темпы формирования и развития новой интеллигенции в республике в 30-е годы заметно возросли. Она включала наряду с представителями коренных этносов и представителей других народов страны.

В 30-е годы интеллигенция Дагестана превратилась в силу, играющую всевозрастающую роль в развитии производительных сил республики, формировании и удовлетворении духовно-эстетических запросов тружеников города и села.

Говоря о развитии школьного образования в республике, мы упоминали фамилии педагогов, внесших большой вклад в обучение и воспитание подрастающего поколения. Большую работу по пропаганде сельскохозяйственных знаний, улучшению организации и увеличению производства сельскохозяйственной продукции проводили специалисты сельского хозяйства. В 1934 г. по решению Дагестанского обкома ВЛКСМ были созданы шесть образцовых агрономолабораторий при МТС – в Ачикулакском, Буйнакском, Хасавюртовском, Кизлярском, Шелковском и Махачкалинском районах.[1]

С 1931 г. интересные и ценные работы по выращиванию и расширению зоны культивирования плодовых и ягодных растенияй проводила Буйнакская зональная станция Наркомзема Дагестана. При зональной станции имелся питомник фруктовых и ягодных растений. В нем выращивались саженцы из семян дичков, к которым производилась прививка культурных сортов. Буйнакской зональной станцией были заложены много сортоучастков в селениях Тлярата, Шаури, Унчукатль и др. На этих участках выращивались лучшие сорта абрикосов, яблони, груши и т.д. Сортучастки позволяли установить вертикальные пределы произрастания плодовых культур в Дагестане в зависимости от зон и их нахождения. Во второй половине 30-х годов директором зональной станции работал Савченко, выпускник Дагестанского сельскохозяйственного института.[2]

Значительный урон был нанесен интеллигенции Дагестана в ходе массовых репрессий, развязанных в стране в 30-е годы. Объектом жестких репрессий стали молодой коллектив Научно-исследовательского института национальной культуры при Совнаркоме ДАССР. Поводом для развертывания компании против сотрудников института было использовано дело Лабори (Георгия) Лелевича, бывшего сослуживца Л.Д. Троцкого. Как троцкиста его в 1934 г. выслали в Махачкалу. Здесь он работал зав. сектором литературы Института национальных культур.

Г. Лелевич часто выступал по вопросам литературы в печати, перед общественностью, студентами вузов и успел завязать знакомства со многими представителями дагестанской интеллигенции. Эти знакомства сыграли роковую роль в судьбах многих ее представителей. В числе их оказался писатель Рабадан Нуров и зам. редактора газеты «Дагестанская правда» Н. Филимонов, вся вина которого заключалась в публикации статей Г. Лелевича на страницах газеты. Среди многочисленных обвинений, предъявленных при аресте народному комиссару просвещения, председателю Союза писателей Дагестана Б. Астемирову был пункт и о том, что он передоверил руководство Союзом писателей троцкисту Г. Лелевичу. За тесную связь с ним был исключен из партии и арестован зам. наркома просвещения В.С. Ольшевский, который осмелился проявить дружеские чувства к семье Г. Лелевича после его ареста.

Институт был объявлен рассадником троцкизма. Руководство и научные сотрудники института: директор А. Тлюняев, затем Г. Гаджибеков, сотрудники М. Чаринов, А. Каяев, Х. Гитинаев и др. перечислены к троцкистам. Из 23-х сотрудников 8 были арестованы и на них заведены уголовные дела.[1]

Еще в конце 20-х годов аресты и репрессии были обрушены на представителей мусульманского духовенства и людей, получивших традиционное образование на арабском языке.

В 1929 г. был арестован один из виднейших представителей мусульманской интеллигенции Абусуфьян Акаев. Он был необоснованно обвинен в «понтюркизме и понисламизме» и осужден к 10 годам лишения свободы, сослан в Котласские лагеря Северного края. В ре-

---

[1] *Умарханов М. М.* Из истории борьбы политотделов МТС Дагестана за социалистическое переустройство сельского хозяйства (1933–1934 гг.) // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Дагестане. Махачкала, 1976. Вып. 3. С. 51.

[2] Дагестанская правда. 1938, 14 июля.

[1] Репрессии 30-х годов в Дагестане: Документы и материалы. Махачкала, 1997. С. 8–9.

зультате изнурительного тяжелого труда Абусуфьян заболел и умер в Котласском лагере в 1931 г.[1]

В следственном изоляторе в г. Буйнакске вместе с Абусуфьяном Акаевым сидели черкеевец Ахмедзиявутдин, сын Тагир-гаджи, сына Шахмандара-хаджи (последний был в свое время прославленным шамилевским наибом), Бадави-кади из сел. Буглен, Юсуп-кади из сел. Торкали.[2] Все они были осуждены на длительные сроки лагерной жизни.

По состряпанному уголовному делу Али-Хаджи Акушинского в октябре 1929 г. в сел. Акуша, Аметеркмахи, Хаджалмахи, Муги, Усиша, Параул, Бутри, Кафыр-Кумух, Гергебиль, Уллу-ая, Герга-Махи, Урхучи-Махи, Адильбой было арестовано 64 человека.[3]

Произвол и беззаконие в отношении служителей культа в стране вынуждены были признать и представители высшего партийно-государственного руководства. В письме председателя Президиума ЦИК СССР М.И. Калинина председателю ЦКК Г.К. Орджоникидзе о бесправном положении представителей религиозного культа и произволе в отношении их семей (май 1930 г.) отмечалось: «... В связи с проводимой партией и советской властью политикой коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания из разного ряда мест... поступают многочисленные заявления от служителей религиозного культа, в которых они жалуются на свое бесправное положение и полный произвол в отношении их семей. Никаких признаков элементарной революционной законности по отношению к ним, как лишенцам, не существует. На местах царит полный произвол и непонимание политики партии в этом политически важном вопросе. Все мероприятия органов местной власти направлены к тому, чтобы заодно с кулаками «раскулачить» и служителей культа. Это незаконное «раскулачивание» производится под видом налогового обложения. Служителей культа стараются обложить по всем линиям в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные им требования.

[1] Основные вехи в жизни и творчестве Абусуфьяна Акаева // Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Махачкала, 1992. С. 115.

[2] *Абдулатипов А.-К.Ю.* О литературном творчестве Абусуфьяна Акаева //Там же. С. 58.

[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. Махачкала, 2007. С. 78–79.

И тогда у них конфискуется все имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется. Такого рода мероприятия проводятся иногда в судебном, а чаще в административном порядке, причем это выселение не ограничивается только выселением из дома.

Бывают случаи ссылки служителей культа в отдаленные места Союза ССР на ряд лет. Там, где проходят лесозаготовки, служители культа и члены их семей мобилизуются на эти работы не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни со здоровьем. Местами эти притеснения служителей религиозного культа переходят в буквальное издевательство. Например, случаи мобилизации служителей культа ... для очистки свинарников, конюшен, уборных и пр.».[1]

Однако и после этого, десятки тысяч служителей культа, ученые-богословы разных конфессий репрессировались, продолжали томиться в тюрьмах и лагерях для спецпоселенцев.

Ускоренная индустриализация и массовая коллективизация сельского хозяйства в 30-е годы обусловили необходимость подготовки, наряду со специалистами высшей и средней квалификации, квалифицированных работников через различные краткосрочные курсы и школы. Эти квалифицированные кадры массовых профессий оказывались средой, наиболее восприимчивой к новым духовным ценностям.

В 1932 г. на курсах советского строительства при ДагЦИКе обучались 163 слушателя, в числе которых 148 батраков, середняков и колхозников. Среди учащихся курсов было 43 женщины (20,8%).[2]

В Дагестане функционировали 16 районных и межрайонных колхозных школ по подготовке кадров массовых профессий. Ими только в 1936 г. было подготовлено 1387 председателей колхоза, 355 бригадиров полеводства, 188 бригадиров животноводства, 372 счетовода.[3] В 1940 г. в Дагестане были открыты двухгодичные школы сельскохозяйственного образования – в Буйнакске и Дербенте. Первая с животноводческим уклоном, вторая – с полеводческим.[4]

[1] *Одинцов М.И.* Государство и церковь.1917–1938 гг. (история взаимоотношений). М., 1991. С. 51.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. С. 119.

[3] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 108.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 137.

Важным звеном подготовки квалифицированных кадров для предприятий промышленности и транспорта республики являлись учебные заведения профессионально-технического образования.

В 1932 г. в Дагестане имелось 18 школ типа ФЗУ и совхозучей с охватом более 1600 человек, из которых 1050 человек являлись представителями коренных народов.[1]

В 1939 г. в республике функционировали 7 школ ФЗУ с контингентом 0,5 тыс. учащихся.[2] В ноябре 1940 г. в Дагестане было образовано Республиканское управление трудовых резервов, открыты два ремесленных училища и 4 школы ФЗО с 1300 учащимися.[3]

30-е годы явились важным этапом нарастания новых составляющих в развитии общеобразовательной и профессиональной школ многонационального региона, дальнейшего повышения грамотности и образовательного уровня тружеников города и села, количественных и качественных изменений в составе интеллигенции республики.

§ 3. Дальнейшее усиление нового в духовном облике дагестанцев

Существенные позитивные изменения и результаты в повышении грамотности и образовательного уровня населения республики, достигнутые в 30-е годы, обусловили новые возросшие требования к развитию культурно-просветительной работы.

Властные структуры Дагестана в новых условиях развернули целенаправленную работу по расширению сети культурно-просветительных учреждений, усилению размаха культурно-массовой работы в городах и сельских населенных пунктах. Было увеличено государственное финансирование работ по укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений. Однако основная часть бюджета Наркомпроса направлялась на расширение сети и развитие общеобразовательных и специальных учебных заведений в республике. Объемы же финансирования собственно культурно-просветительных учреждений оставались недостаточными.

[1] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 20. Д. 200. Л. 88–89.
[2] Там же. Оп. 38. Д. 1. Л. 19.
[3] История Дагестана. В 4-х Т. Т. 3. С. 313–314.

Несмотря на развертывание массовой коллективизации в республике в годы первой пятилетки, неокрепшие колхозы не в состоянии были оказывать сколько-нибудь существенную помощь в организации и налаживании работы культурно-просветительных учреждений.

В 1932 г. в Дагестане насчитывалось 233 избы-читальни, 51 сакля горянок, 33 клуба, 35 библиотек и других учреждений культуры.[1] Основная часть культурно-просветительных учреждений, как и ранее, располагалась в городах.

В 30-е годы властные структуры Дагестана, используя административный нажим осуществляли курс на закрытие мечетей. Их помещения использовались под склады колхозов и совхозов, клубы, избы-читальни и другие культурно-просветительные учреждения.

Наиболее активно процесс закрытия мечетей и использования их помещений для открытия учреждений культуры в дагестанском селе развернулся во второй пятилетке. Как сообщала «Дагестанская правда» в октябре 1936 г.: «В Кумторкале Кумторкалинского района, Нижнем Дженгутае Буйнакского района в помещениях бывших мечетей оборудованы дома культуры со зрительными залами на 700 мест, сценами и читальнями. В сел. Чонта Кумторкалинского района, где два-три года назад не было никакого культурного учреждения, сейчас прекрасный колхозный клуб, изба-читальня и пионерская комната».[2] Всего на 1 января 1936 г. по данным 34 районов, гг. Махачкала и Дербент в республике было закрыто 1026 мечетей, церквей, синагог и других молитвенных зданий. В 264 из них были оборудованы под различные культурно-просветительные учреждения.[3]

По мере улучшения экономического положения республики, к созданию и укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений все активнее стали подключаться промышленные предприятия, колхозы и совхозы. В 1935 г. исключительно за счет средств колхоза в сел. Кака Ахтынского района был построен клуб.[4] Всего по данным 33 районов в республике за один 1936г. было организовано 15 домов культуры, 104 колхозных клуба и

[1] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 146, 148.
[2] Дагестанская правда. 1936. 16 октября.
[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 127.
[4] Дагестанская правда. 1935. 18 ноября.

382 изб-читален. На содержание колхозных клубов правлениями колхозов было выделено свыше 50 тыс. руб. На каждого заведующего колхозным клубом ежемесячно начислялось 15 трудодней.[1]

В начале 1941 г. в Дагестане имелось 756 массовых библиотек, 952 клубных учреждений, 119 киноустановок, из которых 704 массовых библиотек, 915 клубных учреждений и других культурно-просветительных учреждений функционировали в сельской местности.[2] Иными словами, несмотря на имеющиеся трудности и нерешенные проблемы в развертывании сети и организации деятельности, в анализируемое десятилетие в республике была создана разветвленная сеть новых очагов культуры, нацеленных на приобщение горцев к новым духовным ценностям.

В 30-е годы, особенно во второй и мирные годы третьей пятилеток свою деятельность культурно-просветительные учреждения все активнее разворачивали в дагестанском селе. Деятельное участие в их работе принимала молодежь и в частности, – комсомольцы и комсомолки.

При клубах, избах-читальнях, домах культуры создавались различные кружки художественной самодеятельности, готовились концертные программы, с которыми они выступали перед населением.

На 1 января 1937 г. в республике имелось 334 различных кружков художественной самодеятельности с общим числом участников 4736 человек, из них 1724 женщин.[3] В 1938 г. общее количество кружков художественной самодеятельности в Дагестане заметно возросло и составило более 1000 единиц. Во многих промышленных предприятиях, колхозах и совхозах имелись свои хоровые кружки, собственные духовые и струнные национальные оркестры.[4] Однако следует отметить, что число самодеятельных художественных коллективов и их участников по отдельным годам довольно сильно разнились. Это было следствием того, что в период подготовки к смотрам и олимпиадам усиливалось их финансирование, создавались новые коллективы и кружки, в последующем внимани к ним ослабевало, часть самодеятельных художественных коллективов распадалась или резко снижала свою активность.

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 65.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 216–218.

[3] ЦГА РД. Ф. р-716. Оп. 2. Д. 7. Л. 85.

[4] Там же.. Ф. р-34. Оп. 6. Д. 12. Л. 4.

В 1935 г. в Махачкале был открыт первый в республике Дом художественного воспитания детей. Заведующим учебной частью и одним из организаторов был Г.А. Гасанов. Аналогичные детские внешкольные учреждения позже создавались и в других городах республики. Они способствовали развитию детской художественной самодеятельности.[1] В республике было немало сельских изб-читален, клубов, домов культуры, вносящих заметный вклад в формирование и удовлетворение духовных запросов населения. Так, заведующий Капчугайской избой-читальней Буйнакского района А. Сайпулаев с помощью совета избы-читальни и актива организовал кружки: танцевальный, хоровой, антирелигиозный, по ликвидации неграмотности и политкружок. Выпускалась стенная газета. В избе читальне ежедневно проводились громкие читки газет, регулярно организовывались вечера, концерты коллективов художественной самодеятельности, которые пользовались неизменным успехом у сельчан.[2]

Во многих культурно-просветительных учреждениях обращалось внимание на содержательную сторону проводимых мероприятий, повышению их художественного уровня. В 1934 г. отдельные избы-читальни республики включились в конкурс на лучшую избу-читальню, объявленную Наркомпросом РСФСР. Конкурс вызвал значительное оживление в работе изб-читален и выявил лучшие из них. Хороших результатов добились, в частности, Нижне-Дженгутаевская, Нижнее-Казанищенская, Верхне-Казанищенская избы-читальни Буйнакского района, Карабудахкентская, Параульская избы-читальни Карабудахкентского района и др. Параульскую избу-читальню Карабудахкентского района Наркомпрос РСФСР наградил денежной премией.[3]

Во второй половине 30-х годов деятельность клубных учреждений в республике еще более усилилась. Только за первое полугодие 1940 г. по инициативе Рутульского районного дома культуры для колхозников района было прочитано 116 лекций на различные темы,

[1] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 76.

[2] *Мирзабеков М.Я. Указ. соч. С. 114.*

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 278.

на которых присутствовало свыше 15 тыс. человек. При доме культуры работали оборонный, антирелигиозный, агротехнический, драматический, музыкальный и хоровой кружки, в которых участвовали 254 человека. Дом культуры получал 29 различных газет и 38 журналов. В Кумторкалинском районе в 1940 г. работали районный дом культуры, 9 колхозных клубов и 10 изб-читален. В этих учреждениях работали 36 хоровых и танцевальных, 16 антирелигиозных, 18 осоавиахимовских, 13 мопровских и 6 радиолюбительских кружков. Интересная работа была развернута в ауле Кумторкала. Здесь еще в 1935 г. при сельском клубе был создан колхозный университет, который развернул политическую учебу среди коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива, подготавливал к весеннему севу трактористов и механизаторов, организовывал для колхозников занятия по агротехнике и сельхозмашинам, а также по ликвидации неграмотности.[1]

На страницах периодических изданий республики часто публиковалась информация о различных культурно-массовых мероприятиях, проведенных в городах и сельских населенных пунктах. Так, в июне 1937 г. «Дагестанская правда» информировала читателей: «В ауле Микрах Докузпаринского района создан драматический кружок, в котором впервые участвуют 8 горянок.

На днях, в честь приезда чабанов из Азербайджана, состоялся первый спектакль. Ставили пьесу «Ар Ерват». Присутствовало много колхозников и мастериц-ковровщиц. Спектакль прошел с большим успехом.

Пьеса «Коварство и любовь» Шиллера поставлена кумыкским театром. Спектакль прошел с большим успехом. Пьеса переведена на кумыкский язык писателем Темирбулатом Бейбулатовым».[2]

В анализируемый период в практике деятельности клубных учреждений Дагестана утвердилась практика проведения различных смотров и олимпиад. В 1935 г. впервые в республике были проведены городские и районные олимпиады самодеятельного искусства.

В мае 1935 г. состоялся Махачкалинский общегородской смотр юных дарований. По итогам смотра на общедагестанскую детскую

[1] *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. С. 146. 147.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 527.

художественную олимпиаду им. 15-летия ДАССР было отобрано 22 художника, 14 танцоров, 3 автора литературных произведений, 6 певцов, 7 чтецов, 10 музыкантов.[1]

В последующем олимпиады и смотры в республике стали проводиться практически каждый год. В 1936 и 1938 гг. были проведены Вседагестанские олимпиады художественной самодеятельности.

На республиканской олимпиаде 1938г. приняло участие 268 человек, из 28 районов, причем районы были представлены не только отдельными исполнителями, но и коллективами. Например, Кумторкалинский район выставил прекрасный коллектив из 17 человек. Он занял на олимпиаде ведущее место. Хорошо выступил и коллектив из Буйнакского района. Самодеятельный художественный коллектив сел. Нижний Дженгутай продемонстрировал свое искусство в исполнении танцев и кумыкских песен. Замечательное народное творчество продемонстрировали ашуги Рутульского и Табасаранского районов.

Важным штрихом олимпиады явилось то обстоятельство, что в качестве гостей и членов жюри на ней приняли участие представители соседних республик – Азербайджана и Грузии, а также артисты Всесоюзного комитета по радиовещанию.

Олимпиада дала возможность отобрать из числа лучших исполнителей 35 человек для пополнения Дагестанского государственного национального ансамбля.[2]

В июле 1936 г. национальный ансамбль Дагестана под руководством Т. Мурадова принял участие на первой Всесоюзной хоровой олимпиаде в Москве. 1 июля в большом зале московской филармонии состоялся первый вечер хоровой олимпиады. Выступивший на нем национальный ансамбль Дагестана поразил присутствующих ритмом, темпераментом и живостью своих песен и плясок.

Шесть дней длилась Всесоюзная хоровая олимпиада и где бы не выступали дагестанцы – в Парке культуры и отдыха им. Горького, на эстраде «Смычка» в Сокольниках, в других местах, куда их приглашали, всюду их встречали и провожали долго несмолкаемые аплодисменты.

[1] Там же. С. 475–476.

[2] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 115.

7 июля в числе лучших хоров дагестанцы участвовали в заключительном концерте в Кремле.[1]

Властные структуры республики предпринимали меры по усилению размаха культурно-массовой работы, охвата ее широких слоев городского и сельского населения. В сентябре 1937 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос о работе культурно-просветительных учреждений республики. В ноябре 1938 г. СНК ДАССР приняло постановление «О состоянии работы изб-читален, домов культуры в Кулинском, Акушинском и Хивском районах».

В решениях бюро обкома партии и СНК ДАССР отмечались серьезные недостатки в деятельности культпросветучреждений, слабое руководство Наркомпроса ими, отсутствие внимания и помощи со стороны многих районных партийных и советских органов домам культуры, клубам, избам-читальням и другим учреждениям культуры.

Партийные, советские органы обязывались предпринять меры к укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений, пополнению подготовленными кадрами и улучшению их деятельности по удовлетворению духовно-эстетических запросов населения.[2]

Однако эти и другие аналогичные решения властных структур, не подкрепленные соответствующим материально-финансовым обеспечением, не давали ожидаемых результатов. К концу 30-х годов систематической культурно-массовой работой в республике не охватывалась значительная часть населения, в частности, сельского. Сказывалась слабость материальной базы культурно-просветительных учреждений, и неготовность части населения, особенно старших возрастов к восприятию новых форм проведения досуга.

Рост грамотности и образовательного уровня населения способствовали повышению спроса на книгу.

Крупнейшим из книгохранилищ Дагестана являлась Республиканская библиотека им. А.С. Пушкина. В 1936 г. библиотека получила новое здание с книгохранилищем на 50 тыс. томов. К тому времени библиотека имела уже 6 тыс. читателей. Библиотека обслуживала

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 509–510.

[2] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 116.

и жителей района. Были организованы 18 передвижных библиотек для доставки книг и журналов сельским жителям. При библиотеке был организован и национальный отдел.[1]

К началу 1938 г. общее число читателей самой крупной библиотеки республики возросло до 10 с лишним тысяч. Ежедневно библиотеку посещали до 500 читателей. Организовывались работниками библиотеки встречи с писателями и поэтами, читательские конференции, обсуждения произведений дагестанских авторов, писателей и поэтов братских народов страны.[2]

Учитывая рост потребности сельского населения в книжной продукции, в 1935 г. библиотечная сеть республики была реорганизована и расширена. Бывшие городские библиотеки в гг. Дербенте, Кизляре, Буйнакске и Хасавюрте были реорганизованы в районные библиотеки. Фонды этих библиотек к 1 январю 1936 г. выросли на 17605 томов.

В 1935 г. по плану Наркомпроса в 23 районах были организованы районные библиотеки – в Акушинском, Ахтынском, Ачикулакском, Бабаюртовском, Ботлихском, Гумбетовском, Гунибском, Дахадаевском и других, с книжным фондом 16020 экз., из них 7078 книг на языках коренных народностей Дагестана. Охвачено 6875 читателей, в том числе 3591 человек из коренных народностей. Районными библиотеками было организовано 53 библиотек-передвижек.

Для обеспечения вновь открытых районных библиотек кадрами в республике были организованы двухмесячные курсы библиотечных работников на 25 человек, по подготовке городских библиотекарей – на 23 человека.[3]

Улучшению снабжения библиотек книжной продукцией способствовала организация бибколлектора при Даггизе. В 1935г. он заключил с библиотеками различных ведомств 84 договора на поставку ли-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 267; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 502.

[2] Дагестанская правда. 1938. 3 января.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 501–502.

тературы, из которых 25 районных, 14 сельских, 15 профсоюзных и 30 городских на общую сумму 120684 руб.[1]

В 1936 г. для улучшения библиотечного обслуживания населения при Наркомпросе республики был организован библиотечный отдел. Создан библиотечный совет, в который вошли представители Дагсовпрофа, Наркомзема, обкома ВЛКСМ, Даггиза, Наркомпроса, Махачкалинского гороно и Центральной библиотеки. Для методического руководства библиотеками на местах была создана районная инспектура, в штат 8 районо и 1 гороно введены специальные библиотечные инспектора.[2]

Эти меры способствовали улучшению книжным обслуживанием населения республики. Отдельные сельские библиотеки добивались хороших результатов в удовлетворении читательского спроса, проводили различную культурно-массовую работу по пропаганде литературы. Например, Кумухской библиотекой только в 1940 г. было выдано читателям-колхозникам 4037 книг, организовано 4 передвижки и 38 выставок, проведено 69 литературных вечеров. При библиотеке работал кружок по изучению русской литературы.[3]

На 1 января 1938 г. по неполным данным читателями массовых библиотек Наркомпроса республики являлись 23144 человек. В 1937 г. ими было выдано 276891 тыс. экз. общественно-политической, естественнонаучной и художественной литературы. Почти две трети читателей являлись работниками материального производства, учреждений просвещения, здравоохранения, государственного аппарата и т.д.

В последующие годы, несмотря на известные трудности, связанные с переобучением значительной части грамотного взрослого населения на новой русской графической основе, письменности и обновлением библиотечных фондов на национальных языках, в республике расширялся охват населения библиотечным обслуживанием. В 1940 г. читателями массовых библиотек Дагестана являлись 54 тыс. человек.[4]

При всей важности увеличения числа читателей массовых библиотек республики не следовало ими обольщаться. Основная часть

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 515.
[4] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 119.

взрослого городского и сельского населения Дагестана к концу анализируемого периода не была охвачена библиотечным обслуживанием.

В рассматриваемые годы дальнейшее распространение в городах и сельских населенных пунктах Дагестана получило кино, самый массовый вид искусства. В это десятилетие дагестанцам стало доступно звуковое кино. В 1937 г. звуковые кинотеатры имелись во всех городах и 8 сельских населенных пунктах республики – Акуша, Кумух, Ахты, Ботлих, Ачикулак и др. Кроме того, имелось 50 немых и 15 звуковых кинопередвижек, которыми обслуживались жители мелких населенных пунктов, животноводы на отгонных пастбищах.[1] На экранах городских кинотеатров, сельских населенных пунктах демонстрировались широко известные в стране художественные кинофильмы «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Свинарка и пастух» и многие другие.

Однако в развитии кино в республике, особенно в первой половине 30-х годов, имели место нерешенные и неудовлетворительно решавшиеся проблемы. Большая часть населения, в частности, сельского не знала русского языка. Это затрудняла восприятие зрителями содержания киноленты. В докладной записке Дагобкома партии в культпропотдел ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1933 г. «О состоянии культпросветработы в Дагестане». «Интерес у крестьянства к картинам огромный. Посещение поголовное. Живо реагируют. Существенным недостатком является отсутствие надписей (титр) на местных языках (они на русском языке). При наличии картин хорошего содержания и систематической работы кино можно было бы развернуть большую воспитательную работу».[2]

Несмотря на эти трудности, кино стало непременным атрибутом жизни городского и сельского населения многонационального региона. Уже в 1930г. киносеансы в Дагестане просмотрели 1655,5 тыс. человек, в 1934 г. – 1581, 9 тыс. человек, в 1935 г. – 2131, 2 тыс. че-

[1] Дагестанская правда. 1938. 30 января.
[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918-1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 449.

ловек, в 1936 г. – 2647,1 тыс. человек, а в 1939 г. – уже более 3 млн. человек.[1]

Важным каналом знакомства с историческим прошлым, целенаправленной воспитательной работы среди населения республики являлись музеи.

В рассматриваемый период властные структуры продолжали целенаправленные усилия по пополнению экспозиционного фонда Республиканского краеведческого музея, организации и налаживанию работы музеев в других городах и сельских населенных пунктах. В 1940 г. в Дагестане насчитывалось 5 музеев, в том числе Республиканский краеведческий музей в Махачкале, историко-революционный музей в Буйнакске, краеведческий музей в Дербенте, музей в селениях Ахты и Ашага-Стал. Экспозиционный фонд только одного Республиканского Краеведческого музея с 8 тыс. единиц в 1929 г. возрос до 27 тыс. единиц в 1940 г.[2]

Музеи занимались не только сбором и обобщением исторического, археологического, этнографического и других материалов, но и организовывали выставки, лекции, вели другую культурно-просветительную работу среди населения. Они объединяли вокруг себя актив краеведов-любителей, оказывали организационную, методическую помощь созданным в районах и городах республики отделениям Общества по изучению Дагестана, а также краеведческим кружкам.

Показательна в этом отношении деятельность Ахтынского районного музея. Музей этот возник на базе краеведческого кружка Ахтынской образцовой школы первой ступени. В 30-е годы Ахтынский районный музей сосредоточил у себя всю работу районного отделения общества по изучению Дагестана, объединявшего до 30 краеведческих кружков и 6790 краеведов.

Краеведческой работой в Ахтынском районе занимались многие учителя, специалисты сельского хозяйства. Активно вовлекались в

[1] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 21. Д. 67. Л. 10; Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2287. Л. 46; *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 148.

[2] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 31; *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 94.

эту работу школьники, которые занимались в 29 кружках краеведения.[1]

Посещаемость только одного Республиканского краеведческого музея с 11860 человек в 1937 г. увеличилась до 27165 человек в 1939 г.[2] В 1940 г. Республиканский краеведческий музей организовал 16 тематических выставок, посвященных героическому прошлому дагестанских народов, их достижениям в развитии экономики, культуры и т.д. За год в музеях республики побывало 373 экскурсии. Было обслужено 73165 посетителей, в том числе 5208 школьников.[3] Основная часть посетителей приходилась на долю Республиканского краеведческого музея. В общей массе посетителей музеев республики преобладали горожане. Тем не менее, все больший интерес к новым очагам культуры проявлялся и в дагестанском селе.

В начале 30-х годов партийно-государственное руководство страны усилило внимание к развитию периодической печати.

В январе 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О сельской районной и низовой печати», а в апреле 1931 г. – постановление «О перестройке рабсельскоровского движения». Эти документы дали толчок дальнейшему улучшению работы газет в нерусских районах страны, способствовали развитию сети и усилению связи периодической печати с населением.

За короткий срок, прошедший после принятия указанных партийных решений, в стране появились сотни новых газет. К концу первой пятилетки (1932 г.) в СССР издавалось 7536 газет с общим тиражом 35,5 млн. экземпляров. В следующем 1933 г. число выходящих в стране газет возросло до 8319 названий, а их разовый тираж увеличился на 232 тыс. экземпляров. Быстро росло число газет в национальных республиках и областях страны.[4]

В начале 30-х годов в Дагестане начали создаваться районные газеты на национальных языках. Только за 1932–1933 гг. в республике были организованы 10 новых районных газет. Общее число районных газет в Дагестане в 1934 г. достигло 24, в том числе 6 газет на авар-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 269.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 578.

[3] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 39. Д. 24. Л. 2.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 262.

ском языке, по 3 на даргинском, кумыкском, лезгинском и русском языках, 2 на азербайджанском и по одной на лакском, табасаранском, ногайском и татском языках.[1]

В августе 1934 г. с учетом растущих запросов и потребностей коренных народов бюро Дагестанского обкома партии приняло постановление «Об организации республиканских национальных газет». В соответствии с решением обкома партии уже в 1934 г. были организованы две республиканские национальные газеты: «МагIарул большевик» («Большевик гор») на аварском языке и «Ленин елу» («Путь Ленина») на кумыкском языке. Республиканские национальные газеты быстро завоевали популярность среди населения, сумели сплотить вокруг себя многочисленный актив рабселькоров, стали вносить весомый вклад в решение назревших вопросов социально-экономического и культурного строительства.[2]

В 1940 г. в Дагестане издавалось 5 республиканских газет, 27 районных газет, 9 фабрично-заводских и отраслевых многотиражок на 10 языках народов горного края. Общий годовой тираж всех газет республики в 1940 г. достиг 20 млн. экземпляров.[3]

Властные структуры Дагестана наряду с расширением числа периодических изданий, их тиражей, пристальное внимание уделяли к комплектованию их квалифицированными журналистскими кадрами. В 1931 г. в республике было подготовлено и переподготовлено 58 газетных работников и проходил подготовку и переподготовку 41 человек.[4]

В условиях быстрого повышения грамотности и образовательного уровня населения республики неуклонно росло влияние периодических изданий многонационального региона на развитие отраслей материального производства, формирование и удовлетворения новых культурно-эстетических запросов и потребностей, информирование тружеников города и села о событиях внутри страны и на международной арене.

instituteofhistory.ru

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 15. Д. 646. Л. 166.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 264.
[3] Дагестанская правда. 1940. 5 мая.
[4] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 120.

Периодические издания Дагестана большое внимание уделяли разъяснению широким массам населения задач культурного строительства, способствовали мобилизации усилий, тружеников города и села на их успешное выполнение. Значительную роль в этой важной работе играла, в частности, газета «Красный Дагестан» (с 1932 г. «Дагестанская правда»).

В начале 30-х годов острейшей проблемой в сфере культурного строительства в Дагестане оставалась проблема усиления функциональной роли родных языков. Редколлегия «Красного Дагестана» принимала активное участие в обсуждении вопросов языкового строительства. Газета публиковала материалы, отражающие разные точки зрения.

В 30-е годы в республике было усилено внимание к ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. «Дагестанская правда» разъясняла необходимость быстрейшего приобщения тружеников города и села к новой грамоте, знаниям, регулярно информировала читателей о ходе этой работы. Эти материалы публиковались под рубриками: «Ликвидация неграмотности – важнейшая политическая кампания», «Всеобщее обучение в порядок дня» и др. В них говорилось об усилиях органов неродного образования по обучению взрослого населения, помощи общественности в открытии и деятельности ликпунктов и школ малограмотных. Так, «Дагестанская правда» в номере за 6 июня 1932 г. под заголовком «На каникулы – на культсанштурм!» рассказала об ударнике культсанпохода, учащимся музыкального техникума Курбане Магомедове.

В период осуществления перехода к начальному всеобщему обучению подрастающего поколения газеты республики развернули целенаправленную разъяснительную работу о необходимости и важности выполнения закона о начальном всеобуче. «Дагестанская правда», национальные газеты республики исключительное значение придавали охвату горянок общеобразовательной школой. Публиковались материалы, критикующие лиц препятствующих этому. На страницах периодических изданий была организована публикация серии материалов, разъесняющих значение улучшения изучения русского языка в дагестанской нерусской школе. При этом, зачастую упускалось из виду необходимость усилению внимания преподаванию родных языков в образовательном процессе.

На страницах «Дагестанской правды» во второй половине 30-х годов регулярными стали публикации о ходе подготовки школ к началу учебного года. Так, в статье «Перед новым учебным годом» сообщалось: «За один 1936 г. в Дагестане было построено до 40 новых школ, в том числе ряд больших школ – на 400 и больше учащихся – в Махачкале, Дербенте, Хасавюрте, Двигательстрое и т.д.».[1]

9 сентября 1932 г. Дагестанский обком партии обратился к редакторам газет с письмом о необходимости улучшения освещения вопросов развития искусства и художественной самодеятельности. Редколлегия «Дагестанской правды» стала чаще публиковать материалы о состоянии учреждений искусства и развитии самодеятельного творчества населения городов и сельских районов республики. Так, в газете была опубликована статья А. Сегеди «О проблемах развития искусства в Дагестане».[2] В ней рассматривались состояние искусства в республике, отмечались трудности в развитии профессионального и самодеятельного искусства в республике. Однако такие аналитические статьи о развитии искусства на страницах «Дагестанской правды» были редки, преобладали отчеты и материалы информационного характера. Сказывался низкий профессиональный уровень основной массы авторов, неумение, а порой и нежелание вникать в суть сложных глубинных процессов, происходивших в искусстве народов многонационального региона.

Примечательным в плане изменения отношения горцев к новому искусству являлась статья Барият Мурадовой, опубликованной в «Дагестанской правде», «Рассказ народной артистки». В ней она писала: «Мы видим огромную любовь колхозников к театру. Возвращаются они с поля поздним вечером. Тут бы им отдохнуть. Но когда узнают, что приехал театр, они спешат переодеться, умыться и в театр. Усаживаются плотно перед сценой. Во время игры слышишь, как муха пролетает. Когда окончена пьеса, никто не расходится. Просят что-нибудь спеть и сыграть. И мы поем. Нас воодушевляет эта любовь народа к искусству.

Не так давно одна из колхозниц привела ко мне двух своих девочек и начала просить, чтобы я обучила их песням и танцам. Я узнала

[1] Дагестанская правда. 1937. 5 июля.
[2] Там же. 1932. 22 октября.

эту колхозницу. Она тоже кидала в меня грязью десять лет назад и со злобой обзывала самыми обидными словами».[1]

Характерным показателем сдвигов, происходивших в дагестанском искусстве, вовлечении в него женщин-горянок. В 30-е годы получает известность искусство выдающихся исполнительниц: П. Нуцаловой, Э. Адибекововй, Р. Гаджиевой, В. Гурелашвили, С. Измайловой, А. Ибрагимовой, Р. Бабаевой, П. Данияловов и многих других.

В середине 30-х годов редколлегия «Дагестанской правды» начала публиковать литературные страницы. Они явились эффективной формой пропаганды художественной литературы, знакомства читателей с новыми произведениями дагестанских писателей. Первую литературную страницу газета опубликовала в номере за 30 января 1936 г. В ней были помещены произведения Гамзата Цадасы «Чохто», З. Гаджиева «ГергеблЬГЭС», Р. Динмагомаева «Герой в шубах», материал о художнике М. Юнисилау, сказка «Шейх и бедняк» и др. В последующем такие литературные страницы в «Дагестанской правде» стали традиционными.

Актуальной, не сходящей со страниц периодических изданий республики являлась проблема эмансипации горянки, отстаивание ее прав в семейно-бытовой сфере, на равноправное участие в общественной жизни и на производстве. В подборках материалов, статьях и иных публикациях на страницах «Дагестанской правды» велся разговор о необходимости преодоления у определенной части населения неправильного отношения к горянке, отстаивались ее права на образование, равенство в семейно-бытовой сфере и общественной жизни. Однако из-за живучести патриархально-феодальных пережитков в республике, особенно в сельской местности они не оказывали существенного влияния на улучшение ситуации в этой сфере. Сказывался и невысокий уровень газетных публикаций.

Публикации «Дагестанской правды», других периодических изданий республики вызывали живой отклик читателей, с каждым годом укреплялась связь с рабсельскорами, возрастал поток корреспонденции в редакции газет. В 1936 г. «Дагестанская правда» получила 8441 письмо, в 1937 г. – 10178 и за первый квартал 1938 г. – 2020 пи-

[1] Там же. 1939, 12 августа.

сем. Редакция газеты «Большевик гор» на аварском языке получила соответственно 4622, 5537 и 1889 писем.[1] Большой популярностью пользовалась республиканская молодежная газета «Комсомолец Дагестана», также печатавшаяся на русском языке. В 1938г. газета имела 224 активных юнкора (юный корреспондент), а в 1939г. их число достигло 406. Общее число рабочих и сельских корреспондентов дагестанских газет превысило в том году 10 тыс. человек.

Среди корреспондентов дагестанских газет было немало таких, которые сотрудничали с ними многие годы. Это известные педагоги Г.М. Родовильский и М. Темирханов, врач С.М. Казаров. Ряд лет писали в «Дагестанскую правду» профессора О.А. Байрашевский, М.С. Доброхотов.[2]

Следует отметить, что периодические издания, являясь печатными органами властных структур, принимали участие и в травле деятелей культуры, специалистов, отдельных партийных и государственных деятелей, служителей культа, способствовали созданию в общественном сознании образа «врагов народа». Многие недостатки и упущения в деятельности учреждений народного образования и культуры они объясняли происками буржуазно-националистических «элементов». Так, в статье специального корреспондента газеты «Правда» М. Мезенина «Гнилая позиция Дагестанского обкома» указывалась: «Дальнейшему процветанию народов Дагестана мешают буржуазные националисты. Замаскировавшись, они всеми силами пытаются затормозить бурный рост социалистического хозяйства и культуры в республике. Буржуазные националисты вкупе с троцкистами, шпионами и диверсантами – Коркмасов, Шовкринский, Астемиров, «литератор» Лелевич – пробрались в руководящие советские и партийные органы. В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям, помещикам и духовенству.

Немало навредили националисты и троцкисты в области культуры. В звериной ненависти к интернациональному воспитанию трудящихся они фактически запретили на территории Дагестана русский

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 120.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 264–265.

язык, старались дезорганизовать работу учебных заведений, подготовку и рост национальных кадров.

Вражьи гнезда буржуазных националистов и троцкистких шпионов в Дагестане до конца не разгромлены и по сей день. Еще много врагов, притаившись в рядах партии, продолжают свою контрреволюционную деятельность…[1]

Большое значение в переориентации, формировании и удовлетворении новых духовных потребностей имело развитие книгоиздательства в республике, увеличение тиражей книжной продукции на дагестанских языках.

В постановлении бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 22 декабря 1931 г. «О реорганизации и постановке издательской работы в ДАССР», рассмотрев состояние и наметив меры по улучшению издательской деятельности в республике, предусмотрело: «Для руководства и организации всей деятельности Даггиза организовать во главе его правление, которое должно стать действительным руководителем полиграфпромышленности и издания всей книжно-журнальной продукции на территории ДАССР».[2]

Уже в 1934 г. только на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском и табасаранском языках было издано 1134 тыс. экземпляров книг общим объемом 5896 тыс. печатных листов.[3] В последующие годы второй пятилетки выпуск книжной продукции в республике продолжал расти. В 1937 г. Даггосиздательство выпустило 270 названий книг с общим тиражом 3622,0 тыс. экземпляров.[4]

Однако в связи с переводом письменности народов Дагестана на русскую графическую основу (1938 г.), и нехваткой нового полиграфического оборудования, в 1938 и 1939 годах произошло некоторое уменьшение выпуска литературы на новом алфавите. В 1938 г. в республике было издано 215 названий книг с тиражом 1320, 1 тыс. экземпляров, а в 1939 г. 241 название тиражом 1514,8 тыс. экземпляров.[5]

[1] Дагестанская правда. 1937. 26 сентября.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 380.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 266.

[4] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 38. Д. 1. Л. 34.

[5] Там же.

Большим тиражом издавалась переводная художественная литература. Дагестанцы получили возможность читать на родном языке произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, А.М. Шолохова, Т.Г. Шевченко, Д. Джамбула, Коста Хетагурова и других дореволюционных и советских писателей. С 1930 по 1940 г. Даггосиздательством было выпущено 264 названия произведений художественной литературы общим тиражом более полумиллиона экземпляров.[1]

Рассматриваемое десятилетие характеризовалось дальнейшим усилением роли радио в жизни дагестанских народов.

В конце 1932 г. в Дагестане имелось 11 трансляционных узлов и 3619 радиоточек.[2]

Во второй пятилетке в республике началось строительство в колхозах собственных радиоузлов. Одним из первых он был построен в рыболовецком колхозе им. 13-летия Октября на острове Чечень. Репродукторы решением правления колхоза были установлены в избах ударников лова. Только в одном ауле Ахты, кроме собственного радиоузла, передающего музыкальные и детские передачи, лекции и последние известия, имелось 320 радиоустановок.[3] Общее количество радиоустановок в Дагестане в 1937 г. составило 4965.[4]

Наиболее успешно радиофикация республики разворачивалась в мирных годах третьей пятилетки (1938–1940). В 1940 г. в Дагестане имелось 17,8 тыс. радиотрансляционных радиоточек, из которых 3904 в сельской местности.[5]

В 1932 г. общий объем радиовещания на всех языках был увеличен до 9 часов в сутки. Была установлена четкая пропорция между видами вещания. Массово-политическим передачам отводилось 45% вещательного времени, учебно-образовательным 20 и художественным 35%.[6] Передачи республиканского радио велись на русском и 7

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 266.
[2] Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала. 1932. С. 57.
[3] *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 145.
[4] ЦГА РД. Ф. р-260. Оп. 13. Д. 93. Л. 8.
[5] Дагестан за 50 лет: Стат. сборник. Махачкала. 1967. С. 61; *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 146.
[6] *Гамидов М.* Без бумаги и расстояний. Махачкала. 1977. С. 35.

языках народов Дагестана (аварском, кумыкском, лезгинском, даргинском, лакском, тюркском и татском).

Параллельно с республиканским в 30-е годы развертывалась работа по организации районного вещания. В 1939 г. в районах республики имелась 21 редакция узлового вещания (в 1939 г. было 14).[1]

Республиканское и местное радиовещание играло все возрастающую роль в политическом информировании населения, превратились в важный канал духовно-нравственного и эстетического воспитания. В последних известиях, выступлениях партийно-государственных деятелей, работников образования, культуры и искусства широко отражались вопросы культурного строительства в городах и районах республики.

Частыми гостями национальных редакций республиканского радио были Г. Цадаса, С. Стальский, А. Гафуров, А. Магомедов и другие писатели и поэты Дагестана, которые знакомили радиослушателей со своими новыми произведениями, поднимали актуальные вопросы общественно-политической жизни многонационального региона.

Со своими постановками у микрофона республиканского радио регулярно со своими постановками выступали русский, кумыкский, аварский, лакский, лезгинский, татский и тюркские театры Дагестана.

Огромной популярностью радиослушателей пользовались музыкальные передачи и концерты на национальных языках. С первых дней существования радио в его работе принимали участие певцы и музыканты – исполнители музыки народов Дагестана. Среди них были народные и заслуженные артисты ДАССР. Аминат Ибрагимова, Эраида Адибекова, Мария Щербатова, Роза Гуриелашвили, Патимат Даниялова, Рагимат Гаджиева, Абдул Бабаев, Насух Абдусаламов, Курбан Магомедов, Патимат Нуцалова, Урудж Абубакаров, Авак Абрамянц, Радият Бабаева и др.[2]

Неизменным успехом пользовались выступления хорового коллектива Дагестанского радио, основателем которого являлся один из основоположников профессионального искусства республики Татам Мурадов.

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 120–121.
[2] *Гамидов М.* Указ. соч. С. 40.

В ноябре 1936 г. на республиканском радио было положено начало организации специальных детских радиопередач. 19 ноября прошла в эфире первая детская радиопередача. В передаче участвовали пионеры школы № 3 – Л. Данович, Ю. Левченко, В. Васильев, В. Кочетов и П. Сюмак. Дети коллективно прочитали стихотворение Долматовского «Спор». Трое ребят исполнили на струнных инструментах несколько музыкальных номеров.

Кроме детей в передаче участвовала также солистка радиокомитета Таманская, которая исполнила пионерские песни: «О Павлике Морозове», «Пионерский барабан» и др.[1]

В предвоенные годы республиканское радио начало проводить Вседагестанские радиофестивали городов и районов, которые вызывали живой интерес радиослушателей.

Об эффективности передач Дагестанского радио, их влиянии на слушателей свидетельствовал рост корреспонденции во все редакции комитета. В 1939 г. редакции радио получили 4560 писем. У микрофона Дагестанского радиокомитета в этом году выступило 559 человек.[2]

30-е годы явились периодом создания и творческого становления национальных театров в Дагестане.

В 1930 г. состоялся первый выпуск Дагестанского театрального техникума. Он положил начало функционированию первого в республике профессионального национального театра – кумыкского. Уже в 1931 г. театр выступил на Северокавказской краевой олимпиаде в г. Ростове-на-Дону. Коллектив молодого театра занял на олимпиаде первое место.

Кумыкский театр, переименованный в 1932 г. в Центральный театр народов Дагестана, объединил вокруг себя национальные драматические студии. На их базе в последующие годы были организованы аварский, лезгинский и лакский драматические театры. К 15-летию советской автономии Дагестана (1935 г.) в республике работало уже 5 национальных театров кумыкский – в Буйнакске, аварский – в Хунзахе, азербайджанский – в Дербенте, лезгинский в Ахтах и лакский – в Кумухе.[1]

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 519.

[2] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 121.

Исключительно большое значение в развитии национальных театров республики, наряду с укомплектованием актерскими силами, имело определение их репертуара. Говоря о состоянии репертуара кумыкского театра, А. Сегеди в статье «О проблемах развития искусства в Дагестане», опубликованной 22 октября 1932 г. в «Дагестанской правде», отмечал: «Вопрос о репертуаре театра до последнего времени стоит очень остро. Работа на одних переводных пьесах, конечно, не может считаться полностью удовлетворительной. Национальная же драматургия только начинает развиваться».

Решению проблем, столь остро вставших в начале 30-х годов, должен был способствовать республиканский конкурс на лучшее драматургическое произведение (весна 1932 г.). Конкурс на создание пьес, посвященных теме социалистического строительства, изменениям в сознании, культуре, быту народов Дагестана, а также драматургии для детей уже осенью того же года принес свои плоды. Всего на рассмотрение поступило 26 пьес, из которых пять были отмечены премиями: драма А.П. Салаватова «Красные партизаны», комедия Р. Нурова «Разоблаченный шейх», пьесы Ш. Микаилова и З. Гаджиева «Шляпа», Г. Рустамова «В жизнь», Ю. Гереева «Кто кого».[2]

В последующем репертуар дагестанских театров продолжал пополняться новыми произведениями местных авторов. Одновременно молодые театры республики осуществляли постановку русских и западноевропейских классиков: «Грозу» А. Островского, «Отелло» В. Шекспира, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Чапаев» Д.Фурманова и др.

С особым творческим подъемом работал Русский театр во второй половине 30-х годов. К 1937 г. он уже располагал большим творческими возможностями. Спектакли художественного руководителя А.В. Верховского отличались смелостью прочтения и новаторским подходом к друматургии. Репертуар Русского театра в этот сезон был обширен и разнообразен: «Чапаев», «Слава», «Мария Стюарт», «Ко-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 251–252.

[2] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. С. 186

варство и любовь», «Ученик дьявола», «Принцесса Турандот», «Егор Былычев и другие».

1937 г. для Кумыкского театра, как и для всего дагестанского искусства, ознаменовался подготовкой к празднику 20-летия Октября. Репертуар его состоял из весьма разнохарактерных пьес: «Гроза» А. Островского, «Скупой рыцарь» А. Пушкина, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Аристократы» Н. Погодина, «Анзор» А. Шаншиашвили, «Али и Вали» А. Курбанова. Была возобновлена удачная постановка прежних лет – «Чабан Арслан» А. Курбанова.

Весной 1939 г. Кумыкский театр открыл длительные гастроли в Махачкале, показав здесь спектакли «Очная ставка», «Овечий источник», «Родина», «Тулпар». С этим же репертуаром театр позднее гастролировал по Хасавюртовскому району. В этих показах особо выделялись сценические работы народной артистски Дагестана Б. Мурадовой. Занятая во всех трех спектаклях, она исполняла ведущие роли, демонстрируя свое растущее мастерство и окрепший талант.[1]

Театры республики, несмотря на серьезные трудности в профессиональном становлении и развитии, развертывании деятельности, играли всевозрастающую роль в формировании и удовлетворении художественно - эстетических запросов тружеников города и села. Только за один 1940г. театрами Дагестана было обслужено 209725 тыс. зрителей.[2]

В приказе Управления по делам искусств при СНК ДАССР от 17 июня 1940 г. «О юбилее кумыкского национального театра» отмечалось: «10-летний творческий путь кумыкского театра есть путь становления и развития национальных драматургов, режиссеров, путь становления национального профессионального театрального искусства.

Кумыкский театр показывает пример работы над классическим репертуаром русским и западноевропейским, показывает пример работы над созданием советской национальной кумыкской драматургии».[3]

---

[1] Там же. С. 245. 248–249.

[2] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 39. Д. 35. Л. 8.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 585.

30-е годы явились важным этапом и в развитии музыкального искусства Дагестана. В 1931–1932 гг. на республиканском радио сформировался небольшой симфонический ансамбль, ставший впоследствии основой симфонического оркестра дагестанского телевидения и радио. В создании и деятельности симфонического коллектива в те годы ключевую роль играли известные дагестанские музыканты А.Я. Клейзмер, П.Ф. Проскурин, Т.А. Мурадов, позднее Г.А. Гасанов. Важным событием в музыкальной жизни Дагестана стало создание в 1935 г. Национального ансамбля песни и танца. Директором ансамбля был назначен Т. Мурадов, художественным руководителем Г. Гасанов, руководителем оркестра Х.М. Ханукаев, хормейстером Т. Бейбулатов, балетмейстером А. Ибрагимов. Укомплектованный из наиболее одаренных участников кружков художественной самодеятельности, национальный ансамбль быстро вырос, превратился в профессиональный коллектив и завоевал широкую популярность. Выступления ансамбля проходили с неизменным успехом не только в Дагестане, но и во многих городах России, Советского Союза.[1]

Новым направлением развития для дагестанской культуры послеоктябрьского периода явилось изобразительное искусство. Как известно ислам негативно относится к изображению людей на холсте и бумаге, в виду чего этот вид искусства в дооктябрьский период не получил развития у дагестанских народов.

Уже в 20-е годы властные структуры Дагестана стали уделять серьезное внимание подготовке местных кадров художественной интеллигенции. Основной формой такой работы стало направление одаренной молодежи в ведущие художественные учебные заведения страны. Так, М.А. Джемал стал стипендиатом Грузинской Академии художеств, Х.Б. Аскар-Сариджа – ленинградских Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). Живописец М.-А. Джемал и скульптор Х.Б. Аскар-Сарыджа стали первыми национальными художниками Дагестана, основоположниками дагестанского профессионального изобразительного искусства.[2]

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 254.

[2] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. С. 106.

Однако малочисленные художественные силы республики в первое десятилетие советской власти не оказывали существенного влияния на культурную жизнь дагестанских народов.

30-е годы характеризовались заметной активизацией творческих поисков дагестанских художников. В 1932 г. дагестанские художники М.А. Джемал, Ю. Моллаев, М.К. Юнисилау предприняли специальную экспедицию в сельские районы республики и по итогам поездки создали целую галерею портретов передовых людей села – культармейцев, красных партизан, тружеников сельского хозяйства.

В 1933 г. была организована первая республиканская выставка работ художников. На выставке были представлены произведения профессиональных и самодеятельных художников. Дагестанцы с интересом ознакомились с картинами М.А. Джемала, художественными портретами, карикатурами, зарисовками, созданными Ю. Моллаевым, М.К. Юнисилау. На выставке был представлен многофигурный барельеф скульптора Аскара-Сарыджа «Лезгины», также привлекший внимание посетителей.[1]

Дагестанские художники приняли активное участие на первой Северо-Кавказской краевой выставке, организованной в г. Пятигорске в 1935 г. На выставке было выставлено более тысячи картин.

Значительное место на выставке заняли полотна дагестанских художников. Картины М. Джемала «Объявление автономии Дагестана», «Чабаны», «Первое мая» привлекли всеобщее внимание.

Художник Н. Лаков особенно выделился своими портретными работами. Мастерски нарисованные, живые, выразительные образы знатных людей страны гор по праву определили за ним в области портрета первое место.

Удачно были выполнены этюды художника Капаницина. Творчество Ю. Моллаева было представлено картинами «Примирение кровников», «Мальчики, заключающие соревнование» и др. М. Юнисилау представил три эскиза: «Взятие в плен генерала Аргутинского», «Первое заседание военно-революционного комитета под руководством Буйнакского» и «Годекан».

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 257.

Из скульптурных произведений выделялись работы Аскар-Сарыджи.[1]

В 1936 г. дагестанские художники приняли участие в передвижной выставке Северо-Кавказского края.[2]

Профессиональные художники оказывали помощь в росте приобщавшейся к изобразительному искусству талантливой молодежи, активно участвовали в эстетическом воспитании подрастающего поколения. Д. Капаницын многие годы возглавлял студию изобразительного искусства при Доме народного творчества в Махачкале, М.К. Юнисилау руководил детской студией при Доме художественного воспитания детей.[3]

Послеоктябрьский период характеризовался усилением творческой активности мастеров художественного слова дагестанских народов.

Многие дагестанские поэты начинали свою творческую деятельность на страницах местной периодической печати. Так, на страницах аварской газеты «Красные горы» впервые появились стихи Г. Цадасы, в кумыкской газете «Елдаш» – стихи Абдуллы Магомедова. Газета «Дарган» опубликовала стихи Азиза Иминагаева, стихи и рассказы Сайгида Абдуллаева.

Во второй половине 20-х годов произведения дагестанских поэтов начинают выходить отдельными изданиями. Так, в 1926 г. были изданы «Сборник кумыкских песен», «Сочинения» Маная Алибекова и «Сочинения» Магомед-Эфенди Османова (собранные М. Алибековым), а также несколько кумыкских пьес.

В 1927–1928 гг. вышли в свет сборники стихов Саида Габиева на лакском языке, Алимпаши Салатова – на кумыкском языке, а также сборники стихов виднейших представителей дореволюционной дагестанской поэзии – Махмуда из Кахаб Росо и Омара Батырая.[4]

По мнению Эфенди Капиева, к концу «первого послеоктябрьского десятилетия», примерно к 1926–1927 гг., относится «Начало резкого перелома в развитии советских литератур Дагестана», связанного с

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 497–498.

[2] Там же. С. 582.

[3] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. С. 271.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 250–251.

выдвижением «целой плеяды молодых даровитых поэтов и прозаиков, сразу ставшей во главе литературного движения».[1] В плеяду, которую имел в виду Эфенди Капиев, вошли, в частности, М. Чаринов, Ю. Гереев, Г. Гаджибеков, Н. Ханмурзаев, С. Абдуллаев, А.В. Сулейманов, М. Бахшиев, А. Джафаров, А. Аджаматов. В 30-е годы в нее влилось уже новое поколение – Р. Динмагомедов, А. Фатахов, К. Султанов, М. Хуршилов, Ю. Хаппалаев и некоторые другие. Далеко не последнее место в этом ряду занимала живая, энергичная, беспокойная натура самого Эфенди Капиева.[2]

Большое значение в дальнейшем развитии литературы народов Дагестана имело объединение творческих сил республики в единую писательскую организацию. Крупнейшим событием в литературной жизни Дагестана явился первый съезд советских писателей Дагестана (июнь 1934 г.). В ней участвовало 100 делегатов. Съезд продемонстрировал значительный рост дагестанской литературы. Он закрепил результаты работы по сплочению писательских сил, наметил пути, обеспечивающие дальнейшее совершенствование их творчества и еще более быстрое развитие литературы. В дни работы съезда указом Президиума ЦИК Дагестанской АССР старейшим поэтом Сулейману Стальскому, Гамзату Цадасе, Абдулле Магомедову было присвоено почетное звание народного поэта ДАССР.

В августе 1934 г. состоялся первый Всесоюзный съезд советских писателей, сыгравший огромную роль в развитии многонациональной советской литературы. В работе съезда принимала участие делегация писателей Дагестана, в состав которой вошли Сулейман Стальский, Гамзат Цадаса, Багав Астемиров, Аткай Аджаматов и др.[3]

В 30-е годы новыми гранями засверкал талант Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы.

Всесоюзную известность получило самобытное и яркое творчество народного певца Сулеймана Стальского. В стихотворениях «Единоличнику», «Проснись», «Кто вырвал нас из страшных мук» и

[1] *Капиев Э.* Предисловие.//Дагестанская антология. М., 1934. С. 5.

[2] *Гамзатов Г.Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 148.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 254.

др. поэт воспел трудовые подвиги рабочих, крестьян, интеллигенции, бичевал лодырей.[1]

В дни Всесоюзного съезда писателей состоялась встреча Сулеймана Стальского с А.М. Горьким, который в своем заключительном слове на съезде назвал лезгинского поэта «Гомером XX века» и, обращаясь к залу, сказал: «берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

В становлении Стальского как поэта большое значение имели его встречи с А.М. Горьким, Н.С. Тихоновым, В. Луговским, П. Павленко, а также дружба с Н. Самурским, Г. Гаджибековым, Эфенди Капиевым и другими представителями советской интеллигенции, помогавшими держаться в «седле времени».[2]

Литературное наследие Сулеймана Стальского вошло в золотую сокровищницу советской поэзии. Его произведения изданы в нашей стране большими тиражами и переведены на многие языки народов бывшей СССР. Только в 1936–1940 гг. в издательствах Москвы на русском языке стихи и песни С. Стальского были изданы 6 раз тиражом около 70 тыс. экземпляров.[3]

Сулейман Стальский был не только замечательным поэтом, но и активным общественным деятелем, пользующимся большим уважением и любовью трудящихся республики. Он являлся членом ЦИК Дагестанской АССР. Сулейман Стальский был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, но незадолго до выборов, 23 ноября 1937 г., на 69-м году жизни скончался.[4]

Еще более ярко засверкал талант Гамзата Цадасы. Художественным явлением уникального порядка стал первый сборник его произведений с красноречивым названием «Метла адатов» (1934), чем-то родственный сатирический практике В. Маяковского. «Метла адатов» - это тоже своего рода правдивая картина данной эпохи в момент ее комического расставания с прошлым, расставания со смехом. Это смелый, дерзкий, уверенный почерк умудренного опытом художника,

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 206.

[2] *Сулейман Стальский.* Избранное. М., 1986. С. 9.

[3] *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 120.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 255.

мастерски владеющего оружием сатирика и достигающего эстетического развенчивания всего низменного, пошлого и злого в жизни.

«Как куются люди?» назвал Г. Цадаса одно из лучших поэтических созданий начала 30-х годов, в котором к разработке темы революционного труда и человека труда подошел с философско-этической стороны.

Только труд растит людей,
Но труд с душой и вдохновением.
Если разом народ ударит,
То и киркой можно сокрушать скалы.
Дружное старание людей
Может воздвигнуть новые горы.[1]

Цадаса развивает мысль о взаимообусловленности человека и труда: труд формирует человека из «сырого материала», а человек в свою очередь «впрыскивает душу в труд», одухотворяет его. Поэту было свойственно горьковское понимание труда как творчества. Дагестанская советская литература впервые в своей истории ввела в систему моральных критериев человеческой личности общественно полезный труд как важную сферу самосуществования и самочувствия индивидуума.

Творчество корифеев дагестанской поэзии позволяло горцам осмысливать новые явления и процессы, происходившие в жизни многонационального региона, преодолеть негативное, не совместимое с добрыми началами.

Немалый вклад в развитие дагестанской советской литературы внесли в эти годы и такие видные ее представители, как А. Магомедов, А. Гафуров, Р. Нуров, А. Иминагаев, А. Салаватов, Н. Ханмурзаев, З. Гаджиев и другие.[2]

Советское государство делало многое, чтобы создать благоприятные условия для творческого роста молодых литературных дарований. Произведения молодых писателей печатались на страницах национальных газет, выходили в свет отдельными изданиями. Заботливое внимание уделяли литературной молодежи писатели старшего поколения, которые делились опытом своей творческой работы, помогали молодым авторам повысить художественный уровень произведений. В рассматриваемые годы выросли талантливые дагестанские писатели А. Фатахов, Р. Динмагомаев, А.-В. Сулейманов, Ю. Гереев, Э. Капиев, А. Аджаматов, М. Хуршилов и многие другие, с именами которых связаны значительные достижения дагестанской литературы этого периода.[1]

Большое значение в сплочении литературных сил Дагестана, оказании помощи в профессиональном становлении молодых литераторов оказал приезд в республику в 1933 г. делегации московских писателей в составе Н. Тихонова, П. Павленко, В. Луговского. Отмечая важность этого события, Р. Фатуев указывал: «Прибытие в Дагестан писательской бригады, в которую входят такие мастера художественного слова, как Николай Тихонов, П. Павленко и В. Луговской, безусловно, значительное литературное явление…

Сами писатели, прежде чем приехать в Дагестан, в течение долгого времени готовились к этой поездке, изучая исторические, революционные и этнографические материалы. Правда, это представление о Дагестане носит в некоторой степени книжный характер, но все же такая длительная подготовка, которая у каждого исчисляется годами, говорит за успех этой поездки. Все едущие писатели уже сейчас наметили для себя то основное, что должно лечь в основу будущих их произведений…

… В плане работы всей бригады стоят ряд вопросов, которыми она должна будет заняться вплотную и дать ряд больших художественных очерков в центральную прессу. Это прежде всего вопросы социалистического строительства – дорога в горах и проникновение культуры в горные аулы – этим вопросам будет уделено особое внимание».[2]

Знакомство с жизнью трудящихся, поездки по районам и аулам дали возможность выявить подлинно талантливых людей, в частно-

---

[1] *Цадаса Г.* Сочинения. Махачкала. 1977. С. 191.

[2] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала. 1990. С. 96. 100.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 250–251.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 435–436.

сти дали им возможность выявить подлинно талантливых людей, в частности открыть для всего Советского Союза Сулеймана Стальского. В итоге этой поездки литературное издательство в Москве в 1936 г. выпустило на русском языке под редакцией Ставского литературный сборник «Дагестан». Такие поездки московских писателей в нашу республику предпринимались и в последующие годы.[1]

В целом 30-е годы явились важным этапом развертывания деятельности новых учреждений культуры в республике, которые играли всевозрастающую роль в переориентации духовно-эстетических запросов и потребностей дагестанских народов, повышении культурного уровня тружеников города и села.

§ 4. Традиционное и новое в быте тружеников города и села

Успехи и трудности в развитии отраслей материального производства Дагестана оказывали непосредственное влияние на материальное благосостояние и трансформацию быта населения республики. В 30-е годы государственное и партийное руководство страны и республики уделяли значительное внимание осуществлению мер по повышению материального благосостояния населения. В годы предвоенных пятилеток произошли изменения в организации нормирования и оплаты труда. В законодательном порядке был установлен минимум заработной платы, определенный на основе расчетов потребительского бюджета (в 1937 г. минимальные размеры заработной платы были установлены 110-115 руб. в месяц).

Совершенствовались и стимулирующие системы оплаты труда. В наркоматах были утверждены типовые положения о премировании работников. Доля премий в общей сумме заработка в 1940 г. составляла у рабочих – 4,5%, у ИТР – 11%. Получение премий, дополнительный заработок других членов семьи, участвовавших в общественном производстве, играли заметную роль в пополнении семейного бюджета.

9 апреля 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам». Повышенная заработная плата определялась в соответствии с общим и специальным образованием учителей, стажем педагогической работы. Большое значение имело и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке введения персональных званий для учителей и назначение учителей, заведующих и директоров школ», что также отражалось на материальном положении этих категорий служащих.[1]

Эти меры способствовали повышению уровня оплаты труда рабочих и служащих республики. Фонд заработной платы рабочих и служащих в 1937 г. вырос на 186,2% против 1932 г. Среднегодовая зарплата рабочего промышленности Дагестана только за 1934 – 1936 гг. выросла с 1661 руб. до 2208 руб. За 1939 – 1940 гг. фонд заработной платы рабочих и служащих в республике увеличился на 42%, а средняя зарплата – на 25,2%.[2] Увеличились доходы колхозников. В конце 30-х годов многие колхозы равнинных и предгорных районов выдавали на трудодень 5–12 кг зерна, а некоторые и больше. Высокие доходы (8–12 тыс. руб., не считая продуктов по натуральной оплате) получали семьи колхозников виноградарческих хозяйств. Возросла оплата труда в колхозах горных районов. Только за один 1938 г. доходы колхозников выросли на 16 млн. руб., или на 27%.[3]

Несмотря на эти позитивные результаты, к концу 30-х годов в горных районах республики, сохранялись серьезные трудности в обеспечении населения хлебом.

---

[1] *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 123.

[1] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 79.
[2] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 489.
[3] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 227.

Таблица 11

Обеспеченность хлебом работников на душу населения по горным районам Дагестана (данные годовых отчетов)

Районы	Причитается на одну душу зерна в центнерах	
	1939 г.	1940 г.
Гумбетовский	1,3	0,70
Ботлихский	0,1	0,28
Цунтинский	0,6	0,33
Хунзахский	0,8	0,73
Кахибский	0,4	0,72
Гунибский	1,2	0,63
Левашинский	0,9	0,53
Лакский	0,9	0,66
Акушинский	0,9	0,39
Дахадаевский	1,6	1,12
Хивский	1,9	2,02
Курахский	1,5	1,29
Ахтынский	0,8	0,91
Докузпаринский	1,1	0,77
Цумадинский	0,4	0,28
Цунтинский	0,23	-
Гляратинский	0,2	0,71
Чародинский	0,7	-
Кулинский	0,5	0,49
Агульский	0,9	0,69
Рутульский	0,9	0,78
Всего по горным районам	0,9	0,72[1]

Из этих данных явствует, что в целом по горным районам и 14 административным единицам республики в 1939–1940 гг. наблюдалось ухудшение обеспеченности хлебом колхозников в расчете на душу населения.

Благоприятно на улучшение материального благосостояния населения Дагестана, как и других регионов страны, отразились меры, осуществленные директивными органами по упорядочению торговли хлебом, продовольственными товарами, отмена карточной системы и неоднократное снижение цен на продовольственные и промышленные товары.

[1] ЦГА РД. Ф. р-260. Оп. 35. Д. 12. Л. 83.

Параллельно с этим государство оказывало материальную поддержку многодетным семьям. Кроме ассигнований по бюджету Дагестана на родильные и детские дома, ясли, детские сады и т.д., за десять лет (с 1926 по 1936 г.) из союзного бюджета на пособия многодетным и одиноким матерям было израсходовано 26 млн. руб.[1] Однако этих средств было недостаточно. Острой оставалась и проблема обеспечения детей школьными учреждениями в городах и сельских населенных пунктах многонационального региона, что создавало дополнительные трудности в воспитании подрастающего поколения и вовлечении женщин в отрасли народного хозяйства и общественно-политическую и культурную жизнь.

В 30-е годы одной из наиболее важных, требующих огромных усилий властных структур проблем быта, оставалась проблема обеспечения населения республики жильем. Эта проблема в рассматриваемый период в дагестанском городе обострялась в связи с расширением масштаба индустриального строительства и ростом численности городского населения.

Советское государство в годы довоенных пятилеток, проводя политику ускоренной индустриализации, не распологала еще достаточными средствами и ресурсами на адекватное развитие социальной сферы, в том числе и жилищного строительства. На темпах жилищного строительства в республике отражалась и слабость материальной базы жилищно-строительных организаций, которые зачастую не справлялись с государственными планами по его развитию.

Властные структуры понимали серьезность проблемы обеспечения городских семей жильем. Обком партии и ЦИК ДАССР 17 сентября 1931 г. на совместном заседании рассмотрели вопрос о положении дел жилищно-коммунальном хозяйстве городов республики. Отметив его неудовлетворительное состояние и низкие темпы жилищного строительства, наметили мероприятия по его ускорению. Городским партийным и советским органам, хозяйственным организациям предлагалось усилить внимание этому вопросу.

Возросло финансирование жилищного строительства. За 1932–1933 гг. вложения в эту отрасль составили 6963,5 тыс. руб., не считая

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 487.

затрат на административное строительство.[1] Всего за первое пятилетие на городское жилищное строительство в республике было вложено 12561 тыс. руб.[2] За 1928–1932 гг. в городах и рабочих поселках Дагестана было капитально отремонтировано и вновь построено 230 тыс. кв. м. жилья. В 1932 г. общая жилплощадь городов республики составила 624,7 тыс. кв. м., что на 145,2 тыс. кв. м. больше по сравнению с 1927/28 г.[3]

В целом объем жилищного строительства в городах республики был недостаточен, ввод нового жилья отставал от темпов роста численности населения. К концу пятилетки на одного городского жителя в Дагестане в среднем приходилось 3,9 кв. м. жилья, что значительно ниже установленной санитарной нормы.

Положение с обеспечением жильем городского населения в республике оставалось острой и во второй пятилетке. При продолжавшемся быстром росте городского населения, финансирование жилищного строительства росло медленно. В 1934–1937 гг. на ее развитие было ассигновано 3754,8 тыс. руб.[4] Финансовые средства, выделяемые на капитальное строительство, осваивались не полностью.

Большая часть бюджетных средств направлялась на строительство и ремонт жилищного фонда Махачкалы. За три года второй пятилетки (1933–1935) в столице республики было построено 19,4 тыс. кв. м. нового жилья.[5] Однако такие темпы жилищного строительства из-за быстрого роста населения Махачкалы и других городов были не в состоянии снизить нехватку жилья. К концу второй пятилетки городское население республики увеличилось в 2 раза, жилищный же фонд за это время вырос только на 40%. Так, в Махачкале в среднем на одного жителя в 1937 г. приходилось всего 3,7 кв. м жилья, в Дербенте – 4,7 кв. м., Буйнакске – 4,8 кв. м, Кизляре – 3,8 кв. м, Хасавюрте – 3,9 кв. м.[6]

[1] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 104.
[2] Там же. Д. 4120. Л. 53.
[3] Там же. Ф. р-260. Оп. 16. Д. 11. Л. 84.
[4] Там же. Л. 102
[5] Там же. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3468. Л. 14.
[6] Там же. Д. 4120. Л. 57.

В 1937 г. общий жилищный фонд городов Дагестана составлял 710 тыс. кв. м.[1] Основная часть жилых домов еще не имела централизованного отопления, была без необходимых удобств. Дома в значительной части строились из самана и дерева, требовали большого ухода и были недолговечны.

Отдельные промышленные предприятия и ведомства, учитывая остроту жилищной проблемы, разворачивали ведомственное строительство. Так, для улучшения жилищных условий рабочих фабрики им. III Интернационала предусматривалось строительство на 1939 г. 80 индивидуальных квартир. Заводом «Дагестанские Огни» были отпущены на постройку 30-квартирного дома 28,0 тыс. руб., а в 1940 г. на индивидуальное строительство 60 тыс. руб.[2]

В целом к началу Великой Отечественной войны жилищная проблема в городах и рабочих поселках Дагестана оставалась острой, потребность жителей в жилье еще не удовлетворялась. Многие рабочие семьи продолжали ютиться в коммунальных квартирах и бараках.

Как и в предшествующий период, реставрация и строительство новых домов в сельских населенных пунктах практически полностью велось за счет сбережений и трудом колхозников, рабочих совхозов, специалистов сельского хозяйства, учителей, врачей и других представителей сельской интеллигенции. В 30-е годы в дагестанском селе начало практиковаться строительство домов и квартир для приезжих специалистов за счет бюджетных ассигнований, средств колхозов, совхозов. Однако масштабы этого строительства были ограничены и далеко не удовлетворяли потребность специалистов в жилье. В 1940 г. из 31 района республики 17 не имели собственного жилищного фонда для работников и специалистов районных учреждений. В тех же районах, где жилищный фонд имелся, он был весьма ограничен. Например, в Тлярате был 171 кв. м государственного жилья, в Шаури – 63 кв. м., Хиве – 60 кв. м и т.д.[3]

Нехватка жилья была одной из важнейших причин текучести специалистов в сельской местности республики.

[1] Там же. Ф. р-260. Оп. 16. Д. 11. Л. 93.
[2] *Гаджиев А.С., Караева Д.К.* Рост материального благосостояния и культуры рабочего класса Дагестана (1920–1940 гг.) // Рабочий класс Дагестана в период строительства социализма (1920–1940). Махачкала. 1983. С. 122.
[3] ЦГА РД. Ф. р-260. Оп. 19. Д. 129. Л. 12.

В анализируемый период сохранялась хорошая традиция дагестанских народностей – помощь и активная поддержка трудоучастием и материально родственников, друзей, соседей, семье, которая отстраивалась. Как и в предшествующие периоды, дома продолжали строиться из самана и камня. Постепенно происходила трансформация жилища сельского жителя. В связи с активным распадом больших многопоколенных семей количество комнат в домах сокращалось. Они становились просторнее, все чаще обставлялись фабричной и заводской мебелью, утварью. Об этом косвенно свидетельствовало увеличение розничной торговли в дагестанском селе. Ее объем (в ценах соответствующих лет) с 14,2 млн. руб. в 1937 г. возрос до 20,3 млн. руб. в 1940 г.[1]

Социально-экономические и культурные преобразования, изменения анализируемого периода нашли отражение в одежде народов Дагестана.

В 30-е годы в республике широкое распространение получают сафьяновые («азиатские») мужские чувяки с голенищами, близкие по покрою к традиционной обуви горцев Дагестана. Чувяки и голенища соединялись при помощи сафьяновых петель и пуговиц. Верх чувяк и голенища покрывались строчкой. К чувякам пришивалась подошва из кожи.

С гимнастеркой и галифе стали носить фуражки; распространились также шапки-ушанки. Непосредственно после гражданской войны мужчины носили и шапки-буденовки, которые затем вышли из употребления.

Очень широко распространилась известная еще до революции так называемая кавказская рубаха. Начиная с 20-х годов, в течение почти всего довоенного периода она заменяла традиционный бешмет.

В новых условиях меняются требования горцев к качеству материалов. Одежду стали шить из добротных тканей, приобретаемых по вкусу хозяина. Постепенно расширяется и гардероб горца – появляется несколько комплектов выходной и каждодневной одежды. Традиционные овчинные папахи стали шить из среднеазиатского каракуля или мерушки. Кавказская рубаха, брюки-галифе, азиатские чувяки с

[1] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. Сборник. С. 185.

голенищами или обычные сапоги (в некоторых районах – шерстяная вязаная обувь), папаха из каракуля – вот комплекс одежды, имевший наиболее широкое распространение в довоенный период среди сельского населения. Интеллигенция носила и двубортный костюм с брюками навыпуск, городские ботинки, фуражки. Галстуки и шляпы прививались медленнее, и в довоенный период сельское население их почти не носило.

Таким образом, одежда горца в довоенный период представляла собой своеобразное сочетание элементов традиционной одежды и новой, проникшей из города. Это сочетание особенно бросалось в глаза в районах, далеких от культурных центров. В селениях, расположенных вблизи городов, новые формы одежды прививались быстрее. Более устойчиво сохранялись традиционные формы головных уборов, хотя и здесь шел процесс замены старых форм новыми.[1]

Существенные изменения претерпевает и женская одежда. Однако процесс изменения женского костюма в Дагестане был более сложным и своеобразным.

Борьба за преобразование культуры и быта трудящихся Дагестана, которую вели местные партийные и советские организации, включала в себя и движение за улучшение санитарного состояния одежды, за более рациональные и удобные ее формы.

Большую роль в борьбе за новый быт сыграли женские советы, организованные в каждом населенном пункте и руководимые местными партийными и советскими организациями, а также делегатские собрания. Не меньшую роль сыграли и созданные в окружных центрах Дагестана специальные «комиссии по улучшению труда и быта горянок», одной из функций которых была пропаганда новых форм бытовой культуры.

Большая пропагандистская работа проводилась, в частности, через школу, сакли горянок, женские клубы и т.д.

В рассматриваемое время повсеместно развернулась и кампания против неудобных видов головных уборов – «долой чадру!» (ее носили в Дагестане только дербентские азербайджанки). Азербайджанки – активистки, показывая пример, в присутствии других женщин селе-

[1] *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – начало XX в. М., 1981. С. 133–134.

ния, обычно в клубе, сакле горянок, публично выбрасывали традиционную чадру как символ закрепощения, бескультурья и торжественно надевали обычные платки.

Охотней всего на эту кампанию откликались школы, где она проводилась более организованно и целеустремленно. За короткий период школа добилась того, что школьницы перестали носить большие покрывала, черные широкие штаны, черную туникообразную рубаху, заменив их более удобными платками, бельем и платьем светлых тонов.

Не меньшее значение в борьбе за новый быт имела кампания «Пальто – горянке!», что было связано с необходимостью замены неудобных и тяжелых овчинных шуб легкой и в гигиеническом отношении совершенной зимней одеждой, стремлением приобщить горянку к городской культуре.

Пропаганда новых форм одежды сопровождалась передачей навыков кройки и шитья, стирки, глажения, хранения. Сакли горянок проводили для молодых женщин и девушек инструктивные занятия, консультации по всем этим вопросам.

Процесс изменения одежды протекал в аулах Дагестана неравномерно. Наибольшему культурному воздействию в первые годы советского строительства подвергались пригородные селения, рабочие поселки и административные центры. В отдаленных селениях традиционный быт был более устойчив. В частности, здесь долго сохранялись этнические и локальные особенности женской одежды, наблюдалась большая приверженность населения к ее старым формам. Это, однако не означало, что городская одежда не имела здесь никакого распространения.[1]

Являясь одной из самых консервативных областей материальной культуры, пища народов Дагестана в послеоктябрьский период, особенно в 30-е годы, претерпела определенные изменения, связанные с усилением межэтнических контактов и социально-экономическим преобразованиями. Как отмечала профессор С.Ш. Гаджиева национальная пища кумыков и в условиях советского строя почти полностью сохранила свою самобытность. Исчезли только такие блюда, печенья и напитки, появление и существование которых вплоть до

[1] Там же. С. 136–137.

революции было вызвано бедственным положением трудящихся масс (арпа этмек, арпа гьинкал, арпа ярма – из ячменя, халвахудур, умачшорпа, аткъулакъ чуду, буза, чай из айвовых листьев и т.д.).

Наряду с сохранением лучших национальных блюд, кумыкская кухня значительно обогатилась под влиянием городской русской кухни и кухни других братских народов. Этому способствовали, с одной стороны, расширившиеся культурно-экономические связи с различными народами нашей страны и прежде всего с русским народом, с другой, изменение профиля хозяйства кумыков в годы социалистического строительства.[1]

Важную роль в привнесении и распространении среди дагестанских народов блюд русской и других народов страны кухни (борщ, щи, фаршированные блюда, пироги, пирожки с разной начинкой и т.д.) сыграло развитие в городах и сельских населенных пунктах предприятий общественного питания. В начале 1941 г. в республике насчитывалось 309 предприятий общественного питания, в том числе 160 столовых, ресторанов и чайных, 149 закусочных и буфетов.[2] Объем торговли предприятий общественного питания Дагестана с 3,7 млн. руб. в 1937 г. возрос до 7,6 млн. руб. в 1940 г. (в ценах соответствующих лет).[3] Однако в общем розничном товарообороте доля общественного питания к концу анализируемого десятилетия была невелика. В 1940 г. она равнялась 13,3%.[4]

В 30-е годы наблюдалось увеличение и общего объема торговли в республике. Это обеспечивалось увеличением оплаты труда рабочих и служащих, улучшением материального благосостояния сельских семей. Общий объем розничной государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание в республике с 39,1 млн. руб. в 1937 г. увеличился до 57,2 млн. руб. в 1940 г. (в ценах соответствующих лет). Розничный товарооборот городской торговли за эти годы соответственно равнялся 24,9 и 36,9 млн. руб.[5] Иными сло-

[1] *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков XIX – XX вв. Махачкала. 1960. С. 166.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. Сборник. С. 183.

[3] Там же. С. 185.

[4] Там же.

[5] Там же.

вили свыше 18,5 млн. руб. Было проложено и реконструировано 608 км дорог, 2644 м мостов и труб. Методом народной стройки проводились и улучшались горные дороги Шиляги-Варсит, Гуниб-Кумух, Дылым-Чирюрт и др. К 1940 г. протяженность благоустроенных гужевых и автомобильных дорог в республике достигла – 11600 км. Было организовано маршрутное автобусное сообщение. В 1940 г. автомобильный парк Дагестана насчитывал 2343 грузовые, легковые и другие автомашины. Развивался также гражданский воздушный флот.[1]

Позитивные изменения в наращивании индустриального потенциала республики в анализируемое десятилетие обуславливали высокие темпы прироста городского населения. В 30-е годы в Дагестане возникли новые рабочие поселки – Каспийск и Избербаш. Первое было связано со строительством большого оборонного предприятия «Двигатель», а второе с разработкой нефтяных месторождений в районе Ачи-Су и Избербаша. Со времени Всесоюзной переписи населения 1926 г. доля городского населения в общей численности в республике возросла на 11% и составила по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. 22%. Рост в абсолютных данных за эти годы составил 135,5 тыс. и достиг в 1939 г. 220,5 тыс. человек.[2]

Дагестанские города по составу населения являлись интернациональными. В них проживали представители дагестанских и многих других народов страны. Это создавало благоприятные возможности и условия для духовного взаимообогащения, восприятия новых духовно-нравственных ценностей, пропагандируемых в стране.

Значительную роль в развитии экономики республики, обеспечении материального благосостояния значительной части населения продолжали играть традиционные художественные промыслы, объединенные в промысловые кооперативы. В годы второй и мирных годах третьей пятилеток они продолжали увеличивать выпуск продукции. Так, если в 1933 г. они произвели продукции на 5,8 млн. руб., то в 1937 г. – на 15,6 млн. руб. За один 1937 г. металлообрабатывающие артели системы «Дагразнопромсоюза» выработали изделия более чем

[1] Там же. С. 314.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. Махачкала, 1972. С. 14.

на 1 млн. руб. Производительность труда кустарей, работавших в системе «Дагковерсоюза», с 1934 г. по 1937 г. возросла в 2,5 раза. Продукция промысловых артелей «Дагтекстильпромсоюза» за вторую пятилетку выросла с 6 млн. руб. до 14 млн. руб., или более чем в 2 раза.[1]

Ковровые артели стали поставщиками ценного в этот период экспортного товара. По ковровой продукции, идущей на экспорт, Дагестан в 30-е годы занимал одно из первых мест в Союзе. Только в 1934 г. из республики было отправлено в Германию, Данию, Англию, США около 9 тыс. кв. м. ковров.

Нередки в этот период были творческие поездки для обмена опытом мастеров и специалистов артелей Дагестана в Москву, другие города и регионы страны. В 1939 г. в НИИ художественной промышленности повышало квалификацию девять работников ковровых артелей Дагестана.[2]

Изменение организации труда мастеров художественных промыслов отражалось на условиях их труда, принципах и объемах оплаты труда.

Вместе с тем, история становления художественных артелей Дагестана в 20–30-е годы отмечена и многими недостаточно продуманными реорганизациями артелей, связанными с проводившейся в стране политикой сплошной коллективизации. С началом массового создания колхозов многие артели были вынуждены войти в состав сельхозартелей как подсобные производства. Мастеров одновременно с членством в артелях обязывали вступать в колхозы. Более того, членство в колхозе считалось основным и мастеров часто мобилизовывали на сельхозработы. Только ковровщиц иногда освобождали от такой повинности для выполнения экспортных заказов.[3] Такое отношение к труду мастеров негативно отражалось на художественном уровне производимых ими изделий.

Несмотря на быстрое развитие промышленности и увеличение объемов производимой ею продукции, основная масса трудоспособ-

[1] *Алиев А.И.* Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. Махачкала, 1969. С. 77.

[2] *Магомедов А. Дж.* Художественные промыслы Дагестана в XX веке. Махачкала, 2003. С. 61–62.

[3] Там же. С. 69.

ного населения республики было занято в аграрном производстве, проживало в сельской местности. По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в сельской местности республики насчитывалось 802,8 тыс. человек, или 78% от общей численности.[1]

ХУ съезд партии (декабрь 1927 г.) взял курс на массовую коллективизацию крестьянских хозяйств без учета уровня социально-экономического развития, национальных особенностей различных регионов страны. Коллективизация по степени влияния на судьбы крестьянства превзошла все другие акты Коммунистической партии и Советского государства, оказала огромное влияние на политическую обстановку, производство аграрной продукции, темпы, ход и итоги социально-культурных преобразований и изменений на селе.

Следует отметить, что по уровню социально-экономического развития дагестанское село не было готово к осуществлению политики сплошной коллективизации. Это, в первую очередь, относилось к горным районам республики. Так, к началу 30-х годов 60% населения Дагестана, проживавшая в горных районах, находилась вне системы коллективного хозяйства.[2]

Несмотря на это, партийные и советские органы республики, руководствуясь директивными установками, приступили к осуществлению политики массовой коллективизации крестьянских хозяйств. Хотя в партийно-государственных установках на коллективизацию декларировался принцип добровольности, с желанием крестьян не очень считались. Многих горцев под угрозой применения налогового пресса, административных преследований, раскулачивания и выселения, партийные и советские органы республики вынуждали вступать в колхозы. При этом земельные наделы и скот обобществлялся.

В спецбюллетени Даготдела ОГПУ о ходе посевной компании, коллективизации в дагестанском селе и настроении населения в связи с этими мероприятиями от 9 апреля 1930 г. сообщалось: «В Табасаранском районе в сел. Турач в период организации колхозов, за отказ вступить в колхоз было арестовано несколько бедняков и середняков

[1] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 14.

[2] ЦГА РД. Ф. р-276. Оп. 4. Д. 4. Л. 8.

уполномоченным бригады Бабаева. То же имело место в сел. Кулиф со стороны инструктора РИКа Магомедова Али.

В Лакском районе в сел. Дучи, Гуши, Кобра уполномоченный по проведению сельхозкомпании народный судья Рамазанов использовал следующие приемы для вовлечения крестьян в колхозы: «Кто не войдет в колхоз – тот будет выслан в Архангельск». Услышав это, все крестьяне стали вступать в колхоз.

В сел. Коркмасовка Махачкалинского района по настоянию работников бригады, присланной райкомом ВКП(б), были арестованы за выступление против колхоза несколько середняков, в том числе одна женщина.

В сел. Самуркент Махачкалинского района во время организации колхоза докладчик заявил гражданам: «Я дам письменный приказ, чтобы отпускали из кооперации все дефицитные товары только членам колхоза...»».[1] Аналогичные примеры и факты были нередки и в других населенных пунктах и районах республики.

Административный произвол и меры принуждения к вступлению в колхозы вызывали массовое недовольство и прямые вооруженные выступления горцев. Так, в разведывательной оперативной сводке оперативного штаба Дагестанского отдела ОГПУ «О положении в Южном Дагестане по состоянию на 20 часов 27 апреля 1930 г.» отмечалось: «26 апреля с. г. в Курахском районе под руководством шейха Штульского и сына шейха Атарского организовалась повстанческая банда в количестве 100 человек. Банда появилась в районе сел. Ашакент, в 5 км от Кураха».

Высланный из Кураха отряд партийцев в количестве 22 человек с 5 часов утра 26 апреля вел перестрелку с бандой. К 12 часам дня число бандитов возросло до 500 человек, которые заняли позицию по горному хребту западнее Кураха. По сведениям бандиты намерены были, овладев Курахом, двинуться на Касумкент.

Высланные, сегодня утром в Касумкент начальник КРО Зуськов с сотрудниками ДО ОГПУ, доехав до Белиджи, выявили, что телеграфно-телефонная линия Белиджи-Касумкент и Белиджи-Ахты попорчена повстанцами.

[1] Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Махачкала. 2007. С. 157.

По донесению начальника заставы, высланной на границе Азербайджана в сел. Оружба, его посты утром были обстреляны повстанцами.

В 19 часов из Белиджи от Зуськова была получена телеграмма о том, что Касумкент сегодня утром занят повстанцами. Убит секретарь райкома ... Банда выступает под лозунгами «Власть шариата».[1] Это и другие аналогичные антиколхозные вооруженные выступления в республике, безжалостно подавлялись, активные участники подвергались суровым наказаниям, вплоть до расстрела.

В результате допущенных ошибок и перегибов колхозному движению в Дагестане был нанесен значительный урон. Многие ранее организованные коллективные хозяйства распадались.

И.В. Сталин и его соратники были озабочены трудностями, вставшими на пути перевода единоличника на коллективный путь развития. По поручению ЦК ВКП(б) 2 марта 1930 г. Сталин выступил со статьей «Головокружение от успехов», 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». 3 апреля 1930 г. в газете «Правда» была опубликована другая статья И.В. Сталина «Ответ товарищам колхозникам».[2] В постановлении ЦК партии и статьях Сталина были раскрыты многие трудности на пути осуществления массовой коллективизации и намечены пути их устранения.

Принятые в тот период, хотя и с запозданием, меры партии помогли устранить грубейшие нарушения. Решением бюро обкома партии от 10 марта 1930 г. за ошибки и перегибы, допущенные при коллективизации, были сняты с работы и привлечены к партийной ответственности секретари Шелковского, Ахтынского, Ботлихского, Гунибского, Казбековского райкомов партии и председатель Казбековского райисполкома. Были проведены кустовые совещания партийно-советского актива с докладами членов бюро обкома партии о мерах по устранению недостатков в колхозном движении.[3]

---

[1] Там же. С. 162–163.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК. М., 1972. Т. 5. С. 101–104, 164.

[3] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 149.

Вследствии ослабления давления произошел значительный отлив горцев из колхозов. По данным 19 районов республики на 1 апреля 1930г. в колхозах из числившихся 53678 хозяйств осталось 15107 хозяйств, что составляло в отношении общего количества хозяйств этих районов (исключая кулацкие) – 12,2%.[1] На 12 августа 1930 г. колхозы Дагестана объединяли 9800 хозяйств, в подавляющей массе батраков и бедняков.[2]

В первый период массовой коллективизации в республике преобладала артельная форма организации общественного хозяйства. В августе 1930 г. из общего числа 358 колхозов Дагестана сельскохозяйственных артелей было 324, товариществ по совместной обработке земли – 27, коммун – 7.[3] Колхозы на этом этапе в подавляющей массе оставались мелкими. В апреле 1930 г. на один плоскостной колхоз приходилось 42 хозяйства, а на один горный колхоз – 29 хозяйств (данные 6 плоскостных и 6 горных районов).[4] Это создавало значительные трудности в развитии материально-технической базы и увеличении производства сельскохозяйственной продукции в них.

Несмотря на острую нехватку финансово-материальных ресурсов, властные структуры республики уделяли пристальное внимание укреплению материально-технической базы колхозов. Только за один год, с октября 1930 по октябрь 1931 года количество сельскохозяйственных машин и орудий в сельхозартелях увеличилось почти в 2,5 раза, а в производственных объединениях почти в 2 раза. В колхозах появился первый комбайн.[5]

Усиление технической базы сельского хозяйства позволило приступить к созданию первых МТС. Весной 1931 г. в Дагестане были созданы 5 МТС, располагавших 178 тракторами, 5 грузовыми автомашинами. В соответствии с постановлением Совнаркома ДАССР от 3 февраля 1931 г. они были организованы в Ачикулакском, Кизлярском, Хасавюртовском, Буйнакском, Дербентском районах с местона-

---

[1] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг.: Сб. документов. В 2-х частях. Махачкала, 1976. Ч. 1. С. 237.

[2] Там же. С. 274.

[3] Там же. С. 273.

[4] Там же. С. 235.

[5] История советского крестьянства Дагестана.1917-1980гг. В 2-х т. Махачкала, 1986. Т. 1. С. 186.

хождением в соответствующих райцентрах. МТС обслуживали 212 колхозов, и весной 1931 г. с их помощью было вспахано около 34 тыс. га и посеяно около 38 тыс. га яровых.[1]

Появление на крестьянских полях первых тракторов оказывало на крестьян, привыкших иметь дело в лучшем случае с железным плугом и волами в качестве тягловой силы, огромное впечатление. Вот как это происходило в сел. Эрпели Хасавюртовского района по описаниям очевидцев: «Настоящим праздником для жителей стал тот день, когда в селение въехал трактор «Фордзон». За рулем трактора восседал комсомолец М. Зубаиров. Трактор сопровождала толпа людей. Одни с восхищением, другие с недоверием смотрели на это железное чудо. Когда трактор остановился, то его хлопали ладонями, били кулаками и удивленно покачивали головами. «А чем кормить?» - спрашивали одни, «А если он умрет, – сомневались другие, – опять на буйволах пахать?»».[2]

Тракторы и другая современная техника была рассчитана на работников с соответствующим образованием и квалификацией, вносили в сельский быт новую агротехнику. Они оказывали значительное влияние на умонастроение и взгляды горцев.

Первые МТС были созданы в равнинных зерновых районах республики и сыграли огромную роль в дальнейшем развертывании колхозного строительства. В весенний сев 1931 г. – в первый свой сев – МТС продемонстрировали преимущества сосредоточения сельскохозяйственной техники в крупных станциях. Из 324 колхозов в период сева МТС обслужили 212. Они вспахали и засеяли 71867 га колхозной земли.

В колхозах, обслуживаемых МТС, на одно хозяйство было вспахано и засеяно больше, чем на 1 коллективизированное хозяйство в среднем по Дагестану.[3]

Эти позитивные результаты и примеры, в сочетании с широкой разъяснительной работой среди широких слоев крестьянства о необходимости перехода на коллективный путь развития аграрного производства, способствовали дальнейшему развитию колхозного строительства в дагестанском селе. В конце 1932 г. в республике насчитывалось 840 колхозов, 7 коммун и 41 простейшее объединение, которые охватывали 42012 хозяйств (22,6%) во всех частях Дагестана.[1]

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 152

[2] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 379.

[3] *Османов Г.Г.* Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961. С. 120.

В колхозном строительстве Дагестана, как и других регионов страны, несмотря на определенное послабление, сохранялись меры административного принуждения и запугивания. Осуществлялось массовое раскулачивание и выселение в отдельные северные районы, в Среднюю Азию и Казахстан с конфискацией имущества зажиточной прослойки крестьянства – кулачества.

Мероприятия по раскулачиванию обсуждались на собраниях батрацко-бедняцких масс. Раскулачивание и выселение кулаков проводилось в основном силами правоохранительных органов и ГПУ, в его проведении участвовали также партийные, советские работники, батрацко-бедняцкий актив. На основе решений партийных, советских органов было раскулачено 350 хозяйств. В связи с завершением мероприятий по раскулачиванию Центральная комиссия по учету и раскулачиванию кулацких хозяйств была распущена.[2]

Конфискованное при раскулачивании имущество было передано колхозам, что имело немаловажное значение для укрепления их материальной базы. Всего в 1930 г. в колхозах находилось кулацкого имущества на сумму в 283645 руб. 97 коп., в то время как их неделимые фонды составляли 669863 руб. 83 коп.[3]

Окончательная ликвидация кулачества как класса в Дагестане стала возможна в более поздние, чем в целом по стране сроки. В 1935 г. кулацкие хозяйства равнинных и предгорных районов были выселены в Южно-Казахстанскую область Казахской ССР. В 1936 г. на основе массового колхозного движения, горные районы перешли к политике ликвидации кулачества как класса. Кулацкие семьи из горных районов в основном были выселены во Фрунзенскую область Киргизии. В течение 1930–1932 и 1935–1936 годов было раскулачено и выселено приблизительно 1600 кулацких семейств, что составляло менее одного процента общего количества крестьянских хозяйств или около

[1] История Дагестана в 4-х т. т. 3. С. 235.

[2] *Османов А.И.* Ликвидация кулачества в Дагестане. Махачкала. 1972. С. 111.

[3] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х Т. Т. 2. С. 150.

19% всех кулацких хозяйств. Остальные кулаки остались на прежних местах жительства или переехали в города.[1]

В 30-е годы властные структуры республики продолжали политику организованного переселения горцев на равнину. К середине 1931 г. на Яракаевский участок Хасавюртовского района было переселено 91 хозяйство, из них 60 хозяйств из Лакского и 31 хозяйство из Цумадинского районов. Из всех переселившихся хозяйств 69 хозяйств (75,8%) возвратились обратно в горы. Основная причина возврата – отсутствие нормальных жизненных и бытовых условий. Все это осложняло работу различных комиссий, агитаторов по вербовке переселенцев в районах республики.

Недостатки в работе по вербовке переселенцев были отмечены бригадой Наркомзема РСФСР, которая ознакомилась с ходом переселения за 1928–1930 гг. и с планами переселения на 1931 г. За этот период было переселено 639 хозяйств, при плане переселения 1010 хозяйств. Кроме того, без хозяйственной и финансовой помощи переселились 226 хозяйств. Среди причин невыполнения плана бригада отметила: отсутствие земельных фондов, несвоевременное выделение кредитов.

Массовые компании по коллективизации сельского хозяйства, раскулачиванию и выселению кулацких хозяйств отвлекали внимание партийных и советских органов и отодвигали на второй план вопросы земельно-водной реформы и переселения горцев на равнину. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» предусматривалось сселение хуторских крестьянских хозяйств и колхозников в основные населенные пункты как одно из важнейших мер по сохранению общественных земель.

Сселением крестьянских хозяйств, вплотную пришлось заниматься и руководству республики. Президиум Бабаюртовского райисполкома 5 августа 1939 г. обратился в Совнарком ДАССР о сселении 172 хозяйств и выделении для этих целей 68265 руб. Совнарком согласился сселить 117 хозяйств и выделить 58500 руб. Через некоторое время другим постановлением Совнарком выделил Бабаюртовскому району 90500 руб. на сселение 182 хозяйств и 7 хуторов колхоза им. К. Маркса.

[1] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 188-189.

Районные организации обращались в Совнарком и другие республиканские организации с просьбой ускорить решение вопросов переселения горцев из малоземельных районов. Из-за несвоевременного решения этих вопросов они вынуждены были стихийно переселяться не только во внутренние районы республики, но и за ее пределы. 25 хозяйств Рутульского района переселились в Кахский район и 51 хозяйство в Закатальский район Азербайджанской ССР. 400 хозяйств из Тляратинского района переселились в Кварельский район Грузинской ССР и построили себе дома и надворные постройки.

Совнарком ДАССР и бюро обкома партии на совместном заседании 5 апреля 1940 г. рассмотрели и утвердили представленный Переселенческим отделом Совнаркома план переселения в третьей пятилетки. Всего планом межреспубликанского и внутрирайонного переселения намечалось переселить 7760 хозяйств, в том числе в 1940 г. за пределы Дагестана – 165 хозяйств, внутри республики – 510 и внутри районов – 180 хозяйств. Всего 855 хозяйств или 11,1% от плана на третью пятилетку.

Для переселенцев создавались 8 крупных хозцентров и к ним применялись льготы по переселению, предусмотренные постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 17 ноября 1937 г.

Помимо общих планов переселения, Совнаркомом республики рассматривались и отдельные обращения граждан и общественных хозяйств о переселении их с гор на равнину. Так, 4 июня 1940 г. СНК была одобрена инициатива колхозников колхоза им. Сталина Чародинского района о переселении 54 хозяйств колхоза в колхоз Ворошилова сел. Чирюрт Кумторкалинсого района. Для них были подготовлены 48 домов и принято решение об оказании им хозяйственной помощи, а также просьба в адрес Совнаркома СССР о выделении им кредита в сумме 108 тыс. руб. из расчета 2000 руб. на каждое хозяйство.[1]

Несмотря на трудности и нерешенные проблемы, осуществление организованного переселения горцев на равнину способствовало их

[1] Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920–1945 гг.): Документы и материалы. В 2-х т. Махачкала, 2006. Т. 1. С. 8–9.

переходу к новым формам хозяйствования и усилению интереса к светскому образованию, новым духовным ценностям.

Важным каналом пропаганды новых коллективных форм хозяйствования, передовых методов и приемов труда являлись совхозы.

Совхозы помогали не только колхозам, но и индивидуальным крестьянским хозяйством в проведении пахоты, ремонте сельскохозяйственного инвентаря, обеспечении семенами, агрономическим, ветеринарным и зоотехническим обслуживанием. Так в 1929 хозяйственном году совхоз «Аксай» своими тракторами вспахал в колхозах 225 га и в бедняцких хозяйствах 587 га, совхозы «Новлубтреста» в порядке помощи колхозам и бедняцким хозяйствам – 520 га, совхоз им. Р. Люксембург – 120 га и выделил колхозам семена. Весной 1931 г. четыре, а в 1932 г. 11 совхозов республики направили свои тракторы в колхозы для обработки полей. Площадь обработанной ими земли в 1932 г. составила 2 тыс. га.

Вопрос о помощи колхозам и окрестному населению нередко включался в производственные планы или социалистические обязательства совхозов. Так, огромную помощь колхозам республики оказывали совхозы «Овцеводтреста». В 1931–1933 гг. овцеводческие совхозы передали на комплектование колхозных ферм и колхозникам более 50 тыс. голов овец и 2 тыс. голов крупного рогатого скота, а для качественного улучшения овцеводства 2 тыс. баранов – производителей.[1]

Несмотря на помощь и поддержку колхозного движения, совхозов в Дагестане было мало и их возможности в ввиду экономической слабости подавляющего большинства в этом плане были весьма ограничены.

Принятыми партийными, советскими органами мерами удалось довести процент коллективизации крестьянских хозяйств в республике к концу 1934 г. до 28, При этом в равнинных и предгорных районах коллективизацией соответственно было охвачено 65,4% и 42% крестьянских хозяйств.[2] Число колхозов в горах увеличилось до 107 и кооперативных товариществ до 555 против 71 колхоза и 80 объединений в 1930 г. Число хозяйств, охваченных колхозами и объединениями, увеличилось до 24 тыс.[1] Иными словами сохранялись существенные различия в темпах коллективизации крестьянских хозяйств в различных зонах Дагестана.

[1] *Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане 1920–1980 гг. М., 1982. С. 29–30.

[2] Очерки истории Дагестана в 2-х т. Махачкала, 1957. Т. 2. С. 239.

Учитывая низкие тепы коллективизации в горных районах, властные структуры республики усилили внимание колхозному строительству в этой зоне. В горных районах был взят курс на создание простейших производственных объединений по животноводству и садоводству как наиболее доступных и понятных для широких масс горцев форм коллективизации. Наркомземом и Дагколхозсоюзом были выработаны примерные уставы простейших производственных объединений (ППО) и товариществ по совместной обработке земли с учетом особенностей горных районов. При вступлении в производственное объединение крестьяне должны были вносить вступительный взнос в зависимости от мощности хозяйства от 3 до 25 руб. Скот и пастбища, как правило, подлежали обобществлению. Рабочий и продуктивный скот, транспортные средства оставались в индивидуальном пользовании членов объединения. Доходы распределялись не только в зависимости от затрат труда, но и количества обобществленного имущества и скота. Крестьяне объединялись в ППО для совместного ведения хозяйства, переработки и сбыта продукции.[2]

Состоявшаяся в июне 1937 г. XIV Дагестанская областная партийная конференция констатировала, что Дагестан стал республикой сплошной коллективизации. В колхозах на 1 января 1937 г. было объединено 85% крестьянских хозяйств, в то числе на плоскости – 91%, в горных районах – 75%.[3]

Развитие и утверждение коллективных форм хозяйствования сопровождалось усилением внимания властных структур республики к материально-техническому обеспечению колхозов, их организационно-хозяйственному укреплению. В начале 1941 г. в сельском хозяйстве Дагестана насчитывалось 1409 тракторов (в пересчете на 15-

[1] *Османов А.И.* Указ. соч. С. 163.

[2] История советского крестьянства Дагестана 1917–1980 гг. в 2-х т. т. 2. с. 200.

[3] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927–1940 гг.: Сб. документов. В 2-х частях. Махачкала, 1976. Ч. 2. С. 248.

сильные) и 302 зерноуборочных комбайна[1] и много другой сельскохозяйственной техники, оборудования.

Колхозы Дагестана к концу 30-х годов стали основными производителями сельскохозяйственной продукции. Валовой сбор всех зерновых и бобовых в колхозах республики в 1937 г. составил 1188,0 тыс. ц, в 1938 г. – 1311,6 тыс. ц, в 1939 г. – 2210,0 тыс. ц, в 1940 г. – 1789,6 тыс. ц.[2] В начале 1941 г. в колхозах Дагестана имелось 254,0 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 39,3 тыс. коров, 1699, 1 тыс. овец и коз.[3] Денежный доход колхозов республики по итогам 1940 г. составил 1144023,6 тыс. руб., тогда как в 1937 г. он равнялся 47948,4 тыс. руб.[4]

Таким образом, в дагестанском селе к концу расстатриваемого десятилетия утвердились новые общественные отношения, которые открывали благоприятные возможности для распространения новых духовных ценностей. Развитие колхозно-совхозного производства, увеличение их финансово-материальных ресурсов позволяли активнее и шире развернуть работу по дальнейшему развитию социально-культурной инфраструктуры и в сельской местности.

Усиление темпов и наращивание индустриального потенциала, перевод индивидуального крестьянского хозяйства на коллективный путь развития обеспечивали благоприятные условия для усиления модернизационных процессов в культуре народов Дагестана.

§ 2. Нарастание новых составляющих образования

Несмотря на благоприятные тенденции и определенные позитивные результаты в развитии школьного образования и повышении уровня грамотности населения, к началу 30-х годов Дагестан продолжал заметно отставать от общесоюзных и федеративных показателей по основным параметрам развития народного образования.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны, предусматривая опережающее развитие экономики и культуры ранее отсталых национальных окраин, в области народного образования намечал ускорение темпов школьного строительства, достижение качественных перемен в деятельности общеобразовательной школы.

В области просвещения за пятилетие в Дагестане предусматривалось: развернуть сеть школ I ступени с таким расчетом, чтобы в течение первых двух лет достичь полного охвата обучением детей школьного возраста в городах, а к 1933/34 г. добиться полного охвата начальной школой всех детей школьного возраста; улучшение качества работы школы (борьба с отсевом, обеспечение школ педагогическими кадрами, учебными пособиями и пр.); ликвидация неграмотности среди подростков и взрослого населения в возрасте от 16 до 25 лет; снижение процента неграмотности остальных категорий населения; полный охват детей общедоступной повышенной школой в городах и расширение сети таких школ в сельской местности.[1]

Выполнение указанных мероприятий должно было далеко продвинуть развитие народного образования и способствовать общему культурному прогрессу народов Дагестана.

В предыдущих разделах нами было отмечено, что, несмотря на наличие серьезных трудностей и нерешенных проблем, властные структуры республики, исходя из директивных установок Центра, поставили перед органами народного образования задачу перехода к всеобщему обязательному начальному обучению подрастающего поколения.

В республике развернулась большая работа по скорейшему завершению подготовки к введению всеобщего начального обучения, строительству школьных зданий, созданию специальных фондов помощи всеобучу, разъяснению населению закона о всеобщем обязательном обучении, изданию учебников на дагестанских языках. Между районами развернулось соревнование за лучшую подготовку к введению всеобуча. В короткий срок были собраны десятки тысяч

---

[1] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. Сборник. С. 141.

[2] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг. Сб. документов. В 2-х частях. Ч. 2. С. 411.

[3] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. Сборник. С. 119.

[4] Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927–1940 гг. Сб. документов. В 2-х частях. Ч. 2. С. 412–413.

[1] Основные тезисы перспективного плана ДАССР на пятилетие 1928/29 – 1932/33 гг. Махачкала. 1928. С. 13.

рублей на нужды всеобуча. Дагестанцы обязались засеять весной 1931 г. сотни гектаров земли и направить весь собранный урожай на удовлетворение нужд всеобуча.

Повсеместно были созданы комитеты, руководившие проведением всеобуча.

В связи с введением всеобуча в городах и части районов ассигнования на начальное образование были существенно увеличены. В 1931 г. только из республиканского бюджета на образование было ассигновано более 12,2 млн. руб.[1] Общая сумма затрат на просвещение в Дагестане в 1931 г. составила 22,7 млн. руб., что в четыре с лишним раза перекрывали затраты 1927/28 г.[2]

Усиление внимания к развитию общеобразовательной школы позволил заметно расширить сеть начальных школ в республике. В 1931 г. число школ I ступени в Дагестане возросло до 929, в том числе 896 в сельской местности.[3] В последующие годы темпы реализации курса на начальный всеобуч не снижались. В 1933 г. в республике насчитывалось 1300 школ I ступени, из них 1264 в сельских населенных пунктах.[4] В этот период удалось переломить неблагоприятную тенденцию и добиться резкого увеличения общеобразовательных школ в горных районах, в которых за два года было открыто более 300 школ и общее их количество на конец 1933 г. доведено до 729 единиц.[5]

Однако такой быстрый рост школьной сети не сопровождался адекватным развитием материальной базы. В школах республики сохранились острая нехватка ученических мест и оборудования. По данным на июнь 1931 г. обеспеченность школ Дагестана благоустроенными помещениями составляла 12%.[6] Это создавало серьезные трудности в осуществлении намеченного плана введения всеобщего обязательного начального обучения детей. Так, на 1930/31 учебный год план охвата детей школами всеобуча по республике был определен в 90400 человек. Удалось вовлечь в школу 88600 человек, т.е. 98,1% к плану. Из общего количества учащихся 64,1% составляли мальчики и 35,9% девочки.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 109.

[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 8.

[3] Там же. Л. 135.

[4] Там же.

[5] Там же. Д. 730. Л. 55.

[6] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Махачкала. 1980. Т. 1. С. 364.

В последующие годы благодаря массово-разъяснительной работе партийных, советских органов, усилиями педагогических коллективов школ удалось поднять долю девочек в начальной школе республики, в том числе и в сельской местности. Однако она все еще оставалась относительно низкой. Сказывалось непонимание значения обучения девочек в общеобразовательной школе определенной частью населения республики.

Важным условием успешного осуществления курса на всеобщее обязательное обучение подрастающего поколения являлось создание пришкольных интернатов в школах с соответствующей учебно- материальной базой и подготовленными педагогическими кадрами. Необходимость их создания, в первую очередь, диктовалось преобладанием в республике небольших по численности населенных пунктов и нехваткой финансово-материальных ресурсов на создание в них школ с полноценной учебно-материальной базой. Ко времени введения всеобуча в Дагестане насчитывалось до 1900 населенных пунктов (83,1%), в которых проживало менее 500 жителей. Среди аулов республики 63,4% имели число жителей менее 200.[1] В 1931 г. сеть интернатов в республике была доведена до 17, что потребовало 10 тыс. руб. дополнительных ассигнований на содержание учащихся из малообеспеченных семей.[2]

Такое количество интернатов не удовлетворяло потребности в них. Оно не могло оказать существенного влияния на охват подрастающего поколения всеобучем. В условиях Дагестана преобладала небольшая по количеству учащихся общеобразовательная школа. Это приводило к распылению средств и педагогических кадров, отражалось на качестве учебно-воспитательного процесса. Однако сеть малокомплектных школ способствовала охвату сельских детей начальным всеобучем.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 199–200.

[2] *Исмаилов А.Р.* Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала. 1970. С. 99.

Исключительно острой проблемой, негативно отражавшейся на усилиях властных структур, органов народного образования республики, являлось наличие значительного количества переростков, не охваченных обучением. До апреля 1931 г. они обучались в общеобразовательных школах вместе с детьми школьного возраста, что создавало дополнительные трудности в выполнении закона о всеобуче. Решением ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1931 г. «О ходе всеобуча» переростки выделялись в особые группы и школы. Создавались для них 4-5- месячные, а также 1–2- годичные курсы с расчетом ускоренного продвижения их в повышенные школы и подготовки для работы на производстве.[1]

Эта мера позволила несколько разгрузить общеобразовательную школу и ускорить работу по охвату детей школьного возраста начальным всеобучем. Вместе с тем, она имела и ряд негативных последствий. Ускоренный курс обучения переростков отражался на качестве их обучения. Партийные, советские органы, общественность ослабили внимание к охвату переростков школой. Так, к 1 январю 1932 г. в республике только 37,1% (в сельской местности 36,8%) переростков были вовлечены в школы. А в таких районах, как Ахтынский, Хасавюртовский и некоторых других, процент охвата переростков обучением был еще ниже.[2]

В новых условиях серьезной проблемой оставалось удовлетворение быстрорастущих запросов общеобразовательных школ в педагогических кадрах. Для ускорения темпов подготовки учительских кадров руководство республики решило создать сеть национальных педкомбинатов. В 1930–1931 гг. в Дагестане были открыты педкомбинаты на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, азербайджанском и русском языках с контингентом учащихся более 1500 человек. В состав нового педагогического учебного заведения входили: трехгодичный национальный педагогический техникум, одногодичные и двухгодичные педагогические курсы. В 1931/32 учебном году в педкомбинатах обучалось около 1700 учащихся, в том числе

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 363.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 202.

1602 представителя народностей Дагестана, из них 316 горянок.[1] Всего по данным на 1 декабря контингент учащихся педагогических учебных заведений республики составлял 2297 человек. 200 посланцев Дагестана обучалось в педагогических институтах и техникумах других регионов страны.[2]

В 1930/31 г. всеми учебными заведениями педагогического профиля и курсовой сетью республики было подготовлено и направлено в общеобразовательные школы 1115 учителей.[3] Помимо них, значительное число учителей было направлено в Дагестан Наркомпросом РСФСР. Несмотря на это, общеобразовательные школы республики продолжали испытывать острую нехватку педкадров. В конце 1931 г. в школах Дагестана насчитывалось 2787 учителей. Это удовлетворяло 57% потребности школ в педагогических кадрах.[4] Такое положение во многом было следствием их текучести из-за низкой оплаты труда и неудовлетворительных материально-бытовых условий.

Начало 30-х годов было ознаменовано зарождением высшего образования в Дагестане. В 1931 г. открылся педагогический институт - первый вуз республики, который начал готовить учителей с высшим образованием для школ повышенного типа.

Заметно увеличился прием в педагогические техникумы и рабфаки республики. Численность обучающихся в них в 1932 г. достигла 2400 человек. Большую практическую помощь специалистами различного профиля, в том числе и педкадрами, республике стал оказывать Северо-Кавказкий край. В 1932 и 1933 гг. из края в школы республики было направлено 44 учителя. В 1932 г. в краевые педагогические учебные заведения для внеконкурсного зачисления было отправлено 48 представителей Дагестана. Значительное число учителей для школ республики готовили краткосрочные курсы.

В 1932 г. в школах Дагестана насчитывалось 4818 учителей, что на 2031 человек больше по сравнению с предыдущим годом.[5] Такой рост в основном был достигнут за счет учителей с курсовой подготовкой. Общеобразовательные школы республики продолжали испы-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 109.

[2] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 1819. Л. 12.

[3] Там же.

[4] Там же. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 237. Л. 118.

[5] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 79-80.

тывать острую нехватку учителей с высшим и средним специальным педагогическим образованием, что негативно отражалось на качестве учебно-воспитательного процесса.

В связи с введением всеобуча резко возросла потребность в улучшении издания учебников для школ на родных языках и новом дагестанском алфавите. В совершенствовании нуждалось и качество издаваемой литературы. В начале 30-х годов в республике в этом важном деле также были достигнуты значительные результаты. Только в 1930 г. и за 4 месяца 1931 г. для всеобуча, ликпунктов и школ малограмотных было издано более 1 млн. 100 тыс. экземпляров учебников и другой учебной литературы на дагестанских языках, что намного превышало количество учебной литературы, выпущенной в течение ряда предыдущих лет. Однако и такой объем изданий был далеко не достаточным для удовлетворения потребности школ в учебной литературе. Из-за слабой полиграфической базы Даггосиздата, нехватки квалифицированных авторов, а также издательских работников из коренных народностей план выпуска учебников не выполнялся.[1] Учитывая остроту нехватки школьных зданий и ученических мест, властные структуры республики в 1932 г. активизировали внимание к строительству школ и пристроек к ним. На эти цели по республике за год было ассигновано 3162 тыс. руб., из которых 2839 тыс. руб. составляли вложения населения.[2]

К началу 1932/33 учебного года в Дагестане было развернуто строительство 179 новых школ и достройку 88 школ. К ноябрю 1932 г. закончено было строительство 162 школьных зданий.[3]

Эти меры способствовали ускорению осуществления перехода к начальному всеобучу подрастающего поколения. План охвата детей школьного возраста по республике на 1 января 1932 г. был выполнен на 80%, в том числе в городах – 88,5% и сельской местности – 79,2%.[4]

В 1932/33 учебном году дагестанская общеобразовательная школа в основном завершила переход к всеобщему обязательному на-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ соч. С. 110.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 440.

[3] Там же.

[4] Статистико-экономический справочник по ДАССР. Ростов н/Д. 1933. С. 240. 241.

чальному обучению подрастающего поколения. Из 152000 детей школьного возраста по данным на ноябрь 1932 г. обучением было охвачено 134000 человек или 88,2%.[1]

Этот результат во многом был достигнут волевыми решениями властных структур республики по выполнению директивных установок о введении начального всеобуча. Хотя ими в ходе осуществления школьно- образовательной политики на данном этапе продолжали активно использоваться административный нажим и произвол, противодействующим развитию новой образовательной системы, местное население в значительной части все больше начинает осознавать важность получения современного образования и постепенно включалось в школьное строительство.

Об успехах развития школьного образования в многонациональном регионе к концу первой пятилетки свидетельствуют данные нижеприводимой таблицы:

Таблица 5

Сеть школ всеобуча в Дагестане и учащихся в них

Учебные годы	Число школ всеобуча	Учащихся в них (в тыс.)
1929/30	464	40,3
1930/31	798	88,6
1931/32	929	116,3
1932/33	1198	134,5

Таким образом, число начальных школ увеличилось с 1929/30 по 1932/33 учебный год почти в 2,6 раза, а количество учащихся в них – более чем в 3 раза.[2]

Дагестанская общеобразовательная школа на этом этапе по преимуществу являлась начальной. Об этом свидетельствует анализ распределения учащихся по классам.

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 440.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 201.

Таблица 6

Распределение учащихся по классам (в тыс.)

Учебные годы	Всего	В I-IV класс		В V-VII класс	
		Всего	В т.ч. на селе	Всего	В т.ч. на селе
1927/28	33,1	26,5	21,5	1,4	0,8
1932/33	124	119,4	107,8	4,4	1,8[1]

Как явствует из этих данных, общее количество учащихся возросло в 3,7 раза, в том числе в начальных классах в 4,5 раза. В 1932/33 учебном году в 5–7 классах общеобразовательных школ республики обучалось 4,4 тыс. учащихся, из которых 1,8 тыс. в сельской местности. Иными словами, на данном этапе дагестанская общеобразовательная школа по преимуществу оставалась начальной.

Охватом детей школьного возраста начальной школой не ограничивалось решение проблемы всеобуча. Необходимо было сохранить весь контингент учащихся, обеспечить повышение учебно-воспитательного процесса. В этом плане в дагестанской общеобразовательной школе сохранялись серьезные трудности и нерешенные проблемы. В 1930/31 учебном году из школ республики отсеялось 7,2% учащихся, в 1931/32 учебном году – 17%, в 1932/33 учебном году – 13%.[2]

Такое положение объяснялось в значительной степени сохранением непонимания определенной частью дагестанцев получения современного образования подрастающим поколением, прежде всего горянками, трудностями материально-бытового порядка и неудовлетворительной постановкой учебно-воспитательного процесса в части общеобразовательных школ республики, в частности, в сельских.

В условиях, когда дагестанская общеобразовательная школа решила задачу перехода к всеобщему начальному обучению подрастающего поколения, исключительное значение приобретала задача расширения сети семилетних и средних школ, увеличение охвата ими детей, повышение качества учебно-воспитательного процесса.

---

[1] Школьное образование в Дагестане. Махачкала. 1968. С. 124.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 363; ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 1828. Л. 43; *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 202.

Меры по дальнейшему совершенствованию деятельности общеобразовательной школы были намечены в постановлениях ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

В 1932 г. дагестанская школа начала работать по новым учебным программам, предусматривающим более последовательное изучение учащимися основ наук. Для улучшения методического руководства школами, местными органами народного образования при Наркомпросе ДАССР был учрежден Методический совет.[1]

Решение задачи дальнейшего развития школьного образования в многонациональном регионе во многом зависело от увеличения его финансирования. Только за три года второй пятилетки (1933–1935) на развитие народного образования по бюджету республики было ассигновано около 67,7 млн. руб., т.е. на 25 млн. руб. больше, чем за все годы первой пятилетки.[2] Расходы по культурному строительству в расчете на одного жителя Дагестана по сравнению с 1931г. возросли на 8,6 рубля и достигли в 1933 г. 32,6 рубля.[3] Кроме бюджетных средств, на строительство школ и пристроек к ним широко привлекались материальные ресурсы, выделяемые промышленными предприятиями, колхозами, совхозами, общественностью.

В первом году второй пятилетки в Дагестане было развернуто строительство 396 различных объектов просвещения, из которых к концу года сдано в эксплуатацию 158.[4] Более 25% объектов было построено за счет прямого государственного финансирования.

Несмотря на это, участие населения в строительстве и ремонте школ, оборудовании их учебными принадлежностями играло значительную роль в развитии народного образования в республике. По далеко не полным данным за два года (1932–1933) население Дагестана вложило в строительство новых школьных помещений 2300 тыс. руб. Каждый из 40 районов республики ввел в строй несколько новых школ и других учреждений культурно-бытового назначения.[5]

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 114.

[2] Школьное образование в Дагестане. С. 128.

[3] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 134.

[4] Там же. Д. 2187. Л. 39.

[5] Школьное образование в Дагестане. С. 129.

Активно велась эта работа в Ботлихском, Чародинском, Хасавюртовском, Буйнакском, Казбековском и других районах.

Усилению активности городов и районов многонационального региона в дальнейшем развитии общеобразовательной школы способствовало и внимание властных структур к данной проблеме. Так, только в 1935 г. на заседании СНК ДАССР были заслушаны отчеты 9 председателей районных Советов депутатов трудящихся о ходе школьного строительства.10 августа 1935 г. на заседании бюро Дагестанского обкома партии были заслушаны доклады секретарей Кизлярского, Коркмаскалинского, Касумкентского, Хунзахского и Ахтынского райкомов партии о ходе подготовки школ к новому учебному году.[1] По итогам обсуждения отчетов были приняты решения, обязывающие местные партийные, советские организации использовать ресурсы и возможности колхозов, совхозов в строительстве и ремонте объектов народного образования.

По инициативе органов власти в Дагестане все активнее разворачивалось межрайонное и внутрирайонное соревнования по строительству, своевременно подготовке школ к началу учебного года. Хотя активность населения в них возрастала, широко использовался и административный ресурс в развертывании социалистического соревнования.

В 1935 г. по решению ДагЦИКа городские и сельские Советы республики включились во Всесоюзный конкурс- соревнование за лучшую организацию помощи школе. Всего по неполным данным в конкурсе участвовали 374 сельсовета Дагестана.

В ходе конкурса во многих сельских районах активизировалась работа по укреплению материальной базы общеобразовательной школы, вовлечением в нее широкой общественности. Так, в Ботлихском районе полностью было завершено строительство 8 школ, отремонтированы все школы, учителя и школы обеспечены топливом. В Капчугайском сельсовете Кумторкалинского района завершен капитальный ремонт школы, пристроено 2 новых класса, при школе создана библиотека, для подсобного хозяйства школы приобретено 30 баранов. Всего в 1935 г. в Дагестане, вместо запланированных 120, было построено и введено в эксплуатацию 205 школ.

[1] ЦГА РД. Ф. р-585. Оп. 1. Д. 18. Л. 106.

Однако и во второй половине 30-х годов сохранялись значительные трудности и нерешенные проблемы в школьном строительстве. В республике из-за слабости строительной индустрии планы строительства и ремонта школьных помещений зачастую не выполнялись в установленные сроки, значителен был процент долгостроя. Так, к началу 1939/40 учебного года в республике было построено и сдано в эксплуатацию всего 12 школ, из них 3 в городах и 9 в сельских районах с общим количеством 3480 ученических мест при плане 39 школ.[1]

Несмотря на определенные позитивные изменения и результаты, материальная база к концу 30-х годов оставалась одной из самых слабых звеньев школьного образования в республике.

Новые ответственные задачи, вставшие перед общеобразовательной школой республики, обусловили усиление потребности национальной школы в стабильных учебниках на письменных языках народов Дагестана, на которых велось преподавание учебных дисциплин. Бюро Дагестанского обкома партии в постановлении от 13 апреля 1933 г. «Об издании стабильных учебников для начальных школ коренных народностей ДАССР и обеспечении стабильными учебниками всех школ I ступени, ФЗС и ШКМ ДАССР» определило конкретные мероприятия по составлению качественных стабильных учебников на дагестанских языках, ускорению их издания и удовлетворению потребностей школ республики. Была создана специальная комиссия для проверки переводимых и издаваемых книг.[2]

Для составления учебников на дагестанских языках привлекались наиболее подготовленные представители национальной интеллигенции: Р. Нуров, С. Абдуллаев, М. Чаринов, А. Батырмурзаев, М. Гаджиев, Т. Шалбузов, М.С. Саидов и др.

В 1933 г. на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, ногайском и табасаранском языках было издано 116 названий учебников, общий тираж которых насчитывал более 470 тыс. экз.[3] Всего за 1933–1935 гг. на 9 языках народов Дагестана было издано 373 учебника общим тиражом 1580тыс. экз.[4] В последующие годы в

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 62-63.

[2] *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959. С. 78.

[3] ЦГА РД Ф. 1 п. Оп. 14. Д. 447. Л. 55.

[4] Дагестанская правда. 1935, 23 июня.

связи с ростом запросов общеобразовательной школы издание учебников, учебно-методических и учебно-наглядных пособий на дагестанских языках неуклонно возрастало.

Однако в связи с переводом письменности народов Дагестана на русскую графическую основу в 1938 г. возникли серьезные трудности в переиздании и удовлетворении потребностей дагестанской национальной школы в новой учебной и учебно-методической литературе. В постановлении СНК ДАССР от 8 февраля 1938 г. «О мероприятиях по переводу на новый алфавит», учитывая, что преподавание во всех классах начальных, неполных средних, средних школ и в школах взрослых полностью переводилось с начала 1938/1939 учебного года на новый алфавит, перед полиграфистами была поставлена задача «закончить издание стабильных учебников для начальных, неполных средних и средних школ на аварском, кумыкском, лакском, даргинском, ногайском, лезгинском, татском и табасаранском языках не позднее 1 июля 1938 г.».[1]

Из-за слабости полиграфической базы типографий республики план пересоставления и издания учебников на языках народов Дагестана к намеченному сроку не был выполнен. К началу 1938/1939 учебного года план издания учебной литературы был выполнен на 26,6%.[2]

Нерешенность проблемы удовлетворения запросов и потребностей дагестанской национальной школы в учебной литературе негативно влияло на организации работы и уровне подготовки выпускников особенно сельских общеобразовательных школ республики.

До изменения организационной структуры общеобразовательной школы в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. (начальная школа 1–4 кл.; неполная средняя школа 1–7 кл.; средняя школа 1–10 кл.) некоторое развитие получили в Дагестане фабрично-заводские семилетки (города, рабочие поселки) и школы крестьянской с 1930 г. – колхозной молодежи (село).

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб.: документов. Т. 1. С. 547.

[2] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 2. Д. 3а. Л. 2.

В 1931/1932 учебном году в республике насчитывалось 30 фабрично-заводских семилеток (ФЗС) и школ крестьянской (колхозной молодежи) (ШКМ), в которых обучалось 5209 учащихся.

Функционирование сети фабрично-заводских школ и школ крестьянской молодежи связывалось с осуществлением политехнизации школы. ФЗС и ШКМ имели связь с промышленными предприятиями, колхозами, где учащиеся могли приобрести необходимые навыки в области промышленного и сельскохозяйственного производства. Будучи школами повышенного типа, ФЗС и ШКМ открывали молодежи возможности продолжить образование в специальных средних и высших учебных заведениях. С другой стороны, наличие определенных производственных навыков позволяло использовать выпускников этих школ на практической работе.[1]

В 1932 г. соотношение начальной и повышенной школ (ШКМ И ФЗС) в республике составляла 26 к одному.[2] В одиннадцати районах Дагестана таких школ совсем не было, а в таких районах как Ботлихский, Табасаранский в школах повышенного типа обучалось не более 40–65 человек.[3]

Это создавало серьезные трудности для продолжения образования дагестанской молодежью в высших и средних специальных учебных заведениях, удовлетворения быстрорастущих запросов отраслей материального производства и социально-культурной сферы в квалифицированных кадрах.

В годы второй пятилетки властные структуры, органы народного образования многонационального региона усилили внимание к расширению сети семилетних и полных средних школ. Они, как правило, открывались на базе начальных школ в городах и крупных сельских населенных пунктах. К началу 1937/38 учебного года в республике насчитывалось 255 семилетних и 27 полных средних школ. В семилетних и средних школах контингент учащихся составлял 102,9 тыс. человек, из которых 24,9 тыс. человек в городах и 78,0 тыс. человек в сельской местности.[4]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 116.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб.: документов. Т. 1. С. 443.

[3] Статистико-экономический справочник по ДАССР. С. 236–237.

[4] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. Махачкала. 1960. С. 119–121.

Несмотря на эти позитивные изменения и результаты, темпы развития полных средних школ в республике к концу второй пятилетки оставались недостаточными. Особенно мало было средних школ в дагестанском селе. К началу 1937/38 учебного года в сельской местности республики имелось 12 средних школ с контингентом 6,6 тыс. учащихся.[1] Иными словами, к этому времени полное среднее образование было недоступно основной массе сельской молодежи.

Серьезной проблемой в дагестанском селе оставался охват старшими классами общеобразовательных школ девочек-горянок. В 1937/39 учебном году в 5–10 классах сельских школ Наркомпроса республики обучалось 6640 девочек или 28,9% от общей численности учащихся.[2]

Сказывалось противодействие и прямой запрет определенной частью дагестанцев на продолжение образования и получение семилетнего и среднего образования девочками-горянками. Эти настроения в дагестанском обществе сохранялись и в последующие годы, что негативно отражалось на усилиях властных структур, общественных формирований республики по обеспечению равноправного участия горянок в развитии народного хозяйства и социально-культурной и общественно-политической жизни.

В мирные годы третьей пятилетки семилетнее и среднее образование в Дагестане получило дальнейшее развитие. К началу 1940/41 учебного года в республике насчитывалось 425 семилетних и 71 средняя школа, контингент обучающихся , в которых соответственно равнялся 115,0 и 42,5 тыс. человек.[3] Число семилетних и средних школ в республике увеличилось в 1,7 раза, а численность учащихся в 1,4 раза.

Особое значение в плане модернизации традиционной культуры дагестанских народов и приобщении их к современной культуре имели позитивные результаты, достигнутые в увеличении числа семилетних и средних школ, охвате ими детей школьного возраста в сельской местности республики. К началу 1940/41 учебного года в дагестанском селе насчитывалось 399 семилетних и 50 средних школ с

[1] Там же.
[2] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 1. Д. 85 в. Л. 10.
[3] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. С. 119.

общей численностью учащихся 126,5 тыс. человек, что в 1,6 раза больше по сравнению с 1937/38 учебным годом.[1]

Несмотря на такие высокие темпы развития семилетнего и среднего образования в сельской местности республики, оно по этому показателю к началу Великой Отечественной войны продолжало отставать от города. В целом, республика к этому времени не успела завершить переход к семилетнему всеобщему обучению подрастающего поколения, что негативно отражалось на повышении образовательного уровня населения, подготовке и удовлетворении потребностей материального производства и социально-культурной сферы многонационального региона в специалистах высшей и средней квалификации.

Параллельно с изданием стабильных учебников и мерами по удовлетворению запросов общеобразовательных школ в них властные структуры Дагестана развернули большую работу по повышению качества учебно-воспитательного процесса. Этому способствовало введение с 1933 г. в школах проверочных испытаний, установление единых (с учетом местных особенностей и условий) сроков окончания учебного года.[2]

Дальнейшему совершенствованию работы общеобразовательной школы способствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1936 г. «О порядке введения персональных званий учителей и назначении учителей, заведующих и директоров школ». В соответствии с этим постановлением в республике в 1936–1937 гг. была проведена аттестация учителей. Было создано 5 аттестационных комиссий, в состав которых входили руководящие работники Наркомпроса ДАССР, лучшие директора школ, заведующие отделами народного образования.

В ходе аттестации школы очищались от учителей не соответствующих своему назначению. Прошедшим аттестацию присваивалось соответствующее персональное звание учителя. Аттестация значительно подняла авторитет учителя, вместе с тем она увеличила требо-

[1] Там же. С. 121.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 206.

вательность к повышению специального образования учителя, его идейно-политического уровня.[1]

По итогам аттестации в республике по непригодности к педагогической работе были освобождены 766 человек и сняты Наркомпросом в 1937/38 учебном году по разным причинам 137 учителей. 1000 учителей средних и неполных средних и 1674 учителя начальных школ были допущены к педагогической работе с обязательством повысить квалификацию путем заочного обучения в педагогических училищах и институтах к 1939, 1940 и 1941 гг.[2]

В октябре 1938 г. приказом Наркомпроса РСФСР Институты повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО) были преобразованы в Институты усовершенствования учителей (ИУУ). Работа по заочной подготовке учителей была передана в ведение Дагестанского педагогического института и педучилищ, а Дагестанский ИУУ сосредоточил все свое внимание на вопросах повышения теоретического, методического и идейно-политического уровня учителей начальных, семилетних и средних школ, преподавателей педагогических училищ и школьных инспекторов. В порядке осуществления этих задач ИУУ проводил семинары, практикумы, педагогические чтения, лекции и доклады для учителей.[3]

В 1939/40 учебном году в 6 заочных отделениях и 3 филиалах педучилищ республики обучалось более 2 тыс. учителей. Для них во всех районах были организованы консультационные пункты для оказания учебно – методической помощи. Всего после аттестации (к 1940г.) заочные отделения педучилищ Дагестана окончили 436 человек, в основном учителя общеобразовательных школ.[4]

Такая целенаправленная работа позволила заметно увеличить численность учителей общеобразовательных школ. В начале 1940/41 учебного года в школах республики насчитывалось 7347 учителей, что на 6137 человек превышал показатель 1927/28 учебного года и на 1599 человек показатель 1937/38 учебного года.[5]

---

[1] Школьное образование в Дагестане. С. 136.
[2] Дагестанская правда. 1938. 21 августа.
[3] Школьное образование в Дагестане. С. 137.
[4] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 84.
[5] Советский Дагестан за 40 лет.: Стат. сборник. С. 119.

Сокращалась численность учителей без специального педагогического образования. Однако к концу 30-х годов в общеобразовательные школы республики все еще продолжали испытывать острую нехватку учителей с законченным специальным педагогическим образованием. Так, в 1939/40 учебном году 11% учителей школ Дагестана имели высшее образование, 45,8% среднее образование, а 43,2% были без законченного среднего образования.[1]

Нехватка подготовленных педагогических кадров являлась одной из важных факторов неудовлетворительной работы педагогических коллективов многих школ, особенно сельских, негативно влияла на качество подготовки выпускников школ республики.

Другой острой проблемой школьного образования Дагестана во второй и мирных годах третьей пятилетки оставалось невыполнение Закона всеобщего обучения детей школьного возраста и отсев учащихся из школ. Так, в 1938/39 учебном году вне школ республики осталось около 8 тыс. детей школьного возраста и 11 тыс. учащихся отсеялось в течение учебного года.[2]

Властные структуры республики осознавали необходимость выполнения закона о всеобуче. В решениях обкома партии и Совета Народных Комиссаров Дагестана отмечалась важность полного охвата и недопущения отсева учащихся. Так, в постановлении СНК республики от 2 декабря 1939 г. «О состоянии всеобуча в республике» были проанализированы трудности и нерешенные проблемы всеобуча. В принятом решении Наркопрос обязывался: «Принять решительные меры к устранению отмеченных недостатков, командировать работников Наркомпроса в отстающие районы для оказания практической помощи в обеспечении полного охвата детей школами и создании нормальных условий для работы учителей».[3]

Несмотря на это и другие меры властных структур, усилия Наркомпроса республики, острота проблемы всеобуча в многонациональном регионе снижалась медленно. Сказывался неудовлетворительный жизненный уровень многих дагестанских семей, слабая работа части школ по выполнению Закона о всеобуче. В 1939/40 учеб-

---

[1] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 20. Д. 153. Л. 10.
[2] Там же. Оп. 18. Д. 94. Л. 72.
[3] Там же. Л. 118.

ном году неохваченными обучением в школах оставалось по республике более 7 тыс. детей школьного возраста. Особенно плохо обстояло дело со всеобучем в Бабаюртовском районе, где было недоохвачено школой 481 человек. В Докузпаринском районе недоохват составил 533 человек.[1]

В 30-е годы были предприняты меры по усилению роли русского языка в развитии дагестанской общеобразовательной школы. Еще на июльском (1930 г.) пленуме Дагобкома ВКП(б) отмечалось, что общие задачи социалистического строительства в республике диктуют уделять больше внимания преподаванию русского языка в школах. Русский язык вводился как учебный предмет со второго года обучения. Наркомпросу предлагалось провести ряд мероприятий по улучшению преподавания русского языка в школах, обеспечить их программами, учебными пособиями, методической помощью и педагогическими кадрами.[2]

Возрастание роли русского языка в дагестанской национальной школе было нацелено на обеспечение преемственности в обучении подрастающего поколения в школах I ступени и повышенной школе, возможность успешного овладения ее выпускниками учебного материала высших и средних специальных учебных заведений. Это интенсифицировало и процесс освоения дагестанской молодежью новых духовных ценностей. Принижение роли и значения родных языков в приобщении подрастающего поколения к грамоте, знаниям преследовала и цель отрыва дагестанцев от традиционных духовных ценностей, уклада их жизни и приобщения горцев к новым формам хозяйственной деятельности.

В 1938 г. письменность народов Дагестана с латинской была переведена на русскую графическую основу. Эта мера оказала огромное влияние на духовное развитие дагестанских народов, в том числе и на деятельность общеобразовательной школы республики. В постановлении Дагестанского обкома партии от 4 февраля 1938 г. «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит» указывалось: «Введение нового алфавита на русской

[1] Там же. Л. 145.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX - 30-е годы XXв.). Махачкала. 2008. С. 213.

основе явится могучим средством дальнейшего политического и культурного подъема трудящихся масс Дагестанской АССР и наиболее быстрого и полного овладения ими всеми завоеваниями социалистической культуры народов Советского Союза, еще более усилит неразрывный союз трудящихся Дагестана с русским и другими народами, входящими в братскую семью советских народов».[1]

Начиная с 1938 г. переход на новый алфавит был осуществлен повсеместно. За короткое время на основе нового алфавита были составлены своды орфографических правил по аварскому, даргинскому, кумыкскому, лезгинскому, табасаранскому, лакскому, ногайскому языкам, созданы программы и учебники по этим языкам, организованы специальные курсы для учителей родных языков по изучению нового алфавита.[2]

В 1937/38 учебном году, по данным 36 районов республики, из имеющихся 950 начальных школ, русский язык преподавался лишь в 230. В 1936 г. в неполных средних школах горных районов было 105 учителей русского языка, а в 1937 г. их осталось 78 человек. 27 учителей вынуждены были выехать из районов из-за отсутствия элементарных материально-бытовых условий для проживания и организации полноценного учебно-воспитательного процесса.[3]. В виду этого преподавание русского языка во многих школах республики приходилось поручать лицам, не имеющим соответствующей подготовки.

Несмотря на эти серьезные трудности и нерешенные проблемы в преподавании русского языка в школах республики, во исполнение директивных установок с 1938/39 учебного года преподавание в 5-10 классах общеобразовательных школ многонационального региона было переведено на русский язык, а родной язык и родная литература в этих классах сохранялись как учебные предметы. Было заметно увеличено и количество часов русского языка в нерусской начальной школе.

Дагестанская общеобразовательная школа стала руководствоваться новыми учебными планами нерусской городской и сельской начальной школы РСФСР на 1938/39 учебный год.

[1] Дагестанская правда. 1938. 5 февраля.

[2] Школьное образование в Дагестане. С. 144.

[3] Дагестанская правда. 1938. 21 марта.

Учебный план нерусской городской школы РСФСР на 1938/39 учебный год

№№ п/п	Учебные предметы	Классы			
		I	II	III	IV
1	Родной язык	10	6	4	4
2	Чистописание	2	1	-	-
3	Русский язык	-	5	5	5
4	Арифметика	5	5	5	5
5	Естествознание	-	-	1/2	2
6	История	-	-	1	2
7	География	-	-	2/1	2
8	Рисование	1	1	1,2	1,2
9	Пение	1	1	1,2	1,2
10	Физкультура	1	1	1,2	1
Итого	Итого	20	20	20	22

Учебный план нерусской сельской школы РСФСР на 1938/39 учебный год

№№ п/п	Учебные предметы	Классы			
		I	II	III	IV
1	Родной язык	12	8	5	4
2	Чистописание	2	1	-	-
3	Русский язык	-	6	6	6
4	Арифметика	7	6	6	6
5	Естествознание	-	-	1/2	3
6	История	-	-	1	2
7	География	-	-	2/1	3
8	Рисование	1	1	1/2	1/2
9	Пение	1	1	1/2	1/2
10	Физкультура	1	1	1	1
Итого	Итого	24	24	24	26[1]

Как явствует из учебных планов, было усилено внимание преподаванию русского языка в начальной школе. Изучение его стало обязательным со второго года обучения.

[1] Школьное образование в Дагестане. С. 145–146

Усиление роли русского языка в развитии дагестанской школы потребовало активизации внимания к подготовке и удовлетворению его потребностей в учителях русского языка. К началу 1938/39 учебного года, на организованных Наркомпросом краткосрочных курсах, было подготовлено и переподготовлено для школ республики 606 учителей русского языка.[1] В начальные школы было направлено 389 учителей русского языка.[2]

Так как педагогические учебные заведения Дагестана еще не могли удовлетворить потребности школ в преподавателях русского языка, были приняты меры по увеличению притока таких преподавателей из-за пределов республики. Только в 1940 г. в школы Дагестана было направлено свыше 320 преподавателей русского языка для начальных классов.[3]

Такая работа позволила заметно улучшить преподавание русского языка в школах. В 1938/39 учебном году русский язык преподавался в 506 начальных школах Дагестана, тогда как в предыдущем году только в 112.[4] В 1939/40 учебном году русский язык уже преподавался в 788 начальных школах республики.[5]

Несмотря на эти важные результаты, партийные и советские органы республики не сумели к концу 30-х годов в полном объеме решить задачу полного удовлетворения потребности дагестанской общеобразовательной школы в преподавателях русского языка. К началу 1940/41 учебного года в 167 школах республики русский язык вовсе не преподавался. Для работы в начальных классах не хватало 74 учителя русского языка, не хватало также 245 учителей – предметников.[6]

Наиболее остро проблема преподавания русского языка стояла в сельских школах Дагестана. В 1939/40 учебном году в школах Буйнакского района не хватало 5 учителей русского языка. В Рутульском районе из-за отсутствия учителей в 5 школах не преподавался рус-

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 85.
[2] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 2. Д. 3а в. Л. 2.
[3] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 119.
[4] ЦГА РД. Ф. р-34. Оп. 2. Д. 3а. Л. 1.
[5] Дагестанская правда. 1939. 30 декабря.
[6] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 21. Д. 67. Л. 16.

ский язык.[1] Не лучше обстояло дело с преподаванием русского языка и в некоторых других сельских школах республики.

Трудности в удовлетворении потребностей общеобразовательных школ в учителях русского языка и низкое качество его преподавания негативно сказывались на постановке и уровне учебно-воспитательного процесса во многих педагогических коллективах. В школах высокой оставалось второгодничество. Так, по итогам 1939/40 учебного года 20% учащихся общеобразовательных школ республики были оставлены на повторный год обучения.[2]

В улучшении преподавания русского языка в школе, естественно, огромную роль играли русские учителя, самоотверженно трудившиеся на ниве просвещения народов республики. Плодотворно трудились в школах преподаватели Миловидова (Туралинская школа), Максименко (Гунибская школа), Пахомова (г. Дербент), Лобанов (Ахтынская средняя школа), Салимгереев (г. Хасавюрт) и др.[3]

В целом число общеобразовательных школ в республике в анализируемое десятилетие и охват ими детей неуклонно возрастали. Школа стала неотъемлемой частью духовной жизни дагестанских народов, важным звеном их приобщения к знаниям, повышения образовательного и культурного уровня.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] Там же. Оп. 20. Д. 153. Л. 11.
[2] Там же. Оп. 19. Д. 136. Л. 14.
[3] Дагестанская правда. 1938. 21 августа.

Таблица 7

Общеобразовательные школы (на начало учебного года)

	1927/28 г.			1937/38 г.			1940/41 г.		
	Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.	
		село	город		село	город		село	город
Число школ	420	378	42	1269	1202	67	1329	1246	83
в т.ч. начальных	398	371	27	987	955	32	828	796	32
семилетних	16	5	11	255	235	20	425	399	26
средних	6	2	4	27	12	15	71	50	21
прочих	-	-	-	-	-	-	5	1	4
Численность учащихся (тыс. чел.)	33,1	22,5	10,6	178,1	147,3	30,8	14,3	179,2	35,1
в т.ч. в начальных школах	26,5	21,5	5,0	75,3	69,3	6,0	52,6	48,8	3,8
в семилетних школах	5,8	0,8	5,0	83,0	71,4	11,6	115,0	100,9	14,1
в средних школах	0,8	0,2	0,6	19,8	6,6	13,2	42,5	25,6	16,9
в прочих школах	-	-	-	-	-	-	4,2	3,8	0,3[1]

Таким образом, сеть начальных школ в республике за годы предвоенных пятилеток увеличилось в 2,08 раза, семилетних в 26,2 раза, средних в 11.8 раза. Численность учащихся в отмеченных типах школ соответственно возросло в 1,9; 19,8 и 53,1 раза. При этом темпы развития повышенных школ и охват ими детей школьного возраста в дагестанском селе были выше, чем в городе.

Коммунистическая партия и Советское государство в анализируемый период усилили внимание к приобщению широких слоев взрослого населения к грамоте, образованию. В постановлении от 17 мая 1929 г. «О работе по ликвидации неграмотности» ЦК ВКП(б)

[1] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. С. 119, 120, 121.

признал «необходимым коренным образом перестроить всю систему работы на основе результатов накопленного опыта и добиться планомерной организации всей работы по ликвидации неграмотности на основе единого плана, объединения сил и средств и широкой самодеятельности всей организации, принимающих участие в ликвидации неграмотности».[1]

К началу 30-х годов Дагестан был еще далек от решения проблемы неграмотности взрослого населения. К осени 1931 г. более 66% населения республики оставалось неграмотным.[2]

Учитывая остроту приобщения взрослого населения к грамоте, партийно-государственное руководство Дагестана в октябре 1931 г. приняло решение о проведении культсанпохода – массового мероприятия по скорейшему преодолению неграмотности и культурной отсталости населения. Работу по ликвидации неграмотности населения в республике предполагалось завершить к 15-й годовщине Октябрьской революции.

Для общего руководства культсанпоходом был создан Центральный штаб, в который входили работники образования, представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, а в районах – райштабы. Районы разбивались на участки, к которым прикреплялись члены райштаба. Вопросы, связанные с проведением культсанпохода обсуждались на широких сельских сходах, комсомольских, профсоюзных, женских собраниях, а также на специальных районных и городских слетах.[3] В далеком Чародинском районе, например, только в 1932 г. были проведены пленумы 12 сельских советов, две районконференции колхозников, съезд горянок и ряд других пленумов и совещаний, посвященных культсанштурму.[4]

В проведении кульсанпохода большую помощь оказали Дагестану соседние республики, края и области Северного Кавказа. Они направляли в республику педагогов, медицинских работников, оказывали материально-финансовую и другую поддержку. На постоянную работу в органах образования и здравоохранения Дагестана прибыли 246 человек. Кроме того, для передачи опыта работы Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Адыгея, Чечня, Карачаево-Черкесия прислали в республику 155 человек. Ростовский горсовет ассигновал на культурное строительство в Дагестане 300 тыс. руб., направил две бригады культармейцев, выделил 5200 учебников и методических пособий, 272 комплекта одежды и обуви для детей бедноты и красных партизан и, сверх того, разной одежды на 20600 руб.[1]

Посланцы братских республик, краев и областей много и упорно трудились над просвещением горцев, заслужили их признательность и уважение. Так, в начале 30-х годов в высокогорном Чародинском районе широко было известно имя неутолимого энтузиаста культсанпохода, студента Ростовского индустриально-педагогического института Матвея Селезнева.

Селезнев возглавлял бригаду кульармейцев и за короткий срок добился больших успехов в организации обучения взрослого населения. И таких энтузиастов было много среди приезжих культармейцев.[2]

Хорошо о бескорыстной помощи тружеников Северо-Кавказского края республике сказал делегат XII Дагестанской областной партконференции Маштава: «Я видел беспартийных рабочих, агрономов, учителей и врачей, которые приезжают в самые далекие аулы для того, чтобы передать опыт и, приезжая из такого города, как Ростов, они не затрудняются, не колеблются перед проведением тех или иных мероприятий, они не страшатся тех диких бытовых условий, которые имеются в глухих аулах. Я видел тружеников из Краснодара и других областей, которые передают нам чрезвычайно ценный опыт».[3]

Учительство Дагестана, студенты, учащиеся средних специальных учебных заведений, учащиеся общеобразовательных школ, да и просто грамотные дагестанцы включились в работу по проведению культсанпохода. Десятки и сотни горцев объявили себя «ударниками

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 4. С. 267.

[2] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 19. Д. 266. Л. 5.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 217.

[4] *Исмаилов А.Р.* Советы Дагестана в борьбе за социализм. Махачкала, 1972. С. 95.

[1] История Дагестана в 4-х т. т. 3. С. 247.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 218.

[3] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2297. Л. 99–100.

ликбеза». Едва научившись грамоте, садились за учительский стол. Так, бедняк из сел. Сода Чародинского района Магомед Муртазалиев, научившись грамоте, стал обучать других, работая безвозмездно. Сагибат Махачева, член Ирибского сельсовета, одной из первых овладела грамотой, добилась объявления трех женских ликпунктов своего села ударными и провела набор девушек-горянок в Хунзахский педкомбинат. Билал Магомедов из того же района, окончив месячные курсы работников ликбеза, стал обучать в двух ликпунктах 60 человек, добился перевода в школу малограмотных 50 из них, а полученную за все время работы зарплату сдал в «железный фонд культсанпохода».

Активное участие в проведении культсанпохода принимали комсомольские организации. Комсомольцы занимались оборудованием ликпунктов и школ малограмотных, обучали взрослых сами и вовлекали в работу по ликвидации неграмотности и обучению малограмотных несоюзную молодежь. Уже на первом этапе кульсанпохода комсомол Дагестана выделил из своих рядов 3662 культармейца, обучил своими силами 53721 человека, собрал в фонд культсанпохода более 35 тыс. руб., открыл 145 детских комнат. За ударную работу в проведении культсанпохода было премировано 75 комсомольцев.[1]

Такая масштабная компания потребовало значительных материальных затрат. Властными структурами республики была проведена большая работа по мобилизации материальных ресурсов населения для дальнейшего развертывания работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. На первом этапе культсанштурма по районам было собрано 375000 руб. и поступило в центральный штаб 360000 руб. В борьбе за успех культсанштурма население шло на большие материальные вложения: в Чародинском районе население дало 20000 руб., 185 голов крупного рогатого скота, 150 овец, 110 кг мяса; в Казбековском районе было собрано 4500 руб., 36 баранов, 24 головы крупного рогатого скота. 120 пудов картофеля и т.д.[2]

При сборе средств на ликвидацию неграмотности во многих районах и сельских населенных пунктах в виду непонимания определенной частью населения важности дальнейшего развития этой работы

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 135.
[2] Революция и национальности. 1932. № 10-11. С. 103.

властные структуры вынуждены были использовать меры административного принуждения и запугивания.

Часть населения, прежде всего сельского недопонимало важность обучения взрослых. Это в первую очередь относилось к горянке. Многие мужчины крайне отрицательно относились к обучению горянок грамоте, вовлечению их в школы малограмотных, считая уделом женщины домашнее хозяйство и воспитание детей. Нередки были случаи распространения порочащих активисток культсанпохода слухов и прямая физическая расправа с ними.

Трудности в развертывании работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения усугублялось острой нехваткой подготовленных педагогических кадров, учебников, учебно-наглядных пособий. Так, по плану культсанштурма предполагалось к работе по ликвидации неграмотности и малограмотности в городах и районах республики привлечь около 20 тыс. ликвидаторов. По данным же на февраль 1932 г. в этой работе участвовало около 7 тыс. культармейцев.[1] Ликпункты и школы малограмотных в городах и районах не получали в достаточном количестве буквари и книги для чтения. В 1931 г. для школ малограмотных была издана первая часть переводной книги для чтения. В 1932 г. она была переиздана. Общий тираж книги составил 63,5 тыс. экз.[2]

Сказанное негативно отражалось на темпах работы по ликвидации неграмотности и малограмотности сред взрослого населения. В 1931–1932 гг. в ликпунктах республики было обучено грамоте 224210 (66,08% от плана) человек и школах малограмотных 79034 (39,5%) человек.[3] В связи с этим грамотность населения Дагестана в возрасте 17–45 лет поднялась до 74%, тогда как к началу культсанпохода составляла 34%.[4]

Несмотря на эти благоприятные результаты в приобщении взрослого населения к грамоте, знаниям, задача ликвидации неграмотности и малограмотности в республике в 1932 г. не была выполнена. При этом следует отметить, что эта работа проводилась компанейски, на-

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 1405. Л. 10.
[2] Там же. Д. 2187. Л. 38.
[3] Там же. Л. 1.
[4] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб.: документов. Т. 1. С. 446.

выки письма и чтения не подкреплялись последующей кропотливой работой педагогов, часть обученных забывали грамоту и становились опять неграмотными.

С 1933 г. в республике происходит заметное сокращение сети ликпунктов, но соответственно растет сеть школ малограмотных. В том году в школах малограмотных обучалось более 122 тыс. взрослых дагестанцев. Был принят ряд мер по улучшению работы этих школ, совершенствованию их учебных программ. Были увеличены сроки обучения, установлен твердый учебный год.

Вместо трехмесячного ликпункта, создается трехгодичная школа взрослых с программой начальной школы. Издаются стабильные учебники для школ взрослых на семи дагестанских языках. Так, в 1934 г. школы взрослых получили 77 названий учебников, книг для чтения и др. общим тиражом 377730 экземпляров.

В 1934/35 учебном году для обучающихся в школах взрослых были введены обязательные проверочные испытания. Уже в том учебном году проверочные испытания прошли более 153,6 тыс. учащихся школ взрослых.[1]

Эти меры призваны были повысить качество обучения взрослых. Однако в первые годы второй пятилетки властные структуры республики ослабили внимание к работе по ликвидации неграмотности и малограмотности. Планы охвата взрослого населения обучением не выполнялись, а часть вовлеченных, не завершив обучение, бросали школу. Так, в 1933/34 учебном году план обучения неграмотных в Кайтагском районе был выполнен на 40%, в Курахском на 24%. Процент второгодников в Кайтагском районе составил 54,2, Махачкалинском 50,4, Касумкентском районе – 34,5 и т.д.[2] В целом по республике в 1933 г. было обучено 40138 неграмотных (40% от охвата) и 55933 малограмотных (45,8% от охвата).[3]

Во многих районах и сельских населенных пунктах вместо умелой организации массово-разъяснительной работы по вовлечению в школы обучения взрослых зачастую принимались меры администра-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 221.

[2] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 14. Д. 54а. Л. 39.

[3] Там же. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 3481. Л. 13.

тивного воздействия. Так, в сел. Чаяхи, Кунди Лакского района, сел. Доргели и Нижний Дженгутай Буйнакского района на граждан, не посещающих ликпункты и школы малограмотных, налагались штрафы и другие меры по решениям сельских общественных судов.[1]

Активизация работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения способствовали меры, намеченные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 января 1936 г. «О работе по обучению неграмотных и малограмотных».[2] В этом постановлении Совет Народных Комиссаров и ЦК партии, отметив недопустимость недооценки обучения взрослого населения грамоте, указали, что завершение ликвидации неграмотности и организация обучения малограмотных является одной из приоритетных задач партийных и советских органов, Наркопроса и его структурных подразделений в области культурного строительства.

Обком партии, СНК, Наркомпрос республики усилили внимание к ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. При Наркомпросе было создано Управление по образованию взрослых, при райгор/исполкамах и сельсоветах секции по ликвидации неграмотности. Было увеличено финансирование обучения взрослых. Так, если в 1935/36 учебном году было израсходовано на эти цели 1436200 руб., то на 1936/37 учебный год было ассигновано уже 5571400 руб.[3]

Эти меры благоприятно отразились на усилении темпов работы по обучению взрослого населения грамоте в городах и рабочих поселках республики. На фабрике им. III Интернационала, бондарном заводе г. Махачкалы, Хасавюртовском консервном заводе, других предприятиях использовались дополнительные стимулы для работников, посещающих кружки всеобуча. Вместо краткосрочных курсов открывались школы грамоты, дававшие знания за первые два класса, и школы повышенного типа, проводившие обучение в объеме полного курса начальной школы. В Махачкале в 1938 г. было 3 школы повышенного типа, в которых обучалось 190 человек и 18 вечерних

[1] Дагестанская правда. 1936. 10 апреля.

[2] Там же. 28 февраля.

[3] *Исмаилов А.Р.* Ликвидация неграмотности в Дагестане. С. 77.

школ. На 1 января 1939г. число учащихся в рабфаках и в средних школах для взрослых составило 5,8 тыс. человек.

Для выявления неграмотных и малограмотных специальные уполномоченные проводили обследования на предприятиях, строительных организациях городов. Так, в результате одного из рейдов, проведенного в феврале 1938 г. в Махачкале, было выявлено 1797 неграмотных и 3997 малограмотных, не охваченных обучением. Активная работа общественников, агитация на производстве вовлекали в школы 890 неграмотных и 1675 малограмотных.[1]

Ситуация во многих сельских районах была значительно хуже. В 1936г. в Шелковском районе насчитывалось 1320 неграмотных, школы же посещали только 172 человека. Из 160 малограмотных обучалось 88 человек. В Ачикулакском районе из 1354 неграмотных обучалось всего 406 человек. Из 1700 малограмотных школами было охвачено 324 человека. В целом же по республике план охвата обучением неграмотных был выполнен на 68,6% и малограмотных – на 74,5%.[2]

Наркомпрос республики развернул большую работу по обеспечению благоприятных условий для работы школ взрослых на новом алфавите. Были отпечатаны таблицы нового алфавита на 9 языках и разосланы по районам. Разработаны и разосланы уроки для районных газет на новом алфавите с методическими указаниями. Подготовлены и утверждены к изданию буквари на новом алфавите и т.д.[3]

При активной поддержке властных структур органы народного образования, учителя республики развернули работу по изучению нового алфавита в школах взрослых. В Казбековском районе новый аварский алфавит изучался в 50 кружках, в которых обучался 961 человек.[4] В Агульском районе в помощь населению по изучению нового алфавита было создано 10 консультационных пунктов. Выделены и подготовлены руководители кружков.[5]

В Ахтынском районе после проведенной агитационно-массовой работы по вопросу перехода на новый алфавит в сельских населенных пунктах начали организовываться кружки по изучению нового лезгинского алфавита на русской основе. Между школами и кружками грамоты района было развернуто соревнование на лучшее изучение и освоение нового алфавита. Так, ахтынская школа соревновалась с хрюгской, зрыхский кружок грамоты с ялахским и т.д.[1]

Однако в республике было немало примеров, когда в школах для взрослых не хватало подготовленных учителей, способных полноценно организовать обучение неграмотных и малограмотных на новом алфавите.

С 1938/39 учебного года обучение взрослых грамоте в Дагестане было полностью переведено на новый алфавит.

В первой половине 1938 г. в Дагестане более 120 тыс. неграмотных и малограмотных в 4231 школе изучали новый алфавит.[2]

Весной 1938 г. в 10 районах Дагестана – Кумторкалинском, Карабудахкентском, Буйнакском, Хунзахском, Агульском, Курахском и других был проведен персональный учет неграмотных и переукомплектованы школы взрослых.

В результате персонального учета было выявлено значительное количество неграмотных. В Кумторкалинском районе до учета значилось 1167 неграмотных, а при проверке оказалось на 920 человек больше. В Буйнакском районе значилось 3013 неграмотных, а было выявлено 5224 человек.

Теперь обучение взрослых начало проводиться группами. В первой группе обучались совершенно неграмотные, во второй умеющие читать, но не умеющие писать и считать, в третьей умеющие читать и писать, но не умеющие считать. Такой метод обучения давал возможность дифференцировать работу по обучению грамоте взрослых и ускорить эту работу.[3]

Отдельные районы Дагестана к концу 30-х годов завершили или были близки к завершению работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. К числу передовых в деле ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения относились Чародинский, Гумбетовский, Хивский, Бот-

---

[1] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Культура дагестанского города XX в. Махачкала, 2007. С. 74.

[2] Дагестанская правда. 1938. 12 марта.

[3] Там же. 1938. 12 марта.

[4] Там же. 26 февраля.

[5] Там же. 1 марта.

---

[1] Там же.

[2] Там же. 14 июля.

[3] Там же. 20 апреля.

лихский и другие районы. Как отмечалось на заседании Президиума Верховного Совета ДАССР 11 января 1941 г. в Чародинском районе, в результате развернувшегося соревнования между сельскими Советами, достигнуты хорошие результаты в работе по завершению ликвидации неграмотности. За 1940 г. в районе было обучено 876 неграмотных. В 11 аулах – Доронуб, Карануб, Хинуб, Ритляб, Цемер, Кунуш, Рульда, Чунуб, Могроб, Багинуб и Талух была полностью завершена ликвидация неграмотности. На 1 января 1941 г. в Чародинском районе осталось 88 неграмотных и 1830 малограмотных. Все они обучались в школах взрослых. Район по итогам работы по ликвидации неграмотности занял первое место в республике.[1]

В Гумбетовском районе в 1940 г. было обучено 742 неграмотных и 215 малограмотных. К началу 1941 г. в районе оставалось 199 неграмотных, из которых 175 были охвачены обучением. Малограмотных было 2086, из которых 1864 человека обучались.[2]

В целом к концу тридцатых годов Дагестан достиг впечатляющих результатов в ликвидации неграмотности и малограмотности, повышении образовательного уровня населения. Успехи в повышении образовательного уровня населения республики отразили итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. По данным переписи грамотность населения Дагестана в возрасте 9–49 лет составила 82,5%, в том числе в городе 86,0% и в сельской местности 81,2%.[3] При учете старших возрастов процент грамотности заметно понижается. Так, грамотность населения республики в возрасте 9 лет и старше равнялся 69,7%, в том числе в городе 81,0% и в сельской местности 66,5%.[4]

Таким образом, со времени переписи населения 1926 г. грамотность населения Дагестана возросла на 69,31%. Иными словами, основная часть взрослого населения республики в 30-е годы была приобщена к грамоте. При этом сохранялись определенные различия в уровне грамотности городского и сельского населения.

---

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 600.

[2] Там же. С. 605.

[3] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959г. РСФСР. М., 1963. С. 145, 147–149.

[4] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 22. Д. 60. Л. 3.

Отмечая бесспорные достижения и результаты в повышении образовательного уровня населения республики за первые два десятилетия советской власти, следует указать и на негативные процессы. Притеснения и репрессии в отношении мусульманского духовенства, запреты в деле обучения детей и взрослых в традиционных мусульманских конфессиональных учебных заведениях привели к существенному снижению уровня грамотности дагестанских народов на арабском языке.

Ответственные задачи по развитию отраслей материального производства и социально-культурной сферы обуславливали необходимость усиления внимания властных структур Дагестана к развитию специального образования. В свою очередь, успехи в подготовке специалистов с высшим и средним образованием благоприятно отражались на развитии материального производства, приобщении широких слоев населения к новым духовным ценностям.

Партийные, советские органы республики в новых условиях усилили внимание к развитию специального образования. В конце 20-х – начале 30-х годов в системе специального образования ДАССР были осуществлены преобразования, призванные, как мыслилось, существенно улучшить подготовку кадров. Все техникумы, за исключением педагогических, были реорганизованы по отраслевому признаку и переданы в ведение наркоматов и хозяйственных организаций, непосредственно заинтересованных в подготовке новых специалистов. Была расширена сеть, увеличился контингент учащихся техникумов. В годы первой пятилетки на базе соответствующих отделений индустриально-экономического техникума были созданы самостоятельные техникумы. Финансово-экономический техникум – в Буйнакске, автодорожный – в Махачкале. В 1930–1932 гг. были открыты рыбный и пищевой техникумы, техникум советской торговли, ковровый техникум. В 1929–1931 гг. расширяются Дербентский и Шелковский сельскохозяйственные техникумы и Дербентский зоотехникум. Эти средние учебные заведения стали готовить широкий круг специалистов сельского хозяйства: полеводов, садоводов, виноградарей, ветеринарных работников, зоотехников и т.д.

После проведения реформы среднего специального образования в ведении Наркомпроса ДАССР остались педагогические техникумы,

педрабфак, Махачкалинский музыкальный техникум и Дагестанская совпартшкола.[1]

На начало 1933/34 учебного года общее количество средних специальных учебных заведений в Дагестане возросло до 24 с контингентом учащихся 2,4 тыс. человек.[2]

В условиях острой нехватки молодежи с достаточной общеобразовательной подготовкой для продолжения образования в вузах и техникумах большое значение в развитии специального образования в республике имело расширение сети рабфаков. Последние в годы первой пятилетки были реорганизованы по отраслевому признаку, переданы соответствующим наркоматам и прикреплены к высшим учебным заведениям. В 1932 г. в республике работало 4 дневных и вечерних рабфака с промышленным, сельскохозяйственным, педагогическим и медицинским уклоном (805 учащихся).[3]

В этот период властные структуры республики, исходя из директивных установок, продолжали уделять пристальное внимание регулированию социально-классового состава студенчества. Эти вопросы неоднократно рассматривались на конференциях, пленумах, бюро обкома партии, заседаниях СНК республики, по ним принимались специальные решения. Так, в постановлении СНК ДАССР от 9 декабря 1930 г. «Об итогах приема в учебные заведения республики и вне ее лиц из коренных национальностей Дагестана», указывалось на недостаточность представительства местных дагестанских этносов в числе направляемых в учебные заведения за пределы республики, слабость партийной и комсомольской прослойки. Постановление признало необходимым: «В целях обеспечения соответствующего руководства и контроля в деле вербовки дагестанской молодежи в учебные заведения, всю работу по командированию в учебные заведения, сосредоточить при междуведомственной центральной вербовочной комиссии при Наркомпросе ДАССР, скомплектованной из представителей партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и представителей соответствующих ведомств и наркоматов, ведающих подготовкой кадров».[1]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 152–153.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 209.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 233.

В 1931 г. в Махачкале был открыт комбинат рабочего образования (КРО) с целевой установкой подготовить рабочих, батраков и выходцев из беднейших слоев крестьянства для продолжения образования в вузах, техникумах, рабфаках. Имелось также в виду повысить производственную квалификацию рабочих без отрыва от работы. При комбинате имелись вечерний рабфак с индустриальным уклоном, курсы по подготовке в вузы, техникумы и рабфаки, вечерний текстильный техникум и рабочая школа. В год основания в КРО обучалось более 900 учащихся.[2]

В 1932 г. среди студентов вузов и техникумов (без педагогических) прослойка рабочих, колхозников и батрацко-бедняцких слоев крестьянства составляла 80%, коммунистов и комсомольцев 55%. Удельный вес представителей народов Дагестана в составе студентов достиг к этому времени по вузам 50,9% и по техникумам – 62,2%.[3]

В последующие годы продолжался дальнейший численный рост студенчества Дагестана. Однако в процентном отношении доля представителей местных народностей в их составе снизилась. Так, на 1 января 1936 г. в высших и средних специальных учебных заведениях республики обучалось 5773 студентов и учащихся: 675 кумыков, 481 аварец, 413 даргинцев, 571 лакец, 711 лезгинов, 112 татов (горских евреев), 1792 русских, остальные представители других национальностей страны. Во всех вузах, некоторых техникумах выходцы из местных народностей составляли менее 50% от общей численности студентов и учащихся.

Многочисленные решения республиканских и местных органов власти об улучшении работы по вовлечению в специальные учебные заведения представителей коренных народностей по многим причинам, в том числе и объективным, выполнялись не в полном объеме. Проблема формирования национальных кадров, несмотря на принимаемые меры, оставалась одной из самых острых и решалась медлен-

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 103.

[2] *Эфендиев А.И.* Формирование советской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1960. С. 91.

[3] Там же. С. 94.

нее, чем предполагалось, и требовали насущные нужды народнохозяйственного и культурного строительства.[1]

Продолжал сказываться невысокий общеобразовательный уровень значительной части дагестанской молодежи. В условиях быстрого развития отраслей индустрии возрастала потребность в специалистах высшей и средней квалификации технического профиля. Дагестанские этносы в подавляющей массе предпочитали традиционный сельский образ жизни и представители коренных народностей при выборе профиля поступаемого вуза и техникума предпочтение отдавали не техническим специальностям.

В начале 30-х годов властные структуры Дагестана с учетом возросших запросов отраслей материального производства и социально-культурной сферы в специалистах высшей квалификации развернули большую работу по открытию высших учебных заведений в республике.

Первым было решено открыть педагогический институт. Нарком просвещения республики И. Алиев, обосновывая необходимость открытия нового учебного заведения, в докладной записке в дагестанский обком партии от 11 июля 1931 г. подчеркивал: «Основным мотивом иметь пединститут в Дагестане является ...: иметь пединститут как центр педагогической работы и переквалификации отсталого учительства (77% с низшим образованием), как центр для развертывания и соответствующей постановки работы в новых национальных педкомбинатах.

Главное готовить кадры для школы повышенного типа на местной производственной базе, весьма своеобразной и отличительной от условий других областей ...».[2]

Для открытия педагогического вуза в Дагестане имелись необходимые условия. При Горском педагогическом институте (г. Владикавказ) функционировало дагестанское отделение. В 1931 г. на базе этого отделения в Махачкале открывается первый дагестанский вуз – педагогический институт в составе трех отделений: общественно-литературного, химико-биологического и физико-технического. Первый набор института состоял из 89 студентов, из них 22 девушки.[1] В целях создания благоприятных условий для работы открываемого института в решении Совнаркома республики от 8 октября 1931 г. «Об открытии Дагестанского агропедагогического института» отмечалось необходимость: «Предусмотреть в контрольных цифрах на 1932 г. начало постройки специального здания для института и необходимых помещений для учащихся и педагогического персонала и закончить постройку в 1933 г.».[2]

14 апреля 1932 г. Правительство ДАССР приняло постановление об открытии в республике медицинского института, а через месяц и сельскохозяйственного института.

В медицинском институте предлагалось иметь три факультета: лечебно-профилактический, санитарно-профилактический и охрана материнства и детства. На первый курс института в 1932/33 учебном году было принято 130 человек. На работу в медицинский институт с помощью Наркомата здравоохранения РСФСР и Северо-Кавказских краевых органов удалось пригласить большую группу профессоров и высококвалифицированных преподавателей.

В 1932/1933 учебном году начались занятия и в Дагестанском сельскохозяйственном институте. В институте имелись 2 факультета: зоотехнический и плодово-виноградный. Сельхозинститут был открыт в г. Махачкале на базе плодово-ягодного и овцеводческого отделений Горского сельскохозяйственного института. В связи с этим новому институту передавались имущество, лаборатории, профессорско-преподавательский состав и студенты указанных отделений, а также кредиты, выделенные на учебные цели и капитальное строительство.[3]

Первые три года педагогический, сельскохозяйственный и медицинский институты размещались в одном здании – Доме кадров. В 1934 г. педагогический институт был переведен в здание на улице Маркова, которое строилось для Дагестанского коммунального банка. В здании было около тысячи кв. метров полезной площади, и оно

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 159.

[2] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Махачкала, 2003. Т. 1. С. 137.

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 156.

[2] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 138.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 156.

стало основным учебным корпусом педагогического института вплоть до 1954 г. В том же 1934 г. в центре города по улице Дахадаева было построено для пединститута и трехэтажное здание общежития на 150 студентов.[1]

Параллельно предпринимались усилия по улучшению материально-бытовых условий студентов и преподавателей вузов и техникумов. Так, решением СНК республики от 14 октября 1932 г. ежемесячная стипендия студентов вузов повышалась с 20 до 30 руб.[2] Тем не менее, в деятельности высших учебных заведений, особенно в первые годы их деятельности, имелись серьезные недостатки и нерешенные проблемы. Это и нехватка подготовленной молодежи из числа представителей местных народностей для обучения в вузах, слабость учебно-материальной базы, нехватка профессорско – преподавательских кадров и многое другое. Так, в докладной записке директора Дагестанского медицинского института М. Нахибашева в секретариат Дагобкома ВКП(б) от 15 октября 1932 г. указывалось: «Учебными пособиями и учебниками мединститут обеспечен недостаточно, в особенности кафедра биологии. Оборудование кафедр и лабораторий требует дополнения ... Студенты обеспечены общежитием на 50%. Помещением для учебных занятий и аппарата обеспечен довольно скудно и нет возможности проводить какую-либо научную работу. Плохо обстоит дело с квартирами для профессоров ...

Дагмединститут создан главным образом для подготовки национальных кадров из дагестанцев, северокавказских национальностей ... Однако опыт показал, что среди национальностей Дагестана и Северного Кавказа нет еще достаточного количества лиц, подготовленных для поступления в институт, поэтому стало необходимым иметь в течение 2–3 лет подготовительную группу, т.е. до выпуска студентов из своего медрабфака».[3]

Директивные органы осуществили ряд мер по улучшению специального образования в стране. 19 сентября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление «Об учебных программах и режиме в высшей школе и

[1] *Абилов А.А.* Дагестанский университет. Махачкала. 1973. С. 15.

[2] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 159.

[3] Там же. С. 161–162.

техникумах», в котором предлагалось усилить внимание к общетеоретической подготовке студентов и учащихся, пересмотреть программы и учебные планы с тем, чтобы в вузах и втузах на изучение общетехнических специальных дисциплин отводилось не менее 80-85% учебного времени и по техникумам не менее 70% учебного времени, добиваясь полного соответствия учебных программ профилю специальностей. Осуществляемая перестройка должна была охватить весь учебный процесс, включая производственную практику. Постановление высшего органа государственной власти страны ориентировало вузы и техникумы решительно вводить активные методы обучения, проверенные на практике.

В 1932/33 учебном году в вузах и техникумах были введены пересмотренные учебные планы и программы, в которых предусматривалось новое, более рациональное соотношение учебного времени, отводимое на теоретические занятия и непрерывное производственное обучение. Новые программы полнее отражали современные достижения науки и техники, в большей степени соответствовали задачам специализации. Введение новых учебных программ должно было способствовать также более тесной увязке теоретических занятий с практическими, в частности, лабораторными, и более основательному привитию студентам и учащимся навыков производственной деятельности в соответствующих отраслях народного хозяйства. Вместе с тем в программах делалась попытка уменьшить многопредметность, параллелизм, дублирование в изучении учебных дисциплин. Доминирующее положение заняли лабораторные и семинарские занятия, консультации. Повышалась роль преподавателя, общественных организаций в учебной и воспитательной работе в вузах и техникумах.

При осуществлении намеченных преобразований в системе высшего и среднего специального образования встречались большие трудности. Значительно затянулся процесс создания новых учебников. Да и учебные планы и программы продолжали подвергаться частым изменениям. Неудовлетворительной оставалась материально-техническая база учебных заведений, вузы испытывали трудности в организации учебно-производственной, педагогической и медицинской практики.[1] Так, в начале 1938/1939 учебного года в Дагестан-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 156–157.

ском педагогическом институте 147 студентов старших курсов имели академическую задолженность. Из вновь принятых на первый курс 320 студентов, не были обеспечены общежитием 60 человек. Вуз ощущал нехватку преподавателей по ряду предметов – истории, языкознания и литературы. В сельскохозяйственном институте насчитывалось 72 преподавателя и учебно-вспомогательного персонала. Институт был обеспечен преподавательским составом полностью, за исключением зав. кафедрой защиты растений. Из 35 учебных дисциплин, 26 были обеспечены новыми утвержденными программами. Обеспеченность учебниками по основным предметам составляла 50%.[1]

Несмотря на сохраняющиеся недостатки в материально-техническом обеспечении, организации учебно-воспитательного процесса, вузы республики продолжали увеличивать прием студентов. Однако, несмотря на усилия властных структур, Наркомпроса, доля представителей местных народностей в составе студенчества вузов оставалась недостаточной.

Таблица 8

Сведения о национальном составе студентов, обучающихся в вузах Дагестана

	1932	На 1 января 1936 г.
Всего студентов (чел.)	553	1456
Доля коренных народностей в составе студенчества	35.2%	25.9%[2]

Как явствует из таблицы контингент студентов, обучающихся в вузах республики, возрос в 2,6 раза. За этот же период доля представителей местных народностей в составе студенчества снизился и составлял только четвертую часть, что являлось следствием нехватки молодежи из числа представителей дагестанских народов с достаточной общеобразовательной подготовкой для обучения в вузах.

[1] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 290, 297.

[2] Там же. С. 206; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 499.

Во второй и мирные годы третьей пятилетки в республике продолжала расширяться сеть специальных учебных заведений и профиль специальностей, по которым готовились кадры высшей и средней квалификации. Так, в соответствии с приказом по Всесоюзному комитету по делам высшей школы при СНК СССР в Дагестанском сельскохозяйственном институте с 1938/1939 учебного года открылись два новых факультета – зоотехнический и ветеринарный – на 75 человек. С введением новых факультетов общий прием в сельхозинститут составил 175 человек.[1]

Таблица 9

Высшие и средние специальные учебные заведения Дагестана (на начало учебного года)

	1927/28 г.	1933/34 г.	1940/41 г.
Число высших учебных заведений	-	3	5
В них студентов – тыс.	-	0.5	2.4
Число средних специальных учебных заведений	8	24	26
В них студентов – тыс.	0.9	2,4	5.2[2]

К 1940/41 учебному году контингент студентов вузов возрос по сравнению с 1933/34 учебным годом почти в 5 раз. Сеть средних специальных учебных заведений в годы предвоенных пятилеток росла опережающими темпами – более чем в 3 раза, а контингент учащихся увеличилась почти в 6 раз.

В предвоенные годы вузы и техникумы республики ежегодно наращивали выпуск специалистов для отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы. Так, вузы Дагестана в 1937 г. подготовили 226 специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием, в 1938 г – 233, в 1939 г. – 305 специалистов. За 1937–1939 гг. техникумы республики выпустили 1857 специалистов средней квалификации.[3]

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. С. 135.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 209.

[3] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 105.

Несмотря на очевидные и бесспорные успехи в развитии специального образования и подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием в республике в 30-е годы, масштабы подготовки кадров высшей и средней квалификации были несоразмеримы с потребностями в них. Дагестан продолжал испытывать острую нехватку кадров со специальным образованием. С учетом этого была сохранена система брони для дагестанской молодежи, созданная еще в начале 20-х годов в вузах, техникумах и других учебных заведениях центральных регионов страны.

В 1932 г. в московских вузах обучалось 185 дагестанцев. Посланцы республики получали высшее образование, в частности, в московских институтах: нефтяном, геологоразведочном, машиностроительном, географическом, землеустроительном, текстильном, архитектурно-строительном, финансово-экономическом. Обучались представители Дагестана в Воронежском институте коммунального хозяйства, Новочеркасском геологоразведочном, Саратовском нефтяном институтах, в ряде вузов Ленинграда и других городов.

Продолжалась подготовка национальных кадров высокой квалификации в Коммунистическом университете народов Востока (КУНВ), в Институте красной профессуры, в Академии Коммунистического воспитания. В 1931–1932 гг. в эти учебные заведения, а также в коммунистические университеты других городов был направлен 51 дагестанец. 3 представителя Дагестана были приняты с аспирантуру Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей СССР.[1]

В 1936 г. московские вузы окончили 42 дагестанца. Почти все они изъявили желание ехать на работу в Дагестан.[2]

Ускорению экономического и социально-культурного развития многонационального региона призвана была содействовать и получившая с первых лет советской власти практика направления по разнорядкам центральных министерств и ведомств, специалистов высшей и средней квалификации для работы в республике.

В 1939 г. в Дагестан было направлено 10 выпускников Харьковского и 2 выпускника Ростовского медицинских институтов.[1] В 1940

[1] *Эфендиев А.И.* Указ. соч. С. 103.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 167.

г. учреждения здравоохранения республики пополнились 311 специалистом средней квалификации (из них 93 прислано из центра). 224 специалиста-медика получили направление в сельскую местность.[2]

Наиболее полно уровень образования населения республики отразили итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Таблица 10

Сведения о количестве лиц, имеющих высшее образование среди национальностей Дагестана (по переписи 1939г.)

			1939 г.
	мужчины	женщины	всего
Всего	2077	704	2781
в т.ч. русские	1001	483	1484
Аварцы	81	11	32
Даргинцы	49	3	52
Лакцы	85	12	97
Кумыки	88	11	99
Лезгины	132	4	136
Табасаранцы	1	-	1
Прочие	3	-	3[3]

Данные показывают, что, несмотря на увеличение числа лиц с высшим образованием среди местных народностей, в 1939 г. более половины из их общего числа являлись русскими.

Общая же численность лиц с высшим и законченным средним образованием в республике по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. составила 40379 человек, в том числе 25754 человека в городе и 14625 человек в сельской местности.[4] Иными словами, основная часть интеллектуального потенциала республики концентрировалась в городах. Дагестанское село продолжало ощущать нехватку специалистов с высшим и средним специальным образованием.

[1] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 18. Д. 117. Л. 89.
[2] Там же. Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 4661. Л. 57.
[3] Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.: Документы и материалы. Т. 1. С. 323.
[4] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 22. Д. 60. Л. 1.

В целом анализ фактического материала показывает, что темпы формирования и развития новой интеллигенции в республике в 30-е годы заметно возросли. Она включала наряду с представителями коренных этносов и представителей других народов страны.

В 30-е годы интеллигенция Дагестана превратилась в силу, играющую всевозрастающую роль в развитии производительных сил республики, формировании и удовлетворении духовно-эстетических запросов тружеников города и села.

Говоря о развитии школьного образования в республике, мы упоминали фамилии педагогов, внесших большой вклад в обучение и воспитание подрастающего поколения. Большую работу по пропаганде сельскохозяйственных знаний, улучшению организации и увеличению производства сельскохозяйственной продукции проводили специалисты сельского хозяйства. В 1934 г. по решению Дагестанского обкома ВЛКСМ были созданы шесть образцовых агрономолабораторий при МТС – в Ачикулакском, Буйнакском, Хасавюртовском, Кизлярском, Шелковском и Махачкалинском районах.[1]

С 1931 г. интересные и ценные работы по выращиванию и расширению зоны культивирования плодовых и ягодных растенияй проводила Буйнакская зональная станция Наркомзема Дагестана. При зональной станции имелся питомник фруктовых и ягодных растений. В нем выращивались саженцы из семян дичков, к которым производилась прививка культурных сортов. Буйнакской зональной станцией были заложены много сортоучастков в селениях Тлярата, Шаури, Унчукатль и др. На этих участках выращивались лучшие сорта абрикосов, яблони, груши и т.д. Сортучастки позволяли установить вертикальные пределы произрастания плодовых культур в Дагестане в зависимости от зон и их нахождения. Во второй половине 30-х годов директором зональной станции работал Савченко, выпускник Дагестанского сельскохозяйственного института.[2]

Значительный урон был нанесен интеллигенции Дагестана в ходе массовых репрессий, развязанных в стране в 30-е годы. Объектом же-

[1] *Умарханов М. М.* Из истории борьбы политотделов МТС Дагестана за социалистическое переустройство сельского хозяйства (1933–1934 гг.) // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Дагестане. Махачкала. 1976. Вып. 3. С. 51.

[2] Дагестанская правда. 1938. 14 июля.

стких репрессий стали молодой коллектив Научно-исследовательского института национальной культуры при Совнаркоме ДАССР. Поводом для развертывания компании против сотрудников института было использовано дело Лабори (Георгия) Лелевича, бывшего сослуживца Л.Д. Троцкого. Как троцкиста его в 1934 г. выслали в Махачкалу. Здесь он работал зав. сектором литературы Института национальных культур.

Г. Лелевич часто выступал по вопросам литературы в печати, перед общественностью, студентами вузов и успел завязать знакомства со многими представителями дагестанской интеллигенции. Эти знакомства сыграли роковую роль в судьбах многих ее представителей. В числе их оказался писатель Рабадан Нуров и зам. редактора газеты «Дагестанская правда» Н. Филимонов, вся вина которого заключалась в публикации статей Г. Лелевича на страницах газеты. Среди многочисленных обвинений, предъявленных при аресте народному комиссару просвещения, председателю Союза писателей Дагестана Б. Астемирову был пункт и о том, что он передоверил руководство Союзом писателей троцкисту Г. Лелевичу. За тесную связь с ним был исключен из партии и арестован зам. наркома просвещения В.С. Ольшевский, который осмелился проявить дружеские чувства к семье Г. Лелевича после его ареста.

Институт был объявлен рассадником троцкизма. Руководство и научные сотрудники института: директор А. Тлюняев, затем Г. Гаджибеков, сотрудники М. Чаринов, А. Каяев, Х. Гитинаев и др. перечислены к троцкистам. Из 23-х сотрудников 8 были арестованы и на них заведены уголовные дела.[1]

Еще в конце 20-х годов аресты и репрессии были обрушены на представителей мусульманского духовенства и людей, получивших традиционное образование на арабском языке.

В 1929 г. был арестован один из виднейших представителей мусульманской интеллигенции Абусуфьян Акаев. Он был необоснованно обвинен в «понтюркизме и понисламизме» и осужден к 10 годам лишения свободы, сослан в Котласские лагеря Северного края. В ре-

[1] Репрессии 30-х годов в Дагестане: Документы и материалы. Махачкала. 1997. С. 8–9.

зультате изнурительного тяжелого труда Абусуфьян заболел и умер в Котласском лагере в 1931 г.[1]

В следственном изоляторе в г. Буйнакске вместе с Абусуфьяном Акаевым сидели черкеевец Ахмедзиявутдин, сын Тагир-гаджи, сына Шахмандара-хаджи (последний был в свое время прославленным шамилевским наибом), Бадави-кади из сел. Буглен, Юсуп-кади из сел. Торкали.[2] Все они были осуждены на длительные сроки лагерной жизни.

По состряпанному уголовному делу Али-Хаджи Акушинского в октябре 1929 г. в сел. Акуша, Аметеркмахи, Хаджалмахи, Муги, Усиша, Параул, Бутри, Кафыр-Кумух, Гергебиль, Уллу-ая, Герга-Махи, Урхучи-Махи, Адильбой было арестовано 64 человека.[3]

Произвол и беззаконие в отношении служителей культа в стране вынуждены были признать и представители высшего партийно-государственного руководства. В письме председателя Президиума ЦИК СССР М.И. Калинина председателю ЦКК Г.К. Орджоникидзе о бесправном положении представителей религиозного культа и произволе в отношении их семей (май 1930 г.) отмечалось: «... В связи с проводимой партией и советской властью политикой коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания из разного ряда мест... поступают многочисленные заявления от служителей религиозного культа, в которых они жалуются на свое бесправное положение и полный произвол в отношении их семей. Никаких признаков элементарной революционной законности по отношению к ним, как лишенцам, не существует. На местах царит полный произвол и непонимание политики партии в этом политически важном вопросе. Все мероприятия органов местной власти направлены к тому, чтобы заодно с кулаками «раскулачить» и служителей культа. Это незаконное «раскулачивание» производится под видом налогового обложения. Служителей культа стараются обложить по всем линиям в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные им требования.

[1] Основные вехи в жизни и творчестве Абусуфьяна Акаева // Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Махачкала. 1992. С. 115.

[2] *Абдулатипов А.-К.Ю.* О литературном творчестве Абусуфьяна Акаева //Там же. С. 58.

[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. Махачкала. 2007. С. 78–79.

И тогда у них конфискуется все имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется. Такого рода мероприятия проводятся иногда в судебном, а чаще в административном порядке, причем это выселение не ограничивается только выселением из дома.

Бывают случаи ссылки служителей культа в отдаленные места Союза ССР на ряд лет. Там, где проходят лесозаготовки, служители культа и члены их семей мобилизуются на эти работы не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни со здоровьем. Местами эти притеснения служителей религиозного культа переходят в буквальное издевательство. Например, случаи мобилизации служителей культа ... для очистки свинарников, конюшен, уборных и пр.».[1]

Однако и после этого, десятки тысяч служителей культа, ученые-богословы разных конфессий репрессировались, продолжали томиться в тюрьмах и лагерях для спецпоселенцев.

Ускоренная индустриализация и массовая коллективизация сельского хозяйства в 30-е годы обусловили необходимость подготовки, наряду со специалистами высшей и средней квалификации, квалифицированных работников через различные краткосрочные курсы и школы. Эти квалифицированные кадры массовых профессий оказывались средой, наиболее восприимчивой к новым духовным ценностям.

В 1932 г. на курсах советского строительства при ДагЦИКе обучались 163 слушателя, в числе которых 148 батраков, середняков и колхозников. Среди учащихся курсов было 43 женщины (20,8%).[2]

В Дагестане функционировали 16 районных и межрайонных колхозных школ по подготовке кадров массовых профессий. Ими только в 1936 г. было подготовлено 1387 председателей колхоза, 355 бригадиров полеводства, 188 бригадиров животноводства, 372 счетовода.[3] В 1940 г. в Дагестане были открыты двухгодичные школы сельскохозяйственного образования – в Буйнакске и Дербенте. Первая с животноводческим уклоном, вторая – с полеводческим.[4]

[1] *Одинцов М.И.* Государство и церковь.1917–1938 гг. (история взаимоотношений). М., 1991. С. 51.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. С. 119.

[3] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 108.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 137.

Важным звеном подготовки квалифицированных кадров для предприятий промышленности и транспорта республики являлись учебные заведения профессионально-технического образования.

В 1932 г. в Дагестане имелось 18 школ типа ФЗУ и совхозучей с охватом более 1600 человек, из которых 1050 человек являлись представителями коренных народов.[1]

В 1939 г. в республике функционировали 7 школ ФЗУ с контингентом 0,5 тыс. учащихся.[2] В ноябре 1940 г. в Дагестане было образовано Республиканское управление трудовых резервов, открыты два ремесленных училища и 4 школы ФЗО с 1300 учащимися.[3]

30-е годы явились важным этапом нарастания новых составляющих в развитии общеобразовательной и профессиональной школ многонационального региона, дальнейшего повышения грамотности и образовательного уровня тружеников города и села, количественных и качественных изменений в составе интеллигенции республики.

§ 3. Дальнейшее усиление нового в духовном облике дагестанцев

Существенные позитивные изменения и результаты в повышении грамотности и образовательного уровня населения республики, достигнутые в 30-е годы, обусловили новые возросшие требования к развитию культурно-просветительной работы.

Властные структуры Дагестана в новых условиях развернули целенаправленную работу по расширению сети культурно-просветительных учреждений, усилению размаха культурно-массовой работы в городах и сельских населенных пунктах. Было увеличено государственное финансирование работ по укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений. Однако основная часть бюджета Наркомпроса направлялась на расширение сети и развитие общеобразовательных и специальных учебных заведений в республике. Объемы же финансирования собственно культурно-просветительных учреждений оставались недостаточными.

[1] ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 20. Д. 200. Л. 88–89.
[2] Там же. Оп. 38. Д. 1. Л. 19.
[3] История Дагестана. В 4-х Т. Т. 3. С. 313–314.

Несмотря на развертывание массовой коллективизации в республике в годы первой пятилетки, неокрепшие колхозы не в состоянии были оказывать сколько-нибудь существенную помощь в организации и налаживании работы культурно-просветительных учреждений.

В 1932 г. в Дагестане насчитывалось 233 избы-читальни, 51 сакля горянок, 33 клуба, 35 библиотек и других учреждений культуры.[1] Основная часть культурно-просветительных учреждений, как и ранее, располагалась в городах.

В 30-е годы властные структуры Дагестана, используя административный нажим осуществляли курс на закрытие мечетей. Их помещения использовались под склады колхозов и совхозов, клубы, избы-читальни и другие культурно-просветительные учреждения.

Наиболее активно процесс закрытия мечетей и использования их помещений для открытия учреждений культуры в дагестанском селе развернулся во второй пятилетке. Как сообщала «Дагестанская правда» в октябре 1936 г.: «В Кумторкале Кумторкалинского района, Нижнем Дженгутае Буйнакского района в помещениях бывших мечетей оборудованы дома культуры со зрительными залами на 700 мест, сценами и читальнями. В сел. Чонта Кумторкалинского района, где два-три года назад не было никакого культурного учреждения, сейчас прекрасный колхозный клуб, изба-читальня и пионерская комната».[2] Всего на 1 января 1936 г. по данным 34 районов, гг. Махачкала и Дербент в республике было закрыто 1026 мечетей, церквей, синагог и других молитвенных зданий. В 264 из них были оборудованы под различные культурно-просветительные учреждения.[3]

По мере улучшения экономического положения республики, к созданию и укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений все активнее стали подключаться промышленные предприятия, колхозы и совхозы. В 1935 г. исключительно за счет средств колхоза в сел. Кака Ахтынского района был построен клуб.[4] Всего по данным 33 районов в республике за один 1936г. было организовано 15 домов культуры, 104 колхозных клуба и

[1] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 146, 148.
[2] Дагестанская правда. 1936. 16 октября.
[3] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 127.
[4] Дагестанская правда. 1935. 18 ноября.

382 изб-читален. На содержание колхозных клубов правлениями колхозов было выделено свыше 50 тыс. руб. На каждого заведующего колхозным клубом ежемесячно начислялось 15 трудодней.[1]

В начале 1941 г. в Дагестане имелось 756 массовых библиотек, 952 клубных учреждений, 119 киноустановок, из которых 704 массовых библиотек, 915 клубных учреждений и других культурно-просветительных учреждений функционировали в сельской местности.[2] Иными словами, несмотря на имеющиеся трудности и нерешенные проблемы в развертывании сети и организации деятельности, в анализируемое десятилетие в республике была создана разветвленная сеть новых очагов культуры, нацеленных на приобщение горцев к новым духовным ценностям.

В 30-е годы, особенно во второй и мирные годы третьей пятилеток свою деятельность культурно-просветительные учреждения все активнее разворачивали в дагестанском селе. Деятельное участие в их работе принимала молодежь и в частности, – комсомольцы и комсомолки.

При клубах, избах-читальнях, домах культуры создавались различные кружки художественной самодеятельности, готовились концертные программы, с которыми они выступали перед населением.

На 1 января 1937 г. в республике имелось 334 различных кружков художественной самодеятельности с общим числом участников 4736 человек, из них 1724 женщин.[3] В 1938 г. общее количество кружков художественной самодеятельности в Дагестане заметно возросло и составило более 1000 единиц. Во многих промышленных предприятиях, колхозах и совхозах имелись свои хоровые кружки, собственные духовые и струнные национальные оркестры.[4] Однако следует отметить, что число самодеятельных художественных коллективов и их участников по отдельным годам довольно сильно разнились. Это было следствием того, что в период подготовки к смотрам и олимпиадам усиливалось их финансирование, создавались новые коллективы и кружки, в последующем внимани к ним ослабевало, часть самодеятельных художественных коллективов распадалась или резко снижала свою активность.

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 65.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 216–218.

[3] ЦГА РД. Ф. р-716. Оп. 2. Д. 7. Л. 85.

[4] Там же.. Ф. р-34. Оп. 6. Д. 12. Л. 4.

В 1935 г. в Махачкале был открыт первый в республике Дом художественного воспитания детей. Заведующим учебной частью и одним из организаторов был Г.А. Гасанов. Аналогичные детские внешкольные учреждения позже создавались и в других городах республики. Они способствовали развитию детской художественной самодеятельности.[1] В республике было немало сельских изб-читален, клубов, домов культуры, вносящих заметный вклад в формирование и удовлетворение духовных запросов населения. Так, заведующий Капчугайской избой-читальней Буйнакского района А. Сайпулаев с помощью совета избы-читальни и актива организовал кружки: танцевальный, хоровой, антирелигиозный, по ликвидации неграмотности и политкружок. Выпускалась стенная газета. В избе читальне ежедневно проводились громкие читки газет, регулярно организовывались вечера, концерты коллективов художественной самодеятельности, которые пользовались неизменным успехом у сельчан.[2]

Во многих культурно-просветительных учреждениях обращалось внимание на содержательную сторону проводимых мероприятий, повышению их художественного уровня. В 1934 г. отдельные избы-читальни республики включились в конкурс на лучшую избу-читальню, объявленную Наркомпросом РСФСР. Конкурс вызвал значительное оживление в работе изб-читален и выявил лучшие из них. Хороших результатов добились, в частности, Нижне-Дженгутаевская, Нижнее-Казанищенская, Верхне-Казанищенская избы-читальни Буйнакского района, Карабудахкентская, Параульская избы-читальни Карабудахкентского района и др. Параульскую избу-читальню Карабудахкентского района Наркомпрос РСФСР наградил денежной премией.[3]

Во второй половине 30-х годов деятельность клубных учреждений в республике еще более усилилась. Только за первое полугодие 1940 г. по инициативе Рутульского районного дома культуры для колхозников района было прочитано 116 лекций на различные темы,

[1] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 76.

[2] *Мирзабеков М.Я. Указ. соч. С. 114.*

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 278.

на которых присутствовало свыше 15 тыс. человек. При доме культуры работали оборонный, антирелигиозный, агротехнический, драматический, музыкальный и хоровой кружки, в которых участвовали 254 человека. Дом культуры получал 29 различных газет и 38 журналов. В Кумторкалинском районе в 1940 г. работали районный дом культуры, 9 колхозных клубов и 10 изб-читален. В этих учреждениях работали 36 хоровых и танцевальных, 16 антирелигиозных, 18 осоавиахимовских, 13 мопровских и 6 радиолюбительских кружков. Интересная работа была развернута в ауле Кумторкала. Здесь еще в 1935 г. при сельском клубе был создан колхозный университет, который развернул политическую учебу среди коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива, подготавливал к весеннему севу трактористов и механизаторов, организовывал для колхозников занятия по агротехнике и сельхозмашинам, а также по ликвидации неграмотности.[1]

На страницах периодических изданий республики часто публиковалась информация о различных культурно-массовых мероприятиях, проведенных в городах и сельских населенных пунктах. Так, в июне 1937 г. «Дагестанская правда» информировала читателей: «В ауле Микрах Докузпаринского района создан драматический кружок, в котором впервые участвуют 8 горянок.

На днях, в честь приезда чабанов из Азербайджана, состоялся первый спектакль. Ставили пьесу «Ар Ерват». Присутствовало много колхозников и мастериц-ковровщиц. Спектакль прошел с большим успехом.

Пьеса «Коварство и любовь» Шиллера поставлена кумыкским театром. Спектакль прошел с большим успехом. Пьеса переведена на кумыкский язык писателем Темирбулатом Бейбулатовым».[2]

В анализируемый период в практике деятельности клубных учреждений Дагестана утвердилась практика проведения различных смотров и олимпиад. В 1935 г. впервые в республике были проведены городские и районные олимпиады самодеятельного искусства.

В мае 1935 г. состоялся Махачкалинский общегородской смотр юных дарований. По итогам смотра на общедагестанскую детскую

[1] *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. С. 146, 147.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 527.

художественную олимпиаду им. 15-летия ДАССР было отобрано 22 художника, 14 танцоров, 3 автора литературных произведений, 6 певцов, 7 чтецов, 10 музыкантов.[1]

В последующем олимпиады и смотры в республике стали проводиться практически каждый год. В 1936 и 1938 гг. были проведены Вседагестанские олимпиады художественной самодеятельности.

На республиканской олимпиаде 1938г. приняло участие 268 человек, из 28 районов, причем районы были представлены не только отдельными исполнителями, но и коллективами. Например, Кумторкалинский район выставил прекрасный коллектив из 17 человек. Он занял на олимпиаде ведущее место. Хорошо выступил и коллектив из Буйнакского района. Самодеятельный художественный коллектив сел. Нижний Дженгутай продемонстрировал свое искусство в исполнении танцев и кумыкских песен. Замечательное народное творчество продемонстрировали ашуги Рутульского и Табасаранского районов.

Важным штрихом олимпиады явилось то обстоятельство, что в качестве гостей и членов жюри на ней приняли участие представители соседних республик – Азербайджана и Грузии, а также артисты Всесоюзного комитета по радиовещанию.

Олимпиада дала возможность отобрать из числа лучших исполнителей 35 человек для пополнения Дагестанского государственного национального ансамбля.[2]

В июле 1936 г. национальный ансамбль Дагестана под руководством Т. Мурадова принял участие на первой Всесоюзной хоровой олимпиаде в Москве. 1 июля в большом зале московской филармонии состоялся первый вечер хоровой олимпиады. Выступивший на нем национальный ансамбль Дагестана поразил присутствующих ритмом, темпераментом и живостью своих песен и плясок.

Шесть дней длилась Всесоюзная хоровая олимпиада и где бы не выступали дагестанцы – в Парке культуры и отдыха им. Горького, на эстраде «Смычка» в Сокольниках, в других местах, куда их приглашали, всюду их встречали и провожали долго несмолкаемые аплодисменты.

[1] Там же. С. 475–476.

[2] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 115.

7 июля в числе лучших хоров дагестанцы участвовали в заключительном концерте в Кремле.[1]

Властные структуры республики предпринимали меры по усилению размаха культурно-массовой работы, охвата ее широких слоев городского и сельского населения. В сентябре 1937 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос о работе культурно-просветительных учреждений республики. В ноябре 1938 г. СНК ДАССР приняло постановление «О состоянии работы изб-читален, домов культуры в Кулинском, Акушинском и Хивском районах».

В решениях бюро обкома партии и СНК ДАССР отмечались серьезные недостатки в деятельности культпросветучреждений, слабое руководство Наркомпроса ими, отсутствие внимания и помощи со стороны многих районных партийных и советских органов домам культуры, клубам, избам-читальням и другим учреждениям культуры.

Партийные, советские органы обязывались предпринять меры к укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений, пополнению подготовленными кадрами и улучшению их деятельности по удовлетворению духовно-эстетических запросов населения.[2]

Однако эти и другие аналогичные решения властных структур, не подкрепленные соответствующим материально-финансовым обеспечением, не давали ожидаемых результатов. К концу 30-х годов систематической культурно-массовой работой в республике не охватывалась значительная часть населения, в частности, сельского. Сказывалась слабость материальной базы культурно-просветительных учреждений, и неготовность части населения, особенно старших возрастов к восприятию новых форм проведения досуга.

Рост грамотности и образовательного уровня населения способствовали повышению спроса на книгу.

Крупнейшим из книгохранилищ Дагестана являлась Республиканская библиотека им. А.С. Пушкина. В 1936 г. библиотека получила новое здание с книгохранилищем на 50 тыс. томов. К тому времени библиотека имела уже 6 тыс. читателей. Библиотека обслуживала

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 509–510.

[2] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 116.

и жителей района. Были организованы 18 передвижных библиотек для доставки книг и журналов сельским жителям. При библиотеке был организован и национальный отдел.[1]

К началу 1938 г. общее число читателей самой крупной библиотеки республики возросло до 10 с лишним тысяч. Ежедневно библиотеку посещали до 500 читателей. Организовывались работниками библиотеки встречи с писателями и поэтами, читательские конференции, обсуждения произведений дагестанских авторов, писателей и поэтов братских народов страны.[2]

Учитывая рост потребности сельского населения в книжной продукции, в 1935 г. библиотечная сеть республики была реорганизована и расширена. Бывшие городские библиотеки в гг. Дербенте, Кизляре, Буйнакске и Хасавюрте были реорганизованы в районные библиотеки. Фонды этих библиотек к 1 январю 1936 г. выросли на 17605 томов.

В 1935 г. по плану Наркомпроса в 23 районах были организованы районные библиотеки – в Акушинском, Ахтынском, Ачикулакском, Бабаюртовском, Ботлихском, Гумбетовском, Гунибском, Дахадаевском и других, с книжным фондом 16020 экз., из них 7078 книг на языках коренных народностей Дагестана. Охвачено 6875 читателей, в том числе 3591 человек из коренных народностей. Районными библиотеками было организовано 53 библиотек-передвижек.

Для обеспечения вновь открытых районных библиотек кадрами в республике были организованы двухмесячные курсы библиотечных работников на 25 человек, по подготовке городских библиотекарей – на 23 человека.[3]

Улучшению снабжения библиотек книжной продукцией способствовала организация бибколлектора при Даггизе. В 1935г. он заключил с библиотеками различных ведомств 84 договора на поставку ли-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 267: Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 502.

[2] Дагестанская правда. 1938. 3 января.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 501–502.

тературы, из которых 25 районных, 14 сельских, 15 профсоюзных и 30 городских на общую сумму 120684 руб.[1]

В 1936 г. для улучшения библиотечного обслуживания населения при Наркомпросе республики был организован библиотечный отдел. Создан библиотечный совет, в который вошли представители Дагсовпрофа, Наркомзема, обкома ВЛКСМ, Даггиза, Наркомпроса, Махачкалинского гороно и Центральной библиотеки. Для методического руководства библиотеками на местах была создана районная инспектура, в штат 8 районо и 1 гороно введены специальные библиотечные инспектора.[2]

Эти меры способствовали улучшению книжным обслуживанием населения республики. Отдельные сельские библиотеки добивались хороших результатов в удовлетворении читательского спроса, проводили различную культурно-массовую работу по пропаганде литературы. Например, Кумухской библиотекой только в 1940 г. было выдано читателям-колхозникам 4037 книг, организовано 4 передвижки и 38 выставок, проведено 69 литературных вечеров. При библиотеке работал кружок по изучению русской литературы.[3]

На 1 января 1938 г. по неполным данным читателями массовых библиотек Наркомпроса республики являлись 23144 человек. В 1937 г. ими было выдано 276891 тыс. экз. общественно-политической, естественнонаучной и художественной литературы. Почти две трети читателей являлись работниками материального производства, учреждений просвещения, здравоохранения, государственного аппарата и т.д.

В последующие годы, несмотря на известные трудности, связанные с переобучением значительной части грамотного взрослого населения на новой русской графической основе, письменности и обновлением библиотечных фондов на национальных языках, в республике расширялся охват населения библиотечным обслуживанием. В 1940 г. читателями массовых библиотек Дагестана являлись 54 тыс. человек.[1]

При всей важности увеличения числа читателей массовых библиотек республики не следовало ими обольщаться. Основная часть

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 515.
[4] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 119.

взрослого городского и сельского населения Дагестана к концу анализируемого периода не была охвачена библиотечным обслуживанием.

В рассматриваемые годы дальнейшее распространение в городах и сельских населенных пунктах Дагестана получило кино, самый массовый вид искусства. В это десятилетие дагестанцам стало доступно звуковое кино. В 1937 г. звуковые кинотеатры имелись во всех городах и 8 сельских населенных пунктах республики – Акуша, Кумух, Ахты, Ботлих, Ачикулак и др. Кроме того, имелось 50 немых и 15 звуковых кинопередвижек, которыми обслуживались жители мелких населенных пунктов, животноводы на отгонных пастбищах.[1] На экранах городских кинотеатров, сельских населенных пунктах демонстрировались широко известные в стране художественные кинофильмы «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Свинарка и пастух» и многие другие.

Однако в развитии кино в республике, особенно в первой половине 30-х годов, имели место нерешенные и неудовлетворительно решавшиеся проблемы. Большая часть населения, в частности, сельского не знала русского языка. Это затрудняла восприятие зрителями содержания киноленты. В докладной записке Дагобкома партии в культпропотдел ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1933 г. «О состоянии культпросветработы в Дагестане». «Интерес у крестьянства к картинам огромный. Посещение поголовное. Живо реагируют. Существенным недостатком является отсутствие надписей (титр) на местных языках (они на русском языке). При наличии картин хорошего содержания и систематической работы кино можно было бы развернуть большую воспитательную работу».[2]

Несмотря на эти трудности, кино стало непременным атрибутом жизни городского и сельского населения многонационального региона. Уже в 1930г. киносеансы в Дагестане просмотрели 1655,5 тыс. человек, в 1934 г. – 1581, 9 тыс. человек, в 1935 г. – 2131, 2 тыс. че-

[1] Дагестанская правда. 1938. 30 января.
[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 449.

ловек, в 1936 г. – 2647,1 тыс. человек, а в 1939 г. – уже более 3 млн. человек.[1]

Важным каналом знакомства с историческим прошлым, целенаправленной воспитательной работы среди населения республики являлись музеи.

В рассматриваемый период властные структуры продолжали целенаправленные усилия по пополнению экспозиционного фонда Республиканского краеведческого музея, организации и налаживанию работы музеев в других городах и сельских населенных пунктах. В 1940 г. в Дагестане насчитывалось 5 музеев, в том числе Республиканский краеведческий музей в Махачкале, историко-революционный музей в Буйнакске, краеведческий музей в Дербенте, музей в селениях Ахты и Ашага-Стал. Экспозиционный фонд только одного Республиканского Краеведческого музея с 8 тыс. единиц в 1929 г. возрос до 27 тыс. единиц в 1940 г.[2]

Музеи занимались не только сбором и обобщением исторического, археологического, этнографического и других материалов, но и организовывали выставки, лекции, вели другую культурно-просветительную работу среди населения. Они объединяли вокруг себя актив краеведов-любителей, оказывали организационную, методическую помощь созданным в районах и городах республики отделениям Общества по изучению Дагестана, а также краеведческим кружкам.

Показательна в этом отношении деятельность Ахтынского районного музея. Музей этот возник на базе краеведческого кружка Ахтынской образцовой школы первой ступени. В 30-е годы Ахтынский районный музей сосредоточил у себя всю работу районного отделения общества по изучению Дагестана, объединявшего до 30 краеведческих кружков и 6790 краеведов.

Краеведческой работой в Ахтынском районе занимались многие учителя, специалисты сельского хозяйства. Активно вовлекались в

[1] ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 21. Д. 67. Л. 10; Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 2287. Л. 46; *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 148.

[2] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 31; *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 94.

эту работу школьники, которые занимались в 29 кружках краеведения.[1]

Посещаемость только одного Республиканского краеведческого музея с 11860 человек в 1937 г. увеличилась до 27165 человек в 1939 г.[2] В 1940 г. Республиканский краеведческий музей организовал 16 тематических выставок, посвященных героическому прошлому дагестанских народов, их достижениям в развитии экономики, культуры и т.д. За год в музеях республики побывало 373 экскурсии. Было обслужено 73165 посетителей, в том числе 5208 школьников.[3] Основная часть посетителей приходилась на долю Республиканского краеведческого музея. В общей массе посетителей музеев республики преобладали горожане. Тем не менее, все больший интерес к новым очагам культуры проявлялся и в дагестанском селе.

В начале 30-х годов партийно-государственное руководство страны усилило внимание к развитию периодической печати.

В январе 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О сельской районной и низовой печати», а в апреле 1931 г. – постановление «О перестройке рабсельскоровского движения». Эти документы дали толчок дальнейшему улучшению работы газет в нерусских районах страны, способствовали развитию сети и усилению связи периодической печати с населением.

За короткий срок, прошедший после принятия указанных партийных решений, в стране появились сотни новых газет. К концу первой пятилетки (1932 г.) в СССР издавалось 7536 газет с общим тиражом 35,5 млн. экземпляров. В следующем 1933 г. число выходящих в стране газет возросло до 8319 названий, а их разовый тираж увеличился на 232 тыс. экземпляров. Быстро росло число газет в национальных республиках и областях страны.[4]

В начале 30-х годов в Дагестане начали создаваться районные газеты на национальных языках. Только за 1932–1933 гг. в республике были организованы 10 новых районных газет. Общее число районных газет в Дагестане в 1934 г. достигло 24, в том числе 6 газет на авар-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 269.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 578.

[3] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 39. Д. 24. Л. 2.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 262.

ском языке, по 3 на даргинском, кумыкском, лезгинском и русском языках, 2 на азербайджанском и по одной на лакском, табасаранском, ногайском и татском языках.[1]

В августе 1934 г. с учетом растущих запросов и потребностей коренных народов бюро Дагестанского обкома партии приняло постановление «Об организации республиканских национальных газет». В соответствии с решением обкома партии уже в 1934 г. были организованы две республиканские национальные газеты: «МагIарул большевик» («Большевик гор») на аварском языке и «Ленин елу» («Путь Ленина») на кумыкском языке. Республиканские национальные газеты быстро завоевали популярность среди населения, сумели сплотить вокруг себя многочисленный актив рабселькоров, стали вносить весомый вклад в решение назревших вопросов социально-экономического и культурного строительства.[2]

В 1940 г. в Дагестане издавалось 5 республиканских газет, 27 районных газет, 9 фабрично-заводских и отраслевых многотиражок на 10 языках народов горного края. Общий годовой тираж всех газет республики в 1940 г. достиг 20 млн. экземпляров.[3]

Властные структуры Дагестана наряду с расширением числа периодических изданий, их тиражей, пристальное внимание уделяли к комплектованию их квалифицированными журналистскими кадрами. В 1931 г. в республике было подготовлено и переподготовлено 58 газетных работников и проходил подготовку и переподготовку 41 человек.[4]

В условиях быстрого повышения грамотности и образовательного уровня населения республики неуклонно росло влияние периодических изданий многонационального региона на развитие отраслей материального производства, формирование и удовлетворения новых культурно-эстетических запросов и потребностей, информирование тружеников города и села о событиях внутри страны и на международной арене.

---

[1] ЦГА РД. Ф. 1 п. Оп. 15. Д. 646. Л. 166.
[2] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 264.
[3] Дагестанская правда. 1940. 5 мая.
[4] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 120.

Периодические издания Дагестана большое внимание уделяли разъяснению широким массам населения задач культурного строительства, способствовали мобилизации усилий, тружеников города и села на их успешное выполнение. Значительную роль в этой важной работе играла, в частности, газета «Красный Дагестан» (с 1932 г. «Дагестанская правда»).

В начале 30-х годов острейшей проблемой в сфере культурного строительства в Дагестане оставалась проблема усиления функциональной роли родных языков. Редколлегия «Красного Дагестана» принимала активное участие в обсуждении вопросов языкового строительства. Газета публиковала материалы, отражающие разные точки зрения.

В 30-е годы в республике было усилено внимание к ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. «Дагестанская правда» разъясняла необходимость быстрейшего приобщения тружеников города и села к новой грамоте, знаниям, регулярно информировала читателей о ходе этой работы. Эти материалы публиковались под рубриками: «Ликвидация неграмотности – важнейшая политическая кампания», «Всеобщее обучение в порядок дня» и др. В них говорилось об усилиях органов неродного образования по обучению взрослого населения, помощи общественности в открытии и деятельности ликпунктов и школ малограмотных. Так, «Дагестанская правда» в номере за 6 июня 1932 г. под заголовком «На каникулы – на культсанштурм!» рассказала об ударнике культсанпохода, учащимся музыкального техникума Курбане Магомедове.

В период осуществления перехода к начальному всеобщему обучению подрастающего поколения газеты республики развернули целенаправленную разъяснительную работу о необходимости и важности выполнения закона о начальном всеобуче. «Дагестанская правда», национальные газеты республики исключительное значение придавали охвату горянок общеобразовательной школой. Публиковались материалы, критикующие лиц препятствующих этому. На страницах периодических изданий была организована публикация серии материалов, разъесняющих значение улучшения изучения русского языка в дагестанской нерусской школе. При этом, зачастую упускалось из виду необходимость усилению внимания преподаванию родных языков в образовательном процессе.

На страницах «Дагестанской правды» во второй половине 30-х годов регулярными стали публикации о ходе подготовки школ к началу учебного года. Так, в статье «Перед новым учебным годом» сообщалось: «За один 1936 г. в Дагестане было построено до 40 новых школ, в том числе ряд больших школ – на 400 и больше учащихся – в Махачкале, Дербенте, Хасавюрте, Двигательстрое и т.д.».[1]

9 сентября 1932 г. Дагестанский обком партии обратился к редакторам газет с письмом о необходимости улучшения освещения вопросов развития искусства и художественной самодеятельности. Редколлегия «Дагестанской правды» стала чаще публиковать материалы о состоянии учреждений искусства и развитии самодеятельного творчества населения городов и сельских районов республики. Так, в газете была опубликована статья А. Сегеди «О проблемах развития искусства в Дагестане».[2] В ней рассматривались состояние искусства в республике, отмечались трудности в развитии профессионального и самодеятельного искусства в республике. Однако такие аналитические статьи о развитии искусства на страницах «Дагестанской правды» были редки, преобладали отчеты и материалы информационного характера. Сказывался низкий профессиональный уровень основной массы авторов, неумение, а порой и нежелание вникать в суть сложных глубинных процессов, происходивших в искусстве народов многонационального региона.

Примечательным в плане изменения отношения горцев к новому искусству являлась статья Барият Мурадовой, опубликованной в «Дагестанской правде», «Рассказ народной артистки». В ней она писала: «Мы видим огромную любовь колхозников к театру. Возвращаются они с поля поздним вечером. Тут бы им отдохнуть. Но когда узнают, что приехал театр, они спешат переодеться, умыться и в театр. Усаживаются плотно перед сценой. Во время игры слышишь, как муха пролетает. Когда окончена пьеса, никто не расходится. Просят что-нибудь спеть и сыграть. И мы поем. Нас воодушевляет эта любовь народа к искусству.

Не так давно одна из колхозниц привела ко мне двух своих девочек и начала просить, чтобы я обучила их песням и танцам. Я узнала

[1] Дагестанская правда. 1937. 5 июля.
[2] Там же. 1932. 22 октября.

эту колхозницу. Она тоже кидала в меня грязью десять лет назад и со злобой обзывала самыми обидными словами».[1]

Характерным показателем сдвигов, происходивших в дагестанском искусстве, вовлечении в него женщин-горянок. В 30-е годы получает известность искусство выдающихся исполнительниц: П. Нуцаловой, Э. Адибекововй, Р. Гаджиевой, В. Гурелашвили, С. Измайловой, А. Ибрагимовой, Р. Бабаевой, П. Данияловов и многих других.

В середине 30-х годов редколлегия «Дагестанской правды» начала публиковать литературные страницы. Они явились эффективной формой пропаганды художественной литературы, знакомства читателей с новыми произведениями дагестанских писателей. Первую литературную страницу газета опубликовала в номере за 30 января 1936 г. В ней были помещены произведения Гамзата Цадасы «Чохто», З. Гаджиева «ГергебльГЭС», Р. Динмагомаева «Герой в шубах», материал о художнике М. Юнисилау, сказка «Шейх и бедняк» и др. В последующем такие литературные страницы в «Дагестанской правде» стали традиционными.

Актуальной, не сходящей со страниц периодических изданий республики являлась проблема эмансипации горянки, отстаивание ее прав в семейно-бытовой сфере, на равноправное участие в общественной жизни и на производстве. В подборках материалов, статьях и иных публикациях на страницах «Дагестанской правды» велся разговор о необходимости преодоления у определенной части населения неправильного отношения к горянке, отстаивались ее права на образование, равенство в семейно-бытовой сфере и общественной жизни. Однако из-за живучести патриархально-феодальных пережитков в республике, особенно в сельской местности они не оказывали существенного влияния на улучшение ситуации в этой сфере. Сказывался и невысокий уровень газетных публикаций.

Публикации «Дагестанской правды», других периодических изданий республики вызывали живой отклик читателей, с каждым годом укреплялась связь с рабсельскорами, возрастал поток корреспонденции в редакции газет. В 1936 г. «Дагестанская правда» получила 8441 письмо, в 1937 г. – 10178 и за первый квартал 1938 г. – 2020 пи-

[1] Там же. 1939, 12 августа.

сем. Редакция газеты «Большевик гор» на аварском языке получила соответственно 4622, 5537 и 1889 писем.[1] Большой популярностью пользовалась республиканская молодежная газета «Комсомолец Дагестана», также печатавшаяся на русском языке. В 1938г. газета имела 224 активных юнкора (юный корреспондент), а в 1939г. их число достигло 406. Общее число рабочих и сельских корреспондентов дагестанских газет превысило в том году 10 тыс. человек.

Среди корреспондентов дагестанских газет было немало таких, которые сотрудничали с ними многие годы. Это известные педагоги Г.М. Родовильский и М. Темирханов, врач С.М. Казаров. Ряд лет писали в «Дагестанскую правду» профессора О.А. Байрашевский, М.С. Доброхотов.[2]

Следует отметить, что периодические издания, являясь печатными органами властных структур, принимали участие и в травле деятелей культуры, специалистов, отдельных партийных и государственных деятелей, служителей культа, способствовали созданию в общественном сознании образа «врагов народа». Многие недостатки и упущения в деятельности учреждений народного образования и культуры они объясняли происками буржуазно-националистических «элементов». Так, в статье специального корреспондента газеты «Правда» М. Мезенина «Гнилая позиция Дагестанского обкома» указывалась: «Дальнейшему процветанию народов Дагестана мешают буржуазные националисты. Замаскировавшись, они всеми силами пытаются затормозить бурный рост социалистического хозяйства и культуры в республике. Буржуазные националисты вкупе с троцкистами, шпионами и диверсантами – Коркмасов, Шовкринский, Астемиров, «литератор» Лелевич – пробрались в руководящие советские и партийные органы. В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям, помещикам и духовенству.

Немало навредили националисты и троцкисты в области культуры. В звериной ненависти к интернациональному воспитанию трудящихся они фактически запретили на территории Дагестана русский

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 120.

[2] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 264–265.

язык, старались дезорганизовать работу учебных заведений, подготовку и рост национальных кадров.

Вражьи гнезда буржуазных националистов и троцкистких шпионов в Дагестане до конца не разгромлены и по сей день. Еще много врагов, притаившись в рядах партии, продолжают свою контрреволюционную деятельность...[1]

Большое значение в переориентации, формировании и удовлетворении новых духовных потребностей имело развитие книгоиздательства в республике, увеличение тиражей книжной продукции на дагестанских языках.

В постановлении бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 22 декабря 1931 г. «О реорганизации и постановке издательской работы в ДАССР», рассмотрев состояние и наметив меры по улучшению издательской деятельности в республике, предусмотрело: «Для руководства и организации всей деятельности Даггиза организовать во главе его правление, которое должно стать действительным руководителем полиграфпромышленности и издания всей книжно-журнальной продукции на территории ДАССР».[2]

Уже в 1934 г. только на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском и табасаранском языках было издано 1134 тыс. экземпляров книг общим объемом 5896 тыс. печатных листов.[3] В последующие годы второй пятилетки выпуск книжной продукции в республике продолжал расти. В 1937 г. Даггосиздательство выпустило 270 названий книг с общим тиражом 3622,0 тыс. экземпляров.[4]

Однако в связи с переводом письменности народов Дагестана на русскую графическую основу (1938 г.), и нехваткой нового полиграфического оборудования, в 1938 и 1939 годах произошло некоторое уменьшение выпуска литературы на новом алфавите. В 1938 г. в республике было издано 215 названий книг с тиражом 1320, 1 тыс. экземпляров, а в 1939 г. 241 название тиражом 1514,8 тыс. экземпляров.[5]

[1] Дагестанская правда. 1937, 26 сентября.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 380.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 266.

[4] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 38. Д. 1. Л. 34.

[5] Там же.

Большим тиражом издавалась переводная художественная литература. Дагестанцы получили возможность читать на родном языке произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, А.М. Шолохова, Т.Г. Шевченко, Д. Джамбула, Коста Хетагурова и других дореволюционных и советских писателей. С 1930 по 1940 г. Даггосиздательством было выпущено 264 названия произведений художественной литературы общим тиражом более полумиллиона экземпляров.[1]

Рассматриваемое десятилетие характеризовалось дальнейшим усилением роли радио в жизни дагестанских народов.

В конце 1932 г. в Дагестане имелось 11 трансляционных узлов и 3619 радиоточек.[2]

Во второй пятилетке в республике началось строительство в колхозах собственных радиоузлов. Одним из первых он был построен в рыболовецком колхозе им. 13-летия Октября на острове Чечень. Репродукторы решением правления колхоза были установлены в избах ударников лова. Только в одном ауле Ахты, кроме собственного радиоузла, передающего музыкальные и детские передачи, лекции и последние известия, имелось 320 радиоустановок.[3] Общее количество радиоустановок в Дагестане в 1937 г. составило 4965.[4]

Наиболее успешно радиофикация республики разворачивалась в мирных годах третьей пятилетки (1938–1940). В 1940 г. в Дагестане имелось 17,8 тыс. радиотрансляционных радиоточек, из которых 3904 в сельской местности.[5]

В 1932 г. общий объем радиовещания на всех языках был увеличен до 9 часов в сутки. Была установлена четкая пропорция между видами вещания. Массово-политическим передачам отводилось 45% вещательного времени, учебно-образовательным 20 и художественным 35%.[6] Передачи республиканского радио велись на русском и 7

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 266.
[2] Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала. 1932. С. 57.
[3] *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 145.
[4] ЦГА РД. Ф. р-260. Оп. 13. Д. 93. Л. 8.
[5] Дагестан за 50 лет: Стат. сборник. Махачкала. 1967. С. 61; *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 146.
[6] *Гамидов М.* Без бумаги и расстояний. Махачкала. 1977. С. 35.

языках народов Дагестана (аварском, кумыкском, лезгинском, даргинском, лакском, тюркском и татском).

Параллельно с республиканским в 30-е годы развертывалась работа по организации районного вещания. В 1939 г. в районах республики имелась 21 редакция узлового вещания (в 1939 г. было 14).[1]

Республиканское и местное радиовещание играло все возрастающую роль в политическом информировании населения, превратились в важный канал духовно-нравственного и эстетического воспитания. В последних известиях, выступлениях партийно-государственных деятелей, работников образования, культуры и искусства широко отражались вопросы культурного строительства в городах и районах республики.

Частыми гостями национальных редакций республиканского радио были Г. Цадаса, С. Стальский, А. Гафуров, А. Магомедов и другие писатели и поэты Дагестана, которые знакомили радиослушателей со своими новыми произведениями, поднимали актуальные вопросы общественно-политической жизни многонационального региона.

Со своими постановками у микрофона республиканского радио регулярно со своими постановками выступали русский, кумыкский, аварский, лакский, лезгинский, татский и тюркские театры Дагестана.

Огромной популярностью радиослушателей пользовались музыкальные передачи и концерты на национальных языках. С первых дней существования радио в его работе принимали участие певцы и музыканты – исполнители музыки народов Дагестана. Среди них были народные и заслуженные артисты ДАССР. Аминат Ибрагимова, Эраида Адибекова, Мария Щербатова, Роза Гуриелашвили, Патимат Даниялова, Рагимат Гаджиева, Абдул Бабаев, Насух Абдусаламов, Курбан Магомедов, Патимат Нуцалова, Урудж Абубакаров, Авак Абрамянц, Радият Бабаева и др.[2]

Неизменным успехом пользовались выступления хорового коллектива Дагестанского радио, основателем которого являлся один из основоположников профессионального искусства республики Татам Мурадов.

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 120–121.
[2] *Гамидов М.* Указ. соч. С. 40.

В ноябре 1936 г. на республиканском радио было положено начало организации специальных детских радиопередач. 19 ноября прошла в эфире первая детская радиопередача. В передаче участвовали пионеры школы № 3 – Л. Данович, Ю. Левченко, В. Васильев, В. Кочетов и П. Сюмак. Дети коллективно прочитали стихотворение Долматовского «Спор». Трое ребят исполнили на струнных инструментах несколько музыкальных номеров.

Кроме детей в передаче участвовала также солистка радиокомитета Таманская, которая исполнила пионерские песни: «О Павлике Морозове», «Пионерский барабан» и др.[1]

В предвоенные годы республиканское радио начало проводить Вседагестанские радиофестивали городов и районов, которые вызывали живой интерес радиослушателей.

Об эффективности передач Дагестанского радио, их влиянии на слушателей свидетельствовал рост корреспонденции во все редакции комитета. В 1939 г. редакции радио получили 4560 писем. У микрофона Дагестанского радиокомитета в этом году выступило 559 человек.[2]

30-е годы явились периодом создания и творческого становления национальных театров в Дагестане.

В 1930 г. состоялся первый выпуск Дагестанского театрального техникума. Он положил начало функционированию первого в республике профессионального национального театра – кумыкского. Уже в 1931 г. театр выступил на Северокавказской краевой олимпиаде в г. Ростове-на-Дону. Коллектив молодого театра занял на олимпиаде первое место.

Кумыкский театр, переименованный в 1932 г. в Центральный театр народов Дагестана, объединил вокруг себя национальные драматические студии. На их базе в последующие годы были организованы аварский, лезгинский и лакский драматические театры. К 15-летию советской автономии Дагестана (1935 г.) в республике работало уже 5 национальных театров кумыкский – в Буйнакске, аварский – в Хунзахе, азербайджанский – в Дербенте, лезгинский в Ахтах и лакский – в Кумухе.[1]

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 519.

[2] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 121.

Исключительно большое значение в развитии национальных театров республики, наряду с укомплектованием актерскими силами, имело определение их репертуара. Говоря о состоянии репертуара кумыкского театра, А. Сегеди в статье «О проблемах развития искусства в Дагестане», опубликованной 22 октября 1932 г. в «Дагестанской правде», отмечал: «Вопрос о репертуаре театра до последнего времени стоит очень остро. Работа на одних переводных пьесах, конечно, не может считаться полностью удовлетворительной. Национальная же драматургия только начинает развиваться».

Решению проблем, столь остро вставших в начале 30-х годов, должен был способствовать республиканский конкурс на лучшее драматургическое произведение (весна 1932 г.). Конкурс на создание пьес, посвященных теме социалистического строительства, изменениям в сознании, культуре, быту народов Дагестана, а также драматургии для детей уже осенью того же года принес свои плоды. Всего на рассмотрение поступило 26 пьес, из которых пять были отмечены премиями: драма А.П. Салаватова «Красные партизаны», комедия Р. Нурова «Разоблаченный шейх», пьесы Ш. Микаилова и З. Гаджиева «Шляпа», Г. Рустамова «В жизнь», Ю. Гереева «Кто кого».[2]

В последующем репертуар дагестанских театров продолжал пополняться новыми произведениями местных авторов. Одновременно молодые театры республики осуществляли постановку русских и западноевропейских классиков: «Грозу» А. Островского, «Отелло» В. Шекспира, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Чапаев» Д.Фурманова и др.

С особым творческим подъемом работал Русский театр во второй половине 30-х годов. К 1937 г. он уже располагал большим творческими возможностями. Спектакли художественного руководителя А.В. Верховского отличались смелостью прочтения и новаторским подходом к друматургии. Репертуар Русского театра в этот сезон был обширен и разнообразен: «Чапаев», «Слава», «Мария Стюарт», «Ко-

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 251–252.

[2] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. С. 186

варство и любовь», «Ученик дьявола», «Принцесса Турандот», «Егор Былычев и другие».

1937 г. для Кумыкского театра, как и для всего дагестанского искусства, ознаменовался подготовкой к празднику 20-летия Октября. Репертуар его состоял из весьма разнохарактерных пьес: «Гроза» А. Островского, «Скупой рыцарь» А. Пушкина, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Аристократы» Н. Погодина, «Анзор» А. Шаншиашвили, «Али и Вали» А. Курбанова. Была возобновлена удачная постановка прежних лет – «Чабан Арслан» А. Курбанова.

Весной 1939 г. Кумыкский театр открыл длительные гастроли в Махачкале, показав здесь спектакли «Очная ставка», «Овечий источник», «Родина», «Тулпар». С этим же репертуаром театр позднее гастролировал по Хасавюртовскому району. В этих показах особо выделялись сценические работы народной артистски Дагестана Б. Мурадовой. Занятая во всех трех спектаклях, она исполняла ведущие роли, демонстрируя свое растущее мастерство и окрепший талант.[1]

Театры республики, несмотря на серьезные трудности в профессиональном становлении и развитии, развертывании деятельности, играли всевозрастающую роль в формировании и удовлетворении художественно - эстетических запросов тружеников города и села. Только за один 1940г. театрами Дагестана было обслужено 209725 тыс. зрителей.[2]

В приказе Управления по делам искусств при СНК ДАССР от 17 июня 1940 г. «О юбилее кумыкского национального театра» отмечалось: «10-летний творческий путь кумыкского театра есть путь становления и развития национальных драматургов, режиссеров, путь становления национального профессионального театрального искусства.

Кумыкский театр показывает пример работы над классическим репертуаром русским и западноевропейским, показывает пример работы над созданием советской национальной кумыкской драматургии».[3]

---

[1] Там же. С. 245. 248–249.

[2] ЦГА РД. Ф. р-22. Оп. 39. Д. 35. Л. 8.

[3] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 585.

30-е годы явились важным этапом и в развитии музыкального искусства Дагестана. В 1931–1932 гг. на республиканском радио сформировался небольшой симфонический ансамбль, ставший впоследствии основой симфонического оркестра дагестанского телевидения и радио. В создании и деятельности симфонического коллектива в те годы ключевую роль играли известные дагестанские музыканты А.Я. Клейзмер, П.Ф. Проскурин, Т.А. Мурадов, позднее Г.А. Гасанов. Важным событием в музыкальной жизни Дагестана стало создание в 1935 г. Национального ансамбля песни и танца. Директором ансамбля был назначен Т. Мурадов, художественным руководителем Г. Гасанов, руководителем оркестра Х.М. Ханукаев, хормейстером Т. Бейбулатов, балетмейстером А. Ибрагимов. Укомплектованный из наиболее одаренных участников кружков художественной самодеятельности, национальный ансамбль быстро вырос, превратился в профессиональный коллектив и завоевал широкую популярность. Выступления ансамбля проходили с неизменным успехом не только в Дагестане, но и во многих городах России, Советского Союза.[1]

Новым направлением развития для дагестанской культуры послеоктябрьского периода явилось изобразительное искусство. Как известно ислам негативно относится к изображению людей на холсте и бумаге, в виду чего этот вид искусства в дооктябрьский период не получил развития у дагестанских народов.

Уже в 20-е годы властные структуры Дагестана стали уделять серьезное внимание подготовке местных кадров художественной интеллигенции. Основной формой такой работы стало направление одаренной молодежи в ведущие художественные учебные заведения страны. Так, М.А. Джемал стал стипендиатом Грузинской Академии художеств, Х.Б. Аскар-Сариджа – ленинградских Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). Живописец М.-А. Джемал и скульптор Х.Б. Аскар-Сарыджа стали первыми национальными художниками Дагестана, основоположниками дагестанского профессионального изобразительного искусства.[2]

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 254.

[2] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. С. 106.

Однако малочисленные художественные силы республики в первое десятилетие советской власти не оказывали существенного влияния на культурную жизнь дагестанских народов.

30-е годы характеризовались заметной активизацией творческих поисков дагестанских художников. В 1932 г. дагестанские художники М.А. Джемал, Ю. Моллаев, М.К. Юнисилау предприняли специальную экспедицию в сельские районы республики и по итогам поездки создали целую галерею портретов передовых людей села – культармейцев, красных партизан, тружеников сельского хозяйства.

В 1933 г. была организована первая республиканская выставка работ художников. На выставке были представлены произведения профессиональных и самодеятельных художников. Дагестанцы с интересом ознакомились с картинами М.А. Джемала, художественными портретами, карикатурами, зарисовками, созданными Ю. Моллаевым, М.К. Юнисилау. На выставке был представлен многофигурный барельеф скульптора Аскара-Сарыджа «Лезгины», также привлекший внимание посетителей.[1]

Дагестанские художники приняли активное участие на первой Северо-Кавказской краевой выставке, организованной в г. Пятигорске в 1935 г. На выставке было выставлено более тысячи картин.

Значительное место на выставке заняли полотна дагестанских художников. Картины М. Джемала «Объявление автономии Дагестана», «Чабаны», «Первое мая» привлекли всеобщее внимание.

Художник Н. Лаков особенно выделился своими портретными работами. Мастерски нарисованные, живые, выразительные образы знатных людей страны гор по праву определили за ним в области портрета первое место.

Удачно были выполнены этюды художника Капаницина. Творчество Ю. Моллаева было представлено картинами «Примирение кровников», «Мальчики, заключающие соревнование» и др. М. Юнисилау представил три эскиза: «Взятие в плен генерала Аргутинского», «Первое заседание военно-революционного комитета под руководством Буйнакского» и «Годекан».

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 257.

Из скульптурных произведений выделялись работы Аскар-Сарыджи.[1]

В 1936 г. дагестанские художники приняли участие в передвижной выставке Северо-Кавказского края.[2]

Профессиональные художники оказывали помощь в росте приобщавшейся к изобразительному искусству талантливой молодежи, активно участвовали в эстетическом воспитании подрастающего поколения. Д. Капаницын многие годы возглавлял студию изобразительного искусства при Доме народного творчества в Махачкале, М.К. Юнисилау руководил детской студией при Доме художественного воспитания детей.[3]

Послеоктябрьский период характеризовался усилением творческой активности мастеров художественного слова дагестанских народов.

Многие дагестанские поэты начинали свою творческую деятельность на страницах местной периодической печати. Так, на страницах аварской газеты «Красные горы» впервые появились стихи Г. Цадасы, в кумыкской газете «Елдаш» – стихи Абдуллы Магомедова. Газета «Дарган» опубликовала стихи Азиза Иминагаева, стихи и рассказы Сайгида Абдуллаева.

Во второй половине 20-х годов произведения дагестанских поэтов начинают выходить отдельными изданиями. Так, в 1926 г. были изданы «Сборник кумыкских песен», «Сочинения» Маная Алибекова и «Сочинения» Магомед-Эфенди Османова (собранные М. Алибековым), а также несколько кумыкских пьес.

В 1927–1928 гг. вышли в свет сборники стихов Саида Габиева на лакском языке, Алимпаши Салатова – на кумыкском языке, а также сборники стихов виднейших представителей дореволюционной дагестанской поэзии – Махмуда из Кахаб Росо и Омара Батырая.[4]

По мнению Эфенди Капиева, к концу «первого послеоктябрьского десятилетия», примерно к 1926–1927 гг., относится «Начало резкого перелома в развитии советских литератур Дагестана», связанного с

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 497–498.

[2] Там же. С. 582.

[3] Очерки истории советского искусства Дагестана 1917–1941. С. 271.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 250–251.

выдвижением «целой плеяды молодых даровитых поэтов и прозаиков, сразу ставшей во главе литературного движения».[1] В плеяду, которую имел в виду Эфенди Капиев, вошли, в частности, М. Чаринов, Ю. Гереев, Г. Гаджибеков, Н. Ханмурзаев, С. Абдуллаев, А.В. Сулейманов, М. Бахшиев, А. Джафаров, А. Аджаматов. В 30-е годы в нее влилось уже новое поколение – Р. Динмагомедов, А. Фатахов, К. Султанов, М. Хуршилов, Ю. Хаппалаев и некоторые другие. Далеко не последнее место в этом ряду занимала живая, энергичная, беспокойная натура самого Эфенди Капиева.[2]

Большое значение в дальнейшем развитии литературы народов Дагестана имело объединение творческих сил республики в единую писательскую организацию. Крупнейшим событием в литературной жизни Дагестана явился первый съезд советских писателей Дагестана (июнь 1934 г.). В ней участвовало 100 делегатов. Съезд продемонстрировал значительный рост дагестанской литературы. Он закрепил результаты работы по сплочению писательских сил, наметил пути, обеспечивающие дальнейшее совершенствование их творчества и еще более быстрое развитие литературы. В дни работы съезда указом Президиума ЦИК Дагестанской АССР старейшим поэтом Сулейману Стальскому, Гамзату Цадасе, Абдулле Магомедову было присвоено почетное звание народного поэта ДАССР.

В августе 1934 г. состоялся первый Всесоюзный съезд советских писателей, сыгравший огромную роль в развитии многонациональной советской литературы. В работе съезда принимала участие делегация писателей Дагестана, в состав которой вошли Сулейман Стальский, Гамзат Цадаса, Багав Астемиров, Аткай Аджаматов и др.[3]

В 30-е годы новыми гранями засверкал талант Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы.

Всесоюзную известность получило самобытное и яркое творчество народного певца Сулеймана Стальского. В стихотворениях «Единоличнику», «Проснись», «Кто вырвал нас из страшных мук» и

[1] *Капиев Э.* Предисловие.//Дагестанская антология. М., 1934. С. 5.

[2] *Гамзатов Г.Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 148.

[3] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 254.

др. поэт воспел трудовые подвиги рабочих, крестьян, интеллигенции, бичевал лодырей.[1]

В дни Всесоюзного съезда писателей состоялась встреча Сулеймана Стальского с А.М. Горьким, который в своем заключительном слове на съезде назвал лезгинского поэта «Гомером XX века» и, обращаясь к залу, сказал: «берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

В становлении Стальского как поэта большое значение имели его встречи с А.М. Горьким, Н.С. Тихоновым, В. Луговским, П. Павленко, а также дружба с Н. Самурским, Г. Гаджибековым, Эфенди Капиевым и другими представителями советской интеллигенции, помогавшими держаться в «седле времени».[2]

Литературное наследие Сулеймана Стальского вошло в золотую сокровищницу советской поэзии. Его произведения изданы в нашей стране большими тиражами и переведены на многие языки народов бывшей СССР. Только в 1936–1940 гг. в издательствах Москвы на русском языке стихи и песни С. Стальского были изданы 6 раз тиражом около 70 тыс. экземпляров.[3]

Сулейман Стальский был не только замечательным поэтом, но и активным общественным деятелем, пользующимся большим уважением и любовью трудящихся республики. Он являлся членом ЦИК Дагестанской АССР. Сулейман Стальский был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, но незадолго до выборов, 23 ноября 1937 г., на 69-м году жизни скончался.[4]

Еще более ярко засверкал талант Гамзата Цадасы. Художественным явлением уникального порядка стал первый сборник его произведений с красноречивым названием «Метла адатов» (1934), чем-то родственный сатирический практике В. Маяковского. «Метла адатов» - это тоже своего рода правдивая картина данной эпохи в момент ее комического расставания с прошлым, расставания со смехом. Это смелый, дерзкий, уверенный почерк умудренного опытом художника,

[1] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 206.

[2] *Сулейман Стальский.* Избранное. М., 1986. С. 9.

[3] *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 120.

[4] *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 255.

мастерски владеющего оружием сатирика и достигающего эстетического развенчивания всего низменного, пошлого и злого в жизни.

«Как куются люди?» назвал Г. Цадаса одно из лучших поэтических созданий начала 30-х годов, в котором к разработке темы революционного труда и человека труда подошел с философско-этической стороны.

Только труд растит людей,
Но труд с душой и вдохновением.
Если разом народ ударит,
То и киркой можно сокрушать скалы.
Дружное старание людей
Может воздвигнуть новые горы.[1]

Цадаса развивает мысль о взаимообусловленности человека и труда: труд формирует человека из «сырого материала», а человек в свою очередь «впрыскивает душу в труд», одухотворяет его. Поэту было свойственно горьковское понимание труда как творчества. Дагестанская советская литература впервые в своей истории ввела в систему моральных критериев человеческой личности общественно полезный труд как важную сферу самосуществования и самочувствия индивидуума.

Творчество корифеев дагестанской поэзии позволяло горцам осмысливать новые явления и процессы, происходившие в жизни многонационального региона, преодолеть негативное, не совместимое с добрыми началами.

Немалый вклад в развитие дагестанской советской литературы внесли в эти годы и такие видные ее представители, как А. Магомедов, А. Гафуров, Р. Нуров, А. Иминагаев, А. Салаватов, Н. Ханмурзаев, З. Гаджиев и другие.[2]

Советское государство делало многое, чтобы создать благоприятные условия для творческого роста молодых литературных дарований. Произведения молодых писателей печатались на страницах национальных газет, выходили в свет отдельными изданиями. Заботливое внимание уделяли литературной молодежи писатели старшего поколения, которые делились опытом своей творческой работы, помогали молодым авторам повысить художественный уровень произведений. В рассматриваемые годы выросли талантливые дагестанские писатели А. Фатахов, Р. Динмагомаев, А.-В. Сулейманов, Ю. Гереев, Э. Капиев, А. Аджаматов, М. Хуршилов и многие другие, с именами которых связаны значительные достижения дагестанской литературы этого периода.[1]

Большое значение в сплочении литературных сил Дагестана, оказании помощи в профессиональном становлении молодых литераторов оказал приезд в республику в 1933 г. делегации московских писателей в составе Н. Тихонова, П. Павленко, В. Луговского. Отмечая важность этого события, Р. Фатуев указывал: «Прибытие в Дагестан писательской бригады, в которую входят такие мастера художественного слова, как Николай Тихонов, П. Павленко и В. Луговской, безусловно, значительное литературное явление...

Сами писатели, прежде чем приехать в Дагестан, в течение долгого времени готовились к этой поездке, изучая исторические, революционные и этнографические материалы. Правда, это представление о Дагестане носит в некоторой степени книжный характер, но все же такая длительная подготовка, которая у каждого исчисляется годами, говорит за успех этой поездки. Все едущие писатели уже сейчас наметили для себя то основное, что должно лечь в основу будущих их произведений...

... В плане работы всей бригады стоят ряд вопросов, которыми она должна будет заняться вплотную и дать ряд больших художественных очерков в центральную прессу. Это прежде всего вопросы социалистического строительства – дорога в горах и проникновение культуры в горные аулы – этим вопросам будет уделено особое внимание».[2]

Знакомство с жизнью трудящихся, поездки по районам и аулам дали возможность выявить подлинно талантливых людей, в частно-

---

[1] *Цадаса Г.* Сочинения. Махачкала. 1977. С. 191.

[2] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории. теории. методологии. Махачкала. 1990. С. 96. 100.

---

[1] *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е годы XX в.). С. 250–251.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 435–436.

сти дали им возможность выявить подлинно талантливых людей, в частности открыть для всего Советского Союза Сулеймана Стальского. В итоге этой поездки литературное издательство в Москве в 1936 г. выпустило на русском языке под редакцией Ставского литературный сборник «Дагестан». Такие поездки московских писателей в нашу республику предпринимались и в последующие годы.[1]

В целом 30-е годы явились важным этапом развертывания деятельности новых учреждений культуры в республике, которые играли всевозрастающую роль в переориентации духовно-эстетических запросов и потребностей дагестанских народов, повышении культурного уровня тружеников города и села.

§ 4. Традиционное и новое в быте тружеников города и села

Успехи и трудности в развитии отраслей материального производства Дагестана оказывали непосредственное влияние на материальное благосостояние и трансформацию быта населения республики. В 30-е годы государственное и партийное руководство страны и республики уделяли значительное внимание осуществлению мер по повышению материального благосостояния населения. В годы предвоенных пятилеток произошли изменения в организации нормирования и оплаты труда. В законодательном порядке был установлен минимум заработной платы, определенный на основе расчетов потребительского бюджета (в 1937 г. минимальные размеры заработной платы были установлены 110-115 руб. в месяц).

Совершенствовались и стимулирующие системы оплаты труда. В наркоматах были утверждены типовые положения о премировании работников. Доля премий в общей сумме заработка в 1940 г. составляла у рабочих – 4,5%, у ИТР – 11%. Получение премий, дополнительный заработок других членов семьи, участвовавших в общественном производстве, играли заметную роль в пополнении семейного бюджета.

9 апреля 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам». Повышенная заработная плата определялась в соответствии с общим и специальным образованием учителей, стажем педагогической работы. Большое значение имело и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке введения персональных званий для учителей и назначение учителей, заведующих и директоров школ», что также отражалось на материальном положении этих категорий служащих.[1]

Эти меры способствовали повышению уровня оплаты труда рабочих и служащих республики. Фонд заработной платы рабочих и служащих в 1937 г. вырос на 186,2% против 1932 г. Среднегодовая зарплата рабочего промышленности Дагестана только за 1934 – 1936 гг. выросла с 1661 руб. до 2208 руб. За 1939 – 1940 гг. фонд заработной платы рабочих и служащих в республике увеличился на 42%, а средняя зарплата – на 25,2%.[2] Увеличились доходы колхозников. В конце 30-х годов многие колхозы равнинных и предгорных районов выдавали на трудодень 5–12 кг зерна, а некоторые и больше. Высокие доходы (8–12 тыс. руб., не считая продуктов по натуральной оплате) получали семьи колхозников виноградарческих хозяйств. Возросла оплата труда в колхозах горных районов. Только за один 1938 г. доходы колхозников выросли на 16 млн. руб., или на 27%.[3]

Несмотря на эти позитивные результаты, к концу 30-х годов в горных районах республики, сохранялись серьезные трудности в обеспечении населения хлебом.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

[1] *Абилов А.А.* Указ. соч. С. 123.

[1] *Мирзабеков М.Я, Ананьева Е.С., Юнаева В.Д.* Указ. соч. С. 79.
[2] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 489.
[3] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. т. 2. С. 227.

Таблица 11

Обеспеченность хлебом работников на душу населения по горным районам Дагестана (данные годовых отчетов)

Районы	Причитается на одну душу зерна в центнерах	
	1939 г.	1940 г.
Гумбетовский	1,3	0,70
Ботлихский	0,1	0,28
Цунтинский	0,6	0,33
Хунзахский	0,8	0,73
Кахибский	0,4	0,72
Гунибский	1,2	0,63
Левашинский	0,9	0,53
Лакский	0,9	0,66
Акушинский	0,9	0,39
Дахадаевский	1,6	1,12
Хивский	1,9	2,02
Курахский	1,5	1,29
Ахтынский	0,8	0,91
Докузпаринский	1,1	0,77
Цумадинский	0,4	0,28
Цунтинский	0,23	-
Гляратинский	0,2	0,71
Чародинский	0,7	-
Кулинский	0,5	0,49
Агульский	0,9	0,69
Рутульский	0,9	0,78
Всего по горным районам	0,9	0,72[1]

Из этих данных явствует, что в целом по горным районам и 14 административным единицам республики в 1939–1940 гг. наблюдалось ухудшение обеспеченности хлебом колхозников в расчете на душу населения.

Благоприятно на улучшение материального благосостояния населения Дагестана, как и других регионов страны, отразились меры, осуществленные директивными органами по упорядочению торговли хлебом, продовольственными товарами, отмена карточной системы и неоднократное снижение цен на продовольственные и промышленные товары.

[1] ЦГА РД. Ф. р-260. Оп. 35. Д. 12. Л. 83.

Параллельно с этим государство оказывало материальную поддержку многодетным семьям. Кроме ассигнований по бюджету Дагестана на родильные и детские дома, ясли, детские сады и т.д., за десять лет (с 1926 по 1936 г.) из союзного бюджета на пособия многодетным и одиноким матерям было израсходовано 26 млн. руб.[1] Однако этих средств было недостаточно. Острой оставалась и проблема обеспечения детей школьными учреждениями в городах и сельских населенных пунктах многонационального региона, что создавало дополнительные трудности в воспитании подрастающего поколения и вовлечении женщин в отрасли народного хозяйства и общественно-политическую и культурную жизнь.

В 30-е годы одной из наиболее важных, требующих огромных усилий властных структур проблем быта, оставалась проблема обеспечения населения республики жильем. Эта проблема в рассматриваемый период в дагестанском городе обострялась в связи с расширением масштаба индустриального строительства и ростом численности городского населения.

Советское государство в годы довоенных пятилеток, проводя политику ускоренной индустриализации, не распологала еще достаточными средствами и ресурсами на адекватное развитие социальной сферы, в том числе и жилищного строительства. На темпах жилищного строительства в республике отражалась и слабость материальной базы жилищно-строительных организаций, которые зачастую не справлялись с государственными планами по его развитию.

Властные структуры понимали серьезность проблемы обеспечения городских семей жильем. Обком партии и ЦИК ДАССР 17 сентября 1931 г. на совместном заседании рассмотрели вопрос о положении дел жилищно-коммунальном хозяйстве городов республики. Отметив его неудовлетворительное состояние и низкие темпы жилищного строительства, наметили мероприятия по его ускорению. Городским партийным и советским органам, хозяйственным организациям предлагалось усилить внимание этому вопросу.

Возросло финансирование жилищного строительства. За 1932–1933 гг. вложения в эту отрасль составили 6963,5 тыс. руб., не считая

[1] *Данилов Г.Д.* Указ. соч. С. 487.

затрат на административное строительство.[1] Всего за первое пятилетие на городское жилищное строительство в республике было вложено 12561 тыс. руб.[2] За 1928–1932 гг. в городах и рабочих поселках Дагестана было капитально отремонтировано и вновь построено 230 тыс. кв. м. жилья. В 1932 г. общая жилплощадь городов республики составила 624,7 тыс. кв. м., что на 145,2 тыс. кв. м. больше по сравнению с 1927/28 г.[3]

В целом объем жилищного строительства в городах республики был недостаточен, ввод нового жилья отставал от темпов роста численности населения. К концу пятилетки на одного городского жителя в Дагестане в среднем приходилось 3,9 кв. м. жилья, что значительно ниже установленной санитарной нормы.

Положение с обеспечением жильем городского населения в республике оставалось острой и во второй пятилетке. При продолжавшемся быстром росте городского населения, финансирование жилищного строительства росло медленно. В 1934–1937 гг. на ее развитие было ассигновано 3754,8 тыс. руб.[4] Финансовые средства, выделяемые на капитальное строительство, осваивались не полностью.

Большая часть бюджетных средств направлялась на строительство и ремонт жилищного фонда Махачкалы. За три года второй пятилетки (1933–1935) в столице республики было построено 19,4 тыс. кв. м. нового жилья.[5] Однако такие темпы жилищного строительства из-за быстрого роста населения Махачкалы и других городов были не в состоянии снизить нехватку жилья. К концу второй пятилетки городское население республики увеличилось в 2 раза, жилищный же фонд за это время вырос только на 40%. Так, в Махачкале в среднем на одного жителя в 1937 г. приходилось всего 3,7 кв. м жилья, в Дербенте – 4,7 кв. м., Буйнакске – 4,8 кв. м, Кизляре – 3,8 кв. м, Хасавюрте – 3,9 кв. м.[6]

---

[1] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 104.
[2] Там же. Д. 4120. Л. 53.
[3] Там же. Ф. р-260. Оп. 16. Д. 11. Л. 84.
[4] Там же. Л. 102
[5] Там же. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3468. Л. 14.
[6] Там же. Д. 4120. Л. 57.

В 1937 г. общий жилищный фонд городов Дагестана составлял 710 тыс. кв. м.[1] Основная часть жилых домов еще не имела централизованного отопления, была без необходимых удобств. Дома в значительной части строились из самана и дерева, требовали большого ухода и были недолговечны.

Отдельные промышленные предприятия и ведомства, учитывая остроту жилищной проблемы, разворачивали ведомственное строительство. Так, для улучшения жилищных условий рабочих фабрики им. III Интернационала предусматривалось строительство на 1939 г. 80 индивидуальных квартир. Заводом «Дагестанские Огни» были отпущены на постройку 30-квартирного дома 28,0 тыс. руб., а в 1940 г. на индивидуальное строительство 60 тыс. руб.[2]

В целом к началу Великой Отечественной войны жилищная проблема в городах и рабочих поселках Дагестана оставалась острой, потребность жителей в жилье еще не удовлетворялась. Многие рабочие семьи продолжали ютиться в коммунальных квартирах и бараках.

Как и в предшествующий период, реставрация и строительство новых домов в сельских населенных пунктах практически полностью велось за счет сбережений и трудом колхозников, рабочих совхозов, специалистов сельского хозяйства, учителей, врачей и других представителей сельской интеллигенции. В 30-е годы в дагестанском селе начало практиковаться строительство домов и квартир для приезжих специалистов за счет бюджетных ассигнований, средств колхозов, совхозов. Однако масштабы этого строительства были ограничены и далеко не удовлетворяли потребность специалистов в жилье. В 1940 г. из 31 района республики 17 не имели собственного жилищного фонда для работников и специалистов районных учреждений. В тех же районах, где жилищный фонд имелся, он был весьма ограничен. Например, в Тлярате был 171 кв. м государственного жилья, в Шаури – 63 кв. м., Хиве – 60 кв. м и т.д.[3]

Нехватка жилья была одной из важнейших причин текучести специалистов в сельской местности республики.

---

[1] Там же. Ф. р-260. Оп. 16. Д. 11. Л. 93.
[2] *Гаджиев А.С., Караева Д.К.* Рост материального благосостояния и культуры рабочего класса Дагестана (1920–1940 гг.) // Рабочий класс Дагестана в период строительства социализма (1920–1940). Махачкала, 1983. С. 122.
[3] ЦГА РД. Ф. р-260. Оп. 19. Д. 129. Л. 12.

В анализируемый период сохранялась хорошая традиция дагестанских народностей – помощь и активная поддержка трудоучастием и материально родственников, друзей, соседей, семье, которая отстраивалась. Как и в предшествующие периоды, дома продолжали строиться из самана и камня. Постепенно происходила трансформация жилища сельского жителя. В связи с активным распадом больших многопоколенных семей количество комнат в домах сокращалось. Они становились просторнее, все чаще обставлялись фабричной и заводской мебелью, утварью. Об этом косвенно свидетельствовало увеличение розничной торговли в дагестанском селе. Ее объем (в ценах соответствующих лет) с 14,2 млн. руб. в 1937 г. возрос до 20,3 млн. руб. в 1940 г.[1]

Социально-экономические и культурные преобразования, изменения анализируемого периода нашли отражение в одежде народов Дагестана.

В 30-е годы в республике широкое распространение получают сафьяновые («азиатские») мужские чувяки с голенищами, близкие по покрою к традиционной обуви горцев Дагестана. Чувяки и голенища соединялись при помощи сафьяновых петель и пуговиц. Верх чувяк и голенища покрывались строчкой. К чувякам пришивалась подошва из кожи.

С гимнастеркой и галифе стали носить фуражки; распространились также шапки-ушанки. Непосредственно после гражданской войны мужчины носили и шапки-буденовки, которые затем вышли из употребления.

Очень широко распространилась известная еще до революции так называемая кавказская рубаха. Начиная с 20-х годов, в течение почти всего довоенного периода она заменяла традиционный бешмет.

В новых условиях меняются требования горцев к качеству материалов. Одежду стали шить из добротных тканей, приобретаемых по вкусу хозяина. Постепенно расширяется и гардероб горца – появляется несколько комплектов выходной и каждодневной одежды. Традиционные овчинные папахи стали шить из среднеазиатского каракуля или мерушки. Кавказская рубаха, брюки-галифе, азиатские чувяки с

[1] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. Сборник. С. 185.

голенищами или обычные сапоги (в некоторых районах – шерстяная вязаная обувь), папаха из каракуля – вот комплекс одежды, имевший наиболее широкое распространение в довоенный период среди сельского населения. Интеллигенция носила и двубортный костюм с брюками навыпуск, городские ботинки, фуражки. Галстуки и шляпы прививались медленнее, и в довоенный период сельское население их почти не носило.

Таким образом, одежда горца в довоенный период представляла собой своеобразное сочетание элементов традиционной одежды и новой, проникшей из города. Это сочетание особенно бросалось в глаза в районах, далеких от культурных центров. В селениях, расположенных вблизи городов, новые формы одежды прививались быстрее. Более устойчиво сохранялись традиционные формы головных уборов, хотя и здесь шел процесс замены старых форм новыми.[1]

Существенные изменения претерпевает и женская одежда. Однако процесс изменения женского костюма в Дагестане был более сложным и своеобразным.

Борьба за преобразование культуры и быта трудящихся Дагестана, которую вели местные партийные и советские организации, включала в себя и движение за улучшение санитарного состояния одежды, за более рациональные и удобные ее формы.

Большую роль в борьбе за новый быт сыграли женские советы, организованные в каждом населенном пункте и руководимые местными партийными и советскими организациями, а также делегатские собрания. Не меньшую роль сыграли и созданные в окружных центрах Дагестана специальные «комиссии по улучшению труда и быта горянок», одной из функций которых была пропаганда новых форм бытовой культуры.

Большая пропагандистская работа проводилась, в частности, через школу, сакли горянок, женские клубы и т.д.

В рассматриваемое время повсеместно развернулась и кампания против неудобных видов головных уборов – «долой чадру!» (ее носили в Дагестане только дербентские азербайджанки). Азербайджанки – активистки, показывая пример, в присутствии других женщин селе-

[1] *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX – начало XX в. М., 1981. С. 133–134.

ния, обычно в клубе, сакле горянок, публично выбрасывали традиционную чадру как символ закрепощения, бескультурья и торжественно надевали обычные платки.

Охотней всего на эту кампанию откликались школы, где она проводилась более организованно и целеустремленно. За короткий период школа добилась того, что школьницы перестали носить большие покрывала, черные широкие штаны, черную туникообразную рубаху, заменив их более удобными платками, бельем и платьем светлых тонов.

Не меньшее значение в борьбе за новый быт имела кампания «Пальто – горянке!», что было связано с необходимостью замены неудобных и тяжелых овчинных шуб легкой и в гигиеническом отношении совершенной зимней одеждой, стремлением приобщить горянку к городской культуре.

Пропаганда новых форм одежды сопровождалась передачей навыков кройки и шитья, стирки, глажения, хранения. Сакли горянок проводили для молодых женщин и девушек инструктивные занятия, консультации по всем этим вопросам.

Процесс изменения одежды протекал в аулах Дагестана неравномерно. Наибольшему культурному воздействию в первые годы советского строительства подвергались пригородные селения, рабочие поселки и административные центры. В отдаленных селениях традиционный быт был более устойчив. В частности, здесь долго сохранялись этнические и локальные особенности женской одежды, наблюдалась большая приверженность населения к ее старым формам. Это, однако не означало, что городская одежда не имела здесь никакого распространения.[1]

Являясь одной из самых консервативных областей материальной культуры, пища народов Дагестана в послеоктябрьский период, особенно в 30-е годы, претерпела определенные изменения, связанные с усилением межэтнических контактов и социально-экономическим преобразованиями. Как отмечала профессор С.Ш. Гаджиева национальная пища кумыков и в условиях советского строя почти полностью сохранила свою самобытность. Исчезли только такие блюда, печенья и напитки, появление и существование которых вплоть до

[1] Там же. С. 136–137.

революции было вызвано бедственным положением трудящихся масс (арпа этмек, арпа гьинкал, арпа ярма – из ячменя, халвахудур, умачшорпа, аткъулакъ чуду, буза, чай из айвовых листьев и т.д.).

Наряду с сохранением лучших национальных блюд, кумыкская кухня значительно обогатилась под влиянием городской русской кухни и кухни других братских народов. Этому способствовали, с одной стороны, расширившиеся культурно-экономические связи с различными народами нашей страны и прежде всего с русским народом, с другой, изменение профиля хозяйства кумыков в годы социалистического строительства.[1]

Важную роль в привнесении и распространении среди дагестанских народов блюд русской и других народов страны кухни (борщ, щи, фаршированные блюда, пироги, пирожки с разной начинкой и т.д.) сыграло развитие в городах и сельских населенных пунктах предприятий общественного питания. В начале 1941 г. в республике насчитывалось 309 предприятий общественного питания, в том числе 160 столовых, ресторанов и чайных, 149 закусочных и буфетов.[2] Объем торговли предприятий общественного питания Дагестана с 3,7 млн. руб. в 1937 г. возрос до 7,6 млн. руб. в 1940 г. (в ценах соответствующих лет).[3] Однако в общем розничном товарообороте доля общественного питания к концу анализируемого десятилетия была невелика. В 1940 г. она равнялась 13,3%.[4]

В 30-е годы наблюдалось увеличение и общего объема торговли в республике. Это обеспечивалось увеличением оплаты труда рабочих и служащих, улучшением материального благосостояния сельских семей. Общий объем розничной государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание в республике с 39,1 млн. руб. в 1937 г. увеличился до 57,2 млн. руб. в 1940 г. (в ценах соответствующих лет). Розничный товарооборот городской торговли за эти годы соответственно равнялся 24,9 и 36,9 млн. руб.[5] Иными сло-

[1] *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура кумыков XIX – XX вв. Махачкала. 1960. С. 166.

[2] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. Сборник. С. 183.

[3] Там же. С. 185.

[4] Там же.

[5] Там же.

вами, городская торговля в общетоварной массе продолжала преобладать.

Анализ структуры торговли показывает, что в 1940 г. 53% его объема падала на продовольственные товары. Усиливалась тяга городских и сельских семей и к предметам промышленного производства культурно-бытового назначения как мебель, радиотовары и др. Однако промышленность не удовлетворяла спрос населения в них. Да и они были не по карману подавляющей массе городских и сельских семей республики.

Быстрый рост городского населения в республике в годы предвоенных пятилеток создавал дополнительные трудности в развитии здравоохранения, обеспечении их стационарной врачебной помощью. Особо тяжелым бичом для населения плоскостного Дагестана являлась малярия. Республика по числу заболеваний этим тяжелым недугом занимала первое место в стране.

Властные структуры, органы здравоохранения Дагестана, понимая необходимость санитарного оздоровления для успешной борьбы с малярией и другими инфекционными заболеваниями, развернули активную работу по осушению заболоченных участков – рассадников малярии, в черте промышленных предприятий, городов и районов. В 1932 г. в республике было осушено 650 га болот, химической обработке подвергнуто более 1000 га болот и водоемов.[1] Были организованы и успешно функционировали антималярийные станции и отряды.

Такие целенаправленные усилия начали приносить реальные результаты. В 30-е годы малярия в республике резко пошла на убыль. В 1931 г. в Дагестане, первично обратившихся больных малярией было 122186 человек, в 1933г. – 91288 человек, в 1935г. – 48197 человек, в 1937 г. – 31139 человек.[2]

Другим опасным заболеванием, получившим широкое распространение в республике, являлась оспа. Усилиями властных структур и медиков была развернута работа по поголовному оспопрививанию населения. В первую пятилетку она была успешно завершена. Только

[1] Дагестан к 15-й годовщине Октября. С. 65.

[2] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 543.

за 1931 и 1932 гг. по республике было осуществлено 700 тыс. оспопрививок.[1]

Такая санитарно-оздоровительная и профилактическая работа потребовала увеличения ассигнований на развитие здравоохранения. Объем финансирования здравоохранения республики за первую пятилетку составил 3704,1 тыс. руб. Для сравнения: в 1935 г. на нужды здравоохранения было ассигновано 13087,1 тыс. руб., в 1938 г. – 30172,0 тыс. руб.[2]

В рассматриваемый период в республике было усилено внимание к увеличению коечной сети, улучшению оснащения больниц медицинским оборудованием и оказанию населению специализированной медицинской помощи. С 1928 г. было развернуто строительство новых больничных зданий в целом ряде сельских районов. К 1932 г. были закончены и начали функционировать больницы в Рутуле, Ахтах, Тлярате и Унцукуле.[3] Во второй пятилетке было завершено строительство центральной республиканской больницы в Махачкале, больницы в Хасавюрте, расширена сеть существующих городских больниц. К концу 1940 г. число больничных учреждений в Дагестане достигло до 86 с общей коечной сетью 3,3 тыс. койко-мест.[4]

В 30-е годы широкодоступной стала клинико-диагностическая и специализированная врачебная помощь не только горожанам, но и многим сельским жителям в городских учреждениях здравоохранения.

Учреждения здравоохранения республики в целях профилактики заболеваний, санитарно-эпидемиологического оздоровления сельских районов продолжали, как и в предшествующий период, направлять бригады врачей, которые в течение летних месяцев вели большую работу по осмотру и лечению больных сельских жителей, пропаганде медицинских знаний.

Большое значение в санитарной пропаганде и профилактике заболеваний сельских тружеников имел, начатый в 1931 г., культсанштурм. За зимний этап похода по май 1932 г. по Дагестану было про-

[1] Дагестан к 15-й годовщине Октября. С. 65.

[2] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 2317. Л. 3; Д. 4035. Л. 95.

[3] Дагестан к 15-й годовщине Октября. С. 66.

[4] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 198.

ведено 6375 лекций и бесед, организовано 1043 санкомиссии, обследовано 592 школы, организовано 13 сануголков и 4 передвижных санвыставки, осмотрено 82100 взрослых и 94420 школьников, выделено до 500 общественных санитарных инструкторов, проведено 37 санитарно-оздоровительных субботников и заключено 494 договора по санминимуму.[1]

В развитии здравоохранения и улучшении медицинского обслуживания населения республики огромную роль стал играть открывшийся в 1932 г. в г. Махачкале Дагестанский медицинский институт. К 1940 г. институт сделал 4 выпуска. В результате Дагестан и другие республики Северного Кавказа получили 485 врачей.[2]

Особое значение в улучшении профилактики и лечения населения республики имело удовлетворение потребностей сельских учреждений здравоохранения врачами и средним медперсоналом. В 1936г. в районные больницы и другие сельские учреждения здравоохранения было направлено 44 врача и 106 человек среднего медицинского персонала.[3] В 1940 г. только одних медицинских работников со средним специальным образованием в сельские районы республики было направлено 224 человека.[4] Это способствовало улучшению обеспеченности сельских учреждений здравоохранения медперсоналом. В 1940 г. в этих учреждениях насчитывалось 122 врача и 677 медработник со средним образованием. Всего в учреждениях здравоохранения Дагестана работали 592 врача и 1741 средний медицинский работник.[5]

Улучшение материального положения учреждений здравоохранения и увеличение медперсонала в них позволяли совершенствовать специализированную врачебную помощь населению не только в городах, но и районных больницах. Так, только в 1936 г. в сельских больницах республики было организовано 20 новых зубных кабинетов, укомплектованных специалистами. Общее их количество достигло 25.[1]

Усилиями медиков республики к концу 30-х годов удалось практически полностью покончить с оспой, малярией и другими инфекционными заболеваниями.

Улучшение медицинского обслуживания сопровождалось увеличением естественного прироста населения. Только за один 1940 г. он в републике составил 15,5 тыс. человек.[2] С 1926 г. по 1939 г. население Дагестана увеличилось с 744,1 тыс. до 1023,3 тыс. человек.[3]

Однако следует отметить, что к концу рассматриваемого периода сохранялись значительные трудности, связанные с нехваткой коечной сети, медицинского персонала во многих учреждениях здравоохранения республики, что негативно отражалось на состоянии медицинской помощи населению, особенно на селе. В 30-е годы во многих сельских населенных пунктах из-за отсутствия квалифицированной медицинской помощи немало людей вынуждены были обращаться к знахарям, заниматься самолечением.

В рассматриваемые годы властные структуры, органы здравоохранения республики большое внимание уделяли расширению сети учреждений охраны материнства и детства, улучшению их деятельности. В 1940 г. в Дагестане имелось 38 женских и детских консультаций (самостоятельных и входящих в состав других учреждений), в которых насчитывалась 571 койка для беременных и рожениц (врачебных и акушерских). Из них 17 учреждений и 246 коек функционировали в сельской местности.[4] Это имело большое значение в повышении санитарной культуры и улучшении охраны материнства и детства в дагестанском селе.

Новым явлением в быте и досуге сельского населения в 30-е годы явилась организация в колхозах, совхозах и других производственных коллективах, школах физкультурно-оздоровительных секций и кружков по различным видам спорта, регулярное проведение раз-

---

[1] Дагестан к 15-й годовщине Октября. С. 67.

[2] *Гаджиева Л.А.* Развитие здравоохранения в дагестанском селе (1918–1930 гг.) // Социально-культурное строительство в дагестанском селе (1920–1980 гг.). Махачкала. 1989. С. 62.

[3] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3484. Л. 7.

[4] Там же. Ф. Д. 4661. Л. 57.

[5] Советский Дагестан за 40 лет. Стат. сборник. С. 150–151.

[1] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3484. Л. 7.

[2] *Алиева В.Ф.* Городское население Дагестана. Махачкала. 1975. С. 77.

[3] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбилейный стат. сборник. С. 14.

[4] Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный стат. сборник. С. 199.

личных районных и республиканских турниров, спартакиад и олимпиад и активное участие в них сельских спортсменов.

В 1935–1936 гг. в Дагестане были проведены первая национальная спартакиада женщин-горянок с участием 300 человек из 25 районов, спартакиада народов Дагестана с участием 520 человек – представителей 20 народностей.[1] В 1936 г. по данным 14 районов только в колхозах функционировали 138 физкультурных кружков. По неполным данным в сельской местности республики физкультурным движением было охвачено 25 тыс. человек.[2]

В 30-е годы в республике дальнейшее развитие получает работа по улучшению коммунально-бытового обслуживания населения.

Вложения в городское коммунальное хозяйство (без электрохозяйства) Дагестана за период первой пятилетки составили 5141,2 млн. руб.[3] Значительная часть этих средств было направлено на улучшение коммунального хозяйства и благоустройство административного и культурного центра республики – Махачкалы. Только за 1931 г. махачкалинским горсоветом на развитие коммунального хозяйства города было затрачено 136 тыс. руб., на мощение и асфальтирование улиц 86 тыс. руб.[4]

Количество бань в городах республики возросло с 8 в 1930 г. до 9 в 1931 г. и 13 в 1932 г. Число гостиниц увеличилось с 5 до 8, а число коек в них с 284 до 334,6.[5] Улучшилось водоснабжение городов. В 1932 г. суточная подача воды к ним составила 5310 куб. м против 2900 куб. м в 1928 г., т.е. возросла на 188,1%.[6] Проводилась работа по развитию электрохозяйства и увеличению потребления электроэнергии на бытовые нужды населения. До революции в городах Дагестана на коммунально-бытовые нужды расходовалось в среднем четыре с половиной киловатт-часа на одного жителя в год. Перед началом Великой Отечественной войны потребление энергии увеличилось до 66,5 киловатт-часа на одного жителя в год.[1]

[1] Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918–1941 гг.: Сб. документов. Т. 1. С. 521.
[2] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3567. Л. 181.
[3] Там же. Д. 2317. Л. 3.
[4] Дагестанская правда. 1934, 12 ноября.
[5] Дагестан к 15-й годовщине Октября. С. 52.
[6] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 4120. Л. 54.

Во второй пятилетке в Дербенте была проложена новая канализация, в Махачкале реконструировано и улучшено санитарно-техническое состояние канализации. Общая мощность наличной канализационной сети в городах Махачкала, Дербент, Буйнакск к 1937 г. возросла до 540 куб. м в час. Благодаря реконструкции и прокладке новых линий водопровода подача питьевой воды в городах увеличилась к концу пятилетки до 7960 куб. м в сутки.[2]

Велась работа по замощению и улучшению санитарного состояния городских улиц, тротуаров, их озеленению. На 1 января 1938 г. в Махачкале было замощено 42,5% улиц и площадей, в Дербенте – 45,2%, Буйнакске – 36%, Хасавюрте – 15,5%. Во второй пятилетке в Махачкале была начата работа по асфальтированию центральных улиц города.[3]

Общие вложения на развитие коммунального хозяйства городов республики за три года пятилетки (1935–1937) составили 4765,3 млн. руб.[4] Этих средств было недостаточно для удовлетворения быстрорастущих потребностей коммунального хозяйства городов Дагестана. Наличная сеть бань, парикмахерских и других заведений коммунально-бытового назначения не удовлетворяла потребность горожан в них.

В предвоенные годы в связи с осложнением международной обстановки государство вынуждено было сократить финансирование социальной сферы, в том числе расходы на жилищно-коммунальное хозяйство. Если в 1937 г. на развитие жилищно-коммунального хозяйства республики было выделено 6614 тыс. руб., то в 1938 г. – 4805 тыс. руб., в 1939 г. – 3900 тыс. руб., в 1940 г. – 3257 тыс. руб.[5] Тем не менее, и в эти годы было сделано немало для удовлетворения коммунально-бытовых запросов населения. Были сданы в эксплуатацию ряд

[1] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 497.
[2] ЦГА РД. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 4120. Л. 56, 57.
[3] Там же. Ф. р-260. Оп. 16. Д. 11. Л. 86, 87.
[4] Там же. Л. 103.
[5] Там же. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 4540. Л. 66.

электростанций, тысячи квартир, бань, водопроводов. Выросли новые рабочие поселки: Каспийск, Избербаш, Ачи-Су, Огни и др.[1]

Многое сделали дагестанцы и для озеленения своих городов. Находившийся в центре Дербента грязный магал был снесен и на его месте разбит сквер, ставший украшением города. В Махачкале на месте грязного базара тоже был разбит приморский сквер имени Сулеймана Стальского. На окраине города создан парк культуры и отдыха. Была озеленена площадь им. Сталина и многие улицы города. Декоративные деревья для озеленения улиц и создания в городах зеленных массивов выращивались в созданных для этого питомниках. В Махачкале, Дербенте и Буйнакске было организовано оранжерейное и парниковое хозяйство.

За годы предвоенных пятилеток Махачкала – столица Дагестана стала благоустроенным городом. Улучшилось освещение улиц: полторы сотни подслеповатых керосиновых фонарей уступили место десяти тысячам электрических световых точек. В городе выстроены новые здания школ, вузов, жилых домов, детских садов, больниц и поликлиник, кинотеатров, рабочих клубов. Сады, скверы, скульптуры, спуск к морю по ул. Горького, здания библиотеки им. Пушкина, кинотеатра «Комсомолец» украсили город. Благоустройство и озеленение улиц и площадей решительно изменило облик столицы.[2]

В 30-е годы бани, парикмахерские, водопровод и другие коммунально-бытовые предприятия и удобства появились и в дагестанском селе. Они строились за счет бюджетных ассигнований, средств колхозов, совхозов и активного трудового участия населения.

В 1934 г. по инициативе правления колхоза «Сталин елу» сел. Каякент Дербентского района были начаты работы по прокладке водопровода. 11 мая 1935 г. при активном участии населения работы были завершены и вода начала поступать в селение. За счет средств местного колхоза в эти годы центральная улица сел. Каякент была настлана булыжным камнем. Такие примеры были не единичны. Однако, выделяемые государством на коммунально-бытовое строительство в сельской местности средства, были недостаточны. Экономически же крепких колхозов и совхозов в республике было не много. Поэтому масштабы коммунально-бытового строительства в дагестанском селе были еще невелики. В 1938 г. из 35 районов Дагестана общественные бани имелись в 24 районах, водопровод в 20 районах и электростанции в 26 районах.

[1] История Дагестана в 4-х Т. М., 1969. Т. 3. С. 326.
[2] *Даниялов Г.Д.* Указ. соч. С. 498.

В конце 20-х годов органы власти Дагестана усилили внимание строительству электростанций в сельской местности. Электричество стало использоваться для освещения жилых домов, школ, клубов и т.д. В начале 1937 г. в Дагестане насчитывалось 7 сельских гидроэлектростанций и 18 тепло-электростанций общей мощностью 690 л.с. В 27 сельских населенных пунктах электричество использовалось для освещения. Это были только первые начальные шаги по внедрению электричества в быт дагестанского села.[1]

В анализируемое десятилетие пассажирский автомобильный транспорт все активнее вторгался в жизнь дагестанских народов. В 1940 г. протяженность автобусных линий в республике составила 174 км, в том числе междугородних – 165 км.[2] К началу 1941 г. автобусное сообщение имели гг. Махачкала, Хасавюрт и пос. Белиджи. За 1940 г. автобусами общего пользования в Дагестане было перевезено 2,6 млн. человек. Подавляющая их часть приходилась на внутригородские маршруты.[3]

Учащение контактов сельчан с горожанами способствовало усилению культурного взаимообмена, дальнейшему проникновению нового нетрадиционного в быт и культуру дагестанских народов.

30- годы характеризовались нарастанием изменений и в семейно-бытовой сфере дагестанских народов. Десятки горянок были выдвинуты на руководящую партийную, советскую, хозяйственную работу. В 1936 г. в республике 26 женщин работали председателями исполкомов сельских Советов, 14 – заместителями председателя сельисполкомов, 2 – заместителями председателя райисполкомов; 23 горянки были избраны в состав ЦИК ДАССР и 2- в состав ЦИК Союза ССР. Женщины-горянки выдвигались на пост наркома ДАССР.[4]

[1] *Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 131.
[2] Дагестан за 50 лет.: Стат. сборник. С. 60.
[3] *Азимов М.М., Вагабов М.М., Мирзабеков М.Я.* Указ. соч. С. 85–87.
[4] *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. С. 289.

Эти изменения являлись следствием социально-экономических, политических и иных преобразований, осуществленных в республике. В эти же годы в республике продолжалась целенаправленная политико-просветительная и культурно-массовая работа, направленная на искоренение архаичных черт быта дагестанских народов (выдача замуж несовершеннолетних, калым, двоеженство и др.). Параллельно продолжалась практика административно-уголовного преследования лиц, нарушающих право горянки на получение образования, равноправное участие в общественно-политической и семейной жизни.

Нередко факты ущемления прав женщин на получение образования, равноправное участие в общественно-политической и семейной жизни рассматривались в народных судах. Лица виновные в нарушении Закона, подвергались наказанию, в том числе и лишения свободы. Судебные процессы о нарушении советских законов, имевших целью утверждение равноправия женщины с мужчиной, находили широкое отражение на страницах республиканских периодических изданий. В 1936 г. в судах республики было рассмотрено 5 дел об убийствах горянок за участие в общественной жизни. За 1935 г. в Дагестане за дачу калыма, похищение девушек, брак с несовершеннолетними, двоеженство и другие аналогичные преступления было осуждено 74 человека, а за 1936 г. 158 человек. Только по одному Хасавюртовскому району прокуратурой было возбуждено по этой категории 40 уголовных дел.[1]

Однако к концу анализируемого периода факты неправильного отношения к женщине, преступления, в семейно-бытовой сфере в республике не были до конца преодолены. Сказывалась приверженность части населения к многовековым традициям, ставящим женщину в неравное с мужчиной положение.

Свадебно-похоронная обрядность дагестанских народов в рассматриваемый период, несмотря на развертывание властными структурами атеистической работы, не претерпела изменений.

Новшества наблюдались в праздничном календаре дагестанских народов. Несмотря на негативное отношение властных структур республики, коренное мусульманское население в подавляющей массе продолжало широко отмечать религиозные праздники – ураза-

[1] Дагестанская правда. 1937. 8 марта.

байрам, курбан-байрам и другие. В докладной записке заместителя начальника УНКВД ДАССР Волохова секретарю Дагестанского обкома ВКП(б) Н. Самурскому от 22 апреля 1935 г. «О праздновании праздника «Шахсей-Вахсей» в Дербенте, Махачкале и Хасавюрте» сообщалось: «Имеющиеся данные о прошедшем праздновании «Шахсей-Вахсей» свидетельствуют о том, что последние в текущем году прошли более оживленно по сравнению с прошлым годов. Если в прошлом году празднование имело место только в г. Дербенте, причем в значительно меньшем размере, то в этом году праздником «Шахсей-Вахсей», кроме Дербента, правда в меньшей степени, были охвачены гг. Махачкала и Хасавюрт.

В Махачкале только 13 апреля с города на кладбище собралось разновременно до 400 человек мусульман-шиитов с преобладанием женщин и детей, где продолжалось молебствие 3-4 часа. В этом случае там же на кладбище самоистязалось до 300 человек мужчин, которые били себя в грудь руками, а некоторые из них избивали себя цепями».[1]

В дни празднования ураза-байрама в селениях Кубачи и Шири Дахадаевского района в октябре 1940 г. религиозные авторитеты устроили массовое чтение Корана на кладбищах. На кладбище сел. Кубачи присутствовало при этом свыше 50% населения.[2] Аналогичные мероприятия прошли и в других районах и городах республики.

По инициативе и активном участии властных структур, общественных формирований, учреждений культуры в трудовых коллективах и по месту жительства в городах и сельских населенных пунктах все активнее отмечались и праздновались новые знаменательные даты и события: годовщина Октябрьской революции, 1 мая, 8 марта и т.д. В эти дни проводились торжественные собрания в трудовых коллективах, организовывались концерты профессиональных и самодеятельных художественных коллективов, проводились спортивные соревнования.

Анализ материала показывает, что в условиях реализации политики индустриализации и утверждения колхозного строя новые эле-

[1] Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.): Документы и материалы. С. 143.

[2] Там же. С. 143.

менты и составляющие все активнее проникали в быт тружеников города и села многонационального региона. Однако они были неадекватны социально-экономическим и политическим преобразованиям и изменениям в обществе. Многие коммунально-бытовые запросы и потребности городских и сельских семей республики не удовлетворялись еще в недостаточной степени. Наряду с новым в семейных отношениях и быту дагестанцев сохранялись, продолжали сосуществовать многовековые традиции в этой сфере.

Заключение

Проанализированный и обобщенный нами фактический материал позволяет осмыслить, оценить, воссоздать объективную картину модернизационных процессов в культуре народов Дагестана в конце XIX в. – 30-е годы XX в.

Окончание Кавказской войны, образование Дагестанской области в 1860 г. положили начало переходу царизма к активной политике утверждения своей власти в присоединенном крае.

Политика царизма в аграрном вопросе в Дагестане носила ярко выраженный классовый характер. Он всецело стоял на страже имущественных интересов феодального сословия.

В конце XIX в. развитие российского капитализма вширь все более охватывало окраины империи, оказывало свое влияние на аграрные отношения в таких сельскохозяйственных районах, каким являлся и Дагестан. Тем не менее, не следует переоценивать степень проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство горного края. Они получили развитие преимущественно в равнинной части Дагестанской области.

В конце XIX– начале XX вв. хозяйство горца все более ориентировалось на рынок. С учетом запросов и потребностей российского потребителя менялась структура и направление аграрного производства.

Развитие российского капитализма вширь привело к появлению и развитию капиталистической промышленности в Дагестане. Сильный толчок промышленному развитию, обеспечению доступа его продукции на российский и мировой рынки дало завершение Петровской линии Владикавказской железной дороги.

Несмотря на быстрый рост населения дагестанских городов в пореформенный период – Дербента, Темир-Хан-Шуры, Петровска, удельный вес коренного населения в них был невелик и составил по итогам всеобщей переписи населения империи 1897 г. 9,6%. Сказывалась ориентация основной массы дагестанцев к занятию традиционным сельскохозяйственным производством и сельскому укладу жизни. В конце XIX– начале XX вв. еще довольно значительная часть населения Дагестанской области была занята в кустарно-ремесленных производствах.

В своем поступательном развитии дагестанские народы создали и совершенствовали уникальную однотипную, самобытную культуру, которая обогащалась, впитывая достижения в духовной сфере других народов, и оказывала в свою очередь влияние на их культуру.

Распространение ислама и арабоязычной культуры сопровождалось созданием и развитием очагов мусульманского образования.

В 1913 г. в Дагестанской области мусульманских конфессиональных школ было 766 и в них обучалось 6727 человек. Дагестанцы приобщались к грамоте в основном в мусульманских конфессиональных школах.

Истории дагестанской культуры и общественной мысли известны имена целой когорты крупных ученых арабистов, которые пользовались большим авторитетом не только на Кавказе, но и на всем мусульманском Востоке.

XIXв. выдвинул ряд замечательных поэтов и певцов, вышедших из народа, тесно связанных с жизнью народа и запечатлевших в своем творчестве его думы и чаяния: Йирчи Казак (1830–1879), Етим Эмин (1838–1889), Омарла Батырай (1831–1910), Али-Гаджи из Инхо (1846–1891), Тажудин из Батлаича (Чанка) (1860–1909), Гасан Гузунов (1854–1944) и др.

Традиционно широкой популярностью среди дагестанцев пользовалась религиозная поэзия. Устно-поэтическое творчество и фольклор в XIX в. продолжали занимать важное место в культуре этносов горного края.

В жилище дагестанцев рассматриваемого периода преобладала двухчастная и трехчастная планировка: средняя комната – сени – хозяйственная, другая – повседневного обихода (семейная), третья – парадная.

Внутреннее убранство, как и размер дома горца, по мере усиления социальной дифференциации в дагестанском обществе стал значительно разниться с учетом общественного положения и материального благосостояния семьи.

В одежде народов Дагестана наблюдались существенные количественные и особенно качественные различия в зависимости от социального положения семьи.

Одним из самых архаичных оставался семейный быт дагестанских народов.

Объективная потребность развития экономики и политических процессов в стране и регионе вынуждали увеличивать финансирование просвещения из государственной казны. Это сопровождалось расширением сети светских учебных заведений в Дагестанской области на рубеже XIX– XX вв., увеличением контингента обучающихся в них.

Меры царской администрации по расширению числа светских учебных заведений в Дагестанской области, объективно, независимо от классовых целей царизма, способствовали привнесению новых начал в духовное развитие народов горного края.

Значительные усилия по созданию новых учебных заведений в Дагестанской области, приобщению горцев к светской системе образования и новым духовным ценностям прилагали передовые представители демократической русской интеллигенции.

Начало XX в. ознаменовалось появлением в Дагестане первых профессиональных учебных заведений.

Начиная с 60-х годов XIX в., для детей «почетных горских семей» Дагестана были открыты вакансии в учебных заведениях вне области. Они принимались и в высшие учебные заведения крупных городов России. Тем не менее, многим дагестанцам высшее образование оставалось недоступно.

Во второй половине XIX в. царизм, учитывая социально-культурные запросы и потребности населения Дагестана, приступило к развертыванию сети медицинских учреждений в крае, которые имели важное значение в деле организации квалифицированной медицинской помощи горцам.

Наряду с определенной поддержкой, стимулированием новых веяний и явлений в социально-культурном развитии дагестанских народов царизмом использовались и административные, запретительные меры.

В первые десятилетия XX в. под влиянием процессов, происходивших в дагестанском обществе, в дагестанской литературе все более усиливается реализм.

Модернизационные процессы не обошли стороной материальную культуру дагестанцев. Однако изменения и инновации в различных ее областях протекали с различной интенсивностью. Это обуславливалось степенью влияния новых общественных отношений на

те или иные стороны материальной культуры, на семейный и общественный быт.

Октябрьская революция 1917 г. и приход большевиков к власти знаменовали коренное изменение социально-классовой сути, целей и задач модернизационных процессов в стране.

В Дагестане, как и в других регионах страны, были конструированы новые властные структуры и институты, призванные организовать и развернуть целенаправленную работу по переустройству и развитию экономики и социально-культурной жизни народа на принципиально новых классовых началах и формах.

Осуществив национализацию промышленности, властные структуры Дагестана приступили к ее восстановлению, которое осуществлялось на принципах новой экономической политики.

Благоприятные перемены в индустриальном развитии, увеличение численности рабочего класса сказалось и на росте городского населения республики.

В виду живучести патриархально-феодальных отношений в дагестанском селе для аграрных преобразований в республике в 20-е годы был характерен более медленный темп развития, что отражалось на процессе осереднячивания крестьян.

В.И. Ленин и его соратники уделяли пристальное внимание разработке актуальных проблем культурной политики, осуществлению культурных преобразований и приобщению к духовным ценностям широких масс трудящихся, в том числе и преодолению отставания в культурном развитии народов бывших национальных окраин.

В выступлениях вождя большевистской партии, партийно- государственных документах первых лет советской власти делается акцент на необходимость учета национальной специфики и отличий, более медленных темпов социально-экономических, культурных и иных преобразований в бывших отсталых национальных регионах страны. Однако практика реализации культурной политики большевиков в них претерпела немалые изменения в последующие годы.

Властные структуры Дагестана на первых порах, стремясь найти понимание и поддержку у широких масс горцев, всячески демонстрировали свое лояльное, доброжелательное отношение всему, что было связано с мусульманской религией. Несмотря на серьезные экономические трудности, лишения, переживаемые горцами в первые годы

советской власти, в Дагестане наблюдался устойчивый рост конфессиональных учебных заведений.

С середины 20-х годов отношение властных структур Дагестана к конфессиональным учебным заведениям, традиционной арабоязычной культуре и его носителям изменилось, оно стало резко отрицательным.

К началу 30-х годов деятельность мусульманских конфессиональных учебных заведений в Дагестане прекратилась.

В апреле 1927 г. постановлением ЦИК и СНК ДАССР были ликвидированы шариатские суды всех инстанций, созданные в 1920 г. Несмотря на это, нормы шариата продолжали играть важную роль в жизни дагестанских народов и в последующий период, особенно в брачно-семейных отношениях.

III сессия ЦИК ДАССР (ноябрь 1929 г.) приняла решение «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинский алфавит».

В 1929 г. решением ЦИК ДАССР дагестанский алфавит был переведен с арабской графики на латинский.

В 20-е годы в республике не утихала полемика о языке школьного обучения, делопроизводства. Вплоть до 1928 г. в принятых властными структурами Дагестана решениях недооценивалась роль родных языков в экономическом, социальном и культурном развитии республики.

Целенаправленная работа властных структур, Наркомпроса республики по развитию новой системы образования обеспечило неуклонное увеличение сети общеобразовательных школ и учащихся в них. Позитивно на этот процесс влияло и развертывание социально-экономических и политических преобразований в многонациональном регионе, которые сказывались на умонастроениях и взглядах горцев, на отношении многих из них к получению нового светского образования.

В начале 20-х годов было положено начало среднему специальному образованию в Дагестане.

Учитывая острую нехватку квалифицированных специалистов, властные структуры Дагестана в разрешения директивных органов с первых же лет советской власти начали отправлять представителей

местной молодежи для продолжения образования в вузы и техникумы других регионов страны.

Обком ВКП(б) и СНК республики, исходя из директивных установок, уделяли большое внимание социальному происхождению и положению студентов.

Интеллигенция Дагестана пополнялась и специалистами высшей и средней квалификации, направляемыми в республику различными центральными министерствами и ведомствами.

Одновременно с развертыванием работы по созданию новой системы образования властные структуры Дагестана взялись за создание культурно-просветительных учреждений, организации и развертыванию в них культурно-просветительной и политико-массовой работы. Однако создание и развертывание деятельности очагов культуры в республике было сопряжено значительными трудностями: это нехватка средств, отсутствие помещений и подготовленных людей для открытия и налаживания деятельности культурно-просветительных учреждений.

Часть местного коренного населения в первые годы становления новых общественных отношений была настроена в отношении их негативно, отказывалась посещать культурно-массовые мероприятия, считая это греховным занятием.

Работа по обучению грамоте взрослого населения республики, как и в других национальных регионах страны, должна была вестись на русском или родных языках местных народов. Осуществление намеченных задач в области ликвидации неграмотности взрослых наталкивалось на огромные трудности. Главные из них были связаны с острой нехваткой преподавателей. букварей, других учебных пособий и т.д.

Крайне отрицательно на развертывание работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения влияло нежелание, зачастую и прямой отказ многих горцев в первые годы советской власти обучатся светской грамоте.

Внутреннее убранство жилище дагестанских народов в первое десятилетие советской власти не претерпело существенных изменений. Одежда горца Дагестана почти не изменилась. Пища народов республики сохраняла национальные особенности и колорит.

20-е годы характеризовались определенными изменениями в быте и укладе жизни дагестанских народов. Однако в силу острой нехватки средств, живучести патриархальных обычаев и традиций среди горцев они происходили медленнее. В этот период они больше обозначились.

Несмотря на позитивные изменения в развитии здравоохранения, больниц и других учреждений здравоохранения, медицинского персонала в республике в 20-е годы остро не хватало.

В первое десятилетие советской власти определенной трансформации начали подвергаться семейно-бытовые обычаи и традиции дагестанских народов. Семейная обрядность же дагестанских народов оставалась практически неизменной.

В годы предвоенных пятилеток в республике возникли хорошо оснащенные предприятия машиностроительной, нефтяной, текстильной, пищевой и других отраслей промышленности.

Позитивные изменения в наращивании индустриального потенциала республики в 30-е годы обуславливали высокие темпы прироста городского населения, которое по составу населения являлось интернациональным. Это создавало благоприятные возможности и условия для духовного взаимообогащения, восприятия новых духовно-нравственных ценностей, пропагандируемых в стране.

Несмотря на то, что по уровню социально-экономического развития дагестанское село не было готово к осуществлению политики сплошной коллективизации, партийные и советские органы республики, руководствуясь директивными установками, приступили к ее развертыванию.

Осуществление организованного переселения горцев на равнину способствовало их переходу к новым формам хозяйствования и усилению интереса к светскому образованию, новым духовным ценностям.

Колхозы Дагестана к концу 30-х годов стали основными производителями сельскохозяйственной продукции.

В 1932/33 учебном году дагестанская общеобразовательная школа в основном завершила переход к всеобщему обязательному начальному обучению подрастающего поколения. Однако этот результат во многом был достигнут волевыми решениями властных структур республики по выполнению директивных установок о введении

начального всеобуча. Хотя ими в ходе осуществления школьно-образовательной политики на данном этапе продолжали активно использоваться административный нажим и произвол, противодействующим развитию новой образовательной системы, население в значительной части все больше начинает осознавать важность получения современного образования и постепенно включалось в школьное строительство.

Особое значение в плане модернизации традиционной культуры дагестанских народов и приобщении их к современной культуре имели позитивные результаты, достигнутые в увеличении числа семилетних и средних школ, охвате ими детей школьного возраста в сельской местности республики. Вместе с тем, серьезной проблемой в дагестанском селе оставался охват старшими классами общеобразовательных школ девочек-горянок.

В 1938 г. письменность народов Дагестана с латинской была переведена на русскую графическую основу. Эта мера оказала огромное влияние на духовное развитие дагестанских народов, в том числе и на деятельность общеобразовательной школы республики.

В 30-е годы властные структуры республики, исходя из директивных установок, продолжали уделять пристальное внимание регулированию социально-классового состава студенчества. В начале 30-х годов в Дагестане было положено начало развитию высшего образования. Вузы республики продолжали увеличивать прием студентов. Однако, несмотря на усилия властных структур, Наркомпроса, доля представителей местных народностей в составе студенчества вузов оставалось недостаточной.

Несмотря на очевидные и бесспорные успехи в развитии специального образования и подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием в республике в 30-е годы, объемы подготовки кадров высшей и средней квалификации были несоразмеримы с потребностями в них. Дагестан продолжал испытывать острую нехватку кадров со специальным образованием. С учетом этого была сохранена система брони для дагестанской молодежи в вузах, техникумах и других учебных заведениях центральных регионах страны.

Темпы формирования и развития новой интеллигенции в республике в 30-е годы заметно возросли.

Значительный урон был нанесен интеллигенции Дагестана в ходе массовых репрессий, развязанных в стране в 30-е годы. Еще ранее, с конца 20-х годов аресты и репрессии были обрушены на носителей традиционной арабоязычной культуры народов Дагестана, которые преследовали цель отрыва дагестанских этносов от традиционной арабоязычной культуры.

Несмотря на имеющиеся трудности и нерешенные проблемы в развертывании сети и организации деятельности, в 30-е годы в республике была создана разветвленная сеть новых очагов культуры, нацеленных на приобщение горцев к новым духовным ценностям. Свою деятельность культурно-просветительные учреждения наряду с городами все активнее разворачивали в дагестанском селе.

Однако к концу 30-х годов систематической культурно-массовой работой в республике не охватывалась значительная часть населения, прежде всего сельского. Сказывалось неприятие определенной частью населения, особенно старших возрастов новых форм проведения досуга. Негативно на этот процесс влияла и слабость материальной базы культурно-просветительных учреждений, невысокий художественно-эстетический уровень значительной части культурно-массовых мероприятий.

В условиях быстрого повышения грамотности и образовательного уровня всех слоев и категорий дагестанского общества неуклонно росло влияние периодических изданий многонационального региона на развитие отраслей материального производства, формирование и удовлетворение новых культурно-эстетических запросов и потребностей, информирование тружеников города и села о событиях внутри страны и на международной арене.

В 30-е годы в республике было полностью прекращено издание религиозной, религиозно-философской и иной литературы на арабском языке.

Второе десятилетие советской власти характеризовалось дальнейшим усилением роли радио в жизни дагестанских народов.

30-е годы явились периодом создания и творческого становления национальных театров в Дагестане. Это десятилетие явились важным этапом и в развитии музыкального искусства республики, характеризовалось заметной активизацией творческих поисков дагестанских художников.

Послеоктябрьский период характеризовался усилением творческой активности мастеров художественного слова дагестанских народов.

К началу Великой Отечественной войны острота жилищной проблемы в городах и рабочих поселках Дагестана в силу относительно быстрого роста численности их жителей не снижалась. Многие рабочие семьи продолжали ютиться в коммунальных квартирах и бараках. Постепенно происходила трансформация жилища сельского жителя. В связи с распадом больших многопоколенных семей количество комнат в домах сокращалось. Они становились просторнее, все чаще обставлялись фабричной и заводской мебелью, утварью.

Одежда горца в довоенный период представляла собой своеобразное сочетание элементов традиционной одежды и новой, проникшей из города.

Являясь одной из самых консервативных областей материальной культуры, пища народов Дагестана в 30-е годы претерпела определенные изменения, связанные с усилением межэтнических контактов и социально-экономическими преобразованиями.

В 30-е годы широкодоступной стала клинико-диагностическая и специализированная врачебная помощь не только тысячам горожан, но и многим сельским жителям в городских учреждениях здравоохранения.

Эти годы характеризовались нарастанием изменений и в семейно-бытовой сфере дагестанских народов. Однако к концу анализируемого периода факты неправильного отношения к женщине, преступления, связанные с семейно-бытовой сферой в республике не были до конца преодолены.

Свадебно-похоронная обрядность дагестанских народов в 30-е годы не претерпела изменений.

Несмотря на негативное отношение властных структур республики, коренное мусульманское население в подавляющей массе продолжало широко отмечать религиозные праздники – ураза-байрам, курбан-байрам и др. По инициативе и активном участии властных структур, общественных формирований, учреждений культуры в трудовых коллективах и по месту жительства в городах и сельских населенных пунктах все активнее отмечались, праздновались и новые знаменательные даты и события.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакарова Ф., 41
Абдул Муслим, 104
Абдул-Ибрагим-оглы, 30
Абилов А.А., 8, 250, 277, 291, 297, 314, 317
Абубекер из Аймаки, 38
Абусуфьян, сын Акая, 44, 45, 284, 285
Адам, 45
Азимов М.М., 223, 305, 334
Али-Гаджи из Инхо, 39, 42, 339
Алиев А.И., 228
Алиева В.Ф., 330
Аликишиев Р.Ш., 133
Ананьева Е.С., 8, 180, 184, 188, 189, 269, 290, 297, 318
Асвацатуров, 27
Астафьев А.Д., 209
Астемиров Б., 185, 187, 284, 313
Афанасьев, 93
Ахмедзиявутдин, сын Тагир-гаджи, 285
Бабаев, 230, 306,
Баймурзаев А.Б., 145, 146
Баранов И.Ф., 26
Башкиров А.С., 30
Белявский, 82
Булатов Б.Б., 3, 9, 25, 28
Булатова А.Г., 94
Вагабов М.М., 32, 223, 305, 334
Вадковская Ю.В., 209, 210
Васильевская О.В., 214
Верди Д., 188
Воронов Н.И., 57, 59
Гавриленко, 100
Гаджиев В.Г., 9, 32, 65, 71, 75, 76, 80, 87
Гаджиева Л.А., 329
Гаджиева С.Ш., 54, 55, 92, 93, 94, 208, 211, 325, 326
Гамзалов, 103
Гамзатов Г.Г., 33, 42, 88, 89, 313, 315
Гамидов М., 191, 305, 306
Гасанов, 9, 27, 32, 104, 149, 290, 310
Гасанова А.И., 170, 196
Гасан-Эфенди из Кудали, 38
Гашаров Г.Г., 41
Георгиев В.А., 5
Георгиева Н.Г., 5
Гольдер, 203
Горбунов В.В., 124
Гусейнов Д.И., 110
Давди, 48
Далгат Э.М., 16
Дамадан, сын Якуба, 38
Даниялов А.Д., 131, 132, 147, 150, 155, 161
Даниялов Г.-А.Д., 9, 106, 107, 109, 110, 129, 138, 164, 182, 205, 222, 224, 226, 295, 318, 320, 332, 333
Дауд из Карабудахкента, 38
Дауд из Усиша, 38
Дестебеков Н.Я., 222
Джамал, 104
Джанбек, 104
Заид из Куркли, 38
Зуськов, 230, 231
Ибрагимов М.-Р.А., 29
Ибрагим-оглы, 30
Исаев А.А., 45, 81, 82
Искендеров Г.А., 3, 9, 140, 237
Исмаилов А.Р., 8, 129, 164, 194, 201, 242, 263, 268
Казанбиев М.А., 97, 99, 100, 103, 131
Казбеги, 88

Каймаразов Г.Ш., 3, 8, 34, 36, 41, 42, 66, 67, 69, 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 82, 84, 88, 104, 128, 141, 149, 157, 159, 165, 166, 169, 171, 175, 177, 178, 180, 181, 185, 186, 189, 191, 195, 196, 198, 200, 201, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 252, 254, 257, 260, 263, 264, 265, 267, 273, 275, 276, 278, 280, 281, 286, 290, 294, 298, 299, 303, 304, 305, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 316, 334
Какагасанов Г.И., 137
Караева Д.К., 212, 322
Кариб, 100
Качалов, 103
Квиринг, 100
Киров С.М., 153, 202
Кичев М.И., 197
Ковалев, 100
Кодотлов Исмаил, 104
Козубский Е.И., 14, 65, 66, 67, 68, 73
Кривенко В.С., 26
Ленин В.И., 16, 19, 108, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 133, 134, 147, 174, 192, 203, 299, 341
Лобачевский, 27
Магидов Х.Г., 8
Магидов Ш.Г., 151, 156
Магомед, сын Хусейна из Гидатля, 44
Магомедов, 43, 142, 163, 230, 265, 300, 306, 312, 313, 315
Магомедханов М.М., 29, 86
Маллахасан, сын Хусейна из Чара, 44
Мамсиров Х.Б., 97, 105, 153
Мансуров М.Х., 22
Марченко Г.В., 96
Масленников В., 112
Махад из Чоха, 38
Махмуд, 30, 77
Махмуд Муфти Заде-оглы, 77
Мелешко А.Г., 18
Менделеев Д.И., 24
Милованов Г.И., 225
Мирза-Али из Ахтов, 38
Мирзабеков М.Я., 3, 180, 184, 188, 189, 197, 223, 244, 250, 255, 260, 269, 274, 280, 286, 289, 290, 292, 293, 295, 297, 303, 305, 306, 307, 318, 334,
Мулла Сеид кадий, 162
Мурадис Шалап, 104
Мусаханова Г., 44
Мута, 104
Надирадзе А.А., 28
Нахшунов И.Р., 13, 21, 31
Нурмагомед из Хунзаха, 38
Омаров, 35, 72, 73, 86, 103
Орлов А.С., 5
Осман, 48
Османов А.И., 9, 106, 108, 112, 115, 224, 233, 234, 235, 238
Османов Г.Г., 15, 18, 106, 233
Пашаева А.Г., 208
Полин, 100
Рамазанов А.Х., 25
Рамазанов Х.Х., 20, 23, 28, 32, 55
Рашкуев Араби, 104
Саид-Ибрагим из Гидатля, 38
Свистунова А.И., 9
Сергеева Г.А., 94
Сивохина Т.А., 5
Смирнова, 100
Сталин И.В., 99, 101, 123, 152, 231, 236, 333
Сулаев И.Х., 134
Сулейман Гаджи, 102
Тажудин из Батлаича, 39, 43, 339
Тайгиб, сын Омара, 37
Тимушев Л., 185
Тихонов Н., 41, 316
Трахтман Я.Н., 214

Туземец, 35
Тульчинский Н.П., 17
Умар, 44, 45
Умар-хаджи, сын Зияудина из Миатли, 44
Услар П.К., 34, 53, 72, 86
Уста-Халил, 55
Фрезе, 26
Хайбуллаев С.М., 40
Халилов, 85
Чемандур, 30
Чумаков А.В., 193
Шаабан, сын Исмаила, 37
Шахбан, 104
Шахиджанов, 27
Шихалиев Д.М., 94
Шихов Магомед, 104
Шихсаидов А.Р., 55, 72, 81 .
Эфендиев А., 128, 176, 178, 180, 274, 281,
Юнаева В.Д., 3, 180, 184, 188, 189, 269, 290, 297, 318
Юсуп-кади из сел. Торкали, 285
Юсупова Ч.С., 46
Якубов М., 54

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Агач-аул, 188
Адыгея, 264
Азербайджан, 26, 76, 123, 154, 166, 203, 231, 291, 292,
Аксай, 237
Анджи-Арка, 32
Андийское Койсу, 106
Ахвах, 223
Ахты, 54, 71, 196, 223, 230, 296, 297, 305
Ахульго, 46
Ачикулак, 190, 296
Ачикулакский район, 116, 140, 232, 269, 283, 294
Ачи-Су, 224, 227, 333, 371
Баку, 32, 154, 221, 226
Балкария, 264
Башлы, 25, 184
Бежта, 223
Белиджи, 32, 230, 231, 334
Ботлих, 31, 188, 196, 223, 296
Буйнакск, 106, 165, 166, 167, 175, 177, 181, 190, 191, 196, 201, 203, 212, 223, 272, 285, 286, 294, 297, 307, 321, 332, 333
Бутри, 194, 285
Варсит, 227
Верхнее Арши, 194
Верхний Дагестан, 14
Владикавказ, 17, 275
Воронеж, 28
Голотль, 188
Гори, 75
Горный Дагестан, 14, 31, 113,129, 200
Грозный, 11, 31, 221, 226
Губден, 188, 205, 206 .
Гуниб, 31, 71, 72, 88, 188, 227
Дагестан, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 61,62, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 73, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 88, 92, 93, 94, 96, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 181, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 345, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354
Дагестанская АССР, 11, 12, 13, 29, 103, 105, 116, 147, 154, 191, 313, 314
Дагестанская область, 13, 14, 29, 36
ДАССР, 10, 11, 109, 110, 113, 114, 117, 127, 131, 134, 139, 140, 141, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 159, 162, 163, 167, 173, 176, 177, 179, 181, 182, 183, 184, 189, 190, 195, 197, 201, 205, 207, 208, 219, 221, 224, 233, 237, 241, 247, 250, 251, 252, 253, 254, 257, 274, 276, 277, 280, 288, 296, 297, 298, 309, 312, 315, 319, 326, 341, 342, 349
Дербент, 20, 21, 22, 26, 27, 28, 29, 32, 65, 68, 73, 74, 75, 79, 82, 83, 87, 106, 132, 166, 167, 175, 177, 180, 184, 187, 189, 194, 196, 203, 205, 208, 212, 223, 224, 261, 286, 288, 294, 297, 301, 308, 321, 332, 333, 336, 338,
Дешлагар, 68, 69, 71
Дылым, 223, 227
Закавказье, 19, 23, 137, 152, 154,
Закатальский район, 236
Кавказ, 13, 15, 16, 23, 24, 26, 27, 34, 37, 53, 60, 64, 65, 66, 67, 69, 71, 77, 84, 85, 87, 96, 97, 123, 134, 339
Казахстан, 234
Кайтаго-Табасаранский округ, 15, 22, 25, 26, 36, 68, 75, 79, 80, 104, 127, 141, 162, 165, 166, 183, 184, 196, 197, 203, 204
Карабудахкент, 38, 79, 188, 216,
Карачаево-Черкесия, 264
Каспийск, 227, 333
Касумкент, 22, 68, 69, 79, 166, 196, 223, 230, 231
Кахиб, 30, 188
Кахский район, 236
Каякент, 25, 32, 79, 184, 224, 333
Кварельский район, 236
Кизляр, 27, 106, 116, 181, 190, 294, 321
крепость Хунзах, 188
Кубачи, 30, 336
Кумторкала, 188, 288, 291
Кумторкалинский район, 249, 270, 288, 291, 292
Кумух, 68, 71, 72, 77, 88, 227, 285, 296, 308,
Кутиша, 194
Кюринский округ, 15, 22, 26, 68, 75, 113, 114, 139, 166, 194, 203
Леваши, 31, 98, 188, 196, 223
Ленинкент, 112
Маджалис, 22, 184, 190, 196, 223
Махачкала, 2, 8, 9, 12, 13, 13, 16, 17, 20, 22, 23, 25, 27, 29, 30, 32, 33, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 50, 55, 56, 57, 69, 76, 83, 84, 87, 96, 97, 99, 101, 103, 105, 107, 109, 111, 112, 114, 116, 117, 118, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 141, 144, 148, 155, 158, 161, 167, 168, 175, 177, 180, 181, 183, 185, 189, 192, 193, 196, 197, 203, 207, 210, 213, 215, 218, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 233, 234, 235, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 249, 252, 255, 259, 266, 272, 276, 277, 278, 279, 280, 287, 288, 289, 293, 294, 302, 306, 310, 311, 314, 317, 321, 327, 328, 332, 334, 335, 336, 338, 339, 340, 341, 342, 343
Мехельта, 223
Москва, 26, 75, 76, 82, 105, 106, 158, 178, 181, 200, 203, 226, 228, 292, 314, 317
Нижний Дженгутай, 70, 80, 268, 288, 292
Нижний Новгород, 28
Огни, 212, 333
Петровск, 14, 25, 27, 28, 29, 31, 32, 72, 74, 79, 82, 83, 97, 132, 189, 195, 205, 206, 338
пос. Акташ-Кордон, 114
пос. Ахундовка, 114
пос. Баброк, 114
пос. Боровский, 114
пос. Кокрек, 114
пос. Львовские номера, 114
пос. Уч-авлак, 114
пос. Шушановка, 114
Ричаганик, 106
Россия, 5, 8, 9, 13, 20, 22, 26, 27, 28, 31, 49, 56, 65, 76, 86, 96, 101, 118, 119, 122, 123, 125, 162, 204, 310, 340
Ростов, 5, 13, 22, 153, 178, 226, 264, 307

РСФСР, 103, 105, 108, 113, 116, 121, 123, 136, 144, 148, 152, 164, 169, 173, 180, 192, 193, 196, 200, 217, 235, 244, 255, 258, 259, 276, 290
Рутул, 223
Сагры, 223
Салты, 46
Самуркент, 112, 113, 114, 230
Северная Осетия, 264
Северный Дагестан, 14, 66
Северный Кавказ, 8, 11, 19, 37, 69, 87, 98, 99, 103, 105, 137, 152, 153, 154, 202, 263, 277, 329
сел. Акуша, 163, 216, 223, 285, 296
сел. Андых, 140
сел. Атлы-буюн, 16, 43, 112
сел. Берикей, 25, 26
сел. Гогатль, 139
сел. Доргели, 85, 205, 206, 268
сел. Дучи, 230
сел. Зибиркали, 139
сел. Кадар, 64, 205, 206
сел. Казанище, 85, 201
сел. Казикумух, 22, 188, 190, 196
сел. Кака, 288
сел. Кикуни, 142
сел. Коркмасовка, 230
сел. Костек, 216
сел. Сода, 265
сел. Тарки, 16, 188
сел. Турач, 229
сел. Червленная, 216
сел. Чирюрт, 227, 236
сел. Чонта, 288
сел. Эрпели, 233
Сибирь, 40, 48, 85
Средний Дагестан, 14
СССР, 13, 29, 109, 129, 132, 133, 134, 149, 154, 159, 164, 172, 174, 179, 180, 220, 222, 227, 235, 236, 251, 254, 268, 277, 280, 281, 285, 298, 314, 317, 318, 283, 299, 304, 309, 312, 314, 318, 323, 326, 328, 330
США, 228
Тарки, 188
Тарковское шамхальство, 23
Темир-Хан-Шура, 20, 29, 31, 44, 45, 65, 71, 72, 74, 79, 82, 83, 85, 97, 98, 101, 143, 166, 180, 181, 183, 187, 188, 189, 194, 204, 205, 338
Тлох, 188, 223
Унчукатль, 188, 283
Харахи, 37, 188
Харьков, 22, 28, 75, 76
Хасавюртовский округ, 15, 23, 113, 114, 116, 134, 181, 191, 216, 232, 235, 243, 249, 283, 309, 335
Хунзах, 20, 31, 38, 72, 188, 196, 307
Цудахар, 188, 194, 196, 209
Цумада, 106, 223
Чечня, 46, 196, 264
Чирюрт, 25, 68, 227, 236
Чох, 38, 46, 88, 115, 188, 196
Шаури, 283, 322
Шиляги, 227

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Традиционное и новое в культуре народов Дагестан в 90-е годы XIX в. – 1917 г. 13

§ 1. Социально-экономические отношения и экономика народов Дагестана 13
§ 2. Традиционная культура дагестанцев. 32
§ 3. Зарождение и развитие новых элементов в культуре дагестанских народов 54

Глава II. Разработка и начало осуществления политики советской модели модернизации культуры в Дагестане в 20-е годы XX в. 96

§ 1. Экономические и политические условия модернизации социально-культурной жизни народов Дагестана 96
§ 2. Национально-культурная политика Советского государства и деятельность органов власти республики по ее реализации 116
§ 3. Проблемы мусульманской системы образования и особенности функционирования исламского права (шариата) в новых условиях 133
§ 4. Изменения в развитии письменных традиций 151
§ 5. Создание новой системы образования 161
§ 6. Специфика формирования новых культурных потребностей. Развертывание внешкольной системы образования 182
§ 7. Усиление новых составляющих в материальной культуре и быте дагестанских народов 202

Глава III. Тенденции и направления модернизации культуры народов Дагестана в 30-е годы XX в. 219

§ 1. Изменение социально-экономических отношений и развитие экономики многонационального региона 219
§ 2. Нарастание новых составляющих образования 238
§ 3. Дальнейшее усиление нового в духовном облике дагестанцев 286
§ 4. Традиционное и новое в быте тружеников города и села 316

Заключение 337
Указатель имен 347
Указатель географических названий 350

Научное издание

Мирзабек Яхьяевич Мирзабеков

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)

Технический редактор *Н.В. Эседуллаева*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Сдано в набор 1.06,10. Подписано в печать 29.06.10.
Формат 60x84 1/16.Бумага офсетная № 1. Гарнитура. «Times»
Печать офсетная. Усл.п.л. 20,69. Тираж 500 экз.
Заказ № 130. Цена свободная

Учреждение Российской академии наук Институт истории,
археологии и этнографии ДНЦ РАН
367030 Махачкала, ул. Ярагского, 75

Издательско-полиграфическая фирма «Наука» ДНЦ
367015 Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10